РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
...ТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

МАРТЪ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портреты: Александра Висваріоновича Комарова, Патти, Лукка и Ирины Ивановны Онноре.

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ, б) Поле сраженія при Кушкѣ и в) карта земельныхъ пріобрѣтеній въ Закаспійской области.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва н. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1910 года.

Александръ Виссаріоновичъ
Комаровъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

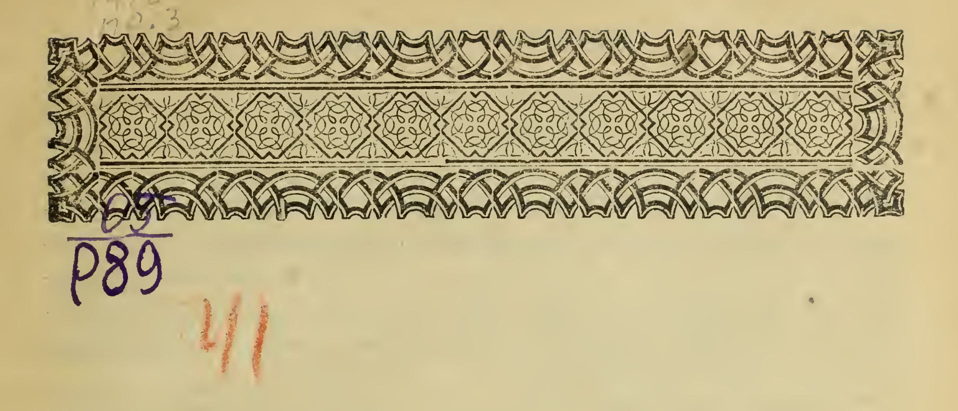
Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.— „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. **Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій**—„Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой**—Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной**—„Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.“ **Ю. Д. Татищевъ**—„Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ**—„Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ**—„ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ**—„Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—„Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864 — 1909 г. г.).

ГЛАВА IV[1]).

Новая поѣздка въ Лондонъ лѣтомъ 1875 г. для занятія въ Британскомъ музеѣ. Знакомство съ В. С. Соловьевымъ и его характеристика: мистицизмъ и равнодушіе къ жизни и человѣческимъ интересамъ.—М. М. Ковалевскій и его характеристика: удивительный образецъ трудолюбія и жизнерадости.—Мои профессора товарищи въ Москвѣ: В. А. Умовъ, А. С. Павловъ, С. А. Муромцевъ и др.—Защита докторской диссертаціи въ 1876 году и выборы въ ординарные профессора.—Двѣ новыхъ поѣздки въ Британскій музей.—Моя переписка съ женой изъ Лондона въ Крейцнахъ въ 1877 г. Н. П. Боголѣповъ, Алисовъ, Яблочковъ и пр.—Продолженіе работы надъ вторымъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли“.—Мои журнальныя статьи и изслѣдованія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“: 1. „Ливерпульская Ассоціація финансовыхъ реформъ“. 2. „Дѣтскій и Женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. 3. „Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?“. 4. „Промышленная статистика и фабричное законодательство“. 5. „О табачной монополіи въ Европѣ“. 6. „Англійская политика въ Ирландіи“. 7. „Англійскіе кабатчики“. 8. Новый типъ англійскаго „радикализма“. 9. „Возрожденіе Мальтузіанства“. 10. „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога въ Англіи и Россіи“—и многія другія...

Въ маѣ мѣсяцѣ предстояло рѣшить, какъ проводить лѣто 1875 г. Къ сожалѣнію, родители моей жены почему-то не могли въ это лѣто оставаться въ своемъ имѣніи, которымъ мы потомъ, позднѣе, нѣсколько разъ пользовались какъ дачей. Кромѣ того подъ самой Москвой врачи не рекомендовали особенно оставаться ради ослабѣвшаго организма такому не крѣпкому отъ природы человѣку, какъ моя жена. Съ другой стороны, успѣхъ моей магистерской диссертаціи, похвалы со всѣхъ сторонъ и собственное сознаніе говорили мнѣ о необходимости постараться ускорить писаніе докторской диссертаціи. Начавши съ исторіи косвенныхъ налоговъ въ Англіи и оцѣнивши по достоинству выгоды Британскаго музея, я естественно пришелъ къ выводу, что для докторской диссертаціи необходимо мнѣ избрать

[1]) См. „Русская Старина“ 1910 г. февраль.

предметомъ другой косвенный налогъ—таможенныя пошлины, но, какъ всѣмъ извѣстно, таможенныя пошлины имѣютъ двоякую задачу: во-первыхъ, общую со всѣми налогами,—удовлетвореніе государственныхъ потребностей, во-вторыхъ—полицейскую цѣль, улучшеніе и поднятіе своей собственной промышленности. Я остановился на общей задачѣ, прослѣдить, пользуясь богатствами Британскаго музея, исторію развитія идеи свободной торговли и протекціонизма, оставляя разборъ изслѣдованій фискальныхъ цѣлей, впредь до будущаго, безъ вниманія.

Остановившись такимъ образомъ на темѣ и обдумавши нѣсколько общій планъ труда, впослѣдствіи впрочемъ, нѣсколько разъ измѣненнаго, я пришелъ къ заключенію о необходимости, опять пользуясь длиннымъ вакатомъ, мѣсяца на четыре ѣхать въ Лондонъ, въ стѣны милаго Британскаго музея для собиранія матеріала и работы.

Чтобы не нуждаться по-прежнему въ Лондонѣ, что было бы пагубно для слабаго организма только что вставшей съ одра болѣзни жены, я позаботился нѣсколько о расширеніи нашихъ матеріальныхъ средствъ. Во-первыхъ, намъ помогла одна добрая знакомая, большой другъ отца моей жены, ссудившая намъ нѣсколько сотъ рублей, а затѣмъ я обезпечилъ себѣ постоянную работу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ у Скворцова, съ которымъ, безполезно говорить, вполнѣ примирился, кажется, черезъ посредство того же безцѣннаго А. И. Чупрова. Я разсчитывалъ, что и оправдалось на дѣлѣ, что работая нѣсколько меньше напряженно, перемежая трудъ прогулками и при лучшемъ питаніи, мы съ женой поправимся къ осени отъ всѣхъ болѣзней и напастей и вернемся, собравши значительный матеріалъ для будущей диссертаціи, восвояси, здоровые и веселые, что въ дѣйствительности и осуществилось.

Незадолго передъ отъѣздомъ я былъ съ прощальнымъ визитомъ у почтеннаго ректора того времени Сергѣя Михайловича Соловьева, противъ котораго какъ разъ въ это время строилъ ковы и интриги кружокъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ, Леонтьевъ и К°, что кончилось сверженіемъ его съ ректорства. С. М. въ концѣ вечера отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ интимнымъ образомъ: „Вотъ вы теперь ѣдете въ Лондонъ, какъ сообщали, гдѣ скоро будетъ мой сынъ Володя. Знаете вы его?“ Я сообщилъ, что видѣлъ лишь одинъ разъ. „Онъ мальчикъ хорошій“, сообщилъ почтенный историкъ, „но жить еще не умѣетъ, проживаетъ очень много отъ неопытности; его обираютъ. Не будете ли вы такъ добры, если встрѣтитесь, а это навѣрное возможно, если пожелаете, позаботиться объ его устройствѣ и помочь ему, въ виду его неопытности.

Вы меня очень обяжете, и я буду покойнѣе, зная, что около него будетъ человѣкъ, дружественно расположенный помочь ему въ случаѣ нужды". При этомъ онъ подозвалъ свою супругу, которая подтвердила его просьбу. Разумѣется, я обѣщалъ со своей стороны оказать возможную любезность В. С., на сколько это будетъ отъ меня зависѣть.

Какъ я объяснилъ вполнѣ точно отцу, мое знакомство съ сыномъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ, въ то время ограничивалось лишь однимъ какимъ-то мимолетнымъ свиданіемъ, при чемъ онъ меня заинтересовалъ своей обаятельной, симпатичной наружностью и веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, который впрочемъ раздавался изрѣдка. Все же, что я о немъ слышалъ тогда въ томъ кружкѣ, гдѣ я вращался, скорѣе говорило противъ него, нежели за. Магистерская диссертація его „Противъ позитивизма" претила мнѣ уже потому, что я самъ былъ немного позитивистъ, а самое главное, въ Москвѣ всѣ открыто разсказывали, что В. С. пріятель Любимова и Леонтьева, явныхъ враговъ своего почтеннаго и уважаемаго родителя, и не стѣсняется де бывать тамъ, гдѣ на него (т. е. отца) открыто клевещутъ. Насколько это была правда, я конечно не знаю, но несомнѣнно, что уже дальше при встрѣчѣ своей со мной за границей, В. С. не скрывалъ своей близости съ кружкомъ, для меня крайне противнымъ —„Московскихъ Вѣдомостей"—и даже разъ, по какому-то не помню случаю, предлагалъ мнѣ наивно протекцію у Любимова!!!

И такъ, я имѣлъ относительно личности и достоинства молодого Соловьева аргументы и за и противъ него, отношеніе весьма далекое отъ того обожанія всѣхъ его качествъ, которое образовалось въ послѣдніе годы его жизни въ кружкѣ „Вѣстника Европы", къ которому отчасти, пожалуй, примкнулъ и я, въ виду огромныхъ перемѣнъ, замѣтно въ немъ происшедшихъ, въ смыслѣ улучшенія всего его нравственнаго облика.

Нужно было такъ пошутить судьбѣ, что первое знакомое лицо, которое мы съ женой увидѣли въ Лондонѣ, по пріѣздѣ, былъ именно Владиміръ Соловьевъ. Утромъ мы пріѣхали въ Лондонъ на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Дувръ. Вечеромъ послѣ обѣда вышли съ женой прогуляться на одну изъ лучшихъ лондонскихъ улицъ „Piccadilly" и у одного изъ ближайшихъ магазиновъ увидали, почти одновременно, длинную меланхолическую фигуру В. С., задумчиво взиравшую на какой-то предметъ за стекломъ и около него юркую фигуру, несомнѣнно еврейскаго происхожденія, ныряющую во всѣ стороны. Мы окликнули, оказалось дѣйствительно онъ. Изъ разспросовъ, давно ли онъ пріѣхалъ, что подѣлываетъ, оказалось, что онъ тоже пріѣхалъ лишь сегодня, но въ отличіе отъ насъ,

проживавшихъ въ дешевыхъ комнатахъ м-рсъ Сиггерсъ, онъ остановился въ дорогомъ аристократическомъ отелѣ, гдѣ къ нему немедленно заботливой администраціей при гостиницѣ былъ приставленъ, въ качествѣ новичка, чичероне, русскій еврей, чуть не за фунтъ въ день, который и не отпускалъ его ни на минутку изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, сопровождая всюду въ ознакомленіи съ городомъ. Я немедленно заявилъ просьбу отца, чтобы жить гдѣ-нибудь съ нимъ поближе, если не вмѣстѣ. В. С. безъ всякаго разговора на это согласился, упомянувши, что также имѣлъ объ этомъ увѣдомленіе. Такимъ образомъ въ тотъ же день онъ переселился по сосѣдству съ нами въ одну изъ свободныхъ комнатъ м-рсъ Сиггерсъ и сдѣлался постояннымъ нашимъ завсегдатаемъ и товарищемъ до самаго отъѣзда нашего изъ Лондона, мѣсяца три или четыре. Но прежде, чѣмъ приводить всевозможныя подробности всѣхъ тѣхъ воспоминаній, которыя у насъ сохранились о Соловьевѣ, я долженъ разсказать о другомъ знакомствѣ, которое для меня нераздѣльно съ памятью о Соловьевѣ, такъ какъ мы жили и видались почти всегда вмѣстѣ. Я разумѣю моего настоящаго друга, многолѣтняго товарища по Московскому университету, профессора М. М. Ковалевскаго.

Съ М. М. Ковалевскимъ я познакомился также лѣтомъ въ 1875 г., одновременно съ Соловьевымъ, но нѣсколько инымъ образомъ. Когда я собирался въ Лондонъ, то магистрантъ историко-филологическаго факультета, Высотскій, впослѣдствіи правитель дѣлъ попечителя графа Капниста, при какой-то случайной встрѣчѣ, началъ мнѣ расхваливать своего молодого пріятеля по Парижу, Ковалевскаго, при чемъ съ нѣкоторыми оговорками по поводу его слабости-де къ женскому обществу, очень хвалилъ его за добродушіе, остроуміе и вообще способности и рекомендовалъ мнѣ съ нимъ познакомиться, если хочу, увѣряя въ томъ, что я не раскаюсь. Я взялъ у Высотскаго карточку и адресъ и въ одинъ изъ первыхъ же дней пріѣзда, послѣ находки Соловьева, разыскалъ М. М., жившаго, помнится мнѣ, недалеко отъ меня, кажется, на Woburn Place. М. М. былъ совершенная противоположность во всѣхъ отношеніяхъ съ Соловьевымъ, сразу же завоевалъ всѣ мои симпатіи. Человѣкъ очень умный, живой, жизнерадостный чрезвычайно для его юнаго тогда возраста (ему было около 23 или 24 лѣтъ, если не меньше). Онъ отличался большими знаніями, общительностью, истиннымъ джентльмэнствомъ, которымъ немедленно завоевывалъ расположеніе всѣхъ людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Въ добавокъ къ этому онъ обладалъ, какъ зажиточный харьковскій помѣщикъ, сравнительно со мной и многими другими профессорскими кандидатами за границей,

хорошими матеріальными средствами, которыя давали ему возможность пріобрѣтать множество книгъ; ими онъ щедро дѣлился со всѣми желающими и угощалъ своихъ пріятелей съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Разумѣется, Ковалевскій немедленно познакомился съ моей женой и В. Соловьевымъ. Всѣ мы очень сдружились, несмотря на значительную разницу вкусовъ, направленій и состояній, относились взаимно дружелюбно и проводили все время сообща. Ковалевскій былъ рѣшительный позитивистъ, другъ Вырубова во Франціи и Гаррисона въ Англіи; Соловьевъ мистикъ и антипозитивистъ. Я ближе подходилъ по своимъ воззрѣніямъ къ Ковалевскому, но до нѣкоторой степени чуждался нѣкоторыхъ его выводовъ и спеціально всегда былъ равнодушенъ къ вопросамъ политики, придавая гораздо большее значеніе экономическому моменту въ жизни человѣка и общества. Въ этомъ пунктѣ, если угодно, мнѣ кажется, Соловьевъ ближе стоялъ ко мнѣ, чѣмъ М. М. Онъ съ удовольствіемъ, какъ я убѣдился не разъ впослѣдствіи, читалъ соціалистовъ и другихъ фантазеровъ по экономической области, но всегда старался придавать всѣмъ ихъ построеніямъ религіозную подкладку. Мы не разъ съ нимъ, припоминается мнѣ, напримѣръ читая отца Ноэса и книгу Нордгофа объ Американскихъ коммунахъ и общинахъ, до нѣкоторой степени сходились съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и различались только толкованіемъ. Онъ признавалъ будущее лишь за религіозными общинами Америки, въ родѣ „шекеровъ". „Онеида" его сильно интересовала, но, напримѣръ „Новую Гармонію" онъ рѣшительно отрицалъ, тогда какъ я за нее стоялъ и т. д. М. М., обратно съ нами обоими, былъ совершенно равнодушенъ къ подобнымъ вопросамъ, но придавалъ всегда огромное значеніе и любилъ поговорить по исторіи учрежденій, ихъ вліяніи на нравы и обычномъ правѣ.

Письма наши въ Россію этого времени наполнены главнымъ образомъ описаніями нашего общенія и приключеній съ этими двумя интересными знакомствами. Трактуется также, впрочемъ, часто модный вопросъ о спиритизмѣ, которымъ въ тотъ годъ было сильно заинтересовано все русское общество и по желанію, кажется, „Русскихъ Вѣдомостей" я тогда прислалъ нѣсколько корреспонденцій по спиритизму, сеансы котораго посѣщались мною какъ разъ въ веселой и пріятной компаніи Ковалевскаго и Соловьева. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ отъ 18/6 іюля 1875 года:

„Я не знаю, разсказывала ли я вамъ, что мы были на спиритическомъ сеансѣ одного знаменитаго медіума здѣсь и остались очень недовольны фокусническими пріемами духовъ. Мы послали довольно

интересную корреспонденцію въ „Русскія Вѣдомости", постарайтесь добыть номеръ, она теперь навѣрное уже напечатана. Въ той же газетѣ будетъ вѣроятно помѣщенъ другой разсказъ уже Соловьева (?), который былъ у того же спирита вчера и пришелъ къ тому же самому заключенію, какъ и мы, хотя онъ, противно съ нами, сильно склоненъ вѣрить въ сверхъестественныя силы. Странный человѣкъ этотъ Соловьевъ; вы вѣрно о немъ слыхали", разсказываетъ о немъ жена, „это сынъ историка Соловьева, ректора Московскаго университета, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, защитившій уже диссертацію по предмету философіи. Онъ очень слабый, болѣзненный человѣкъ, съ умомъ, необыкновенно рано развившимся, пожираемый скептицизмомъ и ищущій спасенія въ мистическихъ вѣрованіяхъ въ духовъ. Во мнѣ лично онъ возбуждаетъ симпатію и сожалѣніе; предполагаютъ, что онъ долженъ сойти съ ума, потому что слишкомъ много работалъ мозгомъ для своихъ лѣтъ. Когда я его увидала въ первый разъ, онъ меня поразилъ своимъ мрачнымъ аскетическимъ видомъ".

„Совершенную противоположность съ нимъ составляетъ нашъ другой новый знакомый Ковалевскій. Однихъ лѣтъ съ нимъ, онъ однако представляетъ собой фигуру, равную моему супругу по размѣрамъ, и подаетъ надежду на дальнѣйшее усовершенствованіе. Его веселый характеръ и простыя развязныя манеры составляютъ тоже не меньшій контрастъ со сдержанностью погруженнаго въ себя философа. Эта простота въ обращеніи заставила двухъ толстяковъ очень скоро сойтись, тѣмъ болѣе, что толстякъ Ковалевскій, по мнѣнію толстяка Янжула, обладаетъ необыкновенными для своихъ лѣтъ свѣдѣніями и очень свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Въ настоящее время обѣ эти персоны такъ заговорились другъ съ другомъ, что забыли о своемъ обѣщаніи зайти за мной, чтобы пойти вмѣстѣ гулять"!

Всѣ письма жены того времени наполнены также описаніями разныхъ угощеній и обѣдовъ; такой большой контрастъ съ нашей прежней жизнью благодаря Ковалевскому съ Соловьевымъ! Отъ 6 августа 1865 г., напримѣръ, жена сообщаетъ между прочимъ въ письмѣ матери, что: „Сегодня у насъ будетъ кутежъ. Ковалевскій задумалъ угостить насъ, Соловьева и кое-кого изъ другихъ знакомыхъ обѣдомъ"... Дальше: „На-дняхъ (вѣроятно, 15 іюля) мы кутили по случаю именинъ Соловьева, который угощалъ насъ и Ковалевскаго обѣдомъ съ шампанскимъ. Теперь рѣдко проходитъ вечеръ, чтобы кто-нибудь къ намъ не зашелъ, такъ что И. И-чу есть съ кѣмъ болтать, не то что зимой. Впрочемъ все-таки мы живемъ дѣльно, хотя и весело, и собирая много матеріаловъ для будущихъ работъ"...

„На-дняхъ я познакомилась съ очень милой нѣмкой, живущей здѣсь съ братомъ, которому она помогаетъ работать для разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ журналовъ, и третьяго дня мы провели очень пріятно вечеръ въ большой компаніи, состоящей изъ насъ съ Иваномъ Ивановичемъ, Ковалевскаго, философа Соловьева, Орлова, Herr фонъ-Штудницъ и Frl. фонъ-Штудницъ. Первые, т. е. большая часть кавалеровъ, вели все время споръ о политической экономіи, при чемъ Ковалевскому нерѣдко приходилось исполнять должность толмача, а мы, остальные образовали особенный кружокъ и вели болѣе общій разговоръ, при чемъ Frl. фонъ-Штундицъ допрашивала философа о спиритизмѣ, который онъ, какъ вамъ извѣстно, признаетъ серьезно, и пришла къ заключенію, что онъ очень странный человѣкъ; она же сама очень умная и простая нѣмка, разговорчивая и пріятная“ [1]).

Кстати добавлю къ этому, что послѣднимъ особамъ, т. е. дѣвицѣ Штудницъ и моей женѣ, въ видѣ особаго или спеціальнаго знака довѣрія, В. С. не разъ серьезнѣйшимъ образомъ сообщалъ, что онъ во всѣхъ рѣшительныхъ и важныхъ случаяхъ своей жизни поступаетъ согласно указанію и совѣту духа одной „нормандки“ XVI или XVII вѣка, которая является къ нему по желанію и даетъ надлежащія указанія, какъ дѣйствовать или чего ждать? Повторяю опять, что онъ это сообщалъ нѣсколько разъ и при томъ самымъ категорическомъ образомъ, сторонясь насъ,—мужчинъ, которые поднимали его за подобныя сообщенія на смѣхъ. Вообще милый и симпатичный человѣкъ, особенно какимъ онъ сдѣлался послѣднюю половину своей жизни, В. С. представлялся нѣсколько ненормальнымъ въ ту эпоху, когда я съ нимъ встрѣтился въ Лондонѣ и работалъ вмѣстѣ въ Британскомъ музеѣ. Цѣлые часы, какъ я за нимъ иногда слѣдилъ въ Музеѣ, какъ онъ работаетъ, онъ сидѣлъ, по сосѣдству, надъ какой-то книгой о Кабалѣ съ курьезными, диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающій, что дѣлается вокругъ. Сосредоточенный, печальный взглядъ, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лицѣ почти постоянно. Онъ сидѣлъ отъ меня настолько близко, что я имѣлъ возможность много разъ наблюдать эту картину. Когда я къ нему обращался съ вопросомъ: „Что, Владиміръ Сергѣевичъ, о чемъ задумались?!“—или „какъ вамъ интересна ваша книга, которую вы такъ долго читаете? Почему вы ее не перемѣните“? и т. п., я получалъ отъ него такіе отвѣты:

[1]) Она въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, живетъ въ Берлинѣ и занимается изданіемъ и редактированіемъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, весьма распространеннаго журнала по домоводству и домашнему хозяйству.

„Я ничего... въ высшей степени интересно; въ одной строчкѣ этой книги больше ума, нежели во всей европейской наукѣ. Я очень доволенъ и счастливъ, что нашелъ это изданіе“.

Самоуглубленный В. С. нерѣдко буквально забывалъ обѣдать и когда моя жена, взявшая его подъ свое попеченіе, часто допрашивала: „Да вы обѣдали ли, Владиміръ Сергѣевичъ, сегодня?“—„Нѣтъ, я забылъ, да, кажется, и вчера я не обѣдалъ!“. Мы пробовали брать его съ нами обѣдать въ то время въ такъ называемыя „tea shops“ или „tea house“, гдѣ было только ограниченное число блюдъ, обыкновенно мясо и мясо, полу-свареное и полу-жареное, изрѣдка пудинги (съ тѣхъ поръ Лондонскія кухмистерскія значительно улучшились). Отъ подобныхъ обѣдовъ изъ одного мяса онъ рѣшительно отказывался, большею частью оно ему было противно; рыбу еще иногда ѣлъ, но ее не всегда можно было найти, кушаньевъ изъ плодовъ не было, а потому приходилось волей неволей, не мѣняя собственнаго режима, отказываться отъ его общества и предложить ему ходить въ болѣе дорогіе рестораны, съ лучшимъ и болѣе богатымъ выборомъ; тѣмъ не менѣе онъ часто забывалъ это сдѣлать, или лѣнился по отдаленности всѣхъ лучшихъ ресторановъ отъ Британскаго музея. Въ самомъ Музеѣ собственнаго ресторана тогда еще не было.

Жена скоро замѣтила у него пристрастіе къ рыбному желе и начала пріобрѣтать его, спеціально для Соловьева, зазывая его каждый вечеръ къ себѣ послѣ Музея, и прикармливая этимъ желе. Обыкновенно въ это замѣчательное лѣто мы проводили время такимъ образомъ: послѣ Музея въ 6 часовъ шли втроемъ съ Соловьевымъ, иногда вчетверомъ съ Ковалевскимъ, закупать нашъ ужинъ въ колбасныя, рыбныя и фруктовыя лавки, гдѣ пріобрѣтали для себя немного мяса [1]), раковъ, или крабовъ, рыбы, желе для Соловьева и фруктовъ, иногда масла и молока. У насъ дома, на этотъ разъ уже въ лучшей комнатѣ, чѣмъ прежде, всѣ усаживались за чай, который дѣлала жена, я ей помогалъ, Соловьевъ въ это время читалъ обыкновенно русскія газеты, только что пришедшія, а Ковалевскій весело со всѣми болталъ и послѣ легкой закуски у насъ, уходилъ къ себѣ обѣдать, что совершалось гораздо позднѣе нашего ужина.

Помню я замѣчательную сцену одного вечера. Соловьевъ просматривалъ свѣжій № „Русскихъ Вѣдомостей“, жена готовила чайную посуду, а я подогрѣвалъ воду, сидя около камина, какъ вдругъ

---

[1]) Обыкновенно—на два пенса „stuff“ т. е. кусокъ мелко рубленнаго мяса („stuff“ собственно значитъ „дрянь“) изъ отбросовъ и на $^1/_2$ пенни тертаго гороха. Всего, слѣдовательно, около 10 копѣекъ стоимостью.

Соловьевъ разразился неудержимымъ хохотомъ: „ха! ха! ха!"—„Владиміръ Сергѣевичъ, что такое смѣшное, разскажите скорѣй намъ"! Въ отвѣтъ на это опять раздался его столь милый дѣтскій хохотъ, вызывавшій невольно такой же окликъ, но на этотъ разъ съ добавленіемъ нѣсколькихъ совсѣмъ не дѣтскихъ словъ: „Ахъ, какіе дураки... можно ли быть такими глупыми?!!"—„Что такое, разскажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?" повторяли мы съ женой. Я не помню, былъ ли тутъ Ковалевскій, или только мы втроемъ.—„Представьте себѣ, въ хронику Московскихъ происшествій занесенъ слѣдующій случай", отвѣчалъ онъ: „отходники пріѣхали очищать помойную яму въ одномъ домѣ, открыли люкъ очень глубокой ямы и колодца, которые давно не чистили, и туда сначала отправился одинъ рабочій, не долѣзъ, свалился и, конечно, пропалъ. На его мѣсто былъ отправленъ другой рабочій и повторилось то же самое: рабочій полѣзъ, упалъ отъ вредныхъ газовъ въ обморокъ и свалился; наконецъ, третій и только послѣ трехъ несчастій, люди образумились, остановили очистку, провѣтрили люкъ, бросили туда огонь и т. п., прежде чѣмъ принялись за чистку, и вытащили трехъ мертвыхъ товарищей изъ этой ужасной ямы. Не странные, не глупые ли это люди?!. ха! ха! ха!"

Мы оба съ женой набросились на Соловьева: „Владиміръ Сергѣевичъ, это такъ на васъ не похоже, на ваше доброе сердце; что вы находите тутъ смѣшного, что смѣетесь чуть не до истерики?.. Конечно, это дѣйствія нелѣпыя, но, вѣдь, рабочіе влѣзли въ зловонную ужасную яму не для своего удовольствія, а изъ-за куска хлѣба, который этимъ трудомъ добываютъ. Имъ приказали лѣзть, они были только исполнителями. Не правильнѣе ли винить безсердечныхъ, глупыхъ хозяевъ, которые такъ неосмотрительно предпринимаютъ работы и, наконецъ, начальство, которое подобное веденіе очистки дозволяетъ". Я не помню точно, что намъ возражалъ на наше замѣчаніе В. С., но онъ все-таки стоялъ на своемъ, что это все очень глупо и смѣшно, и что во всякомъ случаѣ не стоитъ и не слѣдуетъ такъ много огорчаться этимъ происшествіемъ, когда увидалъ встревоженное и огорченное по данному поводу лицо моей жены. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" замѣтилъ Соловьевъ. „Какъ вы полагаете, что для этихъ рабочихъ лучше, что они умерли такой ужасной смертью?!"—„Нѣтъ, я хочу сказать, что вообще здѣшняя жизнь на землѣ не составляетъ столь серьезнаго факта, за который стоило бы такъ держаться и дорожить, и чѣмъ человѣкъ испытываетъ больше непріятнаго и дурного въ этомъ мірѣ, онъ получитъ сторицею въ томъ!!? Позвольте, я вамъ разскажу одну русскую народную легенду; подобнаго замѣчательнаго произведенія ни одинъ европейскій народъ не создалъ". Мы, конечно, попросили его раз-

сказать и вотъ что онъ намъ въ сжатомъ видѣ передалъ изъ содержанія этой легенды:

„Когда-то Христосъ съ учениками, путешествуя по землѣ, пришелъ въ одну деревню къ вечеру уже на ночлегъ. Постучался въ одну избу, его не пустили, прогнали; въ другую, третью—тоже самое... Собаками травили... Наконецъ, пришелъ въ послѣднюю бѣдную избушку на концѣ деревни, гдѣ жилъ бѣднякъ, имѣвшій всего лишь одну коровенку. Бѣднякъ вышелъ изъ избы, когда подходилъ Христосъ съ учениками, поклонился ему до земли и обмылъ ему по тогдашнему обычаю ноги, принесъ чашку молока, ложку, краюху хлѣба, и сказалъ: „Кушайте съ Богомъ, что имѣю, простите, что мало, больше нѣтъ“. Потомъ принесъ сѣна, постелилъ, гдѣ можно, и предложилъ гостямъ спокойно спать. На другое утро Христосъ съ учениками ушелъ отъ гостепріимнаго хозяина и изъ деревни. Вдругъ на выгонѣ, откуда ни возьмись, сѣрый волкъ и спрашиваетъ Христа: „Я голоденъ, Господи, гдѣ мнѣ поѣсть?“ Тотъ говоритъ: „Ступай въ послѣднюю избу, на краю деревни тамъ у мужика одна корова, ты ее зарѣжь. Всѣ ученики въ негодованіи: „Господи, что Ты дѣлаешь?!! Одинъ добрый человѣкъ нашелся въ деревнѣ, насъ угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, а ты у него послѣднюю корову отнимаешь!!!“—„Маловѣрные вы, маловѣрные“ отвѣтилъ Господь, „чѣмъ здѣсь хуже, тѣмъ тамъ лучше. Чѣмъ тяжельше мужику будетъ здѣсь, тѣмъ съ большей сторицей онъ будетъ награжденъ на небесахъ!“.

Намъ съ женой оставалось, конечно, только пожать плечами отъ такой странной, своеобразной логики по данному поводу, и мы рѣшительно протестовали, какъ противъ величія русскаго народа, благодаря сочиненію такой легенды, такъ и противъ системы оправданія самаго неумѣстнаго смѣха о людскомъ горѣ и несчастіи Владиміра Сергѣевича.

Вообще довольно странныя выходки замѣчались въ то время за милымъ и симпатичнымъ, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, Соловьевымъ, которыя совсѣмъ какъ-то не вяжутся и трудно примирить съ его добрымъ, необыкновенно сострадательнымъ характеромъ второй, послѣдней половины его жизни, когда онъ попалъ въ кружокъ „Вѣстника Европы“. Какъ разъ, напримѣръ, въ то самое послѣднее время, пріийдя однажды къ Соловьеву въ гостиницу Angleterre, противъ Исааковскаго собора, гдѣ онъ жилъ продолжительное время, я сдѣлался свидѣтелемъ такой трогательной сцены: небольшая комната Соловьева имѣла обыкновенную форточку, которая была отворена настежь и изъ нея валилъ холодный воздухъ морознаго утра. Это было зимой. Множество голубей летало по подо-

коннику взадъ и впередъ. В. С., легко одѣтый, въ накинутомъ на ночной рубашкѣ пальто, щипалъ булку французскаго хлѣба и бросалъ голубямъ, которые безъ церемоніи вырывали хлѣбъ у него чуть не изъ рукъ. Комната быстро наполнилась холодомъ, и онъ, очевидно, простужался. На всѣ мои напоминанія объ опасности для его здоровья такой раздачи голубямъ продовольствія, онъ только смѣялся своимъ милымъ смѣхомъ и заперъ окно, выбросивши полъ-хлѣба прямо на подоконникъ, когда я наконецъ напомнилъ ему о моемъ личномъ опасеніи за собственное здоровье отъ такого голубинаго угощенія.

Совершенно обратно съ этой сценой, молодой В. С., въ то по крайней мѣрѣ время, людей очень мало сожалѣлъ и мало придавалъ значенія, повидимому, самымъ важнымъ человѣческимъ интересамъ. Такъ, напримѣръ, во время нашего совмѣстнаго пребыванія и житья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ, произошелъ крупный скандалъ съ нѣкіимъ мистеромъ Беккеръ, впослѣдствіи сдѣлавшимся извѣстнымъ Беккеръ-пашой въ Турціи. Капитанъ Беккеръ, адъютантъ тогдашняго принца Уэльскаго, нынѣ короля, путешествуя по Лондонской подземной дорогѣ (Underground Railway), сдѣлалъ покушеніе на честь одной молодой дѣвицы, съ нимъ ѣхавшей въ одномъ и томъ же купэ перваго класса (фамилію забылъ, что-то въ родѣ миссъ Дальтонъ). Въ одномъ туннелѣ, изъ котораго состоитъ большая часть дороги, испуганная дѣвушка было выскочила, съ большой опасностью для жизни, на приступку вагона и на слѣдующей станціи была найдена полиціей при открытыхъ дверяхъ, съ намѣреніемъ выскочить и подняла тревогу. Судъ обвинилъ Беккера, несмотря на всѣ его сильныя придворныя связи и вліянія, и приговорилъ къ какому-то наказанію. Вся печать, или точнѣе большая часть, съ чрезвычайнымъ негодованіемъ нападала и бранила Беккера. Одинъ только защитникъ нашелся между ними въ лицѣ В. С., который энергично доказывалъ намъ, что навѣрно эта дѣвица авантюристка и желала сорвать деньги и исключительно съ этой цѣлью устроила скандалъ, и что, если бы объ этомъ догадался Беккеръ, то ничего бы не вышло. Вообще въ отношеніи женщинъ В. С. всегда, даже и въ послѣднее время, какъ я помню нѣсколько разъ, а въ юности въ особенности, отличался значительной долей цинизма и большой также любовью къ скабрезнымъ анекдотамъ.

Само собою разумѣется, что несогласіе съ подобными мнѣніями вызывало иногда въ нашемъ кружкѣ бурныя пренія и нѣкоторое раздраженіе, но надо отдать справедливость Соловьеву, онъ былъ такъ незлобивъ и незлопамятенъ, что на другой день всѣ подобныя

столкновенія забывалъ и держалъ себя по-прежнему очень мило и любезно. Такъ, напримѣръ, припоминаю, какъ разъ у него на именинахъ, когда онъ угощалъ насъ съ Ковалевскимъ у Бодеги, въ испанскомъ погребѣ на Оксфордъ-стритъ, прекраснымъ ужиномъ съ большимъ количествомъ шампанскаго и, разумѣется, не безъ вліянія послѣдствій его, произошелъ очень рѣзкій споръ, гдѣ отчасти я долженъ признать себя виновнымъ за недостатокъ сдержанности. Я не помню, по какому предлогу рѣчь коснулась Бѣлинскаго, къ которому я всегда, особенно въ молодости, благоговѣлъ, какъ вдругъ В. С. воскликнулъ: „Что такое Бѣлинскій? Что онъ сдѣлалъ?.. Я уже теперь сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ онъ, и надѣюсь въ теченіе жизни уйти далеко отъ него и быть гораздо выше...“ Хотя было уже очень выпито и можетъ быть поэтому я не удержался, слушая подобное самохвальство, и замѣтилъ Соловьеву, что „стыдно такъ говорить о самомъ себѣ, лучше подождать, когда другіе васъ признаютъ ему равнымъ!!!“ Какъ вдругъ на мое замѣчаніе, къ вящему моему конфузу—это происходило въ общемъ залѣ, очень наполненномъ публикой,—В. С. разразился рыданіями, слезы потекли у него обильно изъ глазъ. Я немедленно попросилъ извиненія, Ковалевскій съ своей стороны всячески старался потушить его волненіе, но это намъ не скоро удалось. Праздникъ нашъ разстроился, и мы немедленно уѣхали домой. На другой день, однако, Соловьевъ встрѣтился съ нами въ Британскомъ музеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и когда я вновь извинялся за то, что вызвалъ вчерашнюю сцену, онъ только засмѣялся и тѣмъ и кончилось, повидимому, безъ вліянія на наши добрыя отношенія.

Совершенную противоположность, какъ уже упомянуто, составлялъ другой мой новый знакомый, М. М. Ковалевскій. Будучи всегда жизнерадостнымъ и не чуждымъ всѣхъ удовольствій міра, онъ предпочиталъ всегда землю съ ея радостями небесамъ, но это не мѣшало ему жить и духовными интересами, не меньше, чѣмъ В. С. Уже тогда онъ поражалъ огромной и разнообразной своей начитанностью въ области сравнительной исторіи юриспруденціи. Очень часто рано утромъ, послѣ весело проведеннаго вечера, уже раздавался въ сосѣдней комнатѣ, когда мнѣ приходилось ночевать у Ковалевскаго, его веселый голосокъ съ напѣвомъ какого-нибудь романса, а между тѣмъ онъ въ это время былъ въ сущности за тысячи верстъ отъ веселаго времяпрепровожденія и если войти къ нему въ спальню, какъ это дѣлалъ нѣсколько разъ я, то очень часто при этомъ находилъ его со всѣхъ сторонъ обложеннымъ и углубленнымъ въ огромные фоліанты на старомъ французскомъ, или старомъ англійскомъ и латинскомъ языкахъ, самыхъ серьезнѣй-

шихъ, съ обычной точки зрѣнія, скучнѣйшаго содержанія о какихъ-то средневѣковыхъ институтахъ, книгъ.

Прерванный въ этихъ занятіяхъ, Ковалевскій, немедленно, вслѣдствіе обращенія къ нему, пускался въ объясненія прочитаннаго, и оказывалось, что онъ только-что успѣлъ тонко подмѣтить какую-нибудь любопытную сторону и выводъ изъ сравненія нѣсколькихъ юридическихъ институтовъ и ихъ исторіи и поражалъ васъ одинаково, какъ остроуміемъ и глубиной своей анализа, такъ и необыкновенной своей памятью на разныя мелочи прочитаннаго. Вообще, если относительно В. С., въ его юности, 22 лѣтъ, когда мнѣ пришлось съ нимъ жить вмѣстѣ въ Лондонѣ, приходилось больше догадываться о его крупныхъ умственныхъ силахъ по его глазамъ, выраженію лица, отдѣльнымъ замѣчаніямъ и наконецъ репутаціи, установившейся со времени его диспута, то Ковалевскій немедленно завоевывалъ симпатію и уваженіе своего собесѣдника массою своихъ свѣдѣній и критикой всего подвергаемаго имъ обсужденію. В. С. въ то время выглядывалъ юношей, подававшимъ надежды, очень способнымъ, но и очень страннымъ, Ковалевскій же, несмотря на одинаковый съ нимъ возрастъ, внушалъ больше довѣрія и уваженія, какъ человѣкъ взрослый, зрѣлый и знающій, что онъ думаетъ и говоритъ.

Было еще нѣсколько русскихъ въ Лондонѣ того времени, какъ напримѣръ, Фирсовъ, Н. Н., проживавшій тогда въ Англіи и часто бывавшій въ нашемъ кружкѣ, пока не вынужденъ былъ покинуть Англію; но по разнымъ обстоятельствамъ я позволю себѣ умолчать въ данномъ случаѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ этого бывшаго земскаго дѣятеля, нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣка ума замѣчательнаго, нынѣ въ большой бѣдности и болѣзни проживающаго гдѣ-то въ уголкѣ Южной Италіи.

Пособравши изрядное количество матеріаловъ для своей будущей диссертаціи объ „Англійской свободной торговлѣ“, мы вернулись въ Москву, и для меня вновь началась моя профессорская дѣятельность. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона М. М. Ковалевскаго, который хотя и былъ оставленъ при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ подъ руководствомъ столь знаменитаго учителя, какъ профессоръ международнаго права Каченовскій, но мало цѣнился своими земляками въ силу общаго правила: „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“, я усердно зазывалъ его, во-первыхъ, поддерживать со мной переписку, давать о себѣ знать по временамъ, и во-вторыхъ, вмѣсто Харькова, пріѣзжать держать магистерскій экзаменъ къ намъ въ Москву и у насъ защищать диссертацію, когда онъ ее напишетъ, при чемъ я заранѣе пророчилъ ему блестящій успѣхъ

въ томъ и другомъ. Что касается до перваго, т. е. корреспонденціи, насколько помню, М. М. прислалъ мнѣ всего лишь одно письмо, хотя довольно большое и интересное по содержанію, гдѣ между прочимъ увѣдомлялъ о новости „самой удивительной", какъ онъ ее называлъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Лондона „Соловьевъ-де ѣдетъ въ Египетъ; духи сообщили ему о существованіи тамъ тайнаго кабалистическаго общества и обѣщали ему ввести въ него, т. е. въ общество. Соловьевъ не желаетъ, добавляетъ М. М., „чтобы его намѣреніе стало извѣстно отцу раньше исполненія" [1]). Понятно поэтому, о сообщенномъ я умолчалъ передъ своими знакомыми.

Что касается до второй моей просьбы, пріѣхать въ Москву, для исполненія своихъ магистерскихъ повинностей, то, какъ извѣстно, М. М. скоро это и исполнилъ. Въ одну изъ ближайшихъ зимъ онъ появился въ Москвѣ, немедленно мной былъ представленъ декану, тогда Мильгаузену, и другимъ болѣе виднымъ членамъ факультета; почти безъ всякаго приготовленія, блестящимъ образомъ, какъ рѣдко—кто, сдалъ свой магистерскій экзаменъ и выслушалъ изъ устъ нашего престарѣлаго декана просьбу увѣнчать начатое прекрасно дѣло и, не ограничиваясь экзаменомъ, защитить въ будущемъ у насъ свою диссертацію, когда онъ ее напишетъ, и остаться на каѳедрѣ въ Москвѣ, вмѣсто возвращенія въ Харьковъ, гдѣ его видимо должнымъ образомъ не цѣнятъ. Маленькая рѣчь декана, вылившаяся искренно изъ его устъ, а Мильгаузенъ всегда отличался своей молчаливостью, вмѣстѣ съ добродушнымъ одушевленіемъ и просьбой присутствовавшихъ, подѣйствовали на юнаго М. М., и онъ немедленно далъ намъ обѣщаніе, что останется въ Москвѣ, и такимъ образомъ мы его пріобрѣли своимъ товарищемъ, пока жестокая воля судьбы, противъ нашего желанія, лишила насъ этого удовольствія!...

Перехожу теперь къ бѣглому очерку лицъ изъ профессорскаго кружка, въ которомъ мы вращались. Раньше всего это были Умовы мужъ съ женой, Толстопятовы, Усовы, Легонины. Первый, профес-

---

[1]) Въ этомъ же письмѣ отъ 15 октября 1875 года содержится нѣсколько замѣчательныхъ строкъ М. М. о его посѣщеніи Карльсбада, куда онъ ѣздилъ этимъ лѣтомъ для здоровья и встрѣчи тамъ съ знаменитымъ Карломъ Марксомъ: „Въ Карльсбадѣ", пишетъ онъ, „я провелъ много пріятныхъ часовъ въ обществѣ Маркса. Это благороднѣйшая и даровитѣйшая натура. Жаль только, что онъ былъ и остался гегельянцемъ, и что научныя положенія его написаны поэтому на пескѣ. Я прочелъ въ Карльсбадѣ болѣе половины его книги о капиталѣ, которую онъ подарилъ мнѣ, и нашелъ въ ней новое подтвержденіе тому, что всякое уклоненіе отъ позитивнаго метода и, больше всего, приложенное къ научнымъ изслѣдованіямъ положеніе: Les grandes idées viennent du coeur, неизбѣжно ведетъ къ частому безсознательному заблужденію"...

соръ гражданскаго права, былъ уже нашимъ знакомымъ раньше, въ Гейдельбергѣ, гдѣ мы его встрѣтили вмѣстѣ съ его молоденькой женой, вскорѣ послѣ свадьбы. Этотъ несчастный человѣкъ, который очень скоро заболѣлъ какою-то странною простудой ногъ, и быстро обезножилъ, а это привело къ его отставкѣ и рано свело въ могилу, былъ очень добрымъ, милымъ и хорошимъ. Домъ его сдѣлался въ Москвѣ, въ эту эпоху нашего ранняго профессорскаго пребыванія, притягательнымъ центромъ, куда сходилось множество профессоровъ, особенно юридическаго факультета и пріятно проводили время за бесѣдами, пѣніемъ жены Умова, обладавшей хорошимъ голосомъ и бесѣдою съ ея мужемъ. Какъ я припоминаю, нѣкоторыя темы изъ моихъ будущихъ работъ, напримѣръ „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ“ прямо появилась на свѣтъ во время этихъ бесѣдъ и разговоровъ въ гостепріимномъ домѣ Умовыхъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго, всего лишь три, четыре года. Развившаяся болѣзнь ногъ быстро усилилась у несчастнаго Владиміра Алексѣевича и заставила его даже экзаменъ и чтеніе лекцій производить у себя на дому, а затѣмъ выйти въ отставку, послѣ чего въ непродолжительномъ времени онъ умеръ при общемъ соболѣзнованіи всѣхъ товарищей. Изъ другихъ профессорскихъ семействъ и товарищей наиболѣе выдавалась семья Усова, одного изъ замѣчательныхъ людей 40-выхъ годовъ, большого пріятеля, если не товарища, Писемскаго и Юрьева, съ которыми онъ, кажется, былъ даже на „ты“. Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ былъ умный, очень разносторонне образованный, чрезвычайно живой и веселый русскій колоссъ, который, при огромномъ ростѣ, отличался большой подвижностью, веселостью, юморомъ и остроуміемъ. Цѣлый рядъ шутокъ С. А. по поводу отдѣльныхъ случаевъ и особенно лицъ, напримѣръ, одна по поводу М. М. Ковалевскаго, сдѣлалась, такъ сказать, традиціонною Московскаго университета и долго не забывалась, заслуживая этого по своей мѣткости. Почтенная и добрая супруга его являлась прекрасной хозяйкой и парою своего мужа, а потому ихъ вечера, кажется четверги, всегда были полны народомъ, особенно нами, молодежью, и были любимыми посѣщеніями. Разсѣвшись комфортабельно у себя на диванѣ, часто чуть не съ ногами, С. А. неутомимо что-то говорилъ и разсказывалъ или, ради увеселенія присутствующихъ, кого-нибудь даже пыталъ своими разспросами, наводившими на комическія сопоставленія и отвѣты, какъ, напримѣръ, помню я теперь, покойникъ дѣлалъ это часто со своимъ племянникомъ, Н. Н. Усовымъ, тогда еще юнымъ студентомъ, впослѣдствіи губернаторомъ. Будучи зоологомъ по профессіи, С. А. имѣлъ въ то же время большія симпатіи и большія познанія по археологіи, а потому былъ

близокъ къ довольно обширному обществу въ Москвѣ археологовъ, и всѣ они посѣщали его и съ большимъ почтеніемъ выслушивали его остроумнѣйшія и неожиданныя догадки и объясненія разныхъ остатковъ старины, какія никому и въ голову не приходили.

Изъ юристовъ, сдѣлавшихся нашими товарищами по профессурѣ, кромѣ Н. П. Боголѣпова, о которомъ будетъ говориться нѣсколько позднѣе, надо упомянуть двухъ лицъ: одного чужого, т. е. изъ другого университета, Павлова, Алексѣя Степановича, другого москвича, Сергѣя Андреевича Муромцова. А. С. Павловъ, перешедшій къ намъ, кажется, изъ Новороссійскаго университета, питомецъ нѣкогда духовной академіи, а затѣмъ нѣсколькихъ иностранныхъ университетовъ, спеціалистъ по каноническому и церковному праву, вѣроятно лучшій въ то время въ Россіи и наиболѣе авторитетный. Довольно интересный собесѣдникъ, неистощимый на анекдоты, какъ Усовъ, хотя въ другомъ родѣ, преимущественно изъ нравовъ и жизни духовенства и авторъ многихъ изслѣдованій по церковному праву, онъ являлся солиднымъ авторитетомъ въ глазахъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Побѣдоносцевъ и другіе. А. С. Павловъ, однако, былъ человѣкъ очень помятый жизнью, а потому привыкъ считаться съ обстоятельствами и приноравливаться къ нимъ и не могъ, вслѣдствіе этого, сходиться иногда въ пониманіяхъ и дѣйствіяхъ съ нѣсколько идеалистической по своимъ стремленіямъ молодежью, какую представляло большинство преподавателей тогдашняго юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Какъ разъ въ это самое время умерло или вышло въ отставку большинство старыхъ профессоровъ этого факультета: Крыловъ, Бѣляевъ, еще раньше Чичеринъ и Дмитріевъ, Соколовъ (мѣсто котораго занялъ Павловъ) и Баршевъ. Мильгаузенъ прожилъ лишь года три, читая одновременно со мной и даже представляя изъ себя декана, но въ 1877 году сошелъ въ могилу, и другая каѳедра финансовъ, о которой я говорилъ, не была возстановлена.

Кромѣ Ковалевскаго, изъ молодыхъ профессоровъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ, впослѣдствіи получившіе такое громадное общественное значеніе по занятымъ ими постамъ, С. А. Муромцевъ и Н. П. Боголѣповъ, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, павшій отъ руки убійцы. С. А. Муромцевъ, впослѣдствіи занимавшій мѣсто предсѣдателя нашей первой Государственной Думы, вступилъ въ Московскій университетъ и занялъ профессуру еще въ очень, относительно, юномъ возрастѣ, примѣрно лѣтъ 26 или 27, если не моложе. Ученикъ знаменитаго Іеринга, котораго онъ слушалъ въ Іенѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ княземъ Львомъ Голицынымъ, С. А. выдавался на каѳедрѣ цѣлымъ рядомъ завидныхъ ка-

чествъ. Онъ не только обладалъ серьезными свѣдѣніями по предмету своей спеціальности—римскому праву—который между прочимъ въ Москвѣ онъ слушалъ у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошимъ даромъ слова, обладая привлекательной наружностью и замѣчательнымъ умѣніемъ собой управлять. Это послѣднее свойство, которое онъ развилъ впослѣдствіи, въ качествѣ многолѣтняго предсѣдателя юридическаго общества, выказалось у него прекрасно и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій юридическаго факультета, на которомъ я лично не присутствовалъ, но слышалъ потомъ отъ товарищей. Незадолго передъ этимъ отъ насъ ушелъ въ отставку пресловутый ректоръ и профессоръ, Сергѣй Баршевъ. А. С. Павловъ, самъ только-что вошедшій въ факультетъ, не справляясь съ мнѣніемъ товарищей, вздумалъ угодить и подкурить Баршеву. Онъ предложилъ факультету именно Баршева избрать почетнымъ членомъ университета, но потерпѣлъ крушеніе. С. А. самый младшій, вѣроятно по возрасту членъ факультета, въ одномъ изъ своихъ первыхъ засѣданій, такъ отпѣлъ за это приличнымъ, но рѣшительнымъ образомъ Павлова, что попытка его превознести Баршева со срамомъ провалилась. Самъ А. С. на будущее время сдѣлался гораздо скромнѣе и чаще сталъ помнить и руководствоваться русской поговоркой: „Не спросясь броду, не суйся въ воду“.

С. А. Муромцевъ очень скоро попалъ въ юридическое общество, которое долго у насъ было мертворожденнымъ, особенно его органъ „Юридическій Вѣстникъ“, который благодаря искусству и таланту С. А. и помощи такихъ лицъ, какъ Ковалевскій и многихъ другихъ, утратилъ свою мертвенность, ожилъ и сдѣлался серьезнымъ юридическимъ органомъ, со множествомъ интереснѣйшихъ статей и оставилъ несомнѣнно навсегда память о полезной и плодотворной дѣятельности С. А. въ Московскомъ университетѣ, не менѣе въ этой области, какъ и въ профессурѣ. Правда, было изрядное количество недовольныхъ С. А., вѣроятно большей частью изъ лицъ, завидовавшихъ его быстрому успѣху и имъ чѣмъ-нибудь затронутыхъ; такіе, напримѣръ, утверждали, что умственныя и научныя качества почтеннаго предсѣдателя юридическаго общества подвергаются-де многимъ сомнѣніямъ, и что въ дѣйствительности его личность представляетъ-де собой въ сущности весьма посредственное явленіе, личность, которая никогда ничего оригинальнаго и выдающагося не дѣлала и не говорила и, что-де Муромцевъ, не болѣе, какъ, любили они употреблять прозвище, представляетъ будто бы собой „общее ходячее мѣсто“ (?!). Разумѣется, такіе злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью.

*

Быстро, за работой, я помню, прошла зима 1875 и 1876 года. Этотъ послѣдній годъ принесъ мнѣ опять большое горе. Зимой 1876 года жена моя сильно заболѣла той самой болѣзнью воспалительнаго характера, отъ которой едва не умерла невѣстой. Перепробовавши разныхъ московскихъ эскулаповъ, намъ пришлось рѣшиться зимой на нѣкоторую, мѣсячную примѣрно, разлуку. Жена моя ѣздила съ одной родственницей въ Петербургъ къ извѣстному тогда доктору Сусловой, женѣ моего впослѣдствіи друга Ф. Ф. Эрисмана, которая нѣсколько облегчила ея страданія, но настоятельно совѣтовала ей, въ унисонъ, впрочемъ, съ Московскими врачами, непремѣнно ближайшимъ лѣтомъ (это уже 1877 года) ѣхать въ Крейцнахъ для лѣченія тамошними цѣлебными водами и ваннами.

Еще раньше, лѣтомъ 1876 года, мы опять ѣздили въ Лондонъ собирать матеріалъ для моей диссертаціи. Я собралъ его въ значительныхъ размѣрахъ для первой части своей работы объ „Англійской свободной торговлѣ", и выпускъ первый представилъ, какъ диссертацію. Такимъ образомъ этотъ первый томъ появился черезъ два года послѣ „Акциза", т. е. осенью 1876 года, второй же много лѣтъ позднѣе, какъ мы дальше увидимъ. По внутренней связи, „Англійская свободная торговля" представляетъ собой непосредственное продолженіе магистерской диссертаціи о косвенныхъ налогахъ, но только лишь съ одной стороны, со стороны политики. Фискальныя пошлины я выбросилъ, изслѣдуя въ своемъ новомъ сочиненіи исторію идеи свободной торговли, въ связи съ ихъ практическими результатами, или отраженіемъ ихъ развитія на таможенномъ законодательствѣ Англіи и всей экономической жизни страны. Для этой новой работы, такимъ образомъ, я опять, какъ говорилось, совершилъ дважды (въ 1875 и 76 годахъ, во время ваката) паломничество въ стѣны Британскаго музея и успѣлъ въ эти два года покончить для выпуска первый томъ труда. Онъ обнималъ собой меркантильный періодъ исторіи идей свободной конкурренціи, при чемъ, согласно общей задачѣ сочиненія, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ лишь развитіе идеи собственно свободной торговли. Что же относится до свободы промышленности и труда, то я касался ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Цѣль всей работы заключалась въ томъ, чтобы въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ намѣтить тѣ условія, при которыхъ развились въ Англіи начала экономической политики, указать тѣ вліянія, при которыхъ появились на свѣтъ идеи свободной конкурренціи, а затѣмъ постараться опредѣлить ихъ относительное значеніе и самые результаты, къ которымъ привела страну система экономической свободы.

Благодаря такому плану изслѣдованія, „Англійская свободная торговля“, по своему содержанію, имѣетъ какъ бы двойственный характеръ: съ одной стороны она содержитъ въ себѣ историко-литературный очеркъ воззрѣній различныхъ писателей на данный предметъ книги въ ихъ исторической послѣдовательности, съ другой, очеркъ самого англійскаго народнаго хозяйства и частью соотвѣтствующаго законодательства.

Научный интересъ перваго тома главнымъ образомъ и заключается въ разработкѣ исторіи англійской экономической литературы и обстоятельномъ описаніи организаціи торговли въ меркантильный періодъ (проведеніе границъ между системой денежнаго и торговаго баланса), такъ какъ противно мнѣніямъ Макколоха, Рошера и другимъ, главой и типичнымъ представителемъ англійскихъ меркантилистовъ долженъ считаться не Мэнъ, а Вильямъ Стаффордъ. Точно такъ же первая систематическая разработка экономическихъ понятій и въ то же время протестъ противъ нѣкоторыхъ крайнихъ меркантилистовъ принадлежитъ труду Э. Миссельдена, найденнаго мною въ Британскомъ музеѣ, и т. д. и т. д. Вообще сдѣланы нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя поправки и добавленія къ существовавшимъ тогда (т. е. въ 1876 г.) свѣдѣніямъ по исторіи англійской экономической мысли въ меркантильный періодъ.

И вотъ 9 октября 1876 года, я успѣшно защитилъ мою диссертацію и былъ объявленъ докторомъ финансоваго права, а вслѣдъ за тѣмъ, минуя промежуточную градацію экстраординарнаго профессора, былъ утвержденъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 30 октября, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ финансоваго права.

Исполняя предписаніе врачей относительно моей болѣвшей жены, мы двинулись изъ Москвы въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года, съ небольшой остановкой въ Петербургѣ, черезъ который ѣхали ради большаго удобства, черезъ Дрезденъ, въ Крейцнахъ. Намъ сопутствовала милая и добрая родственница и другъ моей жены, Елена Петровна Пустораслева, такъ какъ я не могъ рѣшиться оставить мою жену одну или на попеченіе чужихъ людей въ Крейцнахѣ, гдѣ она должна была пробыть примѣрно около шести недѣль. Пріѣхавши въ Крейцнахъ и устроившись довольно недурно въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ, съ большою горечью въ сердцѣ, я оставилъ жену заботамъ доброй родственницы и врачей, а самъ уѣхалъ, на этотъ разъ одинокій, въ Лондонъ продолжать занятіе и собирать матеріалъ для второго тома или выпуска своей „Свободной Торговли“. Это не было уже диссертаціей, а лишь продолженіе диссертаціи и оффиціально отъ меня не требовалось, и поэтому я

могъ не торопиться. (Писаніе 2-го тома или, точнѣе, выпуска продолжалось 6 лѣтъ; онъ вышелъ лишь въ 1882 году). Тѣмъ не менѣе работа эта долго и тяжело лежала на моей совѣсти, ибо первый томъ мною былъ выпущенъ, неожиданно для меня разросшійся въ размѣрахъ, лишь съ обязательной подпиской на второй. Такимъ образомъ я считалъ себя нравственно обязаннымъ спѣшить удовлетворить желаніе подписчиковъ на мой трудъ, которые неутомимо напоминали объ этомъ книгопродавцамъ. Изданіе „Свободной Торговли“ вообще стоило не мало хлопотъ и расходовъ, для чего деньги мною занимались.

Само собою разумѣется, мнѣ было чрезвычайно тяжко разстаться съ больной женой, да еще на продолжительный срокъ и въ первый разъ за границей, но утѣшеніе предстояло, помимо освобожденія отъ взятаго на себя неосторожно обязательства съ изданіемъ, и въ той пользѣ, которую приносило мнѣ каждое посѣщеніе этого драгоцѣннаго учрежденія—Британскаго музея. Жена моя сама прежде всего понимала и сознавала эту пользу, а потому и уговорила меня настойчиво ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ Крейцнахѣ, благодаря присутствію добрѣйшей Е. П. Пустороследой, я былъ тогда совершенно безполезенъ для больной... Вотъ какъ, напримѣръ, моя жена описываетъ въ одномъ письмѣ къ своей крестной матери и теткѣ—Лондонъ и его для насъ значеніе:

„....милый нашему сердцу Лондонъ, гдѣ мы оба такъ сильно жили умственной жизнью, и гдѣ въ особенности мужъ работалъ такъ серьезно и такъ много сдѣлалъ для своего развитія... Британскій музей для насъ есть старый учитель, которому мы чувствуемъ себя обязанными за серьезное и плодотворное обученіе и къ которому обращаемся вновь и вновь за дальнѣйшимъ образованіемъ съ вѣрою въ успѣхъ“...

3-го іюня 1877 года я пріѣхалъ благополучно въ Лондонъ и устроился, увы, уже одинъ въ той же самой Keppelstreet, хотя въ другомъ домѣ и у другой хозяйки. М-рсъ Сиггерсъ, по справкамъ, должно быть, умерла, или покинула Лондонъ, и я ея не нашелъ. Въ тотъ же день, или не дальше, какъ на слѣдующій я успѣлъ получить или возобновить свой входной билетъ въ Британскій музей. Одновременно я былъ такъ счастливъ, что встрѣтился почти тотчасъ съ П. В. Макаровымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ, который когда-то, т. е. въ 1874 году вмѣстѣ со мной пріѣхалъ въ Лондонъ писать диссертацію, но ее не написалъ, а остался безъ всякаго серьезнаго и убѣдительнаго повода, какъ русскій нерѣшительный человѣкъ, въ Лондонѣ, сдѣлавшись корреспондентомъ „Новаго Времени“. Въ качествѣ таковаго онъ получалъ достаточно

денегъ и съ прекращеніемъ стипендіи. Съ возвращеніемъ его никто не безпокоилъ, такъ какъ политически онъ былъ безусловно чистъ, и въ результатѣ онъ умудрился пробыть въ Англіи не менѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ вернулся восвояси и поступилъ гдѣ-то на югѣ Россіи на службу въ министерство финансовъ. Макаровъ оказался какъ бы представителемъ русской колоніи въ Лондонѣ; немедленно свелъ меня въ свою квартиру, недалеко отъ того же Британскаго музея и тотчасъ познакомилъ съ большимъ числомъ россіянъ и россіянокъ, въ это время почему-либо пребывавшихъ въ Лондонѣ. Отъ него я узналъ, между прочимъ, впервые, что въ Лондонѣ только что былъ профессоръ Анучинъ и незадолго до меня уѣхалъ, и находился одесскій профессоръ Успенскій (нынѣ академикъ), московскій ученый (тогда еще не профессоръ) Н. П. Боголѣповъ и еще нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ и дамъ, очень интересныхъ по его словамъ. Со всѣми ими я познакомился очень скоро.

Уважая болѣе всего точность и своевременность, я позволю себѣ пребываніе этотъ разъ въ Лондонѣ описать собственными словами своего письма изъ Лондона, отъ 18 іюня того года, къ родителямъ моей жены: „Вотъ уже ровно двѣ недѣли, какъ я покинулъ Крейцнахъ и нахожусь въ Лондонѣ, и счелъ обязанностью дать вамъ о себѣ вѣсточку. Добрался сюда безъ особенно важныхъ приключеній и устроился на той же Keppelstreet, на которой постоянно проживалъ съ женой, недалеко отъ Британскаго музея“.

„Жизнь моя течетъ по прежнему образцу, хотя и съ нѣкоторыми немаловажными отступленіями психическаго свойства. Цѣлый день работаю въ Музеѣ, повидимому при той же обстановкѣ и даже надъ болѣе интересной темой, чѣмъ прежде, но увы, не имѣю около себя моего безцѣннаго помощника въ лицѣ жены, а потому работаю менѣе спорко. Вѣдь когда не имѣешь около себя своего другого я, которое съ сочувствіемъ откликается на всякій запросъ и съ которымъ дѣлишься каждымъ впечатлѣніемъ и наитіемъ мысли, то невольно въ душу закрадывается пустота и какъ-то скорѣй перестаешь думать, и дѣло идетъ вяло, какъ будто бы нѣсколько нехотя!! Особенно пусто и непріятно себя чувствуешь, когда возвращаешься въ свою одинокую каморку, садишься за чай и берешь газету для отдыха. Такъ и кажется, что жена сейчасъ войдетъ въ комнату и спроситъ: „что ты читалъ интереснаго?!!“ Та же улица, тѣ же магазины, выставки товаровъ напоминаютъ старыя сцены и разговоры и обращаютъ неотвязно мысль къ той же отсутствующей персонѣ“.

„Къ счастью, „продолжается въ моемъ письмѣ“, или точнѣе къ

моему спокойствію, съ перваго же дня пріѣзда моего начались встрѣчи съ русскими. Я встрѣтилъ здѣсь, напримѣръ, Орлова, Боголѣпова, Макарова и цѣлую кучу другихъ русскихъ, до тѣхъ поръ незнакомыхъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня проживаетъ въ одномъ пансіонѣ цѣлая русская колонія, въ которой есть даже двѣ дамы, а одно семейство и съ дѣтьми. Все это нѣсколько развлекаетъ меня, наполняетъ свободное отъ занятій время. Эти двѣ дамы (обѣ молодыя и одна почти красавица), жены двухъ довольно интересныхъ субъектовъ. Первый—самоучка механикъ, бывшій телеграфистъ, нѣкто Яблочковъ, изобрѣлъ удивительную вещь: электрическую свѣчу, которая должна собой замѣнить всякіе фонари и лампы для освѣщенія улицъ и большихъ зданій". (Значитъ, я еще и не мечталъ тогда объ освѣщеніи комнатъ электричествомъ?!!) „Онъ продалъ свою выдумку въ Парижѣ какой-то компаніи за значительный кушъ денегъ и сверхъ того постоянное жалованье въ двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Сюда въ Лондонъ онъ пріѣхалъ по порученію компаніи распространять свое изобрѣтеніе и дѣлать опыты въ разныхъ мѣстахъ, и о немъ уже кричатъ здѣшнія газеты. Другой (мужъ красавицы, но самъ уже не молодой человѣкъ) по фамиліи Алисовъ, когда-то питомецъ Петербургскаго университета, изобрѣлъ особую печатную машину, величиной съ обыкновенную швейную: особенность ея заключается въ томъ, что не нуженъ наборъ, а только съ маленькимъ навыкомъ каждый человѣкъ можетъ прямо излагать свои мысли печатно, вмѣсто того, чтобы сначала писать, а затѣмъ уже нести въ типографію [1]). Такимъ образомъ эта машина, на которую Алисовъ уже выхлопоталъ привилегію, должна уничтожить всѣхъ писцовъ и каждый дѣловой кабинетъ, напримѣръ, Николая Васильевича" (моего тестя), „превратить въ типографію, гдѣ мамаша будетъ печатать кассаціонныя жалобы и апелляціи!!... Алисовъ заказалъ въ Манчестерѣ сто своихъ машинъ и ждетъ ихъ выполненія. Здѣсь скоро будетъ выставка типографскихъ и печатныхъ принадлежностей и первое русское изобрѣтеніе, нужно думать, получитъ свою оцѣнку отъ знатоковъ дѣла".

---

[1]) Думаю, что тогдашняя машина Алисова, дальнѣйшая судьба которой мнѣ совершенно неизвѣстна, и лично ее видѣть не пришлось, только много разъ слышать описаніе со словъ изобрѣтателя, представляетъ скорѣй форму не теперешней пишущей машины, а такъ называемую „линотипію", linetуре, т. е. „пишущая наборная", какія мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть въ новѣйшее время на выставкахъ въ Европѣ. Посредствомъ ихъ можно, по тому же способу, какъ пишущими машинами, дѣлать готовый наборъ и затѣмъ пускать его въ печать, что очень ускоряетъ газетное дѣло.

„Такимъ образомъ, по вечерамъ, мы, т. е. вся русская молодежь, къ которой и я вѣдь принадлежу пока, проводимъ время двояко: слушаемъ и смотримъ мужей изобрѣтателей и затѣмъ гуляемъ и любезничаемъ съ женами изобрѣтателей. Особенно всѣ ухаживаютъ за m-me Алисовой, весьма милой болтушкой, готовой на всякую шалость, и возбуждающей чопорныхъ англичанокъ своимъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и рѣшительными манерами".

Въ добавленіе къ этому письму, собственно нѣсколькими днями раньше, отъ 14 іюня, я писалъ по тому же поводу и моей супругѣ въ Крейцнахъ: „Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Макаровъ, помѣщается много русскихъ, напримѣръ, профессоръ Одесскаго университета, Успенскій, нѣкто Яблочковъ, техникъ изобрѣтатель электрической свѣчи. Его находку пробуютъ въ настоящее время въ East India Docks и Waterloo Bridge, Кенсингтонскомъ, а позднѣе и въ Британскомъ музеяхъ. Съ нимъ молодая жена, или точнѣе госпожа, которую онъ выдаетъ за жену, затѣмъ тутъ же живетъ другой русскій техникъ Алисовъ, изобрѣтатель особой печатной машины. Онъ пріѣхалъ сюда брать привилегію и изготовляетъ въ Англіи эти машины. Его я еще не видалъ и знаю только по разсказамъ. Съ нимъ молоденькая жена, ему совсѣмъ не пара, — 45 и 20 лѣтъ,—очень, видимо, тѣмъ не менѣе влюбленная въ мужа (??) и въ его весьма разнообразныя техническія изобрѣтенія. Г-нъ Алисовъ теперь находится въ Манчестерѣ или Шеффильдѣ, и г-жа Алисова очень скучаетъ, особенно благодаря совершенному незнанію англійскаго языка. Понятно, вся наша русская молодежь всячески старается ее утѣшать и развлекать. Такъ въ пятницу ради нея вся наша компанія ѣдетъ въ Хрустальный Дворецъ. Со мной m-me Алисова очень мила и любезна, выражаетъ все свое сожалѣніе, видя, что я скучаю, не получая отъ тебя писемъ, и наконецъ настояла, чтобы вчера, находясь у ней въ гостяхъ, немедленно тебѣ отвѣтилъ, для чего даже ссудила меня своими письменными принадлежностями. Сама она также переживаетъ, видимо, какую-то тревогу". Нѣсколько позднѣе всѣ мужья, видимо, съѣхались, дамы утѣшились и стало еще веселѣе, хотя темы писемъ нѣсколько измѣнились.

Большую роль въ моей тогдашней перепискѣ занимаетъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, тогда всего-навсего частный преподаватель университета, командированный за границу (онъ, кажется, писалъ тогда свою докторскую диссертацію), которому суждено было впослѣдствіи сдѣлать такую блестящую карьеру, окончившуюся ужасной катастрофой. Я съ нимъ въ Москвѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ профессорства успѣлъ только слегка познакомиться, но

въ Лондонѣ я его засталъ совершенно одинокимъ, поселившимся Богъ знаетъ въ какой дали отъ центра и Британскаго музея, который онъ посѣщалъ, хотя и не особенно аккуратно, и видимо скучалъ безъ общества соотечественниковъ. Съ указанной выше компаніей онъ познакомился лишь во время моего пріѣзда и черезъ мое посредство. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ моей женѣ въ то время отъ 6 іюня: „Только сейчасъ вернулся, милая жена, отъ Боголѣпова, котораго, Богъ вѣдаетъ, куда занесло! Онъ живетъ на самомъ сѣверѣ Лондона, въ окрестностяхъ города, близъ Alexandra Palace и ѣхать къ нему надо было за Euston Road, по конно-желѣзной дорогѣ цѣлый часъ, а потомъ пѣшкомъ идти минутъ десять. Тамъ было вечеромъ уже совершенно безлюдно и темно, какъ въ Московскихъ Грузинахъ, такъ что мнѣ было немного жутко возвращаться, пока не добрался до трамвая и болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Живетъ онъ въ семьѣ, дешево, за 35 шиллинговъ въ недѣлю. Выучился по неволѣ говорить по-англійски, не видя два мѣсяца ни одной русской души, на зато Лондона и здѣшней общественной жизни совсѣмъ не видалъ, и не знаетъ, какъ будто въ Англіи и не былъ!! Онъ, видимо, радъ мнѣ чрезвычайно и безъ всякаго съ моей стороны вызова или нужды, разсказалъ мнѣ свой прерванный романъ, съ которымъ познакомлю тебя при свиданіи“.

Н. П. часто заходилъ ко мнѣ отводить душу о разныхъ матеріяхъ и, кажется, ему бѣдному очень тяжело было вспоминать вдали отъ родины Россію и своихъ близкихъ. Онъ безпрестанно, безъ всякаго напоминанія, возвращался на эту послѣднюю тему, видимо волнуемый мыслями и переживаніемъ стараго и дорогого ему. Вообще онъ охотно искалъ русской компаніи. Зная еще по Россіи, что онъ не особенный охотникъ до выпивки, я помню, напримѣръ, какъ разъ русская молодежь собиралась въ какой-то извѣстнѣйшій Gin-Palace, т. е. по-просту роскошный питейный домъ гдѣ-то на Totten ham Court Road, и забыли предложить компанію Н. П., онъ былъ очень обиженъ и настойчиво насъ упрекалъ, зачѣмъ мы его не включаемъ въ наше общество?? На дружескомъ обѣдѣ, который я давалъ тогда нѣсколькимъ россіянамъ по случаю дня рожденія моей жены, и гдѣ приглашенъ былъ также и Боголѣповъ, онъ былъ всѣхъ веселѣй и сказалъ очень милый и остроумный тостъ за мою жену, меня очень растрогавшій, и о которомъ я счелъ долгомъ подробно написать ей немедленно,

Участвуя такимъ образомъ въ нашихъ увеселеніяхъ и прогулкахъ русской компаніи, Николай Павловичъ, какъ красивый молодой человѣкъ, видимо, очень понравился нашимъ дамамъ, которыя

стали за нимъ ухаживать, а онъ въ свою очередь платить имъ удвоенной любезностью и разными услугами. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ своей супругѣ, отъ 20 іюня, значитъ, не долго спустя послѣ выше разсказаннаго: „Всѣ послѣдніе вечера, кромѣ трехъ", каялся я передъ женой, „я ухаживалъ напропалую, вмѣстѣ съ остальной компаніей за m-me Алисовой, которая представляетъ собою, какъ тебѣ уже извѣстно, весьма милую, но до крайности мало развитую, кисейную бабенку. Боголѣповъ, тотъ дошелъ до того", пишу я, „что является къ ней чуть не съ утра, какъ на службу, а легкомысленная бабочка все мучаетъ его съ Макаровымъ разными порученіями и комиссіями, которыя тѣ наперерывъ стараются исполнять. Боголѣповъ по этому случаю даже сочинилъ особенную теорію: „Общество этой госпожи", говоритъ онъ, „для меня благодаря ея красотѣ, также пріятно, какъ иная итальянская опера, безъ внутренняго содержанія!" Конечно, о такихъ удачныхъ сравненіяхъ своихъ поклонниковъ, какъ настоящее Н. П. Боголѣпова, m-me Алисова не знаетъ. Ну, довольно болтать о пустякахъ!!!"

Очень скоро, впрочемъ, мы всѣ замѣтили, какъ эта интересная дамочка начала отдавать всюду и всегда предпочтеніе, не стѣсняясь его выказывать, Николаю Павловичу, и тутъ же для насъ обнаружилось, насколько этотъ прекрасный человѣкъ, такъ несправедливо стертый съ лица земли рукой злой судьбы, стоялъ, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, выше обыкновенной толпы[1]. Несмотря на настойчивую любезность со стороны г-жи Алисовой и всякіе авансы въ отношеніи къ Николаю Павловичу, онъ началъ замѣтно отъ нея удаляться, а скоро совсѣмъ пересталъ бывать въ ея квартирѣ (Woburn Place 39). На нашъ щекотливый вопросъ: почему онъ удаляется ея общества и пересталъ бывать? Николай Павловичъ съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Почему вы такъ обо мнѣ дурно думаете?! Она меня забавляла и не болѣе того. Конечно, я не могу быть воромъ, и украсть жену у мужа никоимъ образомъ не рѣшусь". Таковы были нравственныя понятія этого замѣчательнаго человѣка; какіе бы недостатки онъ ни имѣлъ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ своихъ правилъ при всякомъ случаѣ и палъ на посту, какъ ча-

---

[1]) Судьба г-жи Алисовой весьма странная и романтичная. Какъ я слышалъ потомъ, она не была законной женой Алисова, и впослѣдствіи разошлась съ нимъ и вышла замужъ за извѣстнаго физика, профессора N. N. въ Петербургѣ, который вскорѣ перешелъ въ Варшавскій университетъ, но жена за нимъ въ теченіе года не хотѣла послѣдовать, и онъ, лишь съ большимъ трудомъ, съ помощью покойнаго Побѣдоносцева, съ ней развелся. Впослѣдствіи она вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго X. и умерла, относительно довольно молодая.

совой, вѣрный своему долгу, за то, что онъ думалъ по-своему, не согласно съ толпой и не старался плыть по теченію!!

Какъ ни пріятно мнѣ было имѣть свое подходящее общество въ Лондонѣ на этотъ разъ, но отсутствіе больной жены меня сильно безпокоило и тревожило, тѣмъ болѣе, что она писала далеко не такъ аккуратно, какъ я, и были дни, когда я не получалъ отъ нея совсѣмъ извѣстій. Поэтому, въ началѣ іюля, я отправился и притомъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Флиссингенъ въ Голландіи, на Кельнъ и Крейцнахъ, куда я пріѣхалъ быстро, 4-го іюля, къ пріятному удивленію не ожидавшей еще меня жены. Я засталъ ее сильно ослабѣвшей отъ лѣченія, чѣмъ всегда отличается замѣчательное дѣйствіе Крейцнахскихъ ваннъ, отъ которыхъ вмѣстѣ со слабостью, вѣроятно благодаря радіоактивности этихъ водъ, проходитъ постепенно болѣзнь и потомъ быстро возвращаются силы и здоровье. Недѣли двѣ я усердно ухаживалъ за больной, которая не могла даже свободно двигаться, и возилъ ее постоянно въ креслахъ, а черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, въ Швейцаріи, куда мы переселились, для Nachkur'а, она уже свободно ходила по горамъ и дѣлала со мной довольно большіе туры. Послѣ мѣсячнаго отдыха въ горахъ, по совѣту врачей, мы заѣхали въ Франценсбадъ взять нѣсколько грязевыхъ ваннъ и вернулись въ Москву съ легкимъ сердцемъ, къ счастью значительно поправивши здоровье.

Въ Москвѣ меня ждала куча разнообразнаго дѣла; два съ половиной года до тѣхъ поръ, я читалъ исторію финансовъ, гдѣ попутно съ историческими свѣдѣніями передавалъ и нѣкоторыя теоретическія, но въ этомъ году внезапно скончался Мильгаузенъ и мнѣ пришлось временно занять его каѳедру, т. е. теорію финансовъ; исторія пока осталась за штатомъ. Такимъ образомъ понадобилось составлять собственно новый курсъ теоріи науки, что дѣлалось вовсе не быстро, и весь конецъ 70-хъ годовъ прошелъ у меня за этой работой, составленіемъ и переработкой университескаго курса, впослѣдствіи напечатаннаго, и въ то же время цѣлаго ряда монографій по всевозможнымъ предметамъ и вопросамъ. Цѣлая масса, навѣрное, гораздо болѣе 20-и моихъ трудовъ, не считая переводовъ, напримѣръ, фабричныхъ законовъ, относится именно къ этой эпохѣ моей жизни, къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ. Эти работы и изслѣдованія опредѣлили не только всю мою научную физіономію и вкусы—достоинства и недостатки, но и дальнѣйшую судьбу моей жизни.

Еще продолженіе моей докторской диссертаціи о „Свободной Торговлѣ“ не было докончено, я все собиралъ матеріалъ и мѣнялъ планы, какъ уже начали появляться мои объемистыя изслѣдованія

разнаго рода. Только въ періодъ времени между напечатаніемъ двухъ выпусковъ „Свободной Торговли“ (1876—82 годовъ), я помѣстилъ цѣлый рядъ большихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ одна составила впослѣдствіи цѣлую книгу, имѣвшую два изданія, это „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ 1880 г.“. Монографія эта, для которой я нашелъ матеріалъ, попутно собирая его для своей книги о „Свободной Торговлѣ“, въ видѣ брошюръ и газетъ одного политическаго общества въ Ливерпулѣ, была написана первоначально въ 1878 году и помѣщена въ 1879 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а на другой годъ вышла въ Москвѣ отдѣльной книгой (перепечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1908 году, вторымъ изданіемъ). Цѣль этого изслѣдованія состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы обрисовать значеніе общественной самодѣятельности и частнаго почина для улучшенія государственныхъ финансовъ и управленія; во-вторыхъ, она заключалась въ томъ, чтобы дать образецъ критики англійскихъ государственныхъ расходовъ, такъ какъ соотвѣтствующая критика русскихъ расходовъ за то время была еще невозможна. Такъ понималъ задачу сочиненія Г. З. Елисѣевъ, предложившій ее мнѣ помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Другая серія статей, вслѣдъ за тѣмъ, въ 1880 г. напечатанная въ томъ же журналѣ, имѣла своимъ предметомъ „Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. Исторія ея такова: въ качествѣ члена Комиссіи, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ Долгорукимъ, для изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, я очень заинтересовался положеніемъ нашихъ рабочихъ и неустройствомъ фабрикъ. Собирая по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія для Россіи, я попутно знакомился съ соотвѣтственнымъ отдѣломъ общественнаго благоустройства въ Англіи, съ исторіей тамошняго фабричнаго законодательства и всѣхъ учрежденій, которыя привели къ улучшенію и прогрессу фабричнаго санитарнаго дѣла и улучшенію экономическаго положенія рабочихъ. Какъ разъ въ это время нѣкоторыя случайныя обстоятельства способствовали моимъ стремленіямъ въ этомъ направленіи; именно мой другъ Ковалевскій началъ издавать съ В. Ф. Миллеромъ „Критическое Обозрѣніе“, просуществовавшее, впрочемъ, короткое время, что-то около двухъ лѣтъ. Оно вступило немедленно въ обмѣнъ съ множествомъ, если не со всѣми русскими періодическими изданіями, которыя, однако, лежали въ редакціи „К. О.“ большею частью безъ употребленія. И вотъ, обѣщаясь дать за это посильную хронику и статейки, я выпросилъ ихъ себѣ и въ теченіе двухъ лѣтнихъ вакатовъ, проведенныхъ, благодаря нездоровью жены, въ деревнѣ

у ея родителей въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, я легко и удобно выбралъ изъ всѣхъ русскихъ изданій множество выписокъ и свѣдѣній, относящихся къ фабрикамъ. Переработавъ эти данныя, приведя въ порядокъ и сопоставивши должнымъ образомъ съ соотвѣтствующими фактами англійской фабричной жизни, я составилъ цѣлый рядъ довольно интересныхъ и во всякомъ случаѣ поучительныхъ для того времени статей объ общемъ санитарномъ состояніи русскихъ фабрикъ, а также положеніи у насъ безправномъ и беззащитномъ дѣтей и женщинъ и вообще рабочихъ и, параллельно, объ успѣхахъ и постоянномъ прогрессѣ англійскаго фабричнаго законодательства. Статьи мои, благодаря интересу сообщаемыхъ данныхъ, имѣли несомнѣнно значительный успѣхъ, что и выказалось мнѣ разнообразнымъ образомъ. Между прочимъ, впослѣдствіи, въ 1882 году, извѣстный министръ Н. Х. Бунге, пригласившій автора на только-что учрежденную должность фабричнаго инспектора, прямо мнѣ заявилъ, что въ значительной степени очерки мои остановили серьезно его вниманіе на этомъ вопросѣ, и что при предварительной законодательной работѣ, предшествовавшей выходу закона 1882 года, пришлось воспользоваться значительно этими трудами. Къ этой же категоріи относятся также и другія мои статьи, какъ напримѣръ: „Кто отвѣчаетъ за несчастіе съ рабочими"? напечатанная въ „Устояхъ", „Московскіе фабричные рабочіе", и „Промышленная статистика и фабричное законодательство" и т. д., слѣдовавшія довольно быстро другъ за другомъ, поддерживая и муссируя мысль въ обществѣ о необходимости пересмотра нашего устарѣвшаго фабричнаго и всего промышленнаго законодательства и большаго вниманія къ нуждамъ рабочихъ.

Фабричная комиссія князя Долгорукова въ Москвѣ также много, при томъ раньше всѣхъ, работала на пользу русскихъ рабочихъ и между прочимъ, въ свою очередь, толкала меня къ занятію фабричнымъ вопросомъ. Такъ, по порученію ея, я, напримѣръ, посѣтилъ въ Англіи и Швейцаріи нѣсколько фабричныхъ инспекторовъ, съ ними знакомился и съ ихъ помощью составилъ докладъ объ инспекторатѣ въ этихъ странахъ, который былъ напечатанъ въ Московской Комиссіи и быстро разошелся до полнаго истощенія запасовъ книжекъ, что лучше всего указывало на созрѣвшую потребность устройства и въ Россіи хорошо организованной спеціальной инспекціи за фабриками и заводами [1]).

---

[1]) См. „Объ инспекторатѣ въ Швейцаріи и Англіи 1880". Въ „Трудахъ Комиссіи, учрежд. московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ".

Успѣхъ конечно вызываетъ энергію и успѣхъ моихъ первыхъ статей, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, поощрялъ меня, несмотря на все усердіе занятій моихъ надъ продолженіемъ своей диссертаціи объ „Англійской Свободной Торговлѣ“, къ работѣ для журналовъ и на другія темы. Такъ въ 1879 году появилась, напримѣръ, моя большая статья въ журналѣ „Слово“ „О табачной монополіи въ Европѣ и вредныя послѣдствія ея введенія въ Россіи“. Въ этомъ очеркѣ я откликался тогда на назрѣвшій у насъ вопросъ и предложеніе, если не ошибаюсь министра финансовъ Грейга, ввести у насъ табачную монополію. Я подробно разобралъ условія введенія этой монополіи, стоимость операціи и тѣ невыгодныя и даже вредныя послѣдствія, которыя мѣра должна за собой повлечь. Я старался доказывать, что при общемъ характерѣ русскаго экономическаго строя и широкомъ господствѣ монопольнаго принципа, слѣдуетъ естественно желать для Россіи, въ интересахъ поднятія благосостоянія цѣлаго народа, не введенія новой монополіи, а возможно большаго уничтоженія старыхъ; не развитія въ обществѣ духа монополій, а искорененія его проявленій. Всякій шагъ въ этомъ смыслѣ, направленный къ свободной дѣятельности, утверждалъ я въ заключеніе, улучшитъ экономическое положеніе народа, а значитъ увеличитъ и средства самого Правительства, единственнымъ источникомъ котораго служитъ народное богатство. Въ заключеніе я напомнилъ, что можно считать почти аксіомой, что всякій налогъ и вообще источникъ государственнаго дохода, несомнѣнно легче установить, нежели уничтожить, почему и выборъ податныхъ источниковъ требуетъ особенной осторожности и крайней обдуманности. Единственнымъ девизомъ можетъ здѣсь служить практически мудрый совѣтъ Талейрана, обращенный къ юнымъ дипломатамъ: „Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!“

Статья эта имѣла несомнѣнный успѣхъ, что̀ выразилось во многихъ ко мнѣ письмахъ отъ разныхъ лицъ, совершенно не знакомыхъ. Кромѣ того, если вѣрить извѣстному г-ну Воейкову, то на доводы этой статьи было обращено вниманіе въ правительственныхъ кругахъ и она въ значительной степени способствовала оставленію втунѣ проекта ген.-ад. Грейга и замѣны монополіи лишь увеличеніемъ акциза. Еще въ 1877 году появилась моя большая статья въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ „Англійская торговая политика въ Ирландіи“, посвященная изслѣдованію отношеніи Англіи или, точнѣе, эксплоатаціи зависящей отъ нея Ирландіи и причинъ, частью, ея бѣдности; въ 1878 году появилось мое изслѣдованіе „Британскіе интересы на востокѣ“, по поводу себялюбивой англійской политики на Балканскомъ полуостровѣ и объясненія экономическихъ причинъ

ея вмѣшательства въ пользу турокъ. Въ 1878 году я прочелъ въ Москвѣ любопытный рефератъ о библіотечныхъ налогахъ и о возможномъ устройствѣ въ Россіи городскихъ общественныхъ библіотекъ,—вопросъ, тогда у насъ совершенно заброшенный. Указывая и доказывая на всѣ лады важность для дѣла народнаго просвѣщенія устройства хорошаго веденія общественныхъ библіотекъ, я взывалъ обратить на этотъ вопросъ болѣе серьезное вниманіе и послѣдовать хотя бы до нѣкоторой степени примѣру англичанъ и американцевъ. Я признавалъ, что препятствія къ этому у насъ (въ тогдашній періодъ самой мрачной политической реакціи), конечно, очень велики, но отнюдь не непреодолимы, если только большинство публики согласится съ моими выводами и признаетъ важность и серьезность задачи. Вопросъ объ устройствѣ городскихъ общественныхъ библіотекъ на новыхъ началахъ и размноженіе ихъ, можетъ быть, является, у насъ мечтой, но всѣ препятствія къ его осуществленію отнюдь нельзя считать непреодолимыми, требуется рядъ нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ и развитіе общественной самодѣятельности и тогда мечта можетъ превратиться въ дѣйствительность: „Des utopies jamais, des reformes toujours!“

Въ 1880 году на страницахъ „Недѣли“ появился мой очеркъ: „Англійскіе кабатчики“, описаніе силы и значенія всѣхъ питейныхъ торговцевъ, винокуровъ и пивоваровъ и вліяніе этой клики на внутреннюю жизнь и дѣятельность британскаго законодательства.

Въ 1880 же году я помѣстилъ въ журналѣ „Слово“ довольно любопытную статью о дѣятельности знаменитаго тогда Чарльса Брадло, подъ названіемъ „Новый типъ англійскаго радикализма“ и о той пользѣ, которую приносилъ этотъ энергичный человѣкъ своему родному англійскому обществу, борьбой съ суевѣріемъ и злоупотребленіями, или точнѣе вреднымъ вліяніемъ въ Англіи ея духовенства, между прочимъ и окончательнымъ освобожденіемъ англійской печати, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ связывавшихъ ее узъ и препятствій къ ея развитію. Отчасти въ связи съ этой статьей о Брадло, нѣсколько лѣтъ позднѣе, мной было написано большое изслѣдованіе, тоже помѣщенное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и содержащее въ себѣ нѣсколько главъ подъ именемъ: „Возрожденіе мальтузіанства“.

Самое сильное, по моему мнѣнію, впрочемъ, по оригинальности нѣкоторыхъ мнѣній и множеству собранныхъ фактовъ, представляетъ изъ того періода мое, можно сказать, изслѣдованіе, сдѣланное цѣликомъ въ стѣнахъ Британскаго музея и стоившее мнѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы и отвлеченія отъ моего труда по собиранію матеріала для второго тома „Англійской Свободной Торговли“. Я ра-

зумѣю свое изслѣдованіе объ отмѣнѣ соляного налога въ Англіи и Россіи, при чемъ наибольшее значеніе и тяжесть лежитъ въ первой, т. е. въ Англіи.

Единственная страна или государство, на исторіи котораго можно было тогда удобно изучить условія отмѣны соляного налога, была именно Англія, гдѣ съ 1825 года соляной налогъ уже былъ отмѣненъ. Надо было, слѣдовательно, лишь постараться опредѣлить послѣдствія и результаты этой отмѣны. Въ это самое время въ 1880 году извѣстный нашъ почтенный экономистъ А. А. Головачевъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, узнавши о моемъ предположеніи отправиться въ продолжительный заграничный отпускъ. Онъ предлагалъ мнѣ заняться, если буду въ Англіи, куда я и собирался, этимъ вопросомъ, постараться опредѣлить полезные результаты отмѣны соляного налога, чтобы этимъ до извѣстной степени дать толчекъ къ окончательной ликвидаціи у насъ нежелательнаго обложенія важнаго предмета народнаго питанія и не менѣе важнаго предмета для промышленности, скотоводства и т. д. Я охотно обѣщалъ Головачеву въ ближайшій же разъ своей поѣздки въ Англію серьезно заняться этимъ вопросомъ, для написанія ряда очерковъ, какъ онъ предлагалъ мнѣ, въ журналѣ „Слово“ (въ которомъ я уже участвовалъ раньше) при первой возможности.

Въ началѣ апрѣля 1880 года, я отправился съ женой за границу, въ продолжительный годичный отпускъ и на этотъ разъ, благодаря усердному писанію нѣсколько лѣтъ цѣлаго ряда крупныхъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“, гонораръ за который былъ сберегаемъ, съ хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ, мы въ первый разъ рѣшились съ женой на дерзкую прежде для насъ мысль—посѣтить и объѣхать Италію, что въ этотъ разъ и сдѣлали. Мы пробыли тамъ довольно продолжительное время (жена моя даже научилась говорить по-итальянски), осмотрѣли всѣ важнѣйшіе пункты страны, всѣ чудеса искусства и древняго міра, затѣмъ перебрались черезъ горный хребетъ Шплюгенъ въ мирную долину „Wallensee“ въ Швейцаріи, отдохнули отъ всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній и духовныхъ наслажденій, столько же, сколько отъ итальянской жары и пыли, и къ концу лѣта кончили тѣмъ же привычнымъ паломничествомъ въ стѣны милаго Британскаго музея. Конецъ моего изслѣдованія о „Свободной Торговлѣ“, совершенно передѣланный по новому плану, уже былъ видимо близокъ, но все-таки требовалъ очевидно еще порядочной, упорной работы, оставалось многое передумать и многое передѣлать, къ чему я и приступилъ въ привычныхъ стѣнахъ читальни Британскаго музея, гдѣ опять остался на цѣлую зиму, до будущаго

лѣта, надѣясь за это время покончить предпринятую задачу съ „Свободной Торговлей“, но какъ разъ именно въ это время я получилъ новое письмо отъ Головачева съ напоминаніемъ о необходимости спѣшить, въ виду ходящихъ въ обществѣ слуховъ, съ работой о соляномъ налогѣ и по русской поговоркѣ, которой, къ сожалѣнію, нѣсколько разъ мнѣ приходилось слѣдовать „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ“, я опять оставилъ второй выпускъ „Свободной Торговли“ и занялся, сначала равнодушно, потомъ постепенно съ истиннымъ увлеченіемъ изученіемъ вопроса о причинахъ и послѣдствіяхъ отмѣны соляного налога въ Англіи, чѣмъ я занимался почти непрерывно, начиная, примѣрно, съ ноября 1880 года до марта 1881 года.

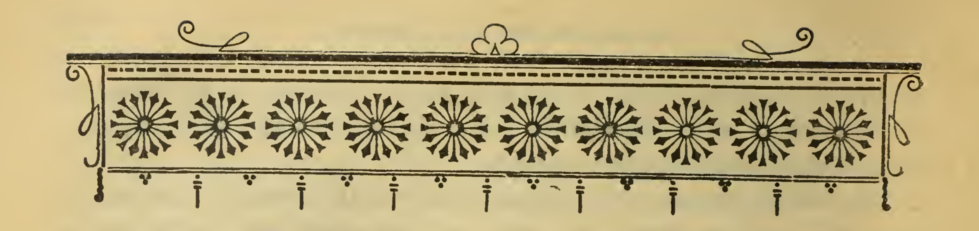
Я спѣшилъ ознакомиться, благодаря каталогу Британскаго музея, съ обширной литературой этого вопроса. Оказалось, во-первыхъ, необходимымъ для этой цѣли просмотрѣть извѣстнаго „Cobbet'a“ „Парламентскую исторію и дебаты“, за нѣсколько десятилѣтій, гдѣ были разбросаны различные запросы и проекты реформированнаго соляного налога и описывалась исторія его отмѣны, затѣмъ выступали противники и защитники этой формы обложенія въ первой половинѣ XIX вѣка и еще раньше. Вообще, оказалось, его изслѣдовали уже съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Цѣлый рядъ сочиненій, за много при томъ лѣтъ, по соляному налогу и вопросамъ, сюда относящимся, существовалъ въ отношеніи интересовъ земледѣлія, въ отношеніи интересовъ человѣческаго здравія, въ отношеніи интересовъ скотоводства, въ отношеніи интересовъ разнообразныхъ отраслей промышленности. По этому обѣ стороны, часто одинаково увлекаясь, приводили явныя несообразности, требовавшія непремѣнно строгой провѣрки. Мнѣ припоминается, напримѣръ, одинъ врачъ, чуть не посвятившій всю жизнь на доказательства разнообразнаго вреда для человѣка употребленія соли, при томъ для разныхъ болѣзней и при разныхъ случаяхъ. Чуть не большинство болѣзней онъ приписывалъ употребленію этой необходимой приправы къ пищѣ человѣка. Въ земледѣліи одни извѣстные агрономы защищали значеніе соли въ сельскомъ хозяйствѣ, другіе ничего не видѣли, кромѣ вреда. Въ промышленности, нѣкоторые вопросъ о соляномъ налогѣ въ Англіи дѣлали совершенно безразличнымъ для развитія и прогресса даннаго промысла, другіе, напротивъ, существованіе налога считали вѣчнымъ тормозомъ и препятствіемъ. Все это меня чрезвычайно интриговало и тянуло къ тому, чтобы наилучше разобраться въ вопросѣ. Съ другой стороны это оттягивало время окончанія взятой мной работы и вынуждало къ экскурсіямъ въ новыя области неизвѣстныхъ мнѣ

знаній. Я долженъ былъ продѣлать массу справокъ и въ химіи, и въ технологіи, и въ агрономіи, и въ лѣсномъ хозяйствѣ, и въ огородничествѣ, и въ гигіенѣ и т. д.

Наконецъ первая часть „Причины отмѣны соляного налога въ Англіи" была кончена, но, увы, въ это время отъ пріѣхавшихъ въ Лондонъ соотечественниковъ я узналъ печальную новость, что Головачевъ успѣлъ поссориться съ радикальной редакціей „Слова", въ которую онъ вошелъ, и долженъ былъ покинуть редакцію. Такимъ образомъ мнѣ предстояло подвергнуться, можетъ быть, непріятному отказу, въ случаѣ обращенія къ новой редакціи „Слова", для которой, конечно, старые заказы и условія прежней редакціи могли быть не только не обязательны, но даже прямо нежелательны къ исполненію. Послѣ нѣкотораго колебанія, я написалъ къ извѣстному мнѣ лично Г. З. Елисѣеву, одному изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ", и онъ напечаталъ первую статью о соли въ своемъ журналѣ. Но въ это время произошло давно желаемое въ Россіи событіе: Лорисъ-Меликовъ, находившійся тогда во главѣ правленія, идя навстрѣчу единодушно выражаемому желанію общества, отмѣнилъ соляной налогъ съ 1881 года, и такимъ образомъ работа моя потеряла, если не ученый, то публицистическій смыслъ и оправданіе: нечего бороться съ тѣмъ, съ чѣмъ не надо бороться. Это немедленно отразилось на судьбѣ моей статьи. Вслѣдъ за первой статьей должна была бы идти вторая о послѣдствіяхъ или результатахъ отмѣны, но, увы, она не появилась въ журналѣ. На запросъ мой у Елисѣева я получилъ печальный отвѣтъ, что Салтыковъ рѣшительно возсталъ, послѣ отмѣны налога, противъ помѣщенія моей статьи, какъ совершенно безполезной и не нужной для интересовъ читающей публики, такъ какъ она сама увидитъ эти послѣдствія. Я остался такимъ образомъ съ продолженіемъ и окончаніемъ своей статьи у себя на рукахъ. Не знаю, что пришлось бы мнѣ дѣлать съ этой работой, стоившей мнѣ многихъ мѣсяцевъ прилежнаго труда, если бы добрѣйшій М. М. Стасюлевичъ не заявилъ о своемъ согласіи пріютить мою изгнанную изъ „Отечественныхъ Записокъ" статью на страницахъ „Вѣстника Европы". Съ этого именно времени и началось мое участіе въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Покончивъ съ солянымъ вопросомъ, я, разумѣется, опять обратился къ продолженію прерванныхъ занятій надъ исторіей идей свободной торговли и конкурренціи

Иванъ Янжулъ.

*

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I[1].

(Великій князь Николай Михаиловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. II. Спб. 1909).

Въ исходѣ 1812 г., Елисавета Алексѣевна была дотого поглощена текущими событіями, что всѣ ея личныя заботы отошли на задній планъ; она ни о чемъ иномъ не могла думать и писать. Исходъ кампаніи и полное трагизма отступленіе французскихъ войскъ,—вотъ что составляетъ содержаніе ея длиннѣйшихъ писемъ къ маркграфинѣ Баденской, которой она старается изобразить событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

„Худо ли, хорошо, писала она матери 10 (22) ноября 1812 г., но я постараюсь дать вамъ понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Послѣ выступленія нашей арміи изъ Москвы, дѣла приняли для насъ благопріятный оборотъ; въ самомъ дѣлѣ, когда критическій моментъ миновалъ, преимущество, въ силу вещей, оказалось на нашей сторонѣ. Наполеонъ чрезъ чуръ отдалился отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ у него было сосредоточено продовольствіе, въ твердой увѣренности, что когда онъ вступитъ въ Москву, то императоръ будетъ этимъ встревоженъ, подпишетъ миръ и даже будетъ просить о заключеніи его, и что занятіе Москвы непріятелемъ произведетъ на народъ такое ошеломляющее впечатлѣніе, что онъ падетъ духомъ, не будетъ въ состояніи сдѣлать дальнѣйшихъ усилій, и такъ какъ занятіе Москвы разорило бы многихъ богатыхъ людей или угрожало бы имъ разореніемъ, то оно явилось бы

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

непреодолимымъ препятствіемъ къ продолженію войны. Онъ разсчитывалъ кромѣ того на народное возстаніе. Ничего этого не случилось: у всѣхъ была одна мысль, и занятіе Москвы, вызвавшее негодованіе и желаніе отомстить непріятелю, облегчило народу тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ.

„Благодаря преданности и храбрости нашего добраго народа, который инстинктивно, безо всякихъ указаній со стороны правительства, велъ войну по-испански, непріятелю становилось день ото дня труднѣе продовольствовать свое войско. Казаки—гроза французской арміи, задерживали фуражировъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, къ которымъ присоединились болѣзни, вызванныя плохимъ питаніемъ и чрезмѣрнымъ утомленіемъ, французская армія потеряла, во время своего пребыванія въ Москвѣ, столько людей, что я боюсь повторить цифру, которую называютъ, изъ боязни, что она покажется преувеличенной.

„Чувствуя, что онъ не въ состояніи провести зиму въ этомъ положеніи, Наполеонъ хотѣлъ перейти въ южныя губерніи, доступъ въ которыя охранялся нашими главными силами. Произошло нѣсколько мелкихъ сраженій; непоколебимая стойкость нашихъ войскъ преградила ему всѣ пути; наконецъ, послѣ довольно значительнаго дѣла, французы были окончательно оттѣснены, и непріятельская армія стала такъ поспѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой она шла, что это отступленіе смѣло можно назвать бѣгствомъ; за это время нами взято множество пушекъ и плѣнныхъ“.

„Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи должна быть эта армія, отступая по дорогѣ, гдѣ она и ранѣе находила весьма мало продовольствія. Французы давно уже питаются кониной и чаще всего дохлой кониной; мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что имъ приходится употреблять еще болѣе ужасную пищу, а именно человѣческое мясо. Несмотря на это, они падаютъ по дорогѣ отъ голода и истощенія. Упряжныхъ лошадей, которымъ совершенно нечего ѣсть, падаетъ по пять, по шесть штукъ въ день, такъ что нѣтъ возможности везти артиллерію и французы зарываютъ въ землю и заклепываютъ орудія, чтобы они не достались нашей арміи“.

„На-дняхъ, цѣлый двухтысячный корпусъ кавалеріи съ генераломъ Ожеро, братомъ маршала, сдался безъ выстрѣла съ оружіемъ и лошадьми. Къ намъ является множество офицеровъ, выражающихъ желаніе поступить къ намъ на службу только для того, чтобы не умереть съ голода; я прилагаю точную копію съ двухъ перехваченныхъ нами писемъ вице-короля италіанскаго къ Бертье, которыя

подтвердятъ справедливость того, что я говорю. Французская армія находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что если лица, командующія нашей арміей, не сдѣлаютъ величайшихъ ошибокъ, то она будетъ вынуждена сдаться до послѣдняго человѣка. Французская армія находится въ окрестностяхъ Смоленска. Нашъ храбрый Витгенштейнъ (болѣе всѣхъ отличившійся въ этой войнѣ) находится справа, главныя силы арміи налѣво, а впереди отрѣзываетъ непріятелю путь армія Чичагова".

„Бросивъ взглядъ на карту, вы легко себѣ представите эту позицію и поймете, что самъ Наполеонъ легко можетъ попасть въ плѣнъ; впрочемъ, я этого не думаю, онъ навѣрно, такъ или иначе, найдетъ средство спасти свою драгоцѣнную особу.

„Въ то время, какъ французская армія старалась проникнуть въ южныя губерніи, въ Москвѣ остался незначительный гарнизонъ; корпусъ Винцингероде, охранявшій дорогу въ Петербургъ, вступилъ въ Москву, и тутъ-то Винцингероде, имѣвшій неосторожность выступить парламентеромъ, былъ измѣннически взятъ въ плѣнъ; только такіе низкіе люди, какъ французы, въ состояніи захватить парламентера. Винцингероде думалъ, что ему удастся убѣдить гарнизонъ сдаться и предупредить взрывъ Кремля, который подготовлялся, какъ это ему было извѣстно. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ одновременно съ гарнизономъ, а Кремль былъ взорванъ и сожженъ, уцѣлѣли одни соборы, которые самымъ страннымъ, можно сказать даже самымъ чудеснымъ образомъ, остались невредимы".

„Прилагаю маленькую брошюрку, которая быть можетъ васъ заинтересуетъ, дорогая мама; она даетъ точную и вѣрную, хотя и не достаточно полную картину того, что было. Пришлось бы исписать цѣлые томы, чтобы изобразить всѣ ужасы, совершенные французами въ Москвѣ, а баварцами въ Витебксѣ и Полоцкѣ, и чтобы описать всѣ черты патріотизма, геройства, преданности, великодушія и милосердія къ врагамъ, выказанныя нашимъ прекраснымъ русскимъ народомъ. Съ іюня мѣсяца, когда разразилось бѣдствіе, я пережила цѣлую вѣчность. Волненіе, которое я испытывала, постоянно возростало: я испытывала негодованіе, ужасъ, жалость, я самымъ искреннимъ образомъ восхищалась нашимъ народомъ, глубоко сочувствовала его страданіямъ, а въ настоящую минуту я чувствую искреннее состраданіе къ нашимъ врагамъ, къ ихъ страданіямъ и недовѣріе къ нѣкоторымъ личностямъ. Одно время приходилось день и ночь волноваться за безопасность общества и даже за личную безопасность императора, такъ какъ помимо всѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣли, нетрудно было представить себѣ, что коварный Наполеонъ пуститъ въ ходъ обычныя свои

орудія,—измѣну и преступленіе. Всего этого довольно, чтобы наполнить жизнь.

„Я имѣла сегодня удовольствіе видѣть Винцингероде, который былъ взятъ въ плѣнъ съ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которыми командовалъ ген.-адъютантъ Чернышевъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ, по поводу его поѣздокъ изъ Парижа въ Потербургъ и обратно. Освобожденіе Винцингероде есть опять таки eine Fügung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой Чернышевъ проѣзжалъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винцингероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфаліи; его растрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе видѣть его. Все, что онъ разсказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ (мнѣ впервые довелось слышать о нихъ) было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по высочайшему повелѣнію, цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо.

„Это одна изъ тѣхъ подробностей, которыя доказываютъ дьявольскіе поступки этого чудовища. Я склонна думать, что онъ нарочно возложилъ это порученіе на баденскія войска. Вообще, говорятъ, что нѣмецкія войска совершенно деморализованы и не уступаютъ французамъ въ звѣрствѣ. Въ Полоцкѣ баварцы вошли въ одинъ домъ, гдѣ какая-то старуха содержала пансіонъ для дѣвочекъ; они переломали бѣдной старухѣ руки и ноги, и она умерла отъ боли; когда дѣти кинулись къ ней, то эти злые люди стали наносить малюткамъ удары саблей и убили нѣсколько дѣвочекъ. Какое ненужное звѣрство! Даже дикари не убиваютъ женщинъ и дѣтей.

„Приведу еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ нашъ народъ. Одинъ русскій офицеръ, проѣзжая съ казаками по деревнѣ, въ окрестностяхъ Москвы, остановился у избы и спросилъ: „нѣтъ ли у васъ французовъ?“ На неоднократно повторенный вопросъ, крестьянинъ робко отвѣтилъ „нѣтъ“, а потомъ сказалъ: а ежели у меня найдется французъ, вы его не тронете? И офицеръ, войдя въ избу, увидалъ француза въ кругу семьи.

„Онъ боленъ и усталъ, сказалъ крестьянинъ, какъ не пріютить его? Чтобы понять всю прелесть этого разсказа, надобно знать, что русскій народъ всегда недолюбливалъ французовъ, а со

времени войны крестьне относятся къ нимъ съ вполнѣ понятной ненавистью. Этотъ случай говоритъ о человѣколюбіи народа, а вотъ другой случай, доказывающій его геройство: французы захватили въ Москвѣ нѣсколько крестьянъ и хотѣли заставить ихъ сражаться въ рядахъ своего войска, а чтобы они не бѣжали, имъ ставили на рукѣ клейма подобно тому, какъ на заводѣ клеймятъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ, что значитъ это клеймо; ему отвѣтили, что это знакъ того, что онъ теперь французскій солдатъ. „Какъ, я солдатъ французскаго императора", воскликнулъ онъ и, схвативъ топоръ, отрубилъ себѣ руку и, кинувъ ее къ ногамъ присутствующихъ, сказалъ: „на-те вамъ ваше клеймо".

Въ Москвѣ же французы захватили человѣкъ двадцать крестьянъ, думая этимъ напугать народъ, который задерживалъ фуражировъ не хуже заправскихъ регулярныхъ войскъ. Французы поставили крестьянъ у стѣны и прочли имъ смертный приговоръ по-русски, ожидая, что они будутъ просить о помилованіи; вмѣсто этого крестьяне стали прощаться другъ съ другомъ и креститься. Когда выстрѣлили въ перваго, то думали, что другіе испугаются и станутъ просить пощады, но упалъ второй, третій—упали всѣ двадцать человѣкъ, и ни одинъ не пытался даже просить непріятеля о пощадѣ и милосердіи. Наполеону не удалось осквернить этого слова въ Россіи.

„Тотъ, кто сколько-нибудь заблуждался на его счетъ, и кто видѣлъ его у насъ, отрезвится отъ своихъ иллюзій: онъ повсюду былъ достоинъ себя! Святотатства, совершенныя его арміей, не поддаются описанію. Они нарочно совершаютъ въ церквахъ самыя гнусныя вещи. Одинъ русскій генералъ, у котораго живетъ въ лакеяхъ турокъ, вошелъ въ одну изъ оскверненныхъ французами церквей, и слуга мусульманинъ спросилъ его съ негодованіемъ: „французы-то, стало быть, нехристи". Въ Московскихъ монастыряхъ они затаскивали монахинь въ алтарь и насиловали ихъ на престолѣ. Впрочемъ, они поступали точно такъ же и въ Испаніи, гдѣ народъ исповѣдуетъ одну вѣру съ ними; поэтому, все то, что они продѣлывали тутъ, не представляетъ ничего особеннаго.

„Все имѣетъ свою хорошую сторону; это можно сказать и о тѣхъ страданіяхъ, которыя Россія вынесла за эти шесть мѣсяцевъ. Помимо политическаго значенія, какое эта война будетъ имѣть для Россіи, ея нравственное вліяніе уже сказалось. Удивительно, до какой степени всѣ эти событія и явное покровительство Божіе укрѣпили den religiösen Sinn и вызвали истинное милосердіе, ибо оно простирается одинаково на враговъ и на друзей. Нѣтъ того маленькаго провинціальнаго городка, черезъ который слѣдуютъ плѣн-

ные, гдѣ бы жители не удовлетворили ихъ нуждъ по своему собственному почину. Я уже не говорю о русскихъ, которыхъ принимаютъ въ губерніяхъ, не пострадавшихъ отъ войны, съ истинно братскимъ милосердіемъ.

„Остатки французской арміи, которые должны были удержать Вильно, только прошли черезъ этотъ городъ, оставивъ его въ нашихъ рукахъ со всѣмъ, что тамъ было заготовлено, и оставивъ намъ множество плѣнныхъ. Ложь, распространяемая газетами, смѣшна, такъ какъ мы знаемъ, насколько имъ можно вѣрить, но въ сущности она возмутительна и оскорбительна для тѣхъ несчастныхъ, которые умираютъ отъ холода и голода на дорогахъ, въ то время какъ въ газетахъ пишутъ, что войска снабжены въ изобиліи съѣстными припасами, что они имѣютъ зимнія квартиры и теплую одежду. Со временемъ трудно будетъ повѣрить разсказу о невѣроятномъ бѣгствѣ французской арміи. Оно показываетъ, что величайшій человѣкъ нашего времени просто на просто шарлатанъ, и что его геній испарился, когда ему оказали твердое и стойкое противодѣйствіе: теперь мы имѣемъ тому доказательства.

„Онъ вступилъ въ Россію въ тотъ моментъ, когда превосходный урожай могъ дать ему всѣ средства къ продовольствію; ему отдали безъ боя всю мѣстность, гдѣ находилась эта жатва, онъ могъ бы устроить запасные магазины, остановиться въ Смоленскѣ, укрѣпиться въ немъ и нанести намъ весьма чувствительный ударъ. Вмѣсто этого, увлекшись жалкой славой и желаніемъ предписать намъ миръ въ Москвѣ, онъ проникъ неосмотрительно въ глубь страны и потерялъ вслѣдствіе этого въ три мѣсяца армію и занятыя имъ губерніи“.

Достаточно вышеприведенныхъ выдержекъ, чтобы видѣть, какъ глубоко взволновала Елисавету Алексѣевну кровавая война 1812 г., оставившая въ ея отзывчивой душѣ неизгладимый слѣдъ.

Она своими глазами видѣла, какъ старъ и младъ готовы были принести себя въ жертву, чтобы спасти отечество, какъ всѣ сословія, отъ простого крестьянина до первыхъ сановниковъ, спѣшили помочь святому дѣлу, кто чѣмъ могъ. Но передъ ней раскрылась и обратная его сторона: сотни раненыхъ, искалѣченныхъ воиновъ наполнили Россію, тысячи несчастныхъ семействъ потеряли отцовъ, мужей и братьевъ; образовалась страшная нищета, которая взывала о поддержкѣ и помощи, и когда между нѣкоторыми лицами въ Петербургѣ и Москвѣ возникла мысль организовать общество, коего цѣлью было бы облегчить положеніе этихъ страдальцевъ, то молодая императрица стала во главѣ этихъ лицъ. Такъ возникло патріотическое общество, начавшее свою дѣятельность 12 ноября 1812 г.

Оно поставило себѣ цѣлью „раздавать разореннымъ войной пособія на первыя необходимыя потребности, помѣщать бѣдныхъ, увѣчныхъ и слабыхъ въ казенныя или частныя больницы; ходатайствовать о помѣщеніи дѣтей бѣдныхъ родителей на казенное содержаніе въ училища или для обученія ремесламъ; доставить помѣщеніе тѣмъ изъ бѣдныхъ, которые собственными трудами могли снискивать себѣ пропитаніе; доставлять разоренным ремесленникамъ средства къ отправленію работъ, и, наконецъ, призрѣвать сиротъ, оставшихся послѣ разоренныхъ родителей, для чего и было учреждено особое училище.

„Въ это заведеніе, названное училищемъ сиротъ и учрежденное для воспитанія дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ, павшихъ на полѣ брани, или лишившихся достоянія въ 1812 году, поступило въ началѣ 24 воспитанницы на иждивеніе общества патріотическихъ дамъ. Попеченіе объ этомъ заведеніи, извѣстномъ впослѣдствіи подъ именемъ „Патріотическаго института“, составляло лишь часть многосложныхъ обязанностей, принятыхъ на себя патріотическимъ обществомъ, дѣятельными членами котораго были между прочимъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ и секретарь императрицы, Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

Императрица всецѣло отдалась заботамъ о раненыхъ и плѣнныхъ. „Дотолѣ забытая всѣми, Елисавета Алексѣевна явилась ангеломъ хранителемъ страждущихъ, имя ея стало сразу извѣстно въ Россіи, гдѣ въ самыхъ разнообразныхъ закоулкахъ вспоминали о ней съ благоговѣніемъ. Она показала, что могла стоять на высотѣ своего положенія; здѣсь сходятся о ней показанія всѣхъ ея современниковъ. Стоитъ прочесть любую изъ записокъ императрицы къ Н. М. Лонгинову или письма ея къ близкимъ ей изъ числа русскихъ дамъ, чтобы убѣдиться въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ любви къ ближнему, которыя она съумѣла проявить въ эти тяжелые для Россіи дни“.

Въ теченіе 1812 года императрица видѣла своего супруга только урывками; весь 1813 годъ Александръ находился при арміи, и императрицѣ приходилось жить одной въ Петербургѣ или его окрестностяхъ. Она страшно скучала отъ однообразной, монотонной жизни и поддерживала въ себѣ, какъ могла, бодрость духа и вѣру въ благопріятный исходъ кампаніи. Не зная, чѣмъ кончится война, перенесенная за границу, она страдала за свою германскую родину.

„Какое впечатлѣніе произведетъ постыдное возвращеніе (Наполеона) въ Германіи?—писала она маркграфинѣ Баденской. Неужели нѣмецкіе принцы не прозрѣютъ и не воспользуются обстоятельствами, чтобы сбросить съ себя постыдное иго, которое они несли такъ

долго? Если же они по-прежнему будутъ оставаться въ подчиненіи Франціи, то, признаюсь, это внушаетъ мнѣ опасенія за будущее; я знаю, что Тироль только и ждетъ сигнала къ возстанію, и что въ разныхъ частяхъ Германіи и Италіи поддерживаютъ сношенія съ Тиролемъ. Если принцы не станутъ добровольно на защиту праваго дѣла, ихъ собственнаго дѣла, то можетъ случиться, что народъ сдѣлаетъ попытку освободить ихъ отъ французскаго ига, вопреки ихъ собственному желанію, а вы знаете, къ какимъ страшнымъ мѣрамъ прибѣгаетъ народъ и какъ трудно предвидѣть, на чемъ онъ остановится. Поэтому я самымъ серьезнымъ образомъ прошу васъ, дорогая мама, повліять, насколько это въ вашей власти, на то, чтобы въ подобный моментъ, если только дѣло до этого дойдетъ, принцы предупредили своихъ подданныхъ и отказались бы дѣйствовать совмѣстно съ французами; въ случаѣ возстанія это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить себѣ личную безопасность. Виданное ли это дѣло, чтобы народъ заставлялъ своихъ принцевъ дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ честь и ихъ собственные интересы. Весьма возможно, что мои предсказанія не сбудутся, и что дѣла примутъ совсѣмъ иной оборотъ, но среди безчисленныхъ видовъ на будущее, которые представляются уму въ настоящій критическій моментъ, мнѣ рисуется единственная опасность, — та именно, о которой я говорю".

Переносясь мысленно въ свою далекую родину, съ нѣжнымъ участіемъ заботясь о раненыхъ, увѣчныхъ и плѣнныхъ соотечественникахъ, пришедшихъ въ Россію въ составѣ Великой арміи Наполеона, Елисавета Алексѣевна, какъ женщина и любящая супруга, „радовалась въ то же время величію, которое окружало Александра I, и желала ему сердечно и ореола освободителя Европы", хотя она своимъ проницательнымъ умомъ понимала ясно, что для русскихъ интересовъ и для величія Россіи было бы быть можетъ выгоднѣе и цѣлесообразнѣе заключить достойный миръ и не вторгаться въ дѣла Европы.

Цѣлый годъ провела императрица вдали отъ своего царственнаго супруга, получая отъ него довольно рѣдко и довольно отрывочныя извѣстія. Томленіе, которое она чувствовала въ своемъ одиночествѣ, стало невыносимо, когда наши войска подошли къ Бадену, и когда она, такъ давно и такъ страстно мечтавшая о свиданіи съ нѣжно любимой матерью и съ сестрами, представляла себѣ, что императоръ и другіе увидятъ дорогихъ ея сердцу людей, къ которымъ рвалось ея сердце; нѣсколько писемъ ея къ матери живо передаютъ чувства, вызванныя въ ней этими мыслями, а радостный, ликующій тонъ, которымъ она сообщила матери извѣстіе о пред-

стоявшей ей поѣздкѣ въ Германію, говоритъ о томъ, какъ она истомилась за это время въ своемъ нравственномъ одиночествѣ.

„Кто бы могъ думать прошлый годъ, въ это самое время, писала Елисавета Алексѣевна маркграфинѣ Баденской, 16 (28) ноября 1813 г., что черезъ годъ наши войска и императоръ будутъ въ двухъ шагахъ отъ васъ, дорогая мама! Въ переживаемое нами время жизнь походитъ на сонъ! Ахъ, если бы въ этомъ сновидѣніи могло осуществиться самое горячее душевное желаніе мое, если бы я могла увидѣться съ вами въ Карлсруэ! Но нѣтъ, это останется на вѣки мечтою! Люди, пришедшіе изъ отдаленной Сибири, будутъ можетъ быть подъ стѣнами Парижа, испанцы и русскіе протянутъ другъ другу руку во Франціи, я же, которая всей душою стремлюсь къ вамъ, я не увижу васъ, я не встрѣчусь болѣе съ вами! Наши офицеры быть можетъ скажутъ мнѣ, вернувшись въ Россію: „Мы имѣли счастье видѣть Вашу матушку!“

„Отчего же это не я видѣлась съ нею!“ воскликну я въ отвѣтъ.

„Увѣряю васъ, мама, что желаніе побывать у васъ томитъ меня послѣднее время, какъ лихорадка. Но это желаніе надобно подавлять: право, можно подумать, что нѣкоторые люди живутъ на свѣтѣ только для того, чтобы упражняться въ этой добродѣтели“.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ было написано это письмо, Елисавета Алексѣевна получила отъ императора письмо, въ которомъ онъ сообщалъ ей, что скоро будетъ въ Карлсруэ и увидится съ ея матерью и сестрами, и что если обстоятельства позволятъ, онъ былъ бы очень счастливъ доставить ей возможность повидаться съ матерью.

„Эти слова, писала императрица, глубоко тронули и взволновали меня... Итакъ, если пребываніе его въ Германіи продлится еще мѣсяцевъ шесть или болѣе... я не рѣшаюсь дописать этой фразы, такъ какъ я побаиваюсь возможности этого высшаго счастья и думаю, что я сойду съ ума, если мечта, которую я лелѣяла столько лѣтъ, осуществится“...

Поѣздка государыни въ Баденъ была окончательно рѣшена, и 19 декабря 1813 г. она тронулась въ дальній путь, на родину, которую не видала съ 1792 г., т. е. 21 годъ.

Государыню сопровождали: ея сестра, принцесса Амалія, статсъ-дама княгиня Анна Михайловна Прозоровская, фрейлины Валуева и Стурдза, баронесса Боде, оберъ-камергеръ А. А. Нарышкинъ, гофмейстеръ князь К. М. Голицынъ и докторъ Штофрегенъ; послѣдній былъ взятъ по настоянію вдовствующей императрицы.

Отсутствіе Елисаветы Алексѣевны изъ Россіи продолжалось два года—на это время изсякъ тотъ драгоцѣнный источникъ, изъ

котораго можно черпать обильный матеріалъ для ея біографіи: ея переписка съ матерью прекратилась; за 1814 г. нѣтъ вообще ни одного письма, такъ что объ ея жизни за границей можно составить себѣ понятіе только по разсказамъ постороннихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи интересны записки А. С. Шишкова, бывшаго одновременно съ императрицею въ Баденѣ, и воспоминанія придворной дамы маркграфини, Каролины фонъ-Фрейштедтъ; ихъ разсказы взаимно дополняютъ другъ друга, но по нимъ можно возстановить только рядъ внѣшнихъ фактовъ изъ жизни Елисаветы Алексѣевны за это время, что же касается ея душевнаго міра, ея внутреннихъ переживаній, ея отношенія къ фактамъ и событіямъ и тѣхъ впечатлѣній, какія она вынесла изъ пребыванія на родинѣ, изъ свиданія съ родными и изъ встрѣчъ съ людьми, которые, также какъ и она, за эти двадцать лѣтъ сильно измѣнились и которымъ при встрѣчѣ пришлось отказаться отъ многихъ иллюзій,—обо всемъ этомъ можно только догадываться по отдѣльнымъ, случайнымъ намекамъ. Изъ нихъ слагается впечатлѣніе, что поѣздка, о которой императрица, живя въ Россіи, мечтала, какъ о какомъ-то недосягаемомъ райскомъ блаженствѣ, не дала ей того удовлетворенія и душевнаго отдыха, котораго она жаждала, и что тотъ ореолъ, въ которомъ рисовались ей издалека люди и отношенія, съ которыми были связаны воспоминанія ея дѣтства, померкъ, оставивъ въ ея душѣ горькій осадокъ неудовлетворенности и грусти.

23 января (4 февраля) 1814 г. императрица прибыла съ сестрою въ Бруксаль, загородный дворецъ маркграфини Баденской, въ тридцати верстахъ отъ Карлсруэ, гдѣ ихъ ожидала мать.

Въ Бруксалѣ всѣ были радостно взволнованы пріѣздомъ императрицы, и встрѣча въ замкѣ была обставлена весьма торжественно.

Приближенная маркграфини, Каролина Фрейштедтъ, въ воспоминаніи которой Елисавета Алексѣевна рисовалась очаровательной, граціозной и веселой тринадцатилѣтней дѣвочкой, съ чуднымъ станомъ, золотистыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ лепестокъ розы, была изумлена перемѣной, происшедшей въ ея наружности; тогда она была „хороша какъ ангелъ“, теперь „ея талія пополнѣла, цвѣтъ лица былъ красноватый, одѣта она была старомодно; сохранился только прелестный тембръ голоса и прекрасный ростъ, какимъ она всегда отличалась. Климатъ, образъ жизни, гнетъ, подъ которымъ она такъ долго жила, наложили, говоритъ г-жа Фрейштедтъ, на всю ея фигуру какой-то особый отпечатокъ“.

Таково было первое впечатлѣніе.

Въ первые же дни по прибытіи императрицы, въ Бруксалъ пріѣ-

хала, чтобы познакомиться съ нею, гроссгерцогиня Стефанія, супруга ея брата, бракомъ котораго, какъ мы знаемъ, Елисавета Алексѣевна была очень недовольна.

„Она была принята императрицей болѣе чѣмъ холодно, что̀ объясняется отчасти тогдашними обстоятельствами, ибо въ то время было въ модѣ относиться ко всему французскому съ ненавистью. Во время этого перваго свиданія гроссгерцогиня вся дрожала, и только ласковое обхожденіе съ нею маркграфини дало ей возможность овладѣть собою".

Подобная встрѣча, разумѣется, не могла положить начало добрымъ отношеніямъ между Елисаветой Алексѣевной и женою ея брата; онѣ остались не только холодны, но даже враждебны, и эта враждебность сказывалась не разъ довольно бурными объясненіями, во время которыхъ императрица ставила Стефаніи въ укоръ, что, выходя замужъ за ея брата, она думала, что „дѣлаетъ этимъ честь баденскому дому; гроссгерцогиня рыдала и ссылалась на свою крайнюю молодость. Эти тягостныя сцены чрезвычайно смущали маркграфиню Баденскую, всегда старавшуюся смягчить тяжелое положеніе своей невѣстки".

По случаю пріѣзда императрицы, въ Карлсруэ и Бруксаль съѣхалось много высокопоставленныхъ и коронованныхъ особъ: „при каждой встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, напоминавшимъ ей ея счастливое дѣтство, императрица выказывала трогательную радость".

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала къ матери баварская королева. Въ первый моментъ она не могла хорошенько разобраться въ перемѣнѣ, происшедшей въ ея сестрѣ; она нашла императрицу нѣсколько чопорной и совершенно не узнавала въ ней прежнюю веселую, естественную принцессу Луизу. Мало по малу это неблагопріятное впечатлѣніе разсѣялось, но прежняя симпатія не вернулась. Королева говорила, что ея сестра „слишкомъ много начиталась исторіи и, изучая характеръ другихъ людей, утратила свою собственную физіономію".

Посѣтили Бруксаль, проѣздомъ во Францію и обратно, и юные великіе князья Николай и Михаилъ, выказывавшіе Елисаветѣ Алексѣевнѣ самую нѣжную привязанность. Они были веселы и жизнерадостны. Послѣ ихъ отъѣзда, маркграфиня, которая была ими очарована, выразила свое удивленіе къ вдовствующей императрицѣ, руководившей ихъ воспитаніемъ, и находила, что ея дочери, императрица Елисавета и принцесса Амалія относились къ ней не вполнѣ справедливо.

Окруженная своими дѣтьми, маркграфиня была не всегда довольна; кто былъ этому виною, сказать трудно. „Мать, быть можетъ,

требовала отъ дочерей слишкомъ большого подчиненія, какое онѣ оказывали ей въ дѣтствѣ; дочери, ставшія самостоятельными, смотрѣли на многія вещи иначе, чѣмъ мать; въ особенности это бросалось въ глаза, когда онѣ были всѣ вмѣстѣ".

По свидѣтельству г-жи Фрейштедтъ, между матерью и дочерьми не было полнаго согласія. Дочери любили проводить время вмѣстѣ, и мать считала себя заброшенной; это и было источникомъ постоянныхъ недоразумѣній.

„Она мнѣ говорила не разъ, что ее считаютъ очень счастливой, когда она окружена дочерьми, а между тѣмъ она никогда не бываетъ такъ одинока. Единственнымъ исключеніемъ была королева баварская, которая была всегда къ ней внимательна, и маркграфиня часто говорила, что если бы ей пришлось зависѣть отъ одной изъ своихъ дочерей, то она безусловно поручила бы себя попеченію этой послѣдней. Императрица, по ея мнѣнію, также бывала бы съ ней чаще, если бы не принцесса Амалія, которая имѣла вліяніе на сестру и была противъ этого. Это были мимолетныя тучи, но онѣ все же омрачали жизнь".

Посѣтила Брукзаль на короткое время и великая княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга Константина Павловича, съ которой Елисавета Алексѣевна подружилась по пріѣздѣ въ Россію.

Въ теченіе лѣта императрица совершила поѣздку въ Гейдельбергъ, Мангеймъ, Рорбахъ, въ долину Неккера, во всѣ мѣста, которыя были связаны для нея съ какими-нибудь воспоминаніями. Очень красочно описываетъ, своимъ характернымъ стилемъ, эти поѣздки А. С. Шишковъ.

„Императрица съ маркграфинею поѣхали изъ Брукзаля въ Карлсруэ, и мы за ними. Любо теперь русскимъ разъѣзжать; во всякой деревнѣ и мѣстечкѣ нѣтъ человѣка, который бы съ веселымъ миромъ не снялъ шляпы и не кланялся; женщины въ окнахъ присѣдаютъ; ребятишки, лишь только увидятъ русскую повозку, откуда возьмутся, бѣгутъ кучами и кричитъ: „Ура, казакъ!" Это слово и вездѣ у нихъ затвержено".

„Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасный; городъ весь освѣщенъ; народу пропасть; и было бы очень весело ходить по улицамъ, если бъ тишина и порядокъ лучше наблюдались; но странный обычай препятствовалъ прогуливаться съ удовольствіемъ: здѣсь всякій, кто хочетъ, можетъ палить, иной изъ окна, иной въ воротахъ, изъ маленькой пушечки; иной въ тѣснотѣ, подлѣ самаго твоего уха выстрѣлитъ изъ пистолета, иной подъ ноги къ тебѣ бросить пороховую хлопушку; и это вездѣ, по всѣмъ улицамъ, такъ что непривыкшему покажется, будто непріятель ворвался, и происходитъ сра-

женіе. Я думаю, если у насъ вдругъ это сдѣлать, то вѣрно не прошло бы безъ несчастныхъ приключеній, или по крайней мѣрѣ на другой день множество женщинъ отъ испуга лежали бы въ постели. Впрочемъ, не было никакихъ увеселительныхъ огней или ракетъ, но только одна пальба и хлопанье. Праздникъ этотъ былъ по случаю пріѣзда императрицы, но, сказываютъ, что это и передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду здѣсь продолжалось. По сю пору не могутъ опомниться отъ радости: такъ имъ Наполеонъ былъ солонъ!“

Изъ Карлсруэ императрица ѣздила въ Раштадтъ, къ графинѣ Витгенштейнъ, которая разрѣшилась тамъ отъ бремени. Елисавета Алексѣевна была ея воспреемницею и подарила графинѣ ожерелье въ десять тысячъ рублей.

Вспоминаетъ Шишковъ еще поѣздку въ Мангеймъ и въ долину Неккера: „Въ Мангеймъ мы пріѣхали въ четыре часа по полудни и пошли гулять въ садъ, лежащій на берегу Рейна; но гулянье наше не было похоже на гулянье, потому что императрица должна была идти между двухъ непрерывныхъ стѣнъ народа и только на крики и восклицанія ихъ на обѣ стороны безпрестанно откланиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась она для принятія поздравленій и цвѣтовъ отъ разряженныхъ дѣвушекъ. Послѣ того поѣхали мы въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для нея рѣчь.

„Странно было для русскаго уха слышать, говоритъ Шишковъ, что въ сей рѣчи громогласно и съ восторгомъ произносили одно только отечественное имя ея: „Алексѣевна“! Нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ „ура, Алексѣевна! виватъ, Алексѣевна“. Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи, но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится“.

Нѣсколько дней спустя весь дворъ поѣхалъ въ долину Неккера.

„Въ Некаргемюнде встрѣтила насъ толпа народа. У пристани приготовлены были восемь большихъ лодокъ, изъ которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленымъ по срединѣ ея шатромъ. Мы всѣ помѣстились на ней. По обоимъ берегамъ, противъ нашей лодки, ѣхали верхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую сторону, стояло множество людей, не вмѣстѣ и не кучами, но протянувшись нитью и составляя въ ней разныя перемѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки, державшіяся рука за руку, гдѣ взрослыя дѣвицы и женщины. Все это разными голосами—тонкими, толстыми, женскими, мужскими, кричало: „Виватъ, русская императрица Ели-

савета Алексѣевна!“ Нить эта и крикъ, начинаясь отъ сего селенія, продолжались безпрерывно во всю дорогу, потому что людей было множество, повидимому стекшихся изъ другихъ близкихъ селеній, и сверхъ того, по проѣздѣ нашей лодки, задніе безпрестанно забѣгали впередъ и, примыкая къ другимъ, становились по-прежнему рядомъ. Передъ нами на лодкѣ ѣхали музыканты, играя на скрипкахъ и волторнахъ; а передъ ними плыли двѣ лодки, съ которыхъ палили изъ пушекъ. Сія пальба сопровождалась еще другою съ высокихъ горъ изъ развалинъ замковъ, крѣпостей и каменныхъ ломокъ, гдѣ вмѣсто пушекъ служили просверленныя въ камняхъ жерла. Къ сему звуку присовокуплялся иногда въ селахъ, мимо коихъ мы проѣзжали, колокольный звонъ. Они пристали къ селенію, подлѣ котораго находились развалины древнихъ замковъ. „Дорога, по которой мы шли, уставлена была березками и усыпана цвѣтами, по обѣимъ сторонамъ стояли люди съ ружьями, чиновники съ знаменами и народъ. Пушечная пальба, колокольный звонъ и радостныя восклицанія: „Виватъ Елисавета Алексѣевна!“ повторялись повсюду. Въ замкѣ накрытъ былъ столъ, уставленный разными пирожными и сластями. Тутъ опять пошли подарки отъ нарядныхъ дѣвочекъ: одна принесла пучокъ цвѣтовъ, другая корзинку съ цвѣтами, третья барашка, сдѣланнаго изъ масла, четвертая привела настоящую живую овечку на лентѣ и украшенную лентами, пятая поднесла на блюдѣ парочку живыхъ горлинокъ и т. п.

Эти поѣздки походили на празднества, но помимо этихъ случайныхъ развлеченій, жизнь въ Карлсруэ и Бруксалѣ шла очень однообразно и мало интересно: въ 3 часа обѣдали, потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговаривали, стоя на ногахъ, въ 7 часовъ пили чай; за обѣдомъ были всѣ вмѣстѣ, но по вечерамъ царская фамилія ужинала особо, въ своихъ внутреннихъ покояхъ“.

Послѣ взятія Парижа союзными войсками въ Баденѣ стали проходить войска, возвращавшіяся изъ Франціи, пріѣхали снова великіе князья Николай и Михаилъ и, наконецъ, 5 іюля пріѣхалъ Александръ I. Императрица встрѣтила его въ Рорбахѣ съ принцессой Амаліей и вернулась съ императоромъ въ 1 часъ ночи въ Бруксаль въ его открытыхъ дрожкахъ.

„Русскіе были страшно взволнованы пріѣздомъ императора: всѣмъ хотѣлось знать, долго ли пробудетъ императрица въ Бруксалѣ, или же она уѣдетъ въ Россію. Александръ пробылъ въ Бруксалѣ пять дней. Въ эти дни въ Бруксалѣ былъ огромный съѣздъ знатныхъ иностранцевъ; за столъ садилось не менѣе 50 человѣкъ: тутъ были Штейнъ, Лагарпъ, генералъ Вильсонъ, князья Меттернихъ и Лихтенштейнъ и многіе другіе“.

Александръ временно возвращался въ Россію; его супруга хотѣла послѣдовать за нимъ и была очень разочарована, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы она, во избѣжаніе излишняго утомленія, осталась въ Баденѣ, и ей пришлось остаться въ Германіи, такъ какъ осенью предстоялъ конгрессъ въ Вѣнѣ, на которомъ государыня должна была присутствовать.

Когда А. С. Шишковъ, получивъ отъ государя позволеніе уѣхать впередъ, въ виду того, что онъ по слабости здоровья не могъ ѣхать за нимъ съ такою же, какъ онъ, быстротою, пошелъ откланяться императрицѣ, она была одна въ своемъ кабинетѣ и показалась ему очень скучною.

„Когда я увѣдомилъ ее о причинѣ моего къ ней прихода, пишетъ Шишковъ, то она сказала мнѣ со слезами:

„ Я завидую вашей участи; вы ѣдете въ Россію, и я желала бы того же, но государь хочетъ, чтобы я оставалась еще здѣсь“.

Слова сіи удивили меня и растрогали: я также не могъ удержаться отъ слезъ и сказалъ ей съ чувствомъ усердія и состраданія:

„Государыня! Какой россіянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ въ глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности?“

Она пожаловала мнѣ поцѣловать руку свою и отпустила меня, желавъ мнѣ счастливаго пути“.

Какъ это ни странно, но императрица Елисавета, такъ стремившаяся на родину, такъ страстно желавшая увидѣть мать и сестеръ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Баденъ стала тосковать по Россіи; она почувствовала, что между нею и ея семьей что-то порвалось, что она была болѣе „дома“ въ Россіи, нежели въ Баденѣ, и пребываніе ея за границей не оказалось для нея тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, какого она ожидала. Елисавета давала себѣ отчетъ въ происшедшей въ ней перемѣнѣ и какъ бы сама удивлялась этому.

Когда окончательно было рѣшено, что она остается въ Германіи, она написала графинѣ Головиной:

„Три недѣли тому назадъ, я разсчитывала въ августѣ быть въ Петербургѣ, но императоръ, пріѣхавъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы я ожидала его тутъ и встрѣтилась съ нимъ черезъ полтора мѣсяца въ Вѣнѣ и пробыла тамъ все время конгресса; въ виду этихъ соображеній я должна была согласиться съ его желаніемъ, но это стоило мнѣ немалаго труда. Я испытываю какую-то тревогу, съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія въ Россію и чувствую, что я успокоюсь только по пріѣздѣ туда. Иной разъ бываетъ, что самое пріятное, повидимому, положеніе становится по волѣ Божіей самымъ тяжкимъ испытаніемъ“.

Въ томъ же настроеніи она писала великому князю Николаю Павловичу:

„Какъ я ни счастлива здѣсь, въ кругу моей семьи, какъ ни трудно мнѣ будетъ разстаться съ нею, мнѣ приходится вооружаться терпѣніемъ. Привычка, долгъ и тысяча другихъ, большихъ и малыхъ причинъ заставляютъ меня страстно желать вернуться въ Россію.

„Чтобы назначить день отъѣзда, я только и жду извѣстій отъ императора и его указаній, такъ какъ, согласно прошлогоднему плану, я должна была ѣхать черезъ Берлинъ, то я льщу себя надеждою увидѣть васъ тамъ, любезный братъ, но если бы мой маршрутъ измѣнился, то я встрѣчусь съ вами съ одинаковымъ удовольствіемъ въ Петербургѣ. Дай Богъ, чтобы это случилось какъ можно скорѣй!"

Часть 1815 года императрица Елисавета провела въ Вѣнѣ, по настоянію Александра Павловича, желавшаго, чтобы его супруга присутствовала на торжествахъ Вѣнскаго конгресса. Затѣмъ, съ марта по іюнь она провела у сестры своей въ Баваріи, а потомъ снова вернулась къ маркграфинѣ, гдѣ оставалась до начала зимы.

Передъ отъѣздомъ изъ Бадена, императрица провела нѣсколько дней въ Карлсруэ, чтобы еще разъ проститься со всѣмъ, что было для нея дорого. Въ полной увѣренности, что она видитъ горячо любимую ею родину послѣдній разъ, она останавливалась самымъ трогательнымъ образомъ на воспоминаніяхъ своего дѣтства и юности, посѣтила вновь тѣ комнаты въ замкѣ, гдѣ она жила до своего отъѣзда въ Россію, розыскала даже на замковой башнѣ надпись, которую она, ребенкомъ, сдѣлала брилліантовымъ кольцомъ на оконномъ стеклѣ. Въ саду маркграфини, гдѣ она и ея сестры играли дѣтьми, она велѣла положить въ укромномъ уголку камень и высѣчь на немъ слѣдующее мѣсто изъ Оберона: „Du kleiner Ort, wo ich das erste Licht gesogen" и т. д.

1 ноября 1815 г. императрица покинула Бруксаль. Разлука съ матерью и сестрами была для Елисаветы Алексѣевны очень тягостна, такъ какъ въ то время она не разсчитывала болѣе вернуться въ Баденъ.

В. Тимощукъ.

*

ОТЗЫВЪ ГР. П. Д. КИСЕЛЕВА О „БОРОДИНСКИХЪ ОЧЕРКАХЪ“ Ѳ. Н. ГЛИНКИ.

(Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.).

Ниже приводится любопытное письмо гр. П. Д. Киселева къ Ѳ. Н. Глинкѣ, „автору Бородинскихъ очерковъ“. Оба эти лица одновременно состояли адъютантами при гр. М. А. Милорадовичѣ. Киселевъ былъ откомандированъ отъ Кавалергардскаго полка въ адъютанты черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинскаго боя, по собственному желанію; въ автобіографической замѣткѣ онъ пишетъ по этому поводу, что оставляетъ съ сожалѣніемъ своихъ товарищей-однополчанъ, и что при гр. Милорадовичѣ онъ предполагалъ „изучать войну“.

„Приношу вамъ искреннюю благодарность за доставленіе мнѣ новаго сочиненія вашего: Очерки Бородина. Изображаемыя вами незабвенныя событія близки душѣ моей, и я буду читать эту книгу съ тѣмъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ прежними воспоминаніями о великой военной эпохѣ. Очерки ваши, имѣющіе столь общій успѣхъ, служатъ огненною, вѣрною картиною Бородинскаго дѣла. Я всегда съ удовольствіемъ также припоминаю о служеніи нашемъ при графѣ Милорадовичѣ, а въ настоящее время мнѣ особенно пріятно видѣть, что Вы, милостивый государь, не забыли стараго авангарднаго сослуживца“.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ГОРШОКЪ ЩЕЙ.

(Страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка).

Цѣлый корпусъ лучшихъ измайловскихъ офицеровъ соединяетъ свой голосъ съ просительнымъ моимъ голосомъ: одолжите меня своимъ посѣщеніемъ, пожалуйте ко мнѣ завтра на горшокъ щей, въ которомъ часу вамъ угодно, по-русски, безъ церемоніи. Я послѣ завтра ѣду. Не угодно ли написать къ братцу.

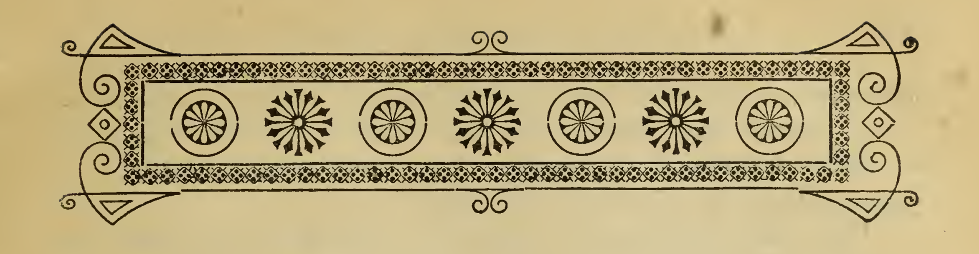
Сердечно преданный и покорнѣйшій слуга

С. Аксеновъ.

Я живу въ Гарновскомъ домѣ, въ квартирѣ полковника Мартынова. Не откажите въ моей просьбѣ, всѣ офицеры ожидаютъ съ вами познакомиться.

Приведенное выше письмо, характерное по своимъ выраженіямъ, переноситъ въ тѣсный, дружный кружокъ офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка эпохи Александра I. Адресатъ—Ѳ. Н. Глинка, извѣстный писатель, видный масонъ и въ то время адъютантъ гр. М. А. Милорадовича, числившійся въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій[1]).

(Окончаніе).

VIII.

Въ 1873 году, осенью, я простудился на охотѣ и, больной, пріѣхалъ изъ своего Новгородскаго имѣнія въ Петербургъ на экзамены съ сильнѣйшимъ кашлемъ. Кашлялъ и ходилъ въ академію; ходилъ въ академію и кашлялъ. Болѣзнь не уступала, а усиливалась. Оказалось — воспаленіе легкихъ. Я слегъ и провалялся до Рождества.

Къ Рождеству стало лучше, и послѣ Крещенья я пришелъ на лекцію, думая наверстать потерянное время, но едва проговорилъ съ каѳедры десять минутъ, какъ почувствовалъ, что задыхаюсь. Усиліемъ воли я надѣялся побѣдить недомоганіе, но еще десять минутъ, и принужденъ былъ покинуть каѳедру, поддерживаемый офицерами.

Мнѣ все-таки хотѣлось превозмочь себя, и дома я началъ читать вслухъ, но убѣдился, что долѣе десяти-пятнадцати минутъ прочесть не могу. Пришлось отказаться отъ лекцій и ограничиться практическими занятіями.

Ходить по морозу также оказалось невозможнымъ — отъ холоднаго воздуха, просто, задыхался. Человѣкъ хорошей физической силы, привыкшій къ моціону, спорту и гимнастикѣ, не имѣя возможности гулять, я сталъ усиленно заниматься гимнастическими упражненіями и какъ-то вытянулъ себѣ въ колѣнѣ сухожиліе правой ноги.

Между тѣмъ приближались лѣто и практическія занятія съ

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1910 г.

офицерами въ полѣ, а нога все побаливала. Я ѣздилъ верхомъ, но послѣ часовой ѣзды принужденъ былъ сходить съ коня, тогда какъ я имѣлъ привычку, и считалъ это необходимымъ, дѣлать съ офицерами по 40—50 верстъ въ сутки.

Надо было позаботиться о ногѣ, и я обратился къ профессору хирургіи Богдановскому, который увѣрилъ меня, что черезъ двѣ недѣли буду совершенно здоровъ. Съ крайней небрежностью онъ сдѣлалъ съемно-неподвижную повязку, поставилъ меня на костыли и, откладывая день за день снятіе повязки, достигъ того, что, когда черезъ семь недѣль она была снята, мускулы оказались атрофированными, и нога перестала сгибаться въ колѣнѣ. Начались отеки; они сосредоточились въ колѣнѣ, сеновіальная сумка распухла, и я сталъ совершеннымъ калѣкой.

Что было дѣлать?

Поѣхалъ къ Пирогову, въ его имѣніе „Вишня". Онъ объявилъ, что здоровымъ я никогда не буду, и что мнѣ надо менѣе заботиться о ногѣ, чѣмъ о легкихъ.

„Прежде всего—поправьте ваше общее состояніе и поѣзжайте на зиму въ Крымъ", говорилъ онъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Но энергичная натура не позволяла мириться съ мыслью въ 34 года быть на вѣки калѣкой и, поправивъ нѣсколько свои легкія, я поѣхалъ за границу, гдѣ кидался и къ Лангенбеку и къ знаменитому ортопедисту Гессингу и къ извѣстному хирургу Гофману въ Висбаденѣ и, наконецъ, узнавъ о томъ, что въ Амстердамѣ имѣется знаменитость по массажу, въ лицѣ Мецгера, отправился къ нему.

Надо замѣтить, что массажъ былъ тогда средствомъ совершенно новымъ, въ Россіи почти неизвѣстнымъ, и русскіе хирурги, да и не одни русскіе, относились къ нему частью съ недовѣріемъ, частью недоброжелательно.

Даже такая знаменитость, какъ тогдашняя берлинская звѣзда Лангенбекъ, къ которому я имѣлъ особую рекомендацію и который отнесся ко мнѣ, вслѣдствіе этого, крайне внимательно, на вопросъ мой—„могу ли я прибѣгнуть къ электричеству или массажу", настойчиво предостерегалъ меня противъ нихъ.

„Дѣло идетъ о Вашей жизни, нѣсколько разъ повторялъ онъ, запомните хорошенько: ни электричество, ни массажъ, Боже васъ сохрани".

Но я рѣшилъ, что Господь съ ней и съ жизнью, если съ 34-хъ лѣтъ ходить на костыляхъ и что лучше рискнуть этимъ „напраснымъ даромъ", чѣмъ влачить всю жизнь существованіе калѣки.

Массажъ помогъ, хотя нога, конечно, не была еще въ полномъ порядкѣ.

Я поѣхалъ долѣчивать ее сначала въ Кисловодскъ, а оттуда въ Ялту.

IX.

Была Сербская война въ самомъ разгарѣ. Имя Черняева пользовалось необычайной популярностью; оно было у всѣхъ на устахъ. Всѣ съ тревогою слѣдили за нашими добровольцами.

Волновался, конечно, и я. Вѣсти начали приходить не очень радостныя.

Сижу разъ у себя въ номерѣ гостиницы „Ялта". Наступалъ вечеръ. На душѣ было какъ-то не весело. И вдругъ, какъ вѣтеръ, врывается ко мнѣ Казиміръ, возбужденный, радостный.

„Только что пріѣхалъ. Узналъ отъ Обручева, что ты здѣсь, и бросился отыскивать", говорилъ Казиміръ, кидаясь мнѣ на шею.

Я страшно обрадовался, и мы расцѣловались горячо, какъ братья.

„Только я къ тебѣ на нѣсколько минутъ", говорилъ Казиміръ.

— Какъ на нѣсколько минутъ? Да гдѣ ты остановился?

„Въ Ливадіи. Я пріѣхалъ съ Великимъ Княземъ. Его вызвалъ Государь, а онъ захватилъ съ собою меня. Между нами, конечно,— Государь рѣшилъ прекратить свою роль спокойнаго зрителя и принять Сербію подъ свое покровительство. Рѣшено дѣйствовать энергично. Ну, однако, прощай. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что пріѣхалъ на нѣсколько минутъ. Мнѣ необходимо къ Великому Князю; если успѣю, заѣду сегодня же, а то завтра".

— Только, пожалуйста, не на нѣсколько минутъ.

„Ну, ужъ, тамъ какъ придется".

Левицкій пробылъ въ Ливадіи съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ всего дня два-три. Послѣ Алексинаца Государь послалъ туркамъ ультиматумъ. Турція сдала; но Государь, проѣзжая Москву, „съ высоты Кремля" издалъ приказъ о приведеніи на военное положеніе четырехъ корпусовъ и о сосредоточиваніи ихъ въ Бессарабіи.

Главнокомандующимъ этой арміей былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, начальникомъ его штаба — Непокойчицкій и помощникомъ начальника штаба — Казиміръ Левицкій, произведенный по этому случаю въ генералы, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Всѣ, знавшіе Великаго Князя, понимали, что онъ будетъ играть роль, такъ сказать, знамени, за которымъ должна слѣдовать армія.

Про Непокойчицкаго говорили, что онъ человѣкъ очень умный, блистательно показавшій себя въ 1848 году въ Венгерской кампаніи; но замѣчали также, что въ послѣдніе 22 года онъ былъ предсѣдателемъ кодификаціонной коммиссіи и успѣлъ обрюзгнуть нравственно отъ ничего-недѣланья, сопряженнаго съ его почетной должностью.

Кромѣ того, о Непокойчицкомъ я не разъ слышалъ отзывы умныхъ католиковъ (въ томъ числѣ отъ профессора инженерной академіи Карловича), выражавшихъ свое удивленіе, что этотъ почтенный старикъ, заслуженный генералъ, въ костелѣ, колѣнопреклоненно, билъ себя въ грудь и чуть не ложился „кршижемъ" (какъ это дѣлаютъ фанатичныя старухи-польки), обращая этимъ на себя, почтеннаго генерала русской службы, всеобщее вниманіе. И для меня лично являлось большимъ вопросомъ: ка́къ ксендзъ, отправляя на войну фанатика, настроитъ его въ смыслѣ службы, службы безоблыжной русскому дѣлу?

Но и помимо этого, всѣ, знавшіе Непокойчицкаго, видѣли въ немъ человѣка, уже спѣвшаго свою пѣсню, и поэтому всѣ понимали, что выдающуюся роль, такую же, какую игралъ Мольтке во Франко-Прусской войнѣ, — въ Русско-Турецкой брани придется играть Левицкому.

Почти всѣ покачивали головами, но всѣ почти на войну смотрѣли не очень серьезно, считая, что это будетъ нѣчто вродѣ увеселительной экскурсіи въ Турцію.

Я былъ ярымъ противникомъ войны и заслужилъ за это много упрековъ отъ товарищей, говорившихъ, что въ этомъ сказывается не чисто славянское мое происхожденіе [1]).

Въ числѣ доводовъ, я приводилъ, между прочимъ, тотъ, что моего земляка, новгородскаго мужика, вынужденнаго очень часто весной примѣшивать къ мукѣ березовую кору и разную дрянь, чтобы не умереть съ голоду, что этого бѣдняка гонятъ освобождать жирныхъ сербовъ и болгаръ, кушающихъ свинину. Турецкимъ звѣрствамъ я также довѣрялъ не вполнѣ, помня, какія нелѣпости писали про русскія войска во время польскаго возстанія, тогда какъ—я самъ былъ свидѣтелемъ—русскіе держали себя высоко-гуманно, вели себя, какъ настоящіе джентльмены [2]). Тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Прадѣдъ мой былъ датчанинъ. Дѣдъ родился уже православнымъ.

[2]) Еврей-шпіонъ говорилъ вамъ, напримѣръ, что встрѣчная фурманка съ барыней—повстанская почта, что барыня скрываетъ ее въ своихъ юбкахъ, что надо обыскать ея особу. Но далѣе приказанія обыскать фурманку офицеры не шли, хотя хорошо, конечно, понимали важность захвата непріятельской почты.

видя, что всѣ почти пріятели идутъ на войну, мнѣ какъ-то стало неловко оставаться дома, и я обратился къ Казиміру.

— Послушай, Казиміръ, ты знаешь, что я войнѣ не сочувствую, мало того, я считаю ее для Россіи почти несчастіемъ; но всѣ наши ребята идутъ на войну, и мнѣ оставаться какъ-то неловко. Ты знаешь, что бѣсъ крупнаго честолюбія, честолюбія мальчишескаго, когда я мечталъ быть Наполеономъ, меня давно оставилъ. Честолюбія же, въ смыслѣ наколачиванія чиновъ и крестовъ, я никогда не понималъ. Поэтому, совсѣмъ не для этихъ игрушекъ, а именно только для того, чтобы не лежать на боку дома, когда другіе идутъ на серьезное дѣло, я хотѣлъ бы, чтобы ты устроилъ меня при арміи. Для фронтового начальника я, пока, не гожусь, потому что нога позволяетъ мнѣ ѣздить верхомъ часъ, два—не болѣе, но я разсчитываю, что могу принести пользу при разработкѣ плана кампаніи и различныхъ стратегическихъ операцій. Мало того, какъ человѣкъ не теряющійся въ опасности, съ вѣрнымъ тактическимъ взглядомъ—могу вполнѣ выполнять и тактическія задачи, не требующія продолжительной ѣзды на конѣ, а часъ-два, какъ сказалъ, пробыть верхомъ я могу. Устрой же меня; право, я буду не безполезенъ.

Казиміръ задумался и сказалъ, что дастъ мнѣ отвѣтъ завтра.

— Думалъ я, говорилъ онъ на завтра. Видишь ли,—будетъ неудобно. Мы рѣшили ограничить штабъ строго необходимымъ числомъ чиновъ и не допускать въ немъ никого, кто бы не исполнялъ опредѣленнаго круга занятій. А что же можно тебѣ предложить? Помощника начальника штаба? Но это мѣсто занято мною. Начальника колоновожатыхъ? Но это мало для тебя, и мы уже предложили это мѣсто Артамонову. Нѣтъ, устроить тебя въ штабѣ неудобно.

Такъ мнѣ и не удалось попасть на войну и, долженъ сознаться, мнѣ показалось, что Казиміръ отказалъ изъ боязни соперничества, потому что, какъ ни какъ, я все же былъ талантливѣе и для военнаго дѣла пригоднѣе Казиміра. Главнокомандующій могъ это замѣтить, и Левицкій, слишкомъ дорожа своимъ положеніемъ—этого опасался.

Не знаю, принесъ ли бы я какую-нибудь пользу, но понималъ я войну вѣрно, въ доказательство чего могу привести письма современниковъ.

Такъ, когда недѣли за двѣ до переправы черезъ Дунай, я, направляясь на югъ, вынужденъ былъ просидѣть сутки въ Харьковѣ, чтобы дать дорогу воинскимъ поѣздамъ, начальникъ Харьковской станціи Курско-Харьковской желѣзной дороги, Макарскій, бывшій инженерный офицеръ, въ кабинетѣ котораго я провелъ сутки вы-

нужденной остановки, и другой начальникъ станціи (Харьково-Николаевской ж. д.), Домбровскій, съ тревогой разспрашивали меня: можемъ ли мы переправиться черезъ Дунай, возможно ли исполнить эту операцію—я убѣжденно отвѣчалъ, что „переправимся несомнѣнно".

— Но всѣ говорятъ, возражали они, что придется понести при этомъ огромныя потери—тысячъ пятьдесятъ, не менѣе.

Я успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что переправа обойдется намъ тысячъ въ пять, не болѣе.

— А гдѣ, вы думаете, произойдетъ эта переправа?

Я совершенно твердо, съ увѣренностью, объявилъ: „у Систова".

— Отчего, именно, у Систова?

„Да очень просто. Переправляться въ низовьяхъ Дуная и оперировать въ Добруджѣ неблагоразумно уже по одному тому, что въ Добруджѣ царствуютъ страшныя лихорадки; у крѣпости Рущука переправляться также нельзя, у крѣпости Никополя—также; переправляться выше Никополя значитъ слишкомъ удлинять нашу коммуникаціонную линію и, кромѣ того, удаляться отъ цѣли дѣйствій—Константинополя и отъ дороги на Трново и Шипку, на которую указываютъ, какъ на самый удобный перевалъ черезъ Балканы. Значитъ, волей-неволей придется переправляться въ промежуткѣ между Никополемъ и Рущукомъ. Систово лежитъ какъ разъ посрединѣ; при томъ Дунай образуетъ здѣсь острова,—что удобно для переправы, и, наконецъ, отъ Систова идетъ на Балканы лучшая дорога къ лучшему, наиболѣе доступному, перевалу черезъ горы—у Шипки. (Эти послѣднія свѣдѣнія имѣлись отъ нашихъ агентовъ). Но, господа, попомните мое слово, говорилъ я,—если, переправясь черезъ Дунай, намъ удастся разбить Турецкую армію, война окончится скоро, безъ большихъ жертвъ. Если же мы, не найдя арміи противника, не нанеся ей рѣшительнаго пораженія, увлечемся занятіемъ различныхъ пунктовъ и захватомъ большой территоріи, въ то время, когда армія турокъ еще не будетъ приведена въ окончательное разстройство, то война представитъ намъ многіе непріятные сюрпризы и можетъ затянуться очень на долго.

Я оказался пророкомъ и, говоря объ этомъ не въ одномъ Харьковѣ, получилъ нѣсколько горячихъ писемъ, между прочимъ, отъ Макарскаго [1]), а одинъ изъ петербургскихъ пріятелей, большой патріотъ, послалъ мнѣ письмо, полное упрековъ, даже обиднаго свойства, за то, что я, вмѣсто того, чтобы быть на войнѣ и тамъ прово-

[1]) Крайне небрежный въ сохраненіи переписки, я успѣлъ отыскать только одно письмо по этому поводу, именно, письмо инженера Макарскаго отъ 10 января 1879 года, поэтому на него, Макарскаго, и указываю. Опуская строки, слишкомъ для меня лестныя, привожу лишь слѣдующую вы-

дить свои взгляды, только высказывалъ ихъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Пришлось отвѣтить, что и радъ бы былъ попасть на войну, да не пустили.

И въ пророчествѣ, хотя оно сбылось съ поразительной точностью, не было вѣдь ничего не только сверхъестественнаго, но даже необычайнаго. Необычайно было только непониманіе основныхъ законовъ войны главными руководителями нашей арміи.

Отчего я намѣтилъ вѣрно пунктъ переправы, я уже объяснилъ, и мнѣ это казалось по вышеизложеннымъ основаніямъ до такой степени правильнымъ, что, когда была получена телеграмма о переправѣ нашей арміи у Зимницы, я не повѣрилъ и говорилъ, что это ошибка, что армія должна переправиться у Систова, нигдѣ иначе, какъ у Систова. Дѣло разъяснилось на другой день: Зимница оказалась Румынскимъ селеніемъ, не обозначеннымъ на прежнихъ картахъ и лежащимъ противъ Систова, на лѣвомъ берегу Дуная.

Что касается исхода кампаніи, то, опять таки, пророчество основывалось на крайне простыхъ соображеніяхъ: если разбойники, ворвавшись въ домъ, не перебьютъ или не свяжутъ вооруженныхъ хозяевъ, а разбредутся грабить по разнымъ комнатамъ, то они, естественно, подвергаются опасности, заключающейся въ томъ, что хозяева, опомнившись, воспользуются раздѣленіемъ силъ противника и постараются воздать имъ должное.

Такъ и на войнѣ. Предметомъ дѣйствій, прежде всего, должна быть армія непріятеля. Необходимо, прежде всего, сокрушить ее, а затѣмъ уже распоряжаться по желанію въ странѣ, лишенной защиты. Въ противномъ случаѣ непріятные сюрпризы неизбѣжны. Соображенія, кажется, не хитрыя, но, увы, Левицкому, въ военномъ смыслѣ человѣку не только не талантливому, но крайне узкому, соображеніе это не пришло въ голову, за что намъ пришлось такъ жестоко поплатиться [1]).

держку изъ этого письма: „на всю жизнь сохраню я въ своей памяти Ваше предсказаніе о мѣстѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и о ходѣ дальнѣйшей кампаніи“.

Подлинникъ письма представленъ мною въ редакцію „Русской Старины“. *А. В.*

[1]) До ужаса опасаюсь, чтобы не сбылось и мнѣніе мое о той гибельной роли, которую, по глубокому моему убѣжденію, неизбѣжно съиграютъ крѣпости нашего западнаго фронта въ случаѣ войны съ Германіей. Боязнь, чтобы это убѣжденное мнѣніе не оказалось роковымъ пророчествомъ, послужила поводомъ къ статьѣ, напечатанной въ „Россіи“ (9 апр. 1909 г.) и, затѣмъ, къ горячей полемикѣ, вызванной ожесточенными нападками на меня газетъ, какъ праваго, такъ и лѣваго лагерей. („Россія“ №№ 1.035, 1.057, 1.075, 1.266, 1.267, 1.268, 1.269, 1.271). *А. В.*

Я сказалъ, что Казиміръ, въ смыслѣ военнаго таланта, представлялъ собою крайне ничтожную величину. Да, это несомнѣнно, но дѣлу онъ готовъ былъ служить отъ всего сердца.

Не считая Левицкаго рьянымъ русскимъ патріотомъ, я съ убѣжденіемъ могу утверждать, что никакихъ польскихъ тенденцій въ немъ рѣшительно не было.

Мнѣ онъ просто представляется какимъ-то ландскнехтомъ, преданнымъ знамени той страны, на службѣ которой онъ находится. Онъ, какъ я уже говорилъ, также добросовѣстно служилъ бы въ Пруссіи, Австріи, Турціи, какъ и въ Россіи, не руководясь совсѣмъ патріотическими тенденціями, а только долгомъ службы. И, какъ человѣкъ безусловно честный, ни на какую измѣну онъ, конечно, способенъ не былъ.

А между тѣмъ, когда начались наши неудачи, вся Россія, въ одинъ голосъ, объявила его измѣнникомъ, и это дошло до того, что когда я осенью 1877 года ѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ и вынужденъ былъ пробыть сутки въ Лозовой, пропуская воинскіе поѣзда, то мнѣ передали за самое достовѣрное, что Левицкаго, подъ сильнымъ конвоемъ, провезли изъ арміи въ Петербургъ, какъ уличеннаго въ измѣнѣ. Это подтвердилъ мнѣ даже самъ комендантъ станціи.

„Да вы видѣли его? спрашивалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, его провезли ночью, но мнѣ сказали въ поѣздѣ, что везутъ Левицкаго, уличеннаго въ измѣнѣ.

X.

Указанные слухи не могли не доходить и до Казиміра и несомнѣнно заставляли сильно страдать этого, безусловно, честнаго человѣка.

Кстати, о честности.

Передъ отъѣздомъ Казиміра въ армію, я старался быть у него цѣлые дни.

— Какъ вы думаете устроить продовольственную часть, спрашивалъ я?

„О, мы устраиваемся прекрасно, былъ отвѣтъ. Мы совершенно освобождаемъ себя отъ всякихъ хлопотъ, и у арміи, въ этомъ случаѣ, будутъ развязаны руки“.

— Какъ же вы, однако, устроили?

„Мы отдаемъ продовольствіе арміи коммерческой компаніи, во главѣ которой стоятъ—Грегеръ, Горвицъ и Коганъ — евреи-капита-

листы. Они будутъ кормить армію, и мы будемъ совершенно свободны въ нашихъ стратегическихъ операціяхъ".

— Какъ же, однако, возражалъ я, какъ же они-то кормить будутъ?

„А это ужъ ихъ дѣло".

— Но позволь, однако, вѣдь ѣсть-то придется арміи, а ну какъ они ѣды не доставятъ? Вѣдь они не боги, не волшебники, вѣдь они къ такимъ операціямъ совсѣмъ не подготовлены.

„Не говори, они коммерческіе люди и съумѣютъ устроиться".

— Опять таки я не понимаю, — какъ они устроятся. Вѣдь у арміи есть готовая организація въ лицѣ провіантскихъ чиновниковъ, хотя пользующихся плохой репутаціей, но наторѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ, людей пріученныхъ, опытныхъ, имѣющихъ за собою прошлое, разсчитывающихъ на будущее, на пенсіи, повышенія, наконецъ—людей, въ отношеніи которыхъ законъ очень строгъ и можетъ покарать очень жестоко. А вѣдь компаніи придется создавать организацію. И изъ кого же создастъ она эту организацію? Изъ людей, взятыхъ съ борка, да съ сосенки, людей безъ прошлаго, которые не могутъ разсчитывать на будущее и будутъ поэтому стараться—какъ бы сорвать побольше въ настоящемъ. Какъ хочешь, а это мнѣ представляется чѣмъ-то крайне несуразнымъ: бросать свою готовую организацію и отдавать себя въ руки трехъ евреевъ, которые, даже въ случаѣ своей полной добросовѣстности, должны будутъ вести дѣло посредствомъ людей къ дѣлу не пріученныхъ и, вѣроятнѣе всего, разныхъ проходимцевъ.

„Ну, видишь ли, я въ это дѣло не мѣшаюсь. Я ограничилъ себя строго оперативною частью, а хозяйственную—предоставилъ вѣдать Непокойчицкому, какъ человѣку болѣе меня опытному".

— А какъ ты съ своей разсѣянностью и забывчивостью думаешь, Казиміръ, распорядиться?—спросилъ я его тогда же. Тебѣ необходимо имѣть при себѣ человѣка, который бы былъ твоей памятной книжкой—съ хорошей памятью, спокойнаго, аккуратнаго, точнаго и не суетливаго.

„Да, ты правъ, надо будетъ подумать", отвѣчалъ онъ.

— Знаешь что,—говорилъ Казиміръ на слѣдующій день. Я думалъ о твоемъ совѣтѣ и хочу приспособить для этого Газенкампфа.

„Что жъ, выборъ прекрасный. Лучшаго сдѣлать нельзя".

И Михаилъ Александровичъ Газенкампфъ, конечно, сослужилъ бы Казиміру и арміи хорошую службу. Но, какъ видно изъ дневника Михаила Александровича, также бывшаго ученика моего, Великій Князь отнялъ его отъ Левицкаго и приблизилъ къ себѣ.

Казиміръ уѣхалъ въ Кишиневъ. Я остался въ Петербургѣ.

XI.

Когда рѣшено было сформировать корпуса, Начальникъ Главнаго Штаба, графъ Гейденъ, всегда очень любезно ко мнѣ относившійся, предложилъ мнѣ мѣсто начальника штаба 2-го корпуса, корпуса крупнаго, сформированнаго изъ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Я не отказался, хотя предупредилъ, что нога моя позволяетъ ѣздить верхомъ часъ-два, не болѣе.

Поѣхалъ представляться корпусному командиру, генералу Самсонову, который принялъ меня съ подавляющею любезностью, наговорилъ много о томъ, что слышалъ обо мнѣ самые лучшіе отзывы, и объявилъ, что мы непремѣнно должны быть друзьями, что онъ этого отъ меня „требуетъ". Въ концѣ часовой бесѣды, завелъ разговоръ о религіи и сунулъ мнѣ книжку религіознаго содержанія, обязывая непремѣнно прочесть ее.

Я всегда избѣгалъ разговоровъ о религіи, полагая, что всякій имѣетъ право вѣровать, во что онъ вѣровать желаетъ, и заявилъ это Самсонову, но онъ настоятельно требовалъ, чтобы я прочелъ его книжку.

Когда меня спрашивали пріятели—какъ я нашелъ своего новаго начальника, я отвѣчалъ, что мнѣ крайне не понравилась его излишняя любезность и требованіе дружбы. Совершенно достаточно простыхъ, правильныхъ, серьезныхъ служебныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи. Выльются эти отношенія въ дружескія—прекрасно, но и безъ этого можно служить годы и быть съ начальникомъ въ отношеніяхъ самыхъ лучшихъ, самыхъ желательныхъ.

Вскорѣ оказалось, что не даромъ не понравился мнѣ Самсоновъ. Пришлось съ нимъ разойтись черезъ три недѣли.

Когда пріятели меня ругали за то, что я не могъ поладить съ начальникомъ, я предлагалъ пари, что само начальство не продержится болѣе полугода, ибо мое мѣсто занялъ М. человѣкъ прекраснѣйшій, вполнѣ воспитанный, но слишкомъ мягкаго характера, который совсѣмъ неспособенъ былъ поставить вопроса ребромъ, при распоряженіяхъ явно нелѣпыхъ, или несогласныхъ съ закономъ. Такъ и случилось. По моемъ удаленіи, Самсоновъ совсѣмъ закусилъ удила, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ его вынуждены были устранить, несмотря на товарищескія его отношенія къ Начальнику Главнаго Штаба графу Гейдену.

Я уѣхалъ опять въ Кисловодскъ долѣчивать свою ногу, а оттуда въ Крымъ, слѣдя все время съ возрастающимъ интересомъ и тревогой за перипетіями войны, которыя тогда казались ужасными, именно ужасными, потому, что мы не имѣли тогда представленія о

тѣхъ ужасахъ, которые заставила насъ пережить война японская. Зимой возвратился въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ виду надвигавшейся грозы со стороны Англіи, получилъ мѣсто начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга. Начальникомъ обороны былъ назначенъ адмиралъ Григорій Ивановичъ Бутаковъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, которыя случалось мнѣ встрѣтить. Эта крупная, благородная личность вполнѣ заслуживаетъ отдѣльнаго о немъ очерка. И я считаю своимъ долгомъ дать впослѣдствіи этотъ очеркъ.

За дѣятельность свою, въ качествѣ начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга, я былъ, 30-го августа 1878 года, произведенъ въ генералъ-маіоры; но лѣто, проведенное въ суровой Финляндіи, убѣдило меня, что если я останусь на сѣверѣ, то не пережить мнѣ 79-го, много 80-го года. Были и другія причины, говорить о которыхъ считаю теперь неумѣстнымъ, побудившія меня принять рѣшеніе: бросить службу и удалиться на югъ.

Первые годы жилъ въ Крыму, рѣдко наѣзжая въ Петербургъ. Казиміръ получилъ назначеніе начальника первой кавалерійской дивизіи и жилъ, поэтому, также не въ Петербургѣ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Левицкаго я потерялъ совсѣмъ изъ виду.

Но въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ узнаю, что онъ отчислился отъ командованія дивизіей, прикомандировался къ чему-то въ Петербургѣ и живетъ на Николаевской улицѣ. Разумѣется, сейчасъ же поѣхалъ къ нему. Нашелъ его въ просторной квартирѣ, въ одноэтажномъ старомъ деревянномъ домѣ-особнякѣ.

Онъ обрадовался искренно, но прежняго оживленія, жизнерадостности я въ немъ не нашелъ.

Пріятелями мы остались по-прежнему, но у него были уже заведены другія связи. Онъ часто посѣщалъ князя Имеретинскаго, былъ съ нимъ, да и со многими высоко-стоящими на „ты". Вообще, я былъ уже не единственнымъ для него человѣкомъ, въ бесѣдѣ, съ которымъ онъ отводилъ душу, хотя по-прежнему, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, онъ ни съ кѣмъ не былъ такъ задушевно откровененъ, какъ со мною.

Много провелъ я съ нимъ интересныхъ часовъ, разспрашивая о войнѣ.

Онъ началъ жаловаться, между прочимъ, на сердце.

Когда-то вопросы болѣзни сердца меня очень интересовали; я безцеремонно выслушивалъ, поэтому, сердца чуть не всякаго встрѣчнаго и получилъ, такимъ образомъ, хорошій навыкъ для опредѣленія разныхъ сердечныхъ непорядковъ.

Разумѣется, потребовалъ, чтобы Казиміръ далъ себя выслушать.

Сердце оказалось—чуть не самоваръ: шумѣло на обоихъ тонахъ и билось совершенно безтолково, такъ что я, съ большимъ усиліемъ, смогъ сказать, что „сердце—такъ себѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ, но ничего“.

Такъ вотъ какою цѣною, думалось мнѣ между тѣмъ, купилъ бѣдный Казиміръ свою хорошую карьеру и сомнительную славу!

Вскорѣ я опять уѣхалъ въ Крымъ.

Разъ, пріѣзжаю въ Севастополь и вижу въ гостиницѣ Киста какое-то непривычное оживленіе. Знакомые и незнакомые генералы, и генералы не севастопольскіе, а пріѣзжіе.

— Что такое?

„Да вотъ пріѣхали на открытіе памятника Тотлебену.

— Кто же еще пріѣхалъ? И узнаю, между прочимъ, что пріѣхалъ и Казиміръ. Остановился здѣсь же у Киста. Бросился къ нему въ самомъ радостномъ настроеніи, но при видѣ его—сердце упало, такой онъ имѣлъ нехорошій видъ.

„Плохо, говорилъ онъ. Вотъ послали сюда на открытіе памятника, да не знаю, какъ и выѣду. Скверно у меня съ сердцемъ“.

— Дай-ка выслушать еще разъ.

Сердце оказалось дѣйствительно невозможнымъ.

— Послушай, Казиміръ, говорилъ я. Зачѣмъ тебѣ ѣхать на сѣверъ. Вѣдь служба тебя теперь не стѣсняетъ, поѣдемъ ко мнѣ въ Ялту. Устрою я тебя хорошо, поживемъ вмѣстѣ. Вспомнимъ прежніе, пріятельскіе молодые годы. Помнишь, какъ болтали бывало по цѣлымъ часамъ?

„Невозможно, отвѣчалъ онъ. У меня уже и билеты на желѣзную дорогу взяты на завтра“.

Но я не отступалъ, взялъ билеты, отвезъ ихъ на станцію, поручилъ передать другому пассажиру и повезъ Казиміра въ коляскѣ на южный берегъ.

Онъ пробылъ у меня съ недѣлю. Былъ очень доволенъ, воспрянулъ духомъ. Но настали жары; онъ началъ жаловаться, что дышать становится труднѣе, и я поспѣшилъ отправить его прямой дорогой мимо Ай-Петри, на Бахчисарай, распорядившись, чтобы въ вагонѣ его устроили поудобнѣе.

Какъ на зло, ночью, въ купэ, гдѣ ихъ было только двое, ворвался какой-то негодяй съ ножемъ и потребовалъ денегъ.

Это, разумѣется, страшно подѣйствовало на больного сердцемъ Казиміра, и черезъ два мѣсяца газеты возвѣстили о его смерти.

XII.

Вотъ правда объ этомъ, несомнѣнно хорошемъ, но несчастномъ человѣкѣ, котораго такъ мало людей любило при жизни и котораго вспоминаютъ, чуть не всѣ его знавшіе, недобрымъ словомъ.

Вся Россія считала его измѣнникомъ. Всѣ наши неудачи приписывали ему. Не одобряли также распоряженій главнокомандующаго, и никто не бросилъ серьезнаго упрека Непокойчицкому. Говорили только о его апатіи, да о томъ, что онъ поддался обаянію личности Великаго Князя, и удивлялись, какъ, при безспорно большомъ умѣ, онъ становится на сторону Великаго Князя даже при такихъ проявленіяхъ его пылкой натуры, какъ предположенный имъ новый штурмъ Плевны послѣ паденія Карса, почти наканунѣ плѣненія Османа (дневникъ Газенкампфа, стр. 179, 181).

Такъ разсуждали современники.

Стоя нынѣ на достаточномъ историческомъ разстояніи отъ событій послѣдней войны, мы можемъ относиться съ бо̀льшимъ безпристрастіемъ къ ея дѣятелямъ и, если оставимъ въ сторонѣ обаятельную личность Великаго Князя, а сосредоточимъ наше вниманіе на двухъ главныхъ дѣятеляхъ его Штаба—Непокойчицкомъ и Левицкомъ,—то факты намъ скажутъ слѣдующее.

Человѣкъ тонкаго ума, Непокойчицкій хорошо понималъ всѣ сильныя и слабыя стороны Главнокомандующаго; но вмѣсто того, чтобы служить ему руководителемъ, хотя бы нѣсколько приближаясь къ образцу, который явилъ своей службой отечеству Мольтке— Непокойчицкій счелъ для себя удобнымъ представиться то апатичнымъ, то влюбленнымъ въ Великаго Князя, подпавшимъ подъ обаяніе этой свѣтлой и симпатичной, личности.

„Одинъ Непокойчицкій, говоритъ генералъ Газенкампфъ, могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загипнотизировала его: у него нѣтъ свой воли“.

И вотъ, на выдержку наглядные результаты дѣятельности „влюбленнаго и загипнотизированнаго“ Непокойчицкаго, который, конечно, благодаря опытности, уму и хорошей военной репутаціи, могъ имѣть огромное вліяніе на Великаго Князя.

Послѣ переправы мы избираемъ предметомъ своихъ дѣйствій не армію непріятеля, какъ этому учитъ азбука военнаго искусства,

а стремимся захватить непріятельскую территорію, не заботясь о нанесеніи рѣшительнаго удара арміи противника. Неизвѣстно—поступили ли мы такъ по непосредственному внушенію Непокойчицкаго, но достовѣрно извѣстно, что этому онъ не противился. А вѣдь такой образъ дѣйствій можно уподобить (какъ я уже объяснялъ) тому, какъ если бы грабители, ворвавшись въ домъ и оставляя безъ вниманія вооруженныхъ хозяевъ, разбрелись по всѣмъ комнатамъ и вообразили, что такимъ образомъ безнаказанно достигнутъ своей цѣли.

Далѣе. Мы рѣшаемся на штурмъ 30 августа безъ отвѣтственнаго, полномочнаго руководителя штурмомъ, при чемъ Главнокомандующій остается какъ бы въ сторонѣ. Непокойчицкій это одобряетъ.

Мы выбираемъ, вопреки здравому смыслу и указаніямъ исторіи, для рѣшительной атаки Плевны не одинъ, а два пункта. Непокойчицкій одобряетъ.

На самый важный пунктъ, угрожающій линіи сообщенія Османа, назначаемъ ничтожное количество войскъ. Непокойчицкій одобряетъ.

Послѣ неудачнаго штурма Великій Князь хочетъ отступить отъ Плевны, а это, вѣроятно, повлекло бы за собою отступленіе за Дунай. Непокойчицкій одобряетъ.

Гурко съ Нагловскимъ горячатся и хотятъ занять Балканы до сдачи Плевны. Левицкій протестуетъ, доказываетъ, что дѣлать объектомъ дѣйствій не армію противника, а стратегическіе пункты, значитъ повторять уже сдѣланныя ошибки; говоритъ о громадномъ рискѣ „лишить себя сосредоточенности силъ“ и израсходовать послѣдній стратегическій резервъ, необходимый для парированія случайностей. Но Непокойчицкій находитъ планъ Гурко хорошо соображеннымъ, устраняетъ Левицкаго и хотя, благодаря запискѣ послѣдняго, стремленіе Гурко нѣсколько умѣрено, однако, все же ему разрѣшено двинуться на Балканы (дневникъ Газенкампфа).

А результатомъ этого явилась гибельная мѣсячная стоянка въ снѣжныхъ отрогахъ горъ и возбужденіе бдительности турокъ, начавшихъ усиленно укрѣплять и укрѣпившихъ свои горныя позиціи.

По взятіи Карса, Великій Князь вновь хочетъ штурмовать Плевну. Въ чемъ-въ-чемъ, но въ пылкости умнаго Непокойчицкаго упрекнуть никто не могъ, и онъ поддерживаетъ, однако, несчастную, мысль Главнокомандующаго (дневникъ ген. Газенкампфа).

Когда 7—9 февраля положеніе становилось крайне напряженнымъ и военныя дѣйствія готовы были, казалось, возобновиться, на благоразумное указаніе Левицкаго притянуть войска изъ-за Балканъ—Непокойчицкій отвѣчалъ: „Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо“. (Дневникъ М. А. Газенкампфа, стр. 450).

Не буду слѣдить далѣе за дѣятельностью Непокойчицкаго, но достаточно и этихъ фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ такой спокойный бытописатель, какъ М. А. Газенкампфъ.

Между многими моими пріятелями я считалъ и считаю не одинъ десятокъ поляковъ; многихъ изъ нихъ любилъ искренно и, конечно, не всѣ поляки—враги Россіи. Но если полякъ — фанатичный католикъ, то, подъ вліяніемъ патеровъ, онъ не можетъ не быть врагомъ русскихъ-схизматиковъ, а что Непокойчицкій былъ католикомъ-фанатикомъ—объ этомъ я уже говорилъ.

И нельзя также не задуматься надъ тѣмъ, что, всегда апатичный во время войны, Непокойчицкій въ единственномъ лишь случаѣ проявилъ весьма значительную дѣятельность—это въ устройствѣ продовольственной части арміи черезъ печальной памяти компанію Грегера, Горвица и Когана, съ первымъ изъ которыхъ онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Если обратимся къ Левицкому, то, не желая писать его портрета радужными красками, прежде всего необходимо признать въ немъ полное отсутствіе искры Божіей, таланта. Но, какъ ни много было у него враговъ, никто не рѣшился бросить даже намека на безупречность его въ денежномъ отношеніи.

Это прежде всего.

Затѣмъ, не признавая въ немъ ни человѣка талантливаго, ни русскаго патріота, полагаю, всякій долженъ сознаться, что, въ предѣлахъ своихъ способностей, онъ старался служить и служилъ дѣлу честно и несмотря на привычную угодливость предъ начальствомъ, въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, онъ самоотверженно шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніями и рѣшеніями Главнокомандующаго. Онъ съ рѣшимостью сталъ противъ отступленія изъ-подъ Плевны, противъ несвоевременно задуманнаго и предпринятаго къ исполненію плана Гурко, противъ желанія Великаго Князя снова штурмовать Плевну въ ноябрѣ.

И между тѣмъ вся Россія считала его измѣнникомъ, вся армія его ненавидѣла, а въ Непокойчицкаго никто не бросилъ камня, ни при жизни, ни послѣ его смерти; всѣ относились и относятся къ нему съ благорасположеніемъ.

Какая же была тому причина?

Разгадка заключается въ томъ, что умный, многоопытный Непокойчицкій былъ человѣкомъ воспитаннымъ, зналъ человѣческое сердце, его слабыя струны, былъ мягокъ въ обращеніи, деликатенъ, уравновѣшенъ и потому не имѣлъ враговъ.

Полную противоположность представлялъ изъ себя, въ этомъ смыслѣ, Левицкій, своею безтактностью съумѣвшій поселить къ себѣ

не только непріязнь, но даже ненависть почти во всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія и—болѣе всего—въ своихъ подчиненныхъ.

Характеристика его была сдѣлана мною съ достаточной полнотой, но считаю необходимымъ добавить еще нѣсколько словъ, рисующихъ столь многимъ ненавистнаго Казиміра.

XII.

Каждый, почти, человѣкъ полонъ противорѣчій, и всякій, кто хотя нѣсколько способенъ къ самоанализу, да вздумаетъ покопаться въ душѣ своей—найдетъ и въ характерѣ своемъ и въ поступкахъ противорѣчія, подчасъ, даже трудно объяснимыя. Но мнѣ не случалось встрѣчать человѣка, сотканнаго изъ такой массы противорѣчій, какъ Левицкій.

Начиная съ происхожденія: отецъ—полякъ, мать—нѣмка; самъ по воспитанію, родинѣ, службѣ—русскій, онъ едва не ударился въ польщизну, и, если былъ отвлеченъ отъ этого, то, все же, не сдѣлался горячимъ патріотомъ той страны, которой служилъ, которой посвятилъ свои силы, которая кормила его и семью, горячо имъ любимую.

Безспорно счастливыя природныя способности и — обстановка жизни, давшая имъ узкое направленіе, выработавшая изъ него эгоиста и ограниченнаго педанта, мало способнаго видѣть что-либо далѣе собственнаго носа.

Безусловно хорошая память, безъ чего невозможно окончить блестяще курса академіи и—смѣшная забывчивость, подававшая поводъ къ забавнымъ анекдотамъ.

Педантъ, онъ отличался разсѣянностью—качествомъ, приличнымъ художникамъ, поэтамъ и никакъ ужъ не педантамъ.

Основательное знаніе военнаго дѣла, особенно его деталей и—полное непониманіе великихъ принциповъ, на которыхъ оно основано.

Хорошія теоретическія познанія и — совершенное неумѣнье разобраться въ обстановкѣ, примѣнить теорію къ практикѣ.

Характера благороднаго, онъ, хотя не былъ низкопоклонникомъ, но, за рѣдкими исключеніями, отличался угодливостью передъ начальствомъ. Исключеніемъ, и исключеніемъ блестящимъ, было поведеніе его на военномъ совѣтѣ послѣ 30 августа, когда онъ пошелъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Великаго Князя Николая Николаевича и оказалъ этимъ большую услугу дѣлу войны.

Человѣкъ безусловно честный и умный, онъ допустилъ такую нелѣпую, ни съ чѣмъ несообразную вакханалію эксплоатаціи нашей арміи, какъ вторженіе въ ея боевую жизнь жадныхъ шакаловъ въ лицѣ знаменитой продовольственной компаніи.

Человѣкъ искренній, не лукавый, веселаго, отзывчиваго, общительнаго характера, онъ совсѣмъ не умѣлъ привязывать къ себѣ людей—качество, которымъ въ высокой мѣрѣ отличался Скобелевъ.

Человѣкъ хорошаго сердца—онъ многимъ вредилъ, частію безсознательно, частію убѣжденный въ своей правотѣ, правотѣ часто мнимой. Такъ было со Скобелевымъ, который долго не получалъ назначенія, отвѣчающаго его дарованіямъ, конечно, потому, что Левицкій, имѣвшій въ то время огромное вліяніе, считалъ его „шалопаемъ", авантюристомъ съ прекрасной протекціей, не представляющимъ собою никакой серьезной величины.

Много работавшій самъ — онъ не умѣлъ, однако, цѣнить работы другихъ.

Требовательный къ подчиненнымъ, онъ, большой эгоистъ, не умѣлъ поощрять ихъ ни матеріально, ни нравственно и совсѣмъ не способенъ былъ хлопотать, а еще менѣе—стать горой за своего подчиненнаго. Онъ не понималъ, что хлопоты за подчиненнаго, даже назойливыя, даже надоѣдливыя, выставляли бы его же самого въ хорошемъ свѣтѣ. Умный человѣкъ, онъ не могъ однако понять, что, стоя за подчиненныхъ, выказывая заботливость къ нимъ — начальникъ совсѣмъ не вредитъ себѣ, своему эгоизму, а напротивъ возвышаетъ себя въ глазахъ какъ подчиненныхъ, такъ и высшаго начальника. Это въ высокой степени понималъ Скобелевъ—эгоистъ не меньшій, чѣмъ Левицкій—и люди за это охотно шли для него на смерть, даже по его капризу.

Смѣлый по натурѣ, въ чемъ во время совмѣстныхъ поѣздокъ я имѣлъ не разъ случай убѣдиться, онъ не проявилъ этого качества на войнѣ, не понимая того, какъ высоко цѣнится оно въ арміи, какой даетъ авторитетъ и какъ миритъ даже съ серьезными недочетами характера и дѣятельности, если человѣкъ показалъ себя пренебрегающимъ опасностью. А что, по натурѣ, Левицкій былъ человѣкъ смѣлый — приведу мнѣніе, слышанное мною передъ отъѣздомъ его на войну (и не отъ одного), что „Казиміра навѣрное ухлопаютъ, потому что онъ, какъ человѣкъ шалый, несомнѣнно будетъ кидаться безъ толку въ огонь". Это говорили люди хорошо его знавшіе и совсѣмъ не его сторонники, что видно изъ самой формы ихъ мнѣнія о безстрашіи Левицкаго.

Человѣкъ умный и большой работоспособности, онъ часто про-

являлъ, однако, въ работѣ значительную степень безтолковщины и крайне умѣренную—производительности работы.

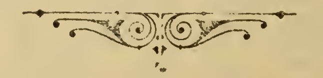
Въ немъ положительно жила потребность привязанности, но по свойству своего характера, помимо конечно семьи, онъ возбудилъ отвѣтное чувство едва-ли не въ одномъ только человѣкѣ—во мнѣ, и то лишь потому, что во всѣхъ отношеніяхъ я былъ отъ него совершенно независимъ. Не будь этого, онъ, вѣроятно, съумѣлъ бы и во мнѣ поселить недоброе къ себѣ чувство. По крайней мѣрѣ М. А. Газенкампфъ, которому довелось всю кампанію провести съ Левицкимъ въ одной комнатѣ, или кибиткѣ, въ опубликованныхъ выдержкахъ своего дневника крайне рѣдко упоминаетъ о Левицкомъ и то только тогда, когда замолчать его, какъ дѣятеля, было невозможно. Позволительно думать, что деликатность, присущая почтенному автору дневника, побудила его не предавать гласности замѣтки, рисующія Казиміра, какъ начальника и сожителя, въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

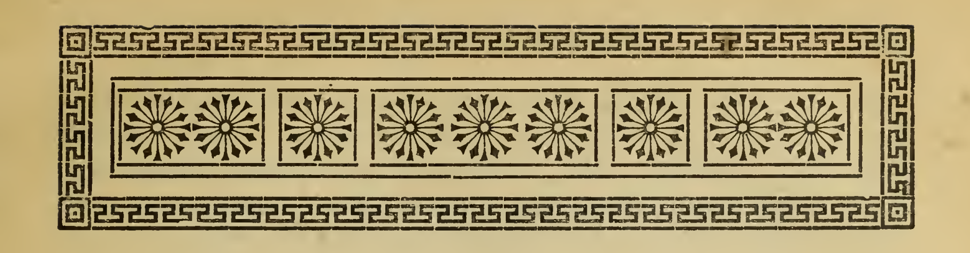
Самая судьба Левицкаго была полна противорѣчій: несчастливое дѣтство, голодная юность, первые шаги молодости, полные неустанной, неинтересной, шаблонной работы, заботы о завтрашнемъ днѣ, опасенія не потерять того, что пріобрѣтено было съ такимъ трудомъ—и вдругъ неожиданное возвышеніе до той высоты, высоты почти недосягаемой, о которой долженъ мечтать всякій хорошій военный, о которой когда-то мечталъ и я—до высоты фактическаго главнокомандующаго, до высоты, которая дала неотъемлемое право Мольтке быть занесеннымъ въ списокъ самыхъ крупныхъ историческихъ именъ. Какая блестящая, казалось, карьера, и какой печальный результатъ, какая отрицательная слава!

Въ заключеніе, съ убѣжденіемъ можно сказать, что это былъ человѣкъ прежде всего несчастливый, самое возвышеніе котораго послужило ему во вредъ.

Пусть же рука съ камнемъ, занесеннымъ на имя честнаго человѣка, опустится и не броситъ впредь камня на могилу несчастливаго.

А. Витмеръ.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ[1].

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра [2]).

Одновременно съ окончаніемъ контракта въ Москвѣ, я получила очень симпатичное предложеніе пѣть контральтовыя партіи въ Лондонѣ, въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ (1865 г.). Конечно это было утѣшеніе, но въ Лондонѣ театральный сезонъ продолжается только лѣтомъ, во время засѣданій парламента. Первые же осенніе дни увлекаютъ всю аристократію въ помѣстья на охоты. Такимъ образомъ слѣдующая зима представлялась мнѣ очень неприглядной.

Мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, очаровательная лэди Непиръ дала мнѣ письмо къ лэди Венслейдель. (Лордъ Непиръ былъ посланникомъ въ Петербургѣ).—Въ незапечатанномъ письмѣ встрѣчалась, при просьбѣ насъ принять, слѣдующая фраза: „do it for my sake, before the time not long to come, when you will do it for your own“. Эта рекомендація открыла намъ нѣсколько интересныхъ аристократическихъ салоновъ.

Въ роскошномъ отелѣ очень пожилой лэди былъ данъ великосвѣтскій раутъ. Тогда существовалъ обычай, если концертъ давался въ залѣ, гдѣ не было эстрады, между приглашенными и артистами протягивалась цѣпь, или, проще сказать, веревка, обтянутая бархатомъ. Для насъ цѣпи не натягивали.—Меня хозяйка дома представила всѣмъ пожилымъ дамамъ, а молодыхъ представила мнѣ; подавали чай: „five o'clock tea“. Между присутствующими былъ Sir Robert Peal, съ красавицей женой, нашъ посланникъ, писа-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1910 г. январь.

[2]) Нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ.

тельница M-m Gaskell. Мнѣ подала чашку чая Lady Peal, а супругъ ея подалъ sandwich.—Я много пѣла, между прочимъ ирландскую балладу: „the irissh molher's lament, по-англійски. Послѣ пѣнія лэди Венслейдель нарѣзала цѣлый букетъ розъ, украшавшихъ ея салоны, и при прощаніи вручила его мнѣ.

Для моего дебюта въ Лондонѣ былъ назначенъ „Фаустъ“. Роль Зибеля очень выгодна для дебюта: двѣ прекрасныя аріи, прелестный костюмъ и почти никакой отвѣтственности.

Фойе, въ которомъ обыкновенно собирали артистовъ, былъ въ ремонтѣ и намъ отвели для репетицій чуть не подвальный этажъ. Корридоръ, по которому нужно было туда идти, и комната, гдѣ стояло фортепіано, были выкрашены наскоро клеевой бѣлой краской. Маріо, хронически, всегда опаздывавшій, и на первую репетицію пришелъ, когда уже всѣ были въ сборѣ. Онъ сейчасъ же узналъ моего мужа, сердечно его привѣтствовалъ, познакомилъ насъ со всѣми артистами и въ этотъ моментъ замѣтилъ, что рукавъ его верхняго платья выпачканъ бѣлой краской: „ah le tenor est repeint à neuf“ (теноръ выкрашенъ наново), онъ засмѣялся и прибавилъ: „du reste il en a bien besoin“.

Ему было тогда 59 лѣтъ; онъ самъ мнѣ это сказалъ. На видъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Замѣчательно красивый, элегантный, доступный, добрый. Богъ пѣвцовъ, онъ былъ обожаемъ англичанами и всѣми, кто его зналъ.

Первая репетиція „Фауста“ сошла безъ ошибки; капельмейстеръ Коста аккомпанировалъ самъ, Бевиньяни переворачивалъ страницы. Въ день дебюта у моего мужа отнялись ноги; а мнѣ все-таки надо было пѣть въ новой, очень серьезной обстановкѣ, съ лучшими пѣвцами міра и быть на высотѣ положенія, такъ какъ на мнѣ лежалъ весь контральтовый репертуаръ, а оперы „Гугеноты“, „Фаустъ“, „Балъ-Маскарадъ“ и „Трубадуръ“ давались чаще другихъ. Ковентъ-Гарденскій театръ вступалъ въ 20-й годъ своего существованія и никогда не случалось, чтобы на нѣсколько примадоннъ было только одно контральто. Случилось это такъ: приглашены были изъ Берлина г-жа Де-Ана, изъ Штудгардта г-жа Эдельбергъ, г-жа Скалезе, протеже Патти и я. Выѣзжая изъ Берлина, Де-Ана почувствовала себя больной и, вернувшись съ первой станціи домой, послѣ тяжкой, кратковременной болѣзни умерла. Г-жа Эдельбергъ, дебютировавшая въ „Пророкѣ“, не была довольна своимъ успѣхомъ и, не сказавши никому ни слова, уѣхала. Скалези, на репетиціи Линда-ди-Шамуни такъ фальшивила въ своей аріи за кулисами, что Коста приказалъ послать мнѣ приглашеніе на слѣдующую репетицію, и оперу пѣла я.

Привожу здѣсь имена артистовъ, составлявшихъ труппу: со-

прано—Патти, Лукка, Фіоретти, Фриччи, Галетти, Фанъ-деръ-Овенъ, Біанки, Беррини, Либхардъ; тенора—Маріо, Вахтель, Бриньоли; баритонъ—Граціани; басы—Шмидтъ, Атри; контральто—я. При этомъ масса 2-хъ ролей, компримаріи. Капельмейстеръ Коста, его помощникъ Бевиньяни и еще одинъ, фамилію котораго не помню. Режиссеръ Гаррисъ, директоръ Джаи.

Съ единственной изъ поименованныхъ пѣвицъ я сошлась, съ Лукка: „Wie kommst Du dazu, das Du alle Sprachen sprichst"— Какъ же это ты достигла знанія всѣхъ языковъ? незабвенный вопросъ, сдѣланный ею мнѣ, послѣ того, какъ я заговорила съ ней по-нѣмецки.

Передъ спектаклемъ, 1-го представленія „Гугенотъ", я пошла въ камерино Лукки. Костюмъ Валентины требуетъ багатой отдѣлки, и мнѣ интересно было видѣть, какія украшенія она имѣетъ для свадебнаго наряда.—„О", сказала она, „я даже въ театрѣ не употребляю мишурныхъ украшеній: имѣя отъ короля великолѣпные брилліанты и жемчуга, я въ имитаціи ихъ не нуждаюсь". На туалетномъ столѣ лежало нѣсколько футляровъ, она стала ихъ раскрывать. Боже! какія это были жалкія произведенія ювелирнаго искусства. Три нитки желтаго, неровнаго жемчуга, съ ничтожнымъ фермуаромъ, серьги, брошь, браслетъ, одно къ другому—плохіе. Вотъ—подумала я, „ce qui s'appelle chanter pour le roi de Prusse". Странно то, что съ перваго обращенія, она стала мнѣ говорить „ты", тогда какъ я не рѣшалась ей отвѣчать такъ же. Пытливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, она спросила: „неужели у тебя есть лучше вещи"? Я невольно улыбнулась и сказала: а вотъ пріѣзжайте ко мнѣ, и я Вамъ покажу свои скромныя богатства.—Ну хорошо, завтра, въ 4 часа я пріѣду пить у тебя кофе.—У меня тогда было въ прошломъ только четыре года карьеры театральной, все-таки, подарки отъ Двора и публики были много красивѣе и богаче. Первый подарокъ отъ публики къ моему первому бенефису былъ браслетъ съ 5-ю солитерами. Отъ Государя, послѣ представленія „Фаворитки", серьги брилліантовыя съ рубинами, а послѣ концерта въ Кремлѣ, къ нимъ подходящая подвѣска на цѣпи, для ношенія на шеѣ. Чудный уборъ изъ бирюзы, жемчуга и брилліантовъ, поднесенный на малиновой, бархатной лирѣ, состоящій изъ семи вещей, пріобрѣтенный впослѣдствіи г-жею Терещенко; брилліантовая муха съ изумрудами, бабочка изъ рубиновъ и брилліантовъ—пріобрѣтенная впослѣдствіи княземъ Владиміромъ Трубецкимъ. Лукка долго разсматривала очень внимательно все и оживленно сказала: „я всегда думала, что Россія великая страна, и я буду стараться получить ангажементъ въ Петербургъ"!—Скоро это желаніе оправдалось.

Воспоминанія у меня объ этой замѣчательной артисткѣ остались самыя пріятныя. Хорошій товарищъ, веселая собесѣдница, съ ней было хорошо, легко. Это въ интимной жизни; но когда она была съ другими знаменитостями, она напускала на себя важность, которая совершенно не шла къ ея маленькому росту, очень подвижной фигуркѣ и вздернутому носику. Замѣчательные у нея были глаза, очень большіе, совершенно свѣтлые, до такой степени блѣдно-голубые, что на нѣкоторомъ разстояніи нельзя было видѣть зрачка! Выраженіе этихъ глазъ было стеклянное, холодное, но улыбка все скрашивала. Она помогала этому ледяному взгляду сильно, всегда подкрашивая верхнія рѣсницы. Выраженіе лица мѣнялось съ удивительной быстротой; охотно смѣялась съ широко раскрытымъ ртомъ, и смѣялись всѣ складки ея лица, но тогда вѣнскій акцентъ и шутки нарушали хорошій тонъ.

Очевидцы мнѣ разсказывали, что съ ней случилось разъ въ Берлинѣ. Гвардейскіе полки стояли въ Потсдамѣ; молодые офицеры охотно ѣздили въ Берлинъ слушать оперу съ тогда очень популярной, любимой пѣвицей, Лукка, но она, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, стала часто, за часъ до представленія, отказываться въ немъ принимать участіе. Директоръ театра дѣлалъ ей замѣчанія, офицеры шумно выражали свое неудовольствіе; но она плохо слушала начальство и продолжала часто манкировать. Директоръ сталъ жаловаться министру, дѣло дошло до короля, и г-жу Лукку оштрафовали на довольно крупную сумму. Ангажементъ ея въ Королевскомъ театрѣ — былъ пожизненный. Даже въ случаѣ утраты голоса, она должна была получать тѣ же 8.000 талеровъ, а мать ея, въ случаѣ смерти Лукки, получала 2.000 т., словомъ, великолѣпное обезпеченіе на всю жизнь. При этомъ ей разрѣшалось пѣть лѣтомъ за границей, получать отпускъ даже зимой. Вскорѣ послѣ вышеописаннаго инцидента король пришелъ на сцену, что онъ часто дѣлалъ. Въ рукѣ онъ держалъ фуражку и перчатку. Лукка, какъ всегда, смѣло подошла къ нему и стала просить его покровительства о снятіи съ нея штрафа. Конечно, король сказалъ, что это до него не касается, и что, вѣроятно, она заслужила это наказаніе; не долго думая, она выхватила изъ руки короля перчатку и, держа ее за спиной, сказала: „а я не отдамъ перчатку, пока Вы не исполните моей просьбы.

Король измѣнился въ лицѣ и тономъ, не терпящимъ возраженія, приказалъ немедленно отдать перчатку и сказавъ: „вы не воспитанная особа“, круто повернулся и быстро ушелъ. Послѣ этой выходки, она много утратила своего престижа, и ежели ее не попросили оставить королевскій театръ, то благодаря всемогущей тогда про-

текціи Бисмарка. Дѣло замяли,—но стали появляться фотографическія карточки юмористическаго содержанія; одна изъ такихъ была въ моихъ рукахъ. Стоитъ канцлеръ во весь свой огромный ростъ, передъ нимъ, глядя ему въ глаза, стоитъ маленькая Лукка; подъ двойнымъ изображеніемъ двухъ знаменитостей надпись:

Schön ist die Kunst, ernst ist das Leben.

Однажды я была свидѣтельницей такой сцены. Коста былъ тогда первымъ лучшимъ, знаменитѣйшимъ оркестровымъ дирижеромъ. Во главѣ своего оркестра онъ былъ настоящемъ королемъ. Оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра не имѣлъ себѣ равнаго. Изъ артистовъ, для струнныхъ инструментовъ, приглашали только тѣхъ, у которыхъ имѣлись старинные итальянскіе инструменты: Страдиварія, Гуарнерія, Амаши; допускался Вильомъ, современный фр. фабрикантъ. Надо сказать, что оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра настроенъ почти полутономъ выше нормальнаго камертона, можно себѣ представить, какой блескъ звука получается при такихъ условіяхъ. Никогда въ жизни, ни до, ни послѣ, ничего подобнаго не приходилось слышать, а мнѣ удалось быть на концертахъ Парижской консерваторіи съ его знаменитыми капельмейстерами.

Коста всѣ уважали, какъ человѣка; артисты его побаивались, т. к. онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и относился къ дѣлу чрезвычайно серьезно. Самые оживленные разговоры стихали, когда, во время антракта, онъ приходилъ на сцену; садился такъ, что видѣлъ всѣхъ, и тогда мало кто рѣшался подходить къ нему.

Вотъ разъ Лукка подошла къ нему сзади и положила оба локтя на его плечи. Трудно передать общее смятеніе, и хотя Коста сдѣлалъ видъ, что это шутка, лицо его выражало серьезное неудовольствіе. Вотъ какой это былъ человѣкъ.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о Луккѣ, какъ артисткѣ, пѣвицѣ и знаменитной оперой примадоннѣ. Во-первыхъ, она сначала не готовилась быть пѣвицей, а танцовщицей. Еврейка по происхожденію, она не получила никакого, ни научнаго, ни музыкальнаго образованія; танцмейстеръ, во время уроковъ, ломалъ на ея спинѣ массу смычковъ, за ея дерзкія выходки. Во время танцкласса иногда она пѣла и разъ поразила своимъ голосомъ хормейстера. Онъ заинтересовался звукомъ ея сильнаго сопрано, предложилъ ей заниматься пѣніемъ; она бросила уроки танцевъ, и ея судьба была рѣшена. Разъ давали концертъ съ благотворительной цѣлью, въ Соборѣ Св. Стефана. Наканунѣ концерта первое сопрано занемогло; всѣ были страшно разстроены; тогда хормейстеръ предложилъ вывести всѣхъ изъ затрудненія и представить чудо изъ чудесъ, новую, юную, почти ребенка, пѣвицу, ко-

торую онъ брался приготовить въ однѣ сутки. Всю ночь Лукка учила свою партію, а вечеромъ восхитила своего учителя и всю публику, наполнявшую Соборъ! Исполняли Pfingsten kantate—Баха.

Первый разъ я слышала Лукку въ Прагѣ. Проѣздомъ въ Италію, мы остановились въ этомъ городѣ. Поѣздъ въ Тріестъ отходилъ только разъ въ сутки, въ 5 часовъ утра. Предстоялъ длинный день и вечеръ безъ занятій, т. к. въ Прагѣ, когда осмотришь городъ, еврейскую синагогу съ истлѣвшими листами Книгъ Стараго Завѣта, къ которымъ прикасаться строго воспрещается, да истерзанныя знамена, полученныя евреями за храбрость, гробницу астронома Тихо-Браге и развѣ еще замокъ, въ которомъ жилъ король Людовикъ XVIII послѣ второго изгнанія, осматривать было нечего. На афишѣ въ театрѣ стояла жидовка Галеви, съ теноромъ Зондгеймомъ изъ Штудгардта и сопрано Лукка, въ заглавной роли. Не стану описывать этого дивнаго представленія. Зондгеймъ оказался первокласснымъ пѣвцомъ, а Лукка обѣщала тогда уже быть первоклассной пѣвицей. Но эта первоклассная пѣвица не умѣла ни правильно говорить, ни писать на какомъ бы то ни было языкѣ. Въ роли Маргариты, въ „Фаустѣ", она такъ неправильно выговаривала по-итальянски, что итальянскіе пѣвцы за кулисами надрывались отъ неудержимаго смѣха. Я ей откровенно сказала, что мнѣ непонятна эта небрежность; „Вамъ слѣдуетъ внимательно нѣсколько разъ прочесть текстъ"!—Она покорно выслушала меня, слѣдующій разъ выговаривала лучше и спросила: довольна ли я ею!? Въ этомъ году въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ еще одинъ субъектъ, нѣмецкій теноръ Вахтель. Началъ онъ свою карьеру кучеромъ во Франкфуртѣ, обращая всеобщее вниманіе, выкрикивая высокія ноты, сидя на козлахъ своей „дрожки". Никто не могъ разобрать словъ, когда онъ пѣлъ Фауста. Несмотря на свои феноменальные голоса, ни Лукка, ни Вахтель никогда въ Италіи пѣть не могли.

Хочу кончить эти замѣтки впечатлѣніями, вынесенными мною отъ исполненія Луккою роли Африканки, которая была написана Мейерберомъ для нее. Она создала ее въ Лондонѣ. Костюмъ, гримъ, игра, мимика и пѣніе были доведены до совершенства. Граціани, Нелюско былъ на высотѣ своей роли; сцена смерти останется въ памяти неизгладимой! Режиссеръ Гарисъ предоставилъ мнѣ свою ложу за кулисами.

О Патти могу сказать меньше, хотя пѣла съ ней столько же, сколько съ Луккой, но сблизилась меньше. Она держала себя особнякомъ, на репетиціяхъ не бывала и ограничивалась при встрѣчахъ общими поклонами, или банальными фразами привѣтствія. Съ сильно южнымъ, испанскимъ типомъ, она, пожалуй, была красивѣе Лукки, но недоброе выраженіе ея блестящихъ черныхъ глазъ не привлекало. Было

Patti italiens

Pauline Lucca

Ирина Ивановна
Оннорé

принято говорить, что пѣніе ея удивляло, но не трогало. Съ этимъ мнѣніемъ я лично согласиться не могу. Въ ея дивномъ голосѣ было столько яркости, теплоты, что при первыхъ звукахъ вся душа трепетала отъ восторга. Вся она была сплетена изъ музыки, въ ея исполненіи слышалась точность, увѣренность, ритмъ; она никогда не ошибалась, всегда была въ голосѣ и всегда, всюду имѣла колоссальный успѣхъ. Одно, что можно было сказать противъ, это то, что „piano“ въ ея пѣніи никогда не было, и что она ускоряла темпы; такъ въ аріи „Донъ Жуана“, „Batti, batti“ allegro, во второй части аріи не отличалось отъ andante первой части.

Коста былъ ея поклонникъ и соглашался брать темпы, которые она требовала. Передъ каждымъ представленіемъ онъ самъ на сценѣ подносилъ ей изящный небольшой букетъ.

Многіе думали, что она мало училась, что у нея былъ природный талантъ. Могу удостовѣрить противоположное: она очень много и серьезно работала. Правда, что она выступала въ Америкѣ, когда ей было 12 лѣтъ, но это не помѣшало ей учиться. Мать ея была хорошей пѣвицей, драматическое сопрано. Оставила она о себѣ отчаянную репутацію особы съ дикимъ характеромъ; не переносила хорошихъ пѣвицъ и разъ на представленіи „Нормы“, въ которой есть другое сопрано, требующее первоклассной пѣвицы, m-me Патти, недовольная ея успѣхомъ, обозлилась до такой степени, что публика это замѣтила; къ слѣдующему представленію молодой пѣвицѣ сдѣлали овацію и поднесли вѣнокъ; г-жа Патти быстро подбѣжала къ рампѣ, подняла вѣнокъ и надѣла его себѣ на голову. Разъ, въ порывѣ гнѣва на своего супруга, она бросила свою трехлѣтнюю дочь Карлотту на него; онъ успѣлъ отстраниться, но дѣвочка ударилась объ стѣну и получила переломъ бедра, который сдѣлалъ ее калѣкой на всю жизнь. Семья состояла изъ отца, матери и трехъ сестеръ; старшая вышла замужъ за Стракоша, хорошаго музыканта, который былъ учителемъ Аделины; у старшей сестры былъ хорошій голосъ, меццо-сопрано, а третья, Карлотта, имѣла высокое колоратурное сопрано, доходящее до крайнихъ, высокихъ нотъ сопрановаго регистра. Стракошъ училъ трехъ сестеръ, и какъ только средняя сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была впослѣдствіи, онъ приготовилъ ей путь въ Европу, гдѣ мать никогда не пѣла, имѣя осѣдлость въ Америкѣ и очень хорошія приглашенія въ большихъ городахъ. Когда Аделина была, по его мнѣнію, готова къ дебютамъ, онъ началъ ее рекламировать во всѣхъ газетахъ Америки и Европы, и когда она, въ сопровожденіи отца и своего наставника, и „procolo“ [1]), пріѣхала

[1]) Спеціальное выраженіе, употребляемое въ Италіи: человѣкъ, показывающій товаръ лицомъ.

въ Лондонъ, весь міръ зналъ о ея существованіи. Счастливо было для нея то, что всѣ похвалы оправдались, т. к. съ перваго представленія она стала царицей театра. Стракоша и своего отца она третировала, какъ своихъ рабовъ, первый не имѣлъ права возвращаться поздно домой, а то она выбѣгала на каменную площадку лѣстницы босикомъ, чтобы его напугать. Не надо думать, что это была ревность, нѣтъ, ихъ отношенія были самыя дружескія и чистыя, а просто балованная дѣвочка, понявъ, чѣмъ она была для семьи, пользовалась своей силой: при малѣйшемъ противорѣчіи она говорила отцу и деверю: „ежели я вамъ не нравлюсь, можете убираться"; а разъ забросала ихъ костями птицы, которую ѣла за обѣдомъ. Когда она, много лѣтъ спустя, вышла за маркиза де-Ко, онъ не былъ болѣе счастливымъ, чѣмъ Стракошъ и ея отецъ. Въ Петербургѣ она начала увлекаться Николини и на одномъ представленіи „Травіаты" волновалась такъ, что стала понижать. Маркизъ де-Ко вошелъ въ ея уборную и сталъ ее упрекать и между прочимъ сказалъ: „Вы фальшивили, а маркиза де-Ко не имѣетъ права фальшивить"; тогда, разсерженная до послѣдней степени, она забросала его футлярами своихъ тогда многочисленныхъ бриллiантовыхъ вещей, которыя были на ней; маркизъ выбѣжалъ изъ уборной, сопровождаемый этимъ крупнымъ дождемъ.

Директоръ Ковентъ-Гарденскаго театра г. Джаи мечталъ поставить оперу Моцарта „Волшебную флейту"; въ ней три роли для сопрано. Г. Джаи было интересно и выгодно поставить оперу съ тремя сестрами Патти. Сломанная нога Карлотты мѣшала ей поступить на сцену, но въ оперѣ „Волшебная флейта" „Царица ночи" выѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, такимъ образомъ было возможно доставить бѣдной калѣкѣ случай дебютировать. Когда планъ созрѣлъ, сообщили о немъ Аделинѣ и просили ея согласія. Патти спокойно выслушала и сказала, что она понимаетъ, насколько для дирекціи подобное представленіе можетъ быть выгоднымъ, но что она въ этой комбинаціи участія принять не желаетъ. Такимъ образомъ Карлотта продолжала выступать только въ концертахъ. Г-жа Стракошъ осталась въ Америкѣ, а Аделина продолжала свой путь лучезарной звѣздой. Сестра ея не могла быть ей конкурренткой; голосъ ея, хотя много хуже, походилъ на голосъ фонъ-Зандъ, или Тетрацини и Баронатъ. Отказъ Патти доказалъ только, что она сестеръ своихъ не любила.

У Аделины роскошный замокъ въ Шотландіи. Королева Викторія выразила желаніе посѣтить владѣлицу замка; нѣсколько километровъ на пути къ нему были не исправны; нашли неудобнымъ подвергать престарѣлую королеву ѣздѣ по дурной дорогѣ. Патти не

пожалѣла средствъ; созвали огромное число рабочихъ, т. к. дѣло шло о скорѣйшемъ исправленіи дороги, но стоило это 150 т. франковъ. Въ назначенный день замокъ украсился флагами, цвѣтами; Патти вышла навстрѣчу королевѣ, но, увы, королева не пріѣхала, а послала своего сына, принца Вельскаго, теперешняго короля Эдуарда VII, съ извиненіями. Забывъ, какой передъ ней посолъ, и не вникнувъ въ уважительныя причины, помѣшавшія пріѣзду высокой посѣтительницы, она дотого разсердилась, что затопала ногами, къ крайнему недоумѣнію принца и присутствующихъ.

Судьба двухъ пѣвицъ, одинаково знаменитыхъ, рознилась во многомъ. Хотя Лукка тоже вышла замужъ за титулованнаго господина, по милости котораго состояніе ея пошатнулось, она въ матеріальномъ отношеніи была неудачницей.

Антреприза въ Америку, куда она поѣхала съ приглашенными ею артистами, не удалась, и ей пришлось, не удовлетворивъ своихъ должниковъ, попытаться уѣхать; но въ моментъ, когда „Стимеръ" (пароходъ), на которомъ она уѣзжала въ Европу, отчаливалъ, ее остановили.

Патти, наоборотъ, сохранила свое колоссальное состояніе, несмотря на то, что она выкупила своего второго мужа у его семьи за очень солидную сумму; со сценой она разставалась съ трудомъ. Въ Ниццѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она пѣла Травіату; и должно быть ей было тяжело прочесть въ мѣстныхъ газетахъ, послѣ этого единственнаго представленія: „вчера мы имѣли случай любоваться великолѣпными брилліантами г. Патти". Три года тому назадъ она пріѣзжала въ Петербургъ, который слышалъ ея лебединую пѣснь, и который останется ей глубоко благодаренъ за щедрый даръ, 21.000 рублей, вырученныхъ съ концертовъ, данныхъ ею въ Дворянскомъ собраніи и оставленныхъ въ пользу семействъ погибшихъ моряковъ.

Возвращаюсь къ своимъ гастролямъ въ Лондонѣ: Валентину въ „Гугенотахъ" пѣла только Лукка; въ роли Маргариты въ „Фаустѣ" чередовались Патти и Лукка; оперы эти выдержали 18 представленій съ полнымъ сборомъ (въ 35.000 франковъ). Всего я пѣла 53 раза и 4 раза въ концертѣ въ Кристаль-Паласъ, гдѣ помѣщается 20.000 человѣкъ.

Здѣсь мнѣ припоминается интересный эпизодъ. Въ годъ моего дебюта въ Москвѣ гастролировалъ извѣстный трагикъ негръ, Ольдриджъ. Представленія его не имѣли большого интереса. Его англійскій языкъ, съ сильнымъ американскимъ акцентомъ, дѣлалъ то, что очень мало кто его понималъ, а русскіе актеры не охотно съ нимъ играли. Получалась невыносимая скука, которая нарушилась въ одномъ изъ представленій „Отелло". Когда Отелло первый разъ

намекаетъ Дездемонѣ, что онъ не вѣритъ въ ея любовь, и она удивленная говоритъ: „я Васъ не понимаю — я Васъ рѣшительно не понимаю"—кто-то изъ райка зычнымъ голосомъ закричалъ: „и мы тоже ничего не понимаемъ". Хохотъ въ театрѣ былъ неудержимый, разсѣявшій остатки трагическаго настроенія.

Я пѣла Фаворитку, увлекаясь этой ролью, которая удавалась мнѣ хорошо даже въ смыслѣ игры. Послѣ одного изъ представленій, въ кулисахъ подошелъ ко мнѣ Ольдриджъ, выразилъ мнѣ свой негритянскій восторгъ и предсказалъ, что неминуемо онъ скоро встрѣтитъ меня въ другой обстановкѣ, въ сонмѣ ѳвропейскихъ звѣздъ.

Въ Cristale Palace, несмотря на колоссальные размѣры зданія, комнаты для артистовъ не было; помѣщались они подъ эстрадой; во время одного концерта здѣсь поставлены были кресла для особенно внушительнаго въ этотъ день ареопага. Патти, Лукка, Фіоретти, Граціани, Маріо, Атри, я и другіе сидѣли мы полукругомъ въ ожиданіи очереди. Вдругъ въ дверяхъ, къ общему удивленію, показался черный господинъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ массою орденовъ на груди. Окинувъ насъ взоромъ, онъ направился въ мою сторону и напомнилъ, какъ онъ мнѣ предсказывалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ встрѣтитъ меня въ блестящей обстановкѣ, и что онъ счастливъ, что его предсказанія оправдались. Не скрою, что я была больше сконфужена, чѣмъ польщена этой похвалой, такъ какъ мнѣ показалось, что товарищи по искусству улыбались при видѣ черненькаго знакомаго m-me Онноре.

Успѣхъ мой въ Лондонѣ удержался до конца сезона. Самая интересная опера этого сезона была „Африканка", которая шла въ Лондонѣ 1-й разъ съ Лукка въ заглавной роли. Роскошь обстановки, костюмовъ, освѣщенія, декораціи—выше всякой похвалы. „Африканку" мнѣ удалось видѣть въ режиссерской ложѣ, которую г. Гаррисъ предоставилъ мнѣ.

Музыкальная критика въ Лондонѣ была очень распространена, но довѣріемъ публики пользовалась только одна—Девисона въ „Таймсѣ". Онъ слылъ за глубокаго знатока, человѣка высокой нравственности, непродажнаго, безпристрастнаго и справедливаго. „He speaks highly of her, it is to say, that she deserves it". Онъ высокаго мнѣнія о ней,—это значитъ, что она стоитъ похвалы,—такъ говорили о немъ англичане.

Привожу здѣсь двѣ статьи музыкальнаго критика Девисона въ газетѣ „Таймсъ".

Послѣ представленія оп. „Фаустъ"

(переводъ).

„Другая дебютантка (пѣвица Императорскаго московскаго театра) Г-жа Онноре, которая около 3-хъ лѣтъ тому назадъ пѣла на музы-

кальномъ вечерѣ у Г. Галла, въ St. James's Hall. Тѣ, которые ее слышали тогда, исполняющей прелестную колыбельную пѣснь Глинки (пѣтую на русскомъ языкѣ), были удивлены встрѣтить въ молодой неизвѣстной артисткѣ такое знаніе своего дѣла, какое доказала она вчера въ представленіи оп. „Фаустъ". Мы никогда не слышали болѣе очаровательно исполненными обѣ прелестныя аріи Зибеля. Передать подробно объ остальныхъ исполнителяхъ было бы повторять старое. Можно однако сказать многое о самомъ Фаустѣ Г. Маріо и о чудесномъ голосѣ Г. Граціани".

2-я статья отъ 31 марта въ той же газетѣ послѣ представленія „Троваторе".

„The new Azucena M-s Honnoré, who on Tuesday, made so good an impression as Siebel in Faust, was eminently acceptable. In appearance, aven with the extrinsie aid of a painted face and imaginary wrinkles, she hardly realised the idea, we have been used to entertain, of the vengeful and uninviting old sorceress but she sang the music, from the familiar „Stride la vampa" to the duet „Si la stanchezza m'oprime o figlio" with its delicions burden, „ai nostri monti rilorneromo" murmured by Azncena in her sleep, in a style as charumigly unaffecled, as it vas artistically perfect".

Теноръ былъ Вахтель, нѣмецкій пѣвецъ съ удивительнымъ голосомъ и отчаянной дикціей,—баритонъ Граціани.

На одномъ изъ представленій „Фауста", Маріо представилъ мнѣ Бажье, директора итальянской оперы въ Парижѣ. Я могла тогда же заключить новые контракты, начать кочующую жизнь по Европѣ, но здоровье моего мужа ухудшилось, надо было больного доставить въ Москву, куда мы оба стремились, гдѣ у насъ была прелестная обстановка, много друзей, а главное—сынъ.

Болѣзнь моего мужа мѣшала намъ принимать массу приглашеній на обѣды, рауты и пр. Однако я поѣхала пѣть у лорда мэра въ Manshion-haus; уговорились поѣхать съ Луккой. Въ первой залѣ огромнаго помѣщенія находится постоянная выставка картинъ, исключительно англійскихъ художниковъ. Ничего ужаснѣе этихъ картинъ видѣть нельзя, не спасаютъ ихъ и необыкновенно роскошныя рамы. Народу было тьма; артисты всѣхъ театровъ приглашались участвовать въ концертѣ; пѣвцовъ наѣхало множество—очереди не было; смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ знаменитые пѣвцы, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, тѣснились у эстрады и брали ее съ бою; кто скорѣе заберется на эстраду, тотъ и поетъ раньше. Несмотря на это, всѣ желали пѣть въ этихъ концертахъ. Иногда происходили забавныя сцены.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ мы получили приглашеніе въ Гринвичъ. Приглашеніе было сдѣлано главнымъ строителемъ англійскаго флота „the chief constructor of the english navy“. Этотъ обѣдъ называется the white bait dinner. While bait, маленькая рыбка, очень похожа на нашего снятка. Ее подаютъ три раза во время обѣда, который длится три часа. Мясо, птица, котлеты имѣютъ только форму названныхъ блюдъ, но все сдѣлано изъ рыбы, а снятки всякій разъ подаются съ усиленной приправой каенскаго перца. Къ счастію, за дессертомъ подавались великолѣпные фрукты, которые не напоминали рыбы.

Въ день отъѣзда мы получили приглашеніе на обѣдъ отъ „lady and M-r Oldrige“. На пригласительной картѣ былъ напечатанъ съ лѣвой стороны ихъ лондонскій адресъ, а съ правой „High Africa“. По случаю отъѣзда мы туда не попали.

Съ горестнымъ чувствомъ уѣзжала я изъ Лондона, предупреждая директора, что, вѣроятно, я не вернусь, хотя контрактъ мой заключенъ былъ на 7 лѣтъ. До возвращенія домой мы пробыли нѣсколько времени въ Висбаденѣ, куда пріѣзжалъ нарочно режиссеръ Гаррисъ уговаривать меня вернуться въ Лондонъ на будущее лѣто. Рѣшать ничего нельзя было; все, конечно, зависѣло отъ обстоятельствъ.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ случилось то, чего никто изъ насъ не могъ ожидать. Г-нъ Л. такъ беззастѣнчиво хозяйничалъ по администраціи ввѣреннаго ему дѣла, что была прислана изъ Петербурга комиссія для разслѣдованія театральныхъ безпорядковъ. Въ чемъ именно состояли эти злоупотребленія, не всѣмъ было извѣстно; въ хаосѣ счетовъ, жалобъ, разобраться не было возможности.

Одному буфетчику по личнымъ счетамъ г-нъ директоръ задолжалъ 5.000 р.; изъ мастерскихъ брали парчу, бархатъ, но по счетамъ портные удовлетворены не были. Словомъ, было приказано слѣдствіе прекратить, а г. Л. предложили въ 24 часа убраться, и онъ былъ лишенъ званія камеръ-юнкера.

Артисты, приглашенные на слѣдующій сезонъ, были извѣщены, что итальянская опера въ будущую зиму въ Москвѣ не откроется, и ихъ услуги не понадобятся; на это они должны были согласиться, такъ какъ въ контрактахъ было сказано, что, въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ихъ контракты могутъ терять свою силу. Такимъ образомъ итальянскіе артисты разошлись по разнымъ сценамъ Европы, только кафе-шантанная пѣвица и я остались не у дѣла.

И. И. Оннорé.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА II [1]).

Плоды жертвы.

Смерть Николая Кирѣева и другихъ русскихъ добровольцевъ, послѣдовавшихъ его примѣру, произвела въ Россіи такое же впечатлѣніе, какое болгарскія жестокости произвели въ Англіи. Двѣ трагедіи: одна героическая, другая невыразимо возмутительная, измѣнили карту Восточной Европы. Слѣдующія выдержки изъ рѣчи Аксакова въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ (6-го ноября 1876 г.) представляютъ какъ нельзя болѣе вѣрно современную дѣйствительность.

Аксаковъ началъ съ объясненія, что Славянскій Комитетъ былъ основанъ съ чисто-благотворительными цѣлями. Когда генералъ Черняевъ, въ сентябрѣ 1875 г., предложилъ взять пятьдесятъ не состоящихъ на службѣ офицеровъ, чтобы оказать помощь черногорцамъ, у комитета не было средствъ. Не ранѣе марта 1876 г., могъ онъ собрать 6.000 рублей, чтобъ послать Черняеву въ Сербію. Начались турецкія звѣрства въ Болгаріи, пожертвованія деньгами и вещами потекли со всѣхъ сторонъ. Не нужно было особыхъ усилій, чтобъ возбудить русскія симпатіи и состраданіе. Для русскихъ не существовало болѣе популярнаго врага, какъ турокъ.

„Сербская война началась. Съ замираніемъ сердца, Россія слѣдила за неравной борьбой между маленькой православной страной (меньше пространствомъ, чѣмъ Тамбовская губернія) съ многочисленной арміей, составленной изъ азіатскихъ ордъ, разсѣянныхъ на трехъ четвертяхъ земного шара. Но когда сербская армія по-

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

терпѣла первое пораженіе, когда на почву пробужденнаго народнаго чувства упала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершилось первое дѣло любви, когда первая чистая жертва была принесена за вѣру и братьевъ Россіи, въ лицѣ одного изъ ея сыновъ, тогда содрогнулось сознаніе всей Россіи.

Сначала, какъ и впослѣдствіи, Московскій Славянскій Комитетъ не разсылалъ приглашеній для привлеченія добровольцевъ. Одинъ за другимъ являлись отставные офицеры за совѣтомъ и указаніями, какъ отправиться въ Сербію и поступить въ армію подъ командою Черняева. Извѣстіе о смерти Кирѣева, перваго русскаго добровольца, павшаго на войнѣ, вызвало тысячи подражателей. То же повторялось по полученіи извѣстій о другихъ убитыхъ русскихъ добровольцахъ. Смерть не устрашала, а какъ бы привлекала ихъ. Въ началѣ движенія добровольцы были бывшіе военные и въ большинствѣ случаевъ дворяне. Помню, какое искреннее волненіе я испыталъ, когда ко мнѣ пришелъ первый сержантъ съ просьбой послать его въ Сербію, такъ ново было для меня существованіе подобнаго чувства въ народѣ. Это чувство разрослось вскорѣ до того, что не только старые солдаты, но и мужики стали приходить ко мнѣ съ тою же просьбою. И какъ смиренно они настаивали въ своей просьбѣ, какъ будто бы просили милостыни. Со слезами, на колѣняхъ упрашивали они меня послать ихъ на поле сраженія. Большинство крестьянскихъ просьбъ было удовлетворено, и Вы бы посмотрѣли на ихъ радость при объявленіи имъ рѣшеній.

Однако сцены эти такъ умножились и дѣлъ столько накоплялось, что не было никакой возможности наблюдать за выраженіемъ народнаго чувства или входить въ подробности причинъ, заставляющихъ добровольцевъ идти. „Я рѣшилъ умереть за вѣру. Сердце у меня горитъ“. „Я хочу помочь нашимъ братьямъ. Нашихъ убиваютъ“. Таковы были краткіе отвѣты, даваемые спокойно, искренно. Я повторяю, что не было и быть не могло корыстолюбивыхъ цѣлей у добровольцевъ. По крайней мѣрѣ я, добросовѣстно, предупреждалъ каждаго о тяжкой судьбѣ, его ожидающей, и дѣйствительно съ перваго взгляда никакой особенной выгоды не являлось. Каждый получалъ пятьдесятъ рублей, изъ которыхъ 35 р. стоилъ проѣздъ черезъ Румынію, остальные на пищу и другія надобности. Наконецъ движеніе достигло такихъ размѣровъ, что мы должны были учредить особый отдѣлъ для принятія добровольцевъ и для разсмотрѣнія ихъ требованій и показаній“.

Сэръ Д. Макензи Уолласъ въ его популярной и классической книгѣ о Россіи такъ говоритъ о вліяніи смерти Николая Кирѣева на національное и религіозное чувство въ Россіи:

„Сербы начали подвигаться впередъ, но вскорѣ должны были отступить. Пришло извѣстіе, что русскій убитъ. Николай Кирѣевъ, бывшій гвардейскій офицеръ, хорошо извѣстный въ Москвѣ и въ Петербургѣ, палъ смертельно раненый въ то время, какъ онъ храбро велъ своихъ солдатъ въ Зайчаръ, и тѣло его, какъ говорятъ, было звѣрски изувѣчено турками. Это, конечно, произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, кто лично былъ знакомъ съ Кирѣевымъ; но странно, что впечатлѣніе, произведенное его смертью на низшіе классы, которые никогда о немъ не слыхали, было еще гораздо сильнѣе. Событіе это украсилось народнымъ воображеніемъ и возбудило старыя воспоминанія и старыя страсти, давно дремавшія. Другіе русскіе пали, а энтузіазмъ росъ. Между тѣмъ турки совершили свою великую ошибку. Когда всѣ взоры были устремлены на Моравію и на Тимокъ, раздались вопли на заднемъ планѣ, всѣ, у кого было чувство человѣчности, были поражены ужасной картиной, которую представляли болгарскія села въ мирной долинѣ Марицы.

„Но разсказы о смертельной борьбѣ съ мусульманами, разсказы о рѣзнѣ, о рабствѣ, о безжалостномъ разореніи православныхъ деревень ордами дикихъ магометанъ, это производитъ на русскихъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Старый духъ, завоевавшій шагъ за шагомъ степь отъ кочевыхъ племенъ, еще не угасъ, и разсказы немногихъ, возвратившихся съ торговли невольниками въ Крымъ, еще не были забыты. Какъ въ старину, простой русскій человѣкъ спѣшилъ взять топоръ и бѣжать спасать, когда слышалъ крикъ: „татары идутъ на насъ. Нашихъ убиваютъ“, такъ тотъ же человѣкъ и въ наше время готовъ идти на выручку, когда услышитъ крикъ православныхъ своихъ братьевъ за Дунаемъ.

Образованные классы не имѣютъ воспоминаній о татарскомъ варварствѣ, этой православной ненависти къ грабителю бусурманину, но у нихъ большой запасъ чувства гуманности, на которое болгарскія жестокости произвели одинаковое дѣйствіе. Какъ ни странно покажется тѣмъ, кто придерживается старыхъ понятій о русскомъ дворянствѣ, я долженъ сказать, что не знаю такой корпораціи людей, которые были бы болѣе чувствительны къ понятію о человѣколюбіи, какъ русскіе образованные классы. Ихъ человѣколюбіе не выдерживаетъ можетъ быть ежедневной жизни и склонно со временемъ испаряться, въ извѣстной степени, но пока оно существуетъ, оно очень сильно и можетъ повести ихъ на большія жертвы. Въ добавокъ къ этой силѣ существовали еще идейныя побужденія, несомнѣнно очень неопредѣленныя, но тѣмъ не менѣе очень могучія. Идея, за которую люди воюютъ

и умираютъ, не дѣлается хуже отъ того, что она неопредѣленна [1])".

Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга 13-го іюня 1878 г., черезъ два года послѣ смерти ея брата, Ольга Алексѣевна говоритъ:

„Я вижу съ благодарностью и восхищеніемъ, какъ живо помнитъ о моемъ братѣ печать. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ описанъ вечеръ, на которомъ собрались знакомые, чтобъ провести нѣсколько послѣднихъ часовъ съ молодымъ добровольцемъ, отправлявшимся въ Сербію. Всѣ были полны надеждъ и энтузіазма. Мой братъ слушалъ все время, иногда качая головой въ знакъ одобренія. Наконецъ одинъ молодой человѣкъ воскликнулъ: „Если мы побѣдимъ..." Николай его поправилъ. „Скажите: когда мы побѣдимъ". Авторъ статьи прибавляетъ: я никогда не забуду это благородное милое лицо, когда онъ говорилъ эти пророческія слова. Онъ внушалъ довѣріе всѣмъ сомнѣвающимся. Онъ точно былъ Богомъ вдохновленъ. Въ корреспонденціи изъ Болгаріи я нашла на-дняхъ описаніе нѣкоторыхъ болгаръ, видѣвшихъ Николая за нѣсколько дней до его славной смерти. Бѣдные люди не могли говорить о нашемъ дорогомъ Кирѣевѣ безъ слезъ, повторяя: да, онъ былъ добръ ко всѣмъ его окружавшимъ, онъ былъ самоотверженъ до послѣдней степени и никогда не думалъ о собственной опасности". Какъ много я встрѣчаю людей, которые просятъ меня написать о немъ. Но это выше моихъ силъ. Николай былъ часть моей души. Онъ былъ, какъ и мой братъ Александръ, само благородство и доброта. Смерть его, дѣйствительно, была какъ бы логическимъ результатомъ его жизни. Говоря о немъ съ Александромъ, я замѣчала много лѣтъ тому назадъ: знаешь ли, у нашего Николая натура героя. Но невыразимо тяжело увидѣть такъ рано конецъ этой жизни.

Въ 1891 году Ольга Алексѣевна такъ писала о національномъ энтузіазмѣ къ южнымъ славянамъ.

„1876 и 1877 годы составили великую страницу въ русской исторіи—годы настоящаго крестоваго похода, въ нашъ прозаическій, матеріалистическій девятнадцатый вѣкъ. Толпы русскихъ, бросающихся на почти вѣрную смерть, въ геройской защитѣ своихъ угнетенныхъ и безоружныхъ братьевъ на Востокѣ, громадныя суммы, предлагаемыя съ добровольной и безпечной щедростью, удивляли всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ свидѣтелями необыкновеннаго энтузіазма этого движенія.

Предсѣдатель благотворительнаго Славянскаго общества въ Москвѣ, оплакиваемый нами, Иванъ Аксаковъ, не прибѣгая ни къ

---

[1]) Уоллэса Россія, т. II, стр. 453.

какимъ ухищреніямъ, собралъ болѣе милліона рублей. Общества Краснаго Креста возникали съ волшебной быстротой по всей Россіи. Я живо помню нѣсколько поразительныхъ случаевъ въ это время. Я принадлежала къ Московскому Комитету Краснаго Креста. Наша обязанность состояла въ сборѣ необходимыхъ предметовъ и денегъ для перевязочныхъ пунктовъ. Люди всѣхъ классовъ приходили къ намъ, предлагая кто что имѣлъ подъ рукой. Свѣтскія дамы свои драгоцѣнности, бѣдняки свой мѣдный грошъ. Вотъ случай, тронувшій всѣхъ насъ. Старуха-крестьянка, очень слабая на видъ, въ лохмотьяхъ, хочетъ поговорить съ кѣмъ-нибудь, я подошла къ ней. Она волновалась и нервно старалась развязать маленькій пакетъ, завернутый въ нѣсколько платковъ. „За душу, за душу", бормотала она. Я вообразила, что она достаетъ свидѣтельство о своей нищетѣ, и мнѣ было жаль ея ошибки. „Не развертывай пакета", я поспѣшила сказать: „вѣрю, что ты бѣдна, и увѣрена, что тебѣ надо помочь, но, милая моя, здѣсь не выдаютъ денегъ, а напротивъ, собираютъ ихъ для раненыхъ и больныхъ на войнѣ. У насъ нѣтъ ничего лишняго". „Я знаю, знаю", отвѣтила она нетерпѣливо. „Тутъ все, что я собрала за свою жизнь, здѣсь около трехсотъ рублей, возьмите ихъ за душу ради Христа!" Мнѣ показалось неправильнымъ лишить бѣдную женщину такой большой суммы, я спросила: „Дѣтей у тебя развѣ нѣтъ?" „Да, да, одинъ сынъ. Онъ ушелъ, бросилъ насъ. Пошелъ сражаться за вѣру Христову. Возьмите", и ушла, не желая далѣе терять время на разговоры.

Можно бы легко написать цѣлый фоліантъ такихъ примѣровъ искренняго религіознаго восторга, охватившаго всю страну, всѣ классы, высшіе и низшіе. Но странно, что, за нѣкоторыми исключеніями, иностранная печать старалась приписать это движеніе искусственной комедіи, устроенной полиціей напоказъ. Полиція, конечно, имѣетъ власть зажигать фонари на улицахъ, но чтобъ зажигать сердца нужна власть иного свойства.

Смерть Николая Кирѣева и болгарскія жестокости были главными факторами для возбужденія Россіи. Тѣ же причины были главными факторами для возбужденія и поддержанія антитурецкаго энтузіазма въ Англіи. Вліяніе смерти Николая Кирѣева отозвалось черезъ г-жу Новикову на милліоны людей, никогда не знавшихъ до того о его существованіи. Толпы слѣдовали за своими вожаками, и мало было людей изъ антитурецкой партіи, которые бы не чувствовали отблеска вдохновенія, зажженнаго на полѣ битвы при Зайчарѣ.

Ольга Алексѣевна была подавлена извѣстіемъ о смерти брата. Одна идея завладѣла ею: если бы Англія не поощряла Турцію, не было бы войны, и братъ бы мой не умеръ.

Въ существѣ дѣла это было вѣрно. Поступокъ англійскаго правительства, которое отвергнуло Берлинскій меморандумъ, ускорилъ конфликтъ, первою жертвою котораго въ Россіи былъ Николай Кирѣевъ. Ольга Алексѣевна не входила въ подробности, это было инстинктивное женское внушеніе, проникшее въ суть предмета. Она невольно повторяла: если бъ Гладстонъ былъ у власти, мой братъ бы не умеръ.

Въ мрачномъ душевномъ ея настроеніи эта мысль сверкала какъ звѣзда во тьмѣ. Какъ только она стала въ силахъ взять въ руки перо, она писала длинныя, страстныя письма всѣмъ своимъ англійскимъ друзьямъ, укоряя ихъ, какъ виновниковъ судьбы ея брата.

„Не будь поддержки Англіи турку, я бы не лишилась брата", говорилось въ каждомъ ея письмѣ.

Она писала Кинглеку и Виллерсу, самымъ постояннымъ своимъ корреспондентамъ, Гладстону, сэръ Вильяму Гаркорду, профессору Тиндалю и многимъ другимъ, повторяя каждому и всѣмъ свои жалобы и обвиняя англійскую политику въ покровительствѣ Турціи, какъ причину кровопролитія на Востокѣ.

Предисловіе Кинглека, приведенное въ предыдущей главѣ, служитъ доказательствомъ, какое сильное впечатлѣніе произвело горе сестры о потерѣ брата на всѣхъ ея друзей. Ольга Алексѣевна указывала на нее, какъ на одну изъ многочисленныхъ жертвъ, приносимыхъ, время отъ времени, славянами на алтарь британскихъ интересовъ, изображала собой свое поколѣніе. Ex uno disce omnes. Эта подавленная горемъ женщина была представительницей сотенъ тысячъ русскихъ женщинъ, которыя, поколѣніе за поколѣніемъ, видѣли своихъ братьевъ, мужей, отцовъ и сыновей жертвами того, чтобы турокъ сохранилъ неприкосновенно и неудержимо свое право рѣзней управлять братьями-христіанами. Всѣ, конечно, знали, что это всегда было и всегда будетъ такъ, пока Англія, поддерживая тронъ султана, будетъ видѣть въ этомъ свою выгоду. Но читать или воображать несчастье издалека дѣйствуетъ иначе, чѣмъ быть очевидцемъ его, или видѣть молодую, прекрасную женщину, которой вы восхищаетесь и которую уважаете, пораженную неутѣшнымъ горемъ. Мы уже видѣли, какое она имѣла вліяніе на Кинглека, этого свѣтскаго, анти-русскаго человѣка. Можно легко себѣ представить, какъ сильно было вліяніе ея на болѣе чувствительные темпераменты, уже расположенные не въ пользу турокъ. Благородная личность Николая Кирѣева, геройски умершаго за свободу, стала для милліоновъ людей символомъ обновленной Россіи, съ которой друзьямъ свободы въ Англіи возможно было вступить въ братскій союзъ.

Если бы Ольга Алексѣевна не жила въ Лондонѣ, дѣйствіе, произведенное смертью ея брата, могло бы быть временнымъ, могло бы даже показаться болѣе или менѣе миѳическимъ. Но ея присутствіе уничтожало всякій скептицизмъ. Всякій чувствовалъ, что геройское самопожертвованіе было присуще брату такой женщины, но она всегда утверждала, что ея братъ былъ настоящій типъ русскаго человѣка, чѣмъ не мало содѣйствовала къ открытію благороднѣйшаго элемента въ русскомъ народѣ, сдѣланному англійской публикой — открытію, бывшему главнымъ факторомъ, парализовавшимъ воинственные происки лорда Биконсфильда въ 1876—1878 г.

Мы помнили, что Байронъ умеръ въ Миссолонги за независимость Греціи, и мы краснѣли при мысли, что Гобартъ и Бекеръ наемники въ Турціи въ то время, когда лучшіе сыны Россіи умирали, какъ герои, защищая заполоненную Сербію. Въ теченіе всего этого критическаго и труднаго времени, начавшагося съ болгарскихъ жестокостей въ маѣ 1876 г. и кончившагося конгрессомъ въ Берлинѣ, память о геройствѣ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи была неистощимымъ источникомъ, въ которомъ лидеры Гладстоновскаго движенія черпали довѣріе и силы для борьбы и пораженія того джингоистскаго мнѣнія, что все дѣло Болгаріи было искусственно создано русскимъ правительствомъ съ цѣлью украдкой совершить походъ на Константинополь. По мѣрѣ того, какъ нѣсколько увядало воспоминаніе объ рѣзнѣ въ Болгаріи, русскіе добровольцы вновь вдохновили милліоны людей въ Англіи, которые въ первый разъ пришли къ сознанію, что Россіи, а не Англіи провидѣніе сулило пальму первенства на Востокѣ. Вмѣсто прежней привычки во всемъ противорѣчить Россіи явился благородный духъ соревнованія къ ея добрымъ дѣламъ національности и человѣколюбія. Г-жѣ Новиковой принадлежитъ исключительная заслуга ознакомить въ эту критическую минуту англійскій народъ съ идеальной стороной русской жизни, и всякій, кто слѣдилъ за внутреннимъ народнымъ движеніемъ, другъ или врагъ, признавалъ ея вліяніе неизмѣримо полезнѣе для Россіи и пагубнѣе для руссофобской политики лорда Биконсфильда, чѣмъ всѣ дипломатическія дѣйствія оффиціальнаго посланника въ Чешамъ-плесъ.

Ея любовь къ брату и патріотическій энтузіазмъ сдѣлали то, что геройская тѣнь Николая Кирѣева служила ангеломъ хранителемъ славянскаго дѣла въ странахъ и народахъ, далекихъ отъ раздора и вражды. Агитаторы и рыцари Сентъ Джемсъ Хола и сѣвера боролись съ большимъ мужествомъ и набожной вѣрой, потому что отъ нея они знали, что жили и умирали такіе люди, какъ Николай Кирѣевъ. Это вдохновеніе нисколько не уменьшалось тѣмъ фактомъ,

что оффиціальная Россія, въ лицѣ посла Новикова въ Вѣнѣ и графа Шувалова въ Лондонѣ, смотрѣла весьма недружелюбно на русскихъ добровольцевъ и далеко не поддерживала ихъ. Это была борьба между двумя посольствами и одной женщиной. Лишенная всякой помощи извнѣ, она руководилась своимъ твердымъ убѣжденіемъ и нравственной силой. Союзники несомнѣнно хорошіе.

Въ письмѣ къ сэръ В. Гаркорду она прибавила нѣсколько словъ благодарности по поводу его рѣчи о восточномъ вопросѣ передъ самымъ открытіемъ парламента.

Онъ отвѣчалъ:

27 августа 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова, Ваше письмо дошло до меня только вчера, въ Шотландіи, куда я пріѣхалъ отдохнуть послѣ сессіи. Мнѣ очень пріятно, что лицо, такое освѣдомленное въ европейскихъ дѣлахъ, какъ Вы, одобрило мою рѣчь, которую я нашелъ нужнымъ ясно изложить до роспуска парламента. Вы можете быть увѣрены, что мнѣніе Англіи очень измѣнилось относительно Восточнаго вопроса, и что болгарскія происшествія возбудили такое чувство негодованія, къ которому теперь ни одно правительство не можетъ отнестись съ пренебреженіемъ. Надѣюсь, что въ скоромъ времени результаты этого будутъ ощущаемы; прекратятся скандальныя сцены и приняты будутъ мѣры, чтобъ отнять у турокъ возможность ихъ повторенія. Я самымъ искреннимъ образомъ сочувствую Вашей личной потерѣ, которая заставляетъ Васъ принимать всѣ эти событія такъ близко къ сердцу. Вамъ искренно преданный

Гаркордъ.

Лордъ Непиръ Этрикъ написалъ ей два письма въ нѣсколько болѣе туркофильскомъ духѣ.

„Понедѣльникъ:—я пріѣду, чтобъ быть съ Вами. Я хотѣлъ писать Вамъ съ той минуты, какъ узналъ о потерѣ Вашего брата въ Сербскую войну, чтобъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей семьѣ, которая, я думаю, отожествляетъ себя съ христіанскимъ дѣломъ. Я, конечно, не раздѣляю этихъ чувствъ, какъ англичанинъ и дипломатъ, но я понимаю и уважаю ихъ въ русскомъ и военномъ человѣкѣ.

„Вторникъ. Очень трогательно описаніе смерти Вашего бѣднаго брата, и дѣйствіе, произведенное ею на симпатіи русскаго народа, дѣлаетъ честь Вашему имени. Онъ заслуженно будетъ считаться мученикомъ своей націи. Я понимаю Ваши чувства, хотя сознаю, что долженъ вращаться въ кругу англійскихъ національныхъ инте-

ресовъ, которые заключаются въ политикѣ Пальмерстона, Абердина, Дизраели, а не въ стремленіяхъ Гладстона, какъ бы они ни были блестящи и великодушны.

Полковникъ Ноксъ писалъ 11-го января изъ Марлборо-клуба:

„Дорогой Кинглекъ. Я долженъ благодарить Васъ за живое описаніе смерти Николая Кирѣева, которое несомнѣнно произвело на воображеніе русскихъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на мое. Я вполнѣ могу себѣ представить, что такой разсказъ въ такое время могъ повторяться въ крестьянскихъ избахъ, среди покрытыхъ снѣгомъ степей, и настроить воинственно ихъ умы.

Довѣрчивый энтузіазмъ русскаго народа, конечно, много значитъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, но я не могу отказаться отъ мысли, что честолюбіе меньшинства возьметъ верхъ надъ движеніемъ толпы, и что борьба эта кончится совсѣмъ не романически“.

Она не окончилась такъ, какъ предсказывалъ полковникъ Ноксъ. Она окончилась освобожденіемъ Болгаріи и полной независимостью Сербіи и Румыніи. Она даже освободила Македонію, но эта несчастная страна снова подпала подъ турецкую тираннію не по недостатку энтузіазма въ Россіи, а для того, чтобъ лордъ Биконсфильдъ могъ привезти изъ Берлина „свой миръ съ честью“.

Всѣ, кому писала Ольга Алексѣевна, отвѣтили въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, за однимъ исключеніемъ, а этотъ отвѣтъ былъ самый важный. Гладстонъ молчалъ. Отъ человѣка такой безупречной вѣжливости съ его готовымъ сочувствіемъ и интересомъ, доказаннымъ имъ въ старокатолическомъ вопросѣ, она не могла себѣ объяснить этого молчанія. Гладстонъ однако не имѣлъ намѣренія ее огорчить. Онъ понималъ, какъ банальны и пусты личныя выраженія соболѣзнованія. Ея письмо затронуло струну, на которую соотвѣтственный отвѣтъ было дѣйствіе, а не слова сочувствія. Нельзя конечно сказать, въ какой мѣрѣ письмо г-жи Новиковой внушило его статью о болгарскихъ ужасахъ. Возможно, что статья эта была бы написана, если бы даже Николай Кирѣевъ не пожертвовалъ жизнью за славянское освобожденіе, или, если бы Ольга Алексѣевна не обратилась съ своимъ страстнымъ воззваніемъ и порицаніемъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что полученіе письма этой русской женщины въ ту минуту, когда онъ испытывалъ то же чувство, что его соотечественники, порывъ ужаса, созданный письмомъ Мак-Ганана, много прибавило жару и гнѣва, съ которыми Гладстонъ обвинилъ политику Бикосфильда. Написавъ эту брошюру, онъ не только исполнялъ свой долгъ, долгъ передъ оскорбленнымъ человѣчествомъ, онъ также удовлетворялъ своему рыцарскому харак-

теру, предлагая самое цѣлебное средство для сокрушеннаго сердца сестры Николая Кирѣева. Статья была написана и копія ея прислана г-жѣ Новиковой изъ Гауардена въ сентябрѣ. При ней было слѣдующее письмо отъ г-жи Гладстонъ.

8 сентября 1876 г.

„Дорогая мадамъ Новикова. Мой мужъ, поглощенный въ эту минуту дѣлами, поручаетъ мнѣ написать и выразить Вамъ наше искреннее сочувствіе въ Вашей великой потерѣ. Мы знаемъ, что такое лишиться любимаго брата, но мы также умѣемъ, какъ Вы, восхищаться прекрасной, безкорыстной жизнью, увѣнчанной вѣчной славой. Вы уже, вѣроятно, прочли отвѣтъ на Вашъ вопросъ о Болгаріи, въ статьѣ мужа, въ газетахъ. Англія, какъ видите, наконецъ, пробудилась изъ своей летаргіи. Дѣйствительно ужасно то, что происходило доселѣ. Еще разъ, увѣряя Васъ въ нашемъ сердечномъ горѣ о Вашемъ горѣ, искренно преданная Вамъ

Екатерина Гладстонъ.

Въ настоящее время кажется невѣроятнымъ, но въ 1876 г. многіе умные люди думали, что Славянское общество было одно изъ тайныхъ учрежденій, завладѣвшихъ воображеніемъ Дизраели. Нѣкоторые смѣшивали даже славистовъ съ нигилистами. Сэръ Д. М. Уолласъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что трудно себѣ вообразить что-нибудь менѣе тайное и революціонное, по крайней мѣрѣ, какъ Московскій славянскій комитетъ.

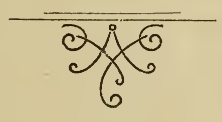
Чтобъ побороть это заблужденіе, Ольга Алексѣевна перевела на англійскій языкъ и издала въ Англіи обращеніе Аксакова къ славянскому комитету въ Москвѣ, по поводу Восточной войны [1]). Изъ безчисленныхъ статей, вышедшихъ въ печати, во время этого кризиса, первое мѣсто принадлежитъ статьѣ Гладстона объ ужасахъ въ Болгаріи, и я считаю, что второе принадлежитъ этой брошюрѣ

[1]) Въ выноскѣ С. Д. Уолласъ такъ говоритъ объ этомъ изданіи: „Образъ дѣйствія комитета и народное движеніе, которымъ онъ нѣкоторымъ образомъ руководилъ, были вѣрно описаны въ рѣчи Ивана Аксакова въ собраніи Московскаго отдѣленія 21-го октября—6-го ноября. Эта рѣчь, переведенная на англійскій языкъ и напечатанная въ сокращенной формѣ русской дамой, обратила уже на себя вниманіе англійской прессы. Сравнивъ переводъ съ оригиналомъ, я могу установить, что много ненужныхъ подробностей и естественныхъ выраженій патріотическихъ чувствъ были сокращены, но ни одинъ важный фактъ не пропущенъ. Что касается достовѣрности свидѣтельства, я могу прибавить, что я давно зналъ Аксакова и ни въ одной странѣ не встрѣтилъ болѣе честнаго и правдиваго человѣка“.

г-жи Новиковой. Она заставляетъ факты говорить за себя, не комментируя ихъ. Ея статья не что иное, какъ передача блестящей краснорѣчивой рѣчи Аксакова къ славянскому комитету, но она дала англійской публикѣ именно то, что было нужно въ этомъ случаѣ. Подлинное выраженіе несомнѣнной истины, вылившейся изъ русскаго сердца. Сочувствующіе борьбѣ за свободу на Балканахъ читали ее съ восхищеніемъ, потому что чувствовали въ ней единеніе востока съ западомъ. Аксаковъ, хотя не говорилъ словами Гладстона, но выражалъ тѣ же чувства и еще болѣе горячо, и рѣчь его болѣе, чѣмъ что-либо другое, утвердила и усилила убѣжденіе либераловъ, въ томъ что они преслѣдовали здоровую политику, отвергая турецкія соглашенія и сосредоточивая свои надежды на искреннемъ союзѣ съ русскимъ народомъ.

Въ концѣ года Ольга Алексѣевна послала эту брошюру въ 12 страницъ Гладстону. Это былъ для него новогодній подарокъ.

Сообщено Е. С. М.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава VI[1]).

Мы выѣхали изъ Смирны на разсвѣтѣ и къ часу дня плавно вошли на Хіосскій рейдъ.

Прежде чѣмъ сойти на берегъ, лучше я сразу предпошлю дальнѣйшему разсказу краткое описаніе географическаго положенія острова, а также населенія и климата его для того, чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ тому же.

Столица Хіоса, городокъ Кастро, расположенъ въ глубинѣ обширной бухты съ открытымъ выходомъ въ Эгейское море.

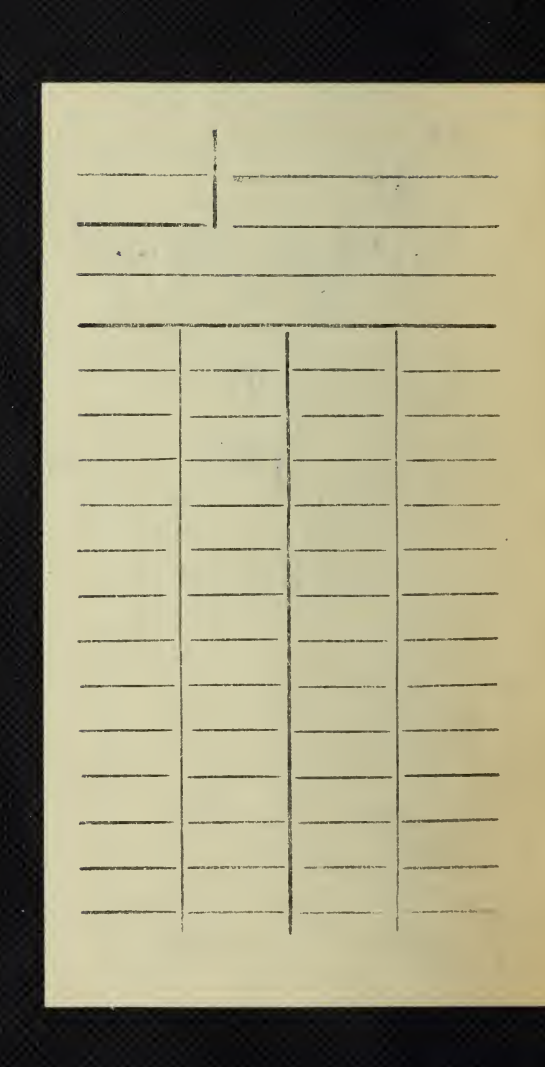
Островъ этотъ—собственно сѣверная часть его—прямо удивительный и должно быть единственный уголокъ на крайнемъ югѣ Европы по своему необыкновенно прохладному климату.

Въ то время, какъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ на нѣсколько градусовъ выше его, все живущее изнемогаетъ отъ убійственнаго зноя, здѣсь не ощущается никакой жары, несмотря на близость Африки и Аравіи. Такому необыкновенно благопріятному явленію страна всецѣло обязана высокому горному хребту, который заслоняетъ ее съ юга отъ огненнаго дыханія Сахары. Свѣжій вѣтеръ съ сѣвера также не мало способствуетъ охлажденію воздуха.

Прекрасный, дивный край; но почти не посѣщаемъ туристами. И напрасно! Природа и жизнь Хіоса могли бы вызвать заслуженное вниманіе европейца: подъ шатромъ всегда синяго неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленью масличныхъ и мастиковыхъ рощъ, долинъ, покрытыхъ розами, съ вѣчно плещущими у береговъ его яркими красками Эгейскихъ волнъ, съ очаровательными эффектами

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

восходовъ и закатовъ,—онъ увидѣлъ бы другой міръ, уголокъ рая и забылъ бы о модныхъ, избитыхъ, курортахъ.

Населеніе по преимуществу греческое; занимается разведеніемъ плантацій и вывозитъ за границу прекрасныя произведенія щедрой тамъ природы, какъ-то: апельсины, лимоны, самые сладкіе въ мірѣ мандарины, оливковое и розовое масло; но больше всего мастики.

Католическая колонія левантинцевъ также велика; но количество турокъ сравнительно съ туземнымъ населеніемъ прямо ничтожно. Здѣсь всему даютъ тонъ греки, какъ самая многочисленная и богатая народность.

Не дурно чувствуютъ себя и прочіе христіане: надо только внимательнѣй присмотрѣться къ обстановкѣ ихъ быта, чтобы задать себѣ вопросъ: изъ чего, собственно, европейская пресса проливаетъ крокодиловы слезы объ участи подданныхъ оттоманской державы.

Все только-что сказанное не относится, конечно, къ славянамъ: то уже, какъ говорится, „особая статья",—рѣчь идетъ о „коренной Турціи" съ ея архипелагами.

Поживите нѣсколько лѣтъ, какъ я, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я описываю сейчасъ, и вы придете, подобно мнѣ, къ тому же выводу, что не турки угнетаютъ христіанъ, а послѣдніе турокъ.

На эту тему мнѣ придется бесѣдовать съ читателемъ еще не разъ, а теперь пора подъѣхать и высадиться на берегъ, что я и дѣлаю.

Глава VII.

Въ Хіосѣ нѣтъ гавани — пароходы останавливаются на открытомъ рейдѣ и сообщаются съ берегомъ посредствомъ лодокъ и каиковъ.

Когда „Владиміръ" бросилъ якорь, то къ нему приблизился небольшой баркасъ, наполненный пассажирами. Пріѣхавшіе, съ ловкостью обезьянъ, что такъ свойственно приморскимъ жителямъ, вскарабкались на палубу и радостно привѣтствовали моихъ родныхъ съ благополучнымъ возвращеніемъ домой. Потомъ взоры прибывшихъ обратились въ мою сторону, и всѣ заговорили со мной на своемъ „галика"; но, узнавъ, что я совершенно не знакома съ этимъ жаргономъ, отступили отъ меня съ огорченными лицами.

Одинъ изъ нихъ, пожилой грекъ, желая все-таки сказать мнѣ что-нибудь пріятное, воскликнулъ, подмигивая глазомъ: „о, руссъ карошъ, карошъ руссъ!"

Говорившій такъ хорошо по-русски оказался драгоманомъ нашего вице-консульства и не зналъ другихъ языковъ, кромѣ своего родного. Онъ былъ очень богатъ, но числился въ штатѣ только ради общественнаго положенія.

Остальные были греки коммерсанты, милліонеры, какъ объяснила мнѣ Marie, и знакомствомъ ихъ очень надо было дорожить, такъ какъ они давали грузъ нашимъ пароходамъ, а слѣдовательно и доходъ Обществу, агентомъ котораго состоялъ мой дядя, какъ сказано выше.

Мы перешли въ каикъ и черезъ нѣсколько минутъ подошли, къ моему великому изумленію, совсѣмъ вплотную къ нижнему этажу дома, фундаментъ котораго омывался волнами моря. Это было помѣщеніе для агентства и кабинетъ вице-консульства.

Дверей здѣсь не полагалось, такъ какъ вода проникла бы во внутрь зданія, а потому входили сюда прямо съ лодки черезъ окно.

Этимъ же путемъ и мы пробрались въ контору, а оттуда по внутренней лѣстницѣ наверхъ.

Противоположный фасадъ дома съ параднымъ ходомъ и балкономъ выходилъ на широкій бульваръ, обсаженный громадными кактусами и столѣтниками.

Итакъ мы поднялись во второй этажъ и вошли въ нашу квартиру. Я подошла къ окну и ахнула отъ восторга: подобная феерія не снилась мнѣ и во снѣ. То, что теряло въ живописности своей съ палубы, предстало вдругъ, какъ дивное, волшебное видѣніе.

Предо мной раскинулось темносинее, какъ сапфиръ, и спокойное на этотъ разъ Эгейское море. Жаркое солнце, заглядывая въ прохладную глубину его, косыми лучами своими рисовало на немъ золотые узоры.

— Риза изъ синей парчи, шитая блестками,—шепчу я невольное сравненіе и отказываюсь вѣрить, что морская вода безцвѣтна. Мнѣ хочется, не шутя, зачерпнуть этой влаги и убѣдиться, что она не подкрашена индиго, и я собираюсь взять съ умывальнаго стола кувшинъ, чтобы на веревочкѣ спустить его внизъ; но вошедшая Marie не одобряетъ моего намѣренія и спрашиваетъ, довольна ли я комнатой?

— Ахъ, тетя!—говорю я восторженно,—неужели это дивное въ голубой ризѣ море всегда будетъ передо мной?! Я видѣла воды Босфора и Золотого рога; но развѣ можно сравнить ихъ вотъ съ этимъ великолѣпіемъ!—

— Ты, кажется, воображаешь, что оно всегда такое милое и нарядное? нѣтъ! тебѣ придется нѣсколько разочароваться въ немъ, когда наступятъ дни равноденственныхъ бурь. А теперь возьми бинокль и смотри вотъ въ ту сторону горизонта,—продолжала она, указывая на небольшое возвышеніе, еле видимое въ туманныхъ контурахъ далеко за предѣлами бухты,—тамъ сохранилась и по сіе время пещера, гдѣ, по преданіямъ, великій Гомеръ писалъ свою Иліаду— Хіосъ претендуетъ на честь быть его родиной.

Гомеръ! Иліада!—повторяю я, охваченная восторгомъ и жадно всматриваясь въ силуэтъ историческаго холма.

— Интересно знать,—думается мнѣ въ то же время,—что сказалъ бы нашъ преподаватель исторіи, если бы могъ видѣть ученицу свою, созерцающую пещеру Гомера?—и я принимаю рѣшеніе немедленно написать бывшей классной дамѣ моей о столь счастливомъ для меня событіи и просить ее разсказать объ этомъ всѣмъ въ Институтѣ.

Продолжая обозрѣвать прелестную картину хіосской панорамы, я любуюсь живописнымъ городкомъ, который раскинулся подковой у самаго берега, имѣя позади себя цѣпь высокихъ зеленыхъ горъ. На одномъ концѣ этой дугообразной линіи, выходящей мысомъ въ море, раскинулась обширная старинная цитадель съ ея изящными, тоненькими минаретами и развалинами генуэзскихъ построекъ. Надъ крѣпостными воротами рѣетъ флагъ съ полумѣсяцемъ и звѣздой. По валамъ расхаживаютъ часовые въ красныхъ фескахъ.

Вотъ на вышкѣ мечети показался муэдзинъ и протяжнымъ, унылымъ выкрикомъ призываетъ мусульманъ къ молитвѣ.

Все это ясно и отчетливо видно и слышно мнѣ: домъ нашъ, откуда я смотрю сюда, расположенъ на другой оконечности подковы города—слѣдовательно, мы ближайшіе къ крѣпости сосѣди.

Подъ сѣнью стѣнъ ея стоитъ на якоряхъ внушительная турецкая эскадра изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ корветовъ. Малѣйшее движеніе на палубѣ кораблей не ускользаетъ отъ наблюденій моихъ. Громадный торговый флотъ греческихъ богачей украшаетъ рейдъ.

По восточному горизонту Хіоса тянется изломанной линіей, пропадая гдѣ-то вдали, суровый пейзажъ Малой Азіи. Горныя громады совсѣмъ подошли къ морю и прячутъ вершины свои въ облакахъ. Это хребетъ Тавра. У подножія его много селеній и знаменитая въ нашей исторіи Чесма. Съ того мѣста, гдѣ я стою, мнѣ кажется, что она купается въ волнахъ. Беру бинокль и различаю даже расположеніе улицъ ея.

Прозрачный морской воздухъ необыкновенно приближаетъ предметы, и я вижу вдали, тамъ, гдѣ небо сливается съ водой, рельефныя очертанія остроконечнаго Самоса—весь онъ закутался въ розовую кисею отъ знойныхъ лучей полуденнаго солнца. Такова иллюзія вида его!

Прелестная картина, которой любуюсь я въ нѣмомъ восторгѣ, просится на полотно художника.

Глава VIII.

Интересенъ былъ второй день моего пребыванія въ Хіосѣ. Тамъ существуетъ такой обычай.

Когда пріѣзжаетъ въ страну новое лицо и поселяется въ ней самостоятельно, или, какъ напримѣръ я, въ знакомой уже всѣмъ семьѣ, то мѣстное общество спѣшитъ на другой же день поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ и оказать ему знаки вниманія, какъ дорогому гостю.

Тѣ, кому новопріѣзжій отдастъ визиты, будутъ считаться личными его знакомыми и друзьями.

При этомъ, замѣтьте, что забракованные не сочтутъ себя обиженными и при встрѣчахъ очень милы и любезны.

Такова бытовая картинка, и странный обычай этотъ, неизвѣстно, откуда беретъ начало свое—ужъ не со временъ ли Гомера?

Такъ было и по отношенію ко мнѣ.

Не взирая на мое несамостоятельное положеніе и возрастъ, женскій персоналъ Хіоса, начиная съ молодыхъ дѣвушекъ и кончая ихъ маменьками, а также дряхлыми бабушками, широкимъ потокомъ хлынулъ съ утра въ нашу пріемную, чтобы привѣтствовать меня, но, главнымъ образомъ, чтобы опредѣлить наши будущія взаимныя отношенія и узнать, кого удостою я своего исключительнаго вниманія. Произошла, по моимъ понятіямъ, очень забавная сценка.

Согласно разъ навсегда выработанному здѣсь этикету для такого случая, не меня представили почтенному собранію, а наоборотъ: какъ и полагалось, я помѣстилась въ центрѣ общества, а Марie встрѣчала гостей, рекомендовала ихъ мнѣ и переводила наши взаимныя привѣтствія.

Мнѣ было и смѣшно и крайне неловко разыгрывать столь нелѣпую роль; но избѣгнуть церемоніи традиціоннаго визита не было никакой возможности.

Большинство оказались гречанки, знающія только одно „галика“. Были здѣсь и француженки, не умѣющія связать и пару словъ quasi-родного нарѣчія, такія же англичанки, итальянки, австріячки и даже галичанка Стефановичъ, не подозрѣвавшая, въ какомъ уголкѣ земного шара находилась Галиція.

Проще говоря, всѣ онѣ были представительницами той оригинальной помѣси разнообразныхъ народностей, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „левантинцевъ“.

Характерная особенность послѣднихъ: непремѣнно вести свое происхожденіе отъ западныхъ расъ, и сохрани Богъ, назвать когонибудь изъ нихъ настоящимъ его именемъ—таковой сочтетъ себя оскорбленнымъ. Многіе изъ нихъ, несмотря на европейскую кличку, не понимаютъ ни одного слова другихъ нарѣчій.

Только-что сказанное исключительно относится къ христіанамъ аборигенамъ архипелаговъ, такъ какъ весь укладъ жизни острови-

тянъ существенно разнится отъ таковаго на материкѣ. Тамъ все сложилось иначе, въ особенности въ портовыхъ городахъ, гдѣ большой наплывъ иностранцевъ, которые и пріучили населеніе говорить на многихъ языкахъ, хотя одинаково плохо на всѣхъ.

Итакъ, я сразу познакомилась со всѣмъ обществомъ Хіоса; но, увы! мы не могли понимать другъ друга...

Всѣ искренно огорчены такимъ досаднымъ оборотомъ дѣла и растерянно смотрятъ на меня.

Гречанки волнуются больше другихъ и никакъ не могутъ понять, почему я, образованная дѣвица, не говорю по-гречески, такъ какъ, на сколько имъ извѣстно, въ Россіи изучаютъ классику.

Не соглашаясь съ доводами Магіе, что послѣднее не такъ ужь важно для женщины, они порицаютъ моихъ наставниковъ за то, что они не позаботились выучить меня языку того народа, отъ котораго русскіе получили свѣтъ религіи и знаній.

Магіе не считаетъ удобнымъ спорить съ потомками Гомера, которые сохранили наивную вѣру, что даже Олимпійскіе боги пользовались ихъ жаргономъ, и ограничивается увѣреніемъ, что въ недалекомъ будущемъ я сама исправлю существенный пробѣлъ въ моихъ познаніяхъ и овладѣю ихъ нарѣчіемъ.

Какъ дамы, такъ и подошедшіе къ тому времени мужчины, остаются очень довольны такимъ отвѣтомъ и, наговоривъ мнѣ массу изысканныхъ комплиментовъ, удаляются, выражая надежду, что я осчастливлю ихъ всѣхъ своимъ посѣщеніемъ.

Черезъ недѣлю, какъ и слѣдовало, я начала отдавать визиты и, конечно, по выбору моихъ родныхъ. Процедура эта растянулась на нѣсколько недѣль. Вездѣ я встрѣчаема была съ одинаковымъ чисто восточнымъ радушіемъ. Варенье и кофе, согласно обычаю, подавались мнѣ раньше другихъ, а я, наученная горькимъ опытомъ въ Константинополѣ у Макѣевой, уже не дѣлала промаховъ, и все шло прекрасно.

Глава IX.

На слѣдующій день послѣ вышеописаннаго я стояла у окна моей комнаты и восхищалась феерическимъ зрѣлищемъ заката солнца. Огненный дискъ лѣниво сползалъ за вершину Тавра, освѣщая морскую зыбь такими несравненными красками, что думалось поневолѣ: если перенести на полотно всѣ эти переливы водяной радуги, то получится мазня! Ну, кто повѣритъ, что въ природѣ можетъ быть такая прямолинейность: у берега зеленая полоса, дальше синяя, наконецъ, рубиновая, а у подножія гористой Анатоліи желтая съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.

*

Бывающіе въ Крыму видѣли, конечно, прелестныя картины восходовъ и закатовъ, но какъ блѣдны показались бы они въ сравненіи съ эффектами Архипелага!

Вдругъ отъ пристани цитадели отчалилъ каикъ и направился къ нашему дому. Въ немъ оказался турецкій офицеръ въ фескѣ и съ эксельбантомъ.

Подойдя вплотную къ нижнему этажу, адъютантъ замѣтилъ меня и, приложивъ руку ко лбу въ знакъ привѣтствія, на чистомъ французскомъ языкѣ спросилъ, можетъ ли вице-консулъ принять его?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ вошелъ въ открытое окно агентства, а оттуда поднялся на верхъ.

— Селимъ Тафти-бей, адъютантъ нашего губернатора, — такъ представилъ его мнѣ дядя.

Красота бея поражала безупречной правильностью своей; но выраженіе лица его произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе: что-то дикое и очень злое свѣтилось въ его черныхъ миндалевидныхъ глазахъ, а крѣпко сжатыя, блѣдныя губы кривились надменной усмѣшкой.

Онъ хмуро поклонился мнѣ и тотчасъ же отошелъ въ сторону.

— Ну, и злюка же должно быть,—вспомнила я кстати самое популярное бранное слово институтокъ; но, тѣмъ не менѣе, невольно залюбовалась великолѣпнымъ профилемъ его, пока онъ разговаривалъ съ Маrіе, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ мрачный красавецъ собрался уходить.

Онъ любезно простился съ моими родными; но со мной раскланялся издали и очень сухо.

— Какая непріятная личность!—разсердилась я, задѣтая его невниманіемъ,—а важничаетъ-то какъ! подумаешь, какая персона!

Мнѣ стало больно и обидно, когда я сравнила надменное обращеніе его съ той данью восхищенія, которая только-что передъ этимъ воздана была моей личности греческими кавалерами.

— А какъ хорошъ! не правда ли? смѣялся дядя, забавляясь моей досадой,—смотри, не влюбись, племянница, что совсѣмъ не мудрено.

— Ну, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!—увѣряла я,—кто же влюбляется въ такихъ демоновъ—воображаю, каковъ у него характеръ?

— Да, не изъ кроткихъ,—проговорила Маrіе,—послѣ мы поговоримъ о немъ, а теперь послушай, что пишетъ губернаторъ—это касается тебя.

И она прочла вслухъ письмо отъ Кіамиль-паши, въ которомъ онъ выражалъ желаніе поздравить меня, какъ новоприбывшую, и просилъ разрѣшенія явиться завтра же съ визитомъ.

У меня закружилась голова отъ такой чести, и первая мысль была: что сказали бы въ Институтѣ подруги, классныя дамы,

и даже сама „maman", узнавъ, что паша, да настоящій турецкій паша, не изъ романа и не сказочный, а живой, и вдругъ лично мнѣ дѣлаетъ визитъ! А давно ли я не посмѣла бы надѣяться со стороны учителя на подобное вниманіе, и мнѣ стало казаться, что это одна изъ сказокъ Шехерезады на яву.

Сажусь за письменный столъ и пишу массу восторженнаго вздора роднымъ и знакомымъ. Въ промежуткахъ вдохновенія и полета фантазіи вспоминаю красивый профиль и съ негодованіемъ думаю: „сановникъ, вельможа Оттоманской имперіи желаетъ познакомиться со мной, а какой-нибудь тамъ офицерикъ на посылкахъ до-того зазнался, что и не взглянулъ на меня ни разу—не надо обращать на него вниманія—вотъ и все"!

А между тѣмъ, волею причудливой судьбы или предопредѣленіемъ Кесмета, какъ говорятъ турки, тотъ, на кого я сердилась въ данную минуту, сталъ для меня въ недалекомъ будущемъ дороже самой жизни, также, какъ и я для него. Исторія нашей взаимной, но полной трагизма любви будетъ изложена дальше.

Глава X.

Прежде чѣмъ пріѣдетъ Кіамиль-паша, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу того жгучаго вопроса, который съ давнихъ временъ обсуждается съ такой страстностью европейской прессой. Принято оплакивать горькую долю несчастнаго якобы христіанскаго населенія въ странѣ полумѣсяца.

Но правда ли это?—едва-ли!

Посмотрите на роскошные кварталы европейцевъ, дворцы-особняки греческихъ милліонеровъ, шикарные магазины подъ вывѣсками на всѣхъ языкахъ міра кромѣ, конечно, турецкаго; биржи, переполненныя шумной толпой иностранцевъ, громадные торговые флоты, цвѣтущія плантаціи—и все это принадлежитъ христіанамъ и евреямъ...

Таковы плоды турецкаго деспотизма!..

Теперь взгляните на то грандіозное, великолѣпное зданіе, у входа въ которое стоитъ внушительная стража красныхъ фесокъ съ ружьями въ рукахъ и ятаганами за поясомъ. На фронтонѣ красуется надпись золотыми буквами по-французски: „Императорскій Оттоманскій банкъ". Войдите туда, и вамъ покажется, что вы въ Лондонскомъ Сити.

Не знаю, хранятся ли здѣсь капиталы хозяина государства; но что во всемъ обширномъ помѣщеніи банка, начиная съ директоровъ и кончая сторожами и курьерами включительно, не найдется ни одного турка между ними—это извѣстно мнѣ очень хорошо.

— Золото наше,—скажутъ вамъ угнетаемые, если вы укажете имъ на такое положеніе вещей,—и турокъ обязанъ охранять наши кладовыя.

— Дѣйствительно, здѣсь все ваше,—соглашаетесь вы,—но неужели у господина этой страны ровно ничего не осталось своего?

— Какъ ничего? — съ удивленіемъ отвѣтятъ вамъ,—а старыя цитадели, изъ которыхъ правительство вывозитъ древнія пушки историческихъ эпохъ, такъ какъ иногда не хватаетъ металла на отливку размѣнной монеты для собственнаго обихода.

Что же касается грозныхъ орудій у входовъ въ проливы, то опять-таки они наши: мы купили ихъ у Круппа, чтобы Россіи не повадно было вмѣшиваться въ наши домашнія дѣла... стрѣлять же изъ нихъ—конечно, не наше дѣло.

Это ли угнетеніе?

Я прожила много лѣтъ среди оттоманскаго населенія до и послѣ войны, а потому имѣю полное право сказать, что довольно хорошо изучила господствующія черты его національнаго характера.

На мирномъ положеніи, какъ гражданинъ своей родины—это самый уживчивый, терпѣливый и снисходительный народъ во всемъ мірѣ.

У турка необыкновенно развито чувство собственнаго достоинства и благородной гордости. Въ обращеніи онъ важенъ, серьезенъ, выражается вычурно и образно.

Въ житейскихъ сношеніяхъ безусловно честенъ, чему не мѣшало бы поучиться его ментору, просвѣщенному европейцу.

Ему чужды хитрость и коварство, присущія другимъ восточнымъ племенамъ. Если онъ не желаетъ быть откровеннымъ, то предпочтетъ лучше промолчать; но не станетъ лукавить и изворачиваться.

Вотъ почему онъ такой плохой дипломатъ и почему всегда будетъ жертвой хищнаго и лживаго иноплеменника.

Но самое удивительное и прекраснѣйшее свойство его души это—неизмѣнное постоянство и преданность тому, кто сдѣлалъ для него хоть что-нибудь хорошее и не обманулъ его довѣрія. Въ подобномъ случаѣ онъ становится другомъ въ полномъ значеніи этого слова: всегда безкорыстнымъ, благодарнымъ и неподкупнымъ ни за какія блага міра.

Добавьте къ этому еще несравненную деликатность и вѣжливость, а главное несокрушимую вѣрность данному слову и обѣщанію.

— А рѣзня въ Болгаріи, избіеніе армянъ и прочіе ужасы на почвѣ религіознаго фанатизма?—спросите вы,—неужели проявленіе подобныхъ звѣрствъ не умаляетъ тѣхъ достоинствъ турецкаго народа, о которыхъ авторъ говоритъ съ такой симпатіей?

Вотъ вопросъ, который требуетъ отвѣта.

Турокъ, какимъ я его рисую, всецѣло таковъ до извѣстнаго предѣла, замѣтьте это, а дальше онъ можетъ обратиться въ безпощаднаго звѣря.

Предѣлъ этотъ его религія и пророкъ Магометъ. Оскорбите святыню его и тогда не ждите отъ него ничего, кромѣ смерти.

Прослѣдивъ исторію избіенія христіанъ въ предѣлахъ азіатской Турціи, наталкиваешься поневолѣ на одинъ замѣчательный фактъ: прискорбныя событія эти всегда начинаются или съ греческихъ или, что еще чаще, съ армянскихъ, кварталовъ, и не было примѣровъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшей исторіи, чтобы колонисты западныхъ государствъ подвергались непосредственно, такъ сказать, въ первую голову, жестокой расправѣ со стороны исламитовъ—всегда кашу завариваютъ обязательно вышеуказанныя народности.

Я вывожу такое заключеніе не только по личнымъ наблюденіямъ, но и на основаніи историческихъ данныхъ и указаній аборигеновъ страны.

Греки и армяне отличаются особенной страстью дразнить магометанъ, прибѣгая для этого къ недостойнымъ пріемамъ: насмѣшкамъ надъ религіозными обрядами, нравами, свободной критикѣ правилъ священнаго Корана и даже къ издѣвательствамъ надъ именемъ пророка.

Даже примѣры исторіи не научили ихъ благоразумію и, наперекоръ здравому смыслу, они ведутъ свою задорную политику.

О славянахъ можно сказать одно: что если бы они поменьше грызлись между собой, то имъ несравненно лучше жилось бы подъ игомъ полумѣсяца, чѣмъ въ нѣжныхъ объятіяхъ Австріи. Что же касается злодѣйствъ, совершенныхъ надъ болгарами, то надо винить здѣсь не фанатизмъ Ислама, а прежде всего недобросовѣстную политику нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, попустительствомъ которыхъ партія, руководившая сверженіемъ и убійствомъ султана Абдулъ-Азиса, направляла для понятной теперь каждому цѣли свирѣпыя банды башибузуковъ на славянъ.

Теперь вернемся къ Кіамиль-пашѣ.

Глава XI.

Я стояла на балконѣ и, всматриваясь въ перспективу бульвара, откуда надо было ожидать появленія губернатора, рисовала въ своемъ воображеніи картину изъ „Тысячи и одной ночи“: пашу въ раззолоченныхъ одеждахъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, окруженнаго пышной свитой.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось вѣрить, что въ дальнихъ провинціяхъ сатрапы живутъ такъ, какъ описывала ихъ Шехерезада въ своихъ сказкахъ. Но... разочарованіе не замедлило.

Сперва, какъ-то неожиданно, на поворотѣ къ нашему дому, показался турецкій солдатъ въ обыкновенной армейской формѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи шелъ, не торопясь, какой-то штатскій въ черномъ длинномъ сюртукѣ и фескѣ.

Даже по головному убору его я не догадалась, что это турокъ, такъ какъ на Востокѣ не только мѣстные жители, но даже пріѣзжіе иностранцы носятъ его, выходя на улицу.

Сперва я даже не обратила вниманія на этихъ людей, считая ихъ за прохожихъ изъ города; но вдругъ солдатъ подошелъ къ нашему парадному ходу и постучалъ въ дверь, которую тотчасъ открылъ кавасъ консульства.

Господинъ въ фескѣ тоже остановился. Замѣтивъ меня на балконѣ, онъ сдѣлалъ обычный жестъ привѣтствія у мусульманъ и вошелъ въ домъ.

Заинтересованная, я, немного погодя, вернулась въ комнаты и увидѣла въ пріемной скромнаго незнакомца. Пока онъ обмѣнивался рукопожатіями съ моими родными, мнѣ удалось разсмотрѣть его: средняго роста, худощавый, съ легкой просѣдью на вискахъ и съ чрезвычайно застѣнчивымъ выраженіемъ лица. При этомъ неизвѣстный говорилъ такимъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, что съ того мѣста, гдѣ я стояла, рѣшительно ничего нельзя было разобрать изъ его словъ.

— Monseigneur, позвольте представить вамъ мою племянницу,— обратился къ нему дядя по-французски, и я присѣла передъ Кіамиль-пашой.

— Такъ вотъ какіе восточные сатрапы,—съ огорченіемъ подумала я,—ни расшитаго мундира, ни одной звѣзды и ходитъ пѣшкомъ съ визитами! Ну, конечно, у насъ въ Россіи губернаторъ пріѣхалъ бы въ каретѣ, въ орденахъ, а это ужъ слишкомъ мизерно. И какъ теперь въ письмахъ на родину изображу я турецкаго вельможу? Нѣтъ! обязательно надо написать, что онъ явился къ намъ въ пурпуровомъ плащѣ, осыпанномъ брильянтами, въ бѣлой чалмѣ съ огромнымъ султаномъ изъ рубиновъ, и верхомъ на арабскомъ скакунѣ въ золотомъ сѣдлѣ,—рѣшила я безповоротно.

А между тѣмъ, Кіамиль-паша, стоя передо мною, почти шопотомъ что-то говорилъ, оглядываясь по сторонамъ. Таковъ турецкій этикетъ: обращаясь къ женщинѣ, не принято смотрѣть ей въ лицо.

Хотя съ трудомъ, но все-таки можно было понять, что губернаторъ поздравлялъ меня съ прибытіемъ на территорію падишаха, желалъ мнѣ всякихъ благъ въ жизни и съ благословенія Аллаха, какъ можно больше „располнѣть въ тѣлѣ“, на что онъ, молъ, и надѣется.

Послѣднее, сказанное болѣе ясно, чѣмъ предъидущее, очень не понравилось мнѣ. Я даже разсердилась и хотѣла возразить гостю, что ничѣмъ не заслужила съ его стороны такого негуманнаго пожеланія, такъ какъ мой идеалъ красоты олицетворялъ собой мертвенно блѣдную и тощую-претощую фигуру, для чего мы въ Институтѣ ѣли мѣлъ и покупали тайно отъ классныхъ дамъ уксусъ.

Но Кіамиль-паша былъ уже на другомъ концѣ комнаты, о чемъ-то тихо бесѣдуя съ дядей.

— Конечно,—размышляю я дальше,—мужчина, да еще турокъ едва-ли можетъ имѣть правильное понятіе о красотѣ—надо непремѣнно разъяснить ему, въ чемъ дѣло,—и я смѣло направилась къ гостю.

— Уходи отсюда и не мѣшай намъ,—говоритъ дядя, досадливо махнувъ рукой.

Иду въ столовую, гдѣ Маґіе занята приготовленіемъ кофе, и начинаю толковать ей о прелести худощавой фигуры.

— Ахъ, вздоръ какой!—перебиваетъ она и спѣшитъ обратно въ пріемную.

Немного спустя меня позвали, такъ какъ его превосходительство уже прощался.

Раскланиваясь, Кіамиль-паша съ милой, застѣнчивой улыбкой проговорилъ, что черезъ мѣсяцъ, не позже, вернется изъ путешествія на родину гаремъ его, т. е. жена съ дѣтьми и старшей дочерью Элиме, которая, какъ думаетъ онъ, замѣнитъ мнѣ сестру и подругу.

Я сердечно поблагодарила. Но прежде чѣмъ выйти на площадку лѣстницы, онъ остановился и довольно громко на этотъ разъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „Желаю вамъ, mademoiselle, полнѣть и полнѣть въ нашемъ благодатномъ климатѣ, и да благословитъ васъ Аллахъ!“

Такая недостойная, по моему мнѣнію, выходка со стороны образованнаго человѣка окончательно уронила его въ глазахъ моихъ: я хотѣла возразить что-то; но слова ускользнули отъ меня.

Когда я опомнилась, то гость нашъ былъ уже внизу. Проводивъ губернатора, мы усѣлись обѣдать.

— Ну, какъ? понравился тебѣ Кіамиль-паша?—спрашиваетъ дядя,—не правда ли, пресимпатичная личность?

— Ахъ, такой противный и невѣжа!—съ досадой отвѣчаю я,—и еще вздумалъ издѣваться надо мной. Мнѣ столько наговорили о деликатности турокъ, а на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то!..

— Чѣмъ не угодилъ тебѣ нашъ милѣйшій паша?—удивляются родные—ты, кажется, бредишь: ничего подобнаго мы не замѣтили и ничего не понимаемъ!

Тогда въ сбивчивыхъ выраженіяхъ я принялась доказывать, что въ Институтѣ красивыми считались худыя, а не толстыя.

— Такъ изъ чего же ты волнуешься?—спрашиваетъ дядя,—фигура у тебя тонкая, воздушная, прекрасный цвѣтъ лица, красивая наружность, которая всѣмъ очень нравится. Въ Смирнѣ и здѣсь, какъ мнѣ говорили, тебя называютъ „прекрасной розой Сибири"— чего же тебѣ еще надо?

— Въ Хіосѣ, кажется, всѣ полнѣютъ?—боязливо спрашиваю я.

— Есть о чемъ толковать,—смѣется Марie,—сегодня ты говоришь однѣ глупости,—добавляетъ она и выражаетъ желаніе поскорѣе узнать отъ мужа, подробности и результатъ бесѣды его съ Кіамиль-пашой по поводу извѣстнаго имъ дѣла.

Вспоминая минувшее на закатѣ жизни моей, я думаю, что теперь можно, не стѣсняясь, говорить о своей наружности въ юные годы и никто, вѣроятно, не обвинитъ меня въ самомнѣніи.

Такъ какъ главная героиня этой правдивой повѣсти я сама, то мнѣ и приходится самой же описывать свою внѣшность.

У меня была, дѣйствительно, какъ и сказалъ дядя, тонкая фигура, свѣтло-каштановые волосы и, по единодушному утвержденію всѣхъ, красивыя черты лица и очень интересные глаза.

Одни сравнивали ихъ съ морской волной, другіе съ небомъ, смотря потому, что каждому нравилось больше. Но правильностью линій и профиля мудрено поразить кого-либо на Востокѣ, въ особенности въ Смирнѣ, гдѣ отъ смѣшанныхъ браковъ разнообразныхъ національностей получаются замѣчательные типы идеальныхъ красавицъ, до которыхъ мнѣ было очень далеко. Но несмотря на такія повидимому неблагопріятныя условія, я все-таки пользовалась тамъ прямо колоссальнымъ успѣхомъ.

Весь секретъ послѣдняго заключался въ удивительной бѣлизнѣ и свѣжести густого румянца моего лица.

Въ странѣ смуглянокъ это производило большой эффектъ. Съ перваго же момента моего появленія въ Смирнѣ и Хіосѣ мнѣ дали прозвище „прекрасной розы Сибири". Свѣтскіе хроникеры европейской прессы, описывая особу мою на другой день какого-нибудь вечера или раута, сохраняли за мной ту же кличку.

Въ началѣ я недоумѣвала и спрашивала многихъ, почему всѣ считаютъ меня сибирячкой, тогда какъ я уроженка Орловской губерніи? На это мнѣ давали одинъ и тотъ же отвѣтъ, что Россія и Сибирь— понятія равнозначущія.

Глава XII.

Въ продолженіе обѣда супруги толковали о Кіамиль-пашѣ.

Я все время вслушивалась въ ихъ разговоръ и, такимъ образомъ, узнала много интереснаго о немъ.

Въ сказанный моментъ губернаторъ Хіоса считалъ себя какъ бы въ изгнаніи и ожидалъ лучшаго назначенія. Онъ не разъ просилъ дядю моего посодѣйствовать ему въ этомъ направленіи черезъ нашего посла передъ султаномъ Абдулъ-Азисомъ. Вліяніе Н. П. Игнатьева считали тогда неотразимымъ—достаточно сказать, что народная молва дала ему прозвище „Московъ-султана“, а самому Абдулъ-Азису—„Московъ-визира“.

Въ семьѣ Кіамиль-паши мнѣ не разъ приходилось слышать о причинѣ „немилости“ къ нему. Дѣло въ томъ, что раньше онъ былъ губернаторомъ въ Іерусалимѣ, гдѣ однажды вспыхнуло кровавое столкновеніе на религіозной почвѣ между арабами-христіанами и турками. Зачинщиками, по обыкновенію, были первые; но по настоянію державъ пашу смѣстили, хотя дали впослѣдствіи пашалыкъ Хіоса, губернаторскій окладъ котораго былъ не великъ, а посторонними доходами, т. е. взятками и подачками населенія, этотъ симпатичный человѣкъ гнушался. Послѣдній всегда былъ дѣйствительно, честнымъ и безкорыстнымъ администраторомъ, котораго, быть можетъ, потому и не долюбливали нѣкоторые сановники Высокой Порты за то, что онъ не бралъ бахчишей и другимъ ихъ не давалъ—отсюда его непопулярность въ правительственныхъ сферахъ.

А время то было хроническаго обнищенія оттоманской казны, когда чиновникамъ и войскамъ не платили по нѣсколько мѣсяцевъ жалованье — поневолѣ приходилось жить поборами и вымогательствами съ жителей.

Но Кіамиль-паша былъ не изъ числа такихъ, а чтобы выпутаться изъ невыносимой задолженности, онъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи вліятельнаго посла черезъ русскаго консула.

— Однако, какъ это странно!—подумаетъ иной читатель,—почему турецкому пашѣ понадобилась протекція русскихъ дипломатовъ для повышенія по службѣ, когда, чего проще было бы, обратиться за тѣмъ же къ своему начальству, а еще лучше къ всесильной вездѣ Англіи?

Вопросъ этотъ логиченъ и заслуживаетъ отвѣта.

Послѣдніе годы передъ войной съ Турціей были эпохой могучаго вліянія русскаго имени на берегахъ Босфора и даже казалось, что блескъ англійскаго золота не могъ затмить ореола нашего величія.

Передъ богатствомъ Альбіона преклонялись и заискивали; но военная мощь Россіи внушала страхъ и трепетъ обитателямъ Долма-Бахче—отсюда и тяготѣніе въ нашу сторону.

Такъ продолжалось до паденія Абдулъ-Азиса, котораго наша соперница Англія устранила съ своего пути и перенесла центръ политики сперва въ Чираганъ къ Мураду V, а потомъ въ Ильдизъ-Кіоскъ къ Абдулъ-Гамиду.

Урону нашего могущества въ странѣ полумѣсяца не мало посодѣйствовали прежде всего Мидхатъ-паша, убѣжденный недоброжелатель славянъ, а также духовенство съ своими шумными, безпокойными софтами. Такимъ именемъ называются воспитанники высшихъ мусульманскихъ школъ. Тогда они пріобрѣли довольно сильное политическое значеніе и, не стѣсняясь, разжигали народный фанатизмъ противъ Россіи.

И вотъ, когда при благосклонномъ участіи творца первой конституціи, Абдулъ-Азисъ, сидя въ горячей ваннѣ, перерѣзалъ себѣ пульсовыя вены ножницами изъ „англійской стали“, съ того момента и нашъ великолѣпный престижъ утонулъ въ крови злополучнаго падишаха.

Подробности сверженія одного султана за другимъ я разскажу послѣ, а теперь возвращаюсь къ прерванному повѣствованію.

Изъ разговора моихъ родныхъ между собой я узнала также, что гость нашъ остался очень доволенъ результатомъ свиданія дяди съ генераломъ Игнатьевымъ, такъ такъ послѣдній обѣщалъ попросить своего пріятеля великаго визиря Махмудъ Недима перевести Кіамиль-пашу въ прежній пашалыкъ Іерусалима съ болѣе высокимъ окладомъ, чѣмъ въ Хіосѣ.

Что денежныя дѣла губернатора были въ плачевномъ состояніи, въ этомъ я убѣдилась лично, благодаря частнымъ свиданіямъ моимъ съ его гаремомъ.

Въ началѣ меня поражало такое открытіе, такъ какъ привыкла думать, что турецкіе паши живутъ въ обстановкѣ ослѣпительной роскоши, какъ изображены они въ сказкахъ Шехерезады и романахъ Александра Дюма. Гаремъ Кіамиль-паши былъ не изъ многочисленныхъ: единственная законная жена, молоденькая сирійская арабка, дочь отъ перваго брака на 3 года старше своей мачихи и маленькій сынъ Саидъ.

Двѣ купленныя невольницы дополняли семью.

Я говорю „семью“, потому что оно такъ и есть въ дѣйствительности. Положеніе невольницъ въ Турціи очень завидное, по сравненію съ таковымъ у другихъ восточныхъ народовъ. Съ ними обходятся добродушно и считаютъ ихъ домашними людьми. Онѣ исполняютъ обязанности прислуги и, по волѣ господина ихъ, побочныхъ женъ его. Дѣти рабынь считаются законными.

Исламъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ полигамію; но не болѣе 4 законныхъ женъ; что же касается наложницъ, то позволяется имѣть ихъ неограниченное число.

Положеніе женщины въ мусульманскомъ обществѣ, обязанности главы дома, какъ по отношенію законной жены, такъ и рабынь его, до мельчайшей подробности опредѣлены Кораномъ.

Такъ, напримѣръ, по религіозному правилу, мужъ долженъ каждую законную жену, если таковыхъ у него нѣсколько, окружить опредѣленнымъ штатомъ невольницъ. Понятно, что подобная роскошь доступна только очень богатымъ людямъ.

За исключеніемъ султана, у всѣхъ, даже знатныхъ турокъ, принято имѣть одну жену и небольшое количество наложницъ.

Такое положеніе вещей создалось само собой вслѣдствіе бѣдности этого народа.

Глава XIII.

Слѣдующіе дни были заняты отдачей визитовъ дамамъ греческаго и католическаго кварталовъ города.

Посѣщенія эти казались мнѣ невыносимо скучными и безцѣльными: ново-греческому жаргону я еще не успѣла научиться. Переводчицей поневолѣ служила Марiе, а молодыя дѣвицы объяснялись со мной при помощи выразительной мимики, повторяя неизмѣнно: „о! руссъ! карошъ руссъ!“ На помощь всегда являлось традиціонное угощеніе: кофе и варенье.

Разнообразіе послѣдняго было поразительно: въ одномъ домѣ подадутъ его, напримѣръ, изъ цвѣтовъ померанца и свѣжихъ орѣховъ; въ другомъ изъ банановъ и моркови; въ третьемъ изъ мастики, гороховыхъ стручковъ, помидоръ и т. д. до безконечности.

Въ католическомъ или левантинскомъ кварталѣ дѣло обстояло нѣсколько лучше. Тамъ можно было встрѣтить лицъ, умѣющихъ, хотя и плохо, связать нѣсколько словъ по-французски. Кромѣ того въ общество дамъ допускались и мужчины, что совсѣмъ не принято было въ греческихъ домахъ во время церемоніи визитовъ.

Общественной жизни совсѣмъ не было въ Хіосѣ.

Патріархальность нравовъ доведена тамъ до абсурда: такъ, напримѣръ, танцовать дамѣ въ публичномъ собраніи—поступокъ прямо позорный. Можно позволить себѣ это невинное развлеченіе, но не иначе, какъ въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ и друзей.

О театрахъ хіостянки не имѣли и приблизительнаго понятія, такъ какъ таковoго съ самого сотворенія міра не существовало въ этомъ уголкѣ земного шара.

О Смирнѣ и другихъ портовыхъ городахъ говорили, какъ о Содомѣ и Гоморѣ. Почти всѣ островитянки со дня рожденія и до смерти не выѣзжали на материкъ, и для нихъ онъ былъ почти то же, что для насъ сѣверный полюсъ. Зато о парижскихъ модахъ онѣ имѣли самое ясное и опредѣленное понятіе.

Все сказанное относится, конечно, къ женской части населенія, такъ какъ у другой половины его строй жизни нѣсколько иной.

Мужчины ведутъ обширную вывозную торговлю со всѣми странами свѣта и часто покидаютъ семейные очаги, скитаясь годами вдали отъ родныхъ береговъ, оставляя женамъ заботы по хозяйству на своихъ обширныхъ плантаціяхъ.

Тамъ, на чужбинѣ они пользуются всѣми благами цивилизаціи; но, возвращаясь къ себѣ, остаются по-прежнему убѣжденными противниками общественной жизни для женщины.

Ни одинъ грекъ бывало не выйдетъ на прогулку вмѣстѣ съ женой или дочерью: это считалось у нихъ неблагопристойно и роняло достоинство мужчины.

Отъ семьи онъ всегда далекъ. Все время его заполнено посѣщеніями клуба, кофеенъ, биржи, а домъ служитъ ему для ночлега.

Такое совершенно одинаковое міровозрѣніе грека и турка легко находитъ себѣ объясненіе въ вѣковомъ сожительствѣ обоихъ.

Единственнымъ развлеченіемъ хіотянъ были ежедневныя прогулки вдоль сѣверо-западнаго берега бухты, откуда виденъ ясно Мало-Азіатскій берегъ весь въ лиловыхъ краскахъ заката. И мы также отправлялись туда посмотрѣть на общество и послушать оркестръ бродячей труппы испанцевъ съ ихъ мандолинами и кастаньетами; нѣжные аккорды плѣнительно звучали, сливаясь съ тихимъ шелестомъ волнъ, навѣянныхъ легкимъ вѣтеркомъ. Большинство гуляющихъ гречанки, жены мѣстныхъ коммерсантовъ: ихъ туалеты последній крикъ моды; въ Парижѣ еще не успѣютъ присмотрѣться къ новымъ моделямъ, а ужъ хіосскія франтихи щеголяютъ въ нихъ.

Но вотъ съ темнѣющаго небосклона быстро спускается внизъ черный покровъ ночи и скрываетъ отъ взоровъ прелестныя декораціи угасшаго дня. Пора домой—намъ близко, а горожане зажигаютъ цвѣтные фонарики и группами уходятъ—картина напоминаетъ возвращеніе у насъ съ пасхальной заутрени.

Глава XIV.

Однажды прогуливаясь по берегу моря, мы зашли довольно далеко и присѣли отдохнуть у подножія большой скалы. Какъ вдругъ совершенно неожиданно изъ-за выступа ея показался Селимъ Тафти бей, видимо возвращаясь откуда-то и, замѣтивъ насъ, остановился, любезно поздоровался съ моими родными, а мнѣ неохотно подалъ руку; но тѣмъ не менѣе, присоединился къ нашей компаніи. Все время онъ дѣлалъ видъ, что даже не подозрѣваетъ о моемъ существованіи.

Я съ любопытствомъ разсматривала этого интереснаго юношу, съ біографіей котораго Магіе познакомила меня раньше.

По слухамъ характеръ у него былъ ужасный; о его обращеніи съ женой разсказывали чудовищныя вещи. Почти мальчикомъ онъ уже былъ женатъ по выбору родителей своихъ на дѣвушкѣ, которую увидѣлъ впервые съ открытымъ лицомъ послѣ обряда вѣнчанія. Жена не понравилась ему съ перваго момента; но, какъ добрый мусульманинъ и послушный сынъ, онъ подчинился неизбѣжному и старался жить съ ней въ мирѣ и согласіи. Такъ продолжалось до поѣздки за границу, куда отправили его, по примѣру всѣхъ состоятельныхъ турокъ, для высшаго образованія.

Вернулся онъ оттуда уже съ иными требованіями сердца. Жена сразу стала ненавистной, а семейное сожительство ихъ превратилось въ адъ.

Намѣреніе его было немедленно развестись съ ней; но здѣсь онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе отца, человѣка стараго закала и фанатика. Проклиная судьбу и негодуя, пылкій просвѣщенный турокъ, но вѣрный завѣтамъ Ислама, смирился передъ непреклонной волей родителя.

Въ сказанное время Тафти-бею было всего 24 года, хотя на видъ ему казалось немного больше, какъ и всякому уроженцу Востока.

Это былъ статный, худощавый брюнетъ, довольно высокаго роста, съ лѣнивыми движеніями, всегда угрюмый и задумчивый.

Когда онъ молчалъ, то блѣдное, какъ алебастръ, лицо его принимало скорбное выраженіе затаеннаго страданія; но стоило ему заговорить, и весь обликъ мгновенно измѣнялся: между тонкими бровями появлялась глубокая складка на лбу, въ черныхъ, мерцающихъ стальнымъ блескомъ глазахъ, загорался недобрый огонекъ, а около рта, оттѣненнаго небольшими усиками, змѣилась презрительная усмѣшка. Мнѣ становилось очень жутко въ такихъ случаяхъ, и я всегда боялась его, даже и тогда, когда, бывало, сжимая меня до боли въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, онъ шепталъ слова пламенной любви.....

— Тетя! — обратилась я къ Магіе по-русски, чтобы не быть понятой Тафти-беемъ,--правда, что турки женятся иногда на христіанкахъ?

— Конечно, правда, — подтвердила она, — я лично знаю множество примѣровъ такихъ браковъ. — Исламъ не ставитъ къ тому никакихъ препятствій.

— Неужели?—удивилась я, — ну, и что же? несчастныхъ женщинъ вѣроятно мучатъ, насильно обращаютъ въ магометанство?.

— Ничего подобнаго не приходилось слышать—возразила она,-- если бы было такъ, то никто и не выходилъ бы за нихъ замужъ— вѣдь дѣлается все это съ обоюднаго согласія. Въ первую же нашу

поѣздку въ Смирну я познакомлю тебя съ интересной парочкой: мужъ, Юзуфъ-Изетъ-Эфенди—мусульманинъ, жена—француженка-католичка. Живутъ такъ, какъ дай Богъ всякому. Эфенди, о которомъ я говорю,—продолжала Marie, — недавно переведенъ отсюда. Это бывшій комендантъ крѣпости, а бей—указала она глазами на Селимъ Тафти,—состоялъ тогда при немъ адъютантомъ.

Знакомое имя достигло, повидимому, до слуха послѣдняго, такъ какъ онъ мгновенно повернулъ лицо въ сторону Marie и въ изысканныхъ выраженіяхъ, извиняясь за вмѣшательство въ разговоръ, попросилъ перевести ему то, что касалось бывшаго его начальника.

Застигнутая врасплохъ, тетя моя отвѣтила ему.—Племянница спрашиваетъ, правда ли, что турки женятся иногда на христіанкахъ, и я указала ей на счастливый примѣръ.....

— Merci, madame Darivo,—поспѣшно перебилъ онъ и медленно, не глядя на меня, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Mademoiselle, конечно, удивлена и считаетъ подобный бракъ невозможнымъ?

— Ахъ, нѣтъ! напротивъ..... не сомнѣваюсь,—порывисто начала я; но вдругъ остановилась, не зная, что еще сказать, и поскорѣе отвернулась, чтобы не видѣть насмѣшливой улыбки, которая уже играла на губахъ его.

День клонился къ закату. Багровое свѣтило величаво опускалось за вершины Тавра и бросало утомленной зноемъ землѣ свои разноцвѣтные лучи. На голубой скатерти моря засверкали переливы радуги, а склоны горъ пріодѣлись въ розовыя и фіолетовыя дымки.

Прислушиваясь къ тихому плеску волнъ, мы нѣкоторое время молчали, задумчиво любуясь роскошной панорамой.

Вдругъ я почувствовала какую-то странную неловкость, машинально оглянулась и встрѣтилась съ мрачными, огненными глазами, которые съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ меня.

Я вздрогнула и почувствовала, какъ холодокъ пробѣжалъ по мнѣ. Жгучая краска стала заливать мнѣ лицо, а на сердцѣ задрожало что-то непонятное. Стараясь овладѣть собой, я поспѣшно встала и сошла со скалы, дѣлая видъ, что очень интересуюсь собираніемъ раковинъ.

— Боже мой!—думала я съ тоской,—что подумаетъ этотъ странный человѣкъ, и отчего я такъ робѣю передъ нимъ? Нѣтъ! надо непремѣнно доказать ему, что для меня онъ ничто. А какъ хорошъ,—мелькнуло тутъ же,—но что изъ того? насъ раздѣляетъ бездна,—и мнѣ стало невыносимо тяжело.

Въ эту минуту недалеко отъ берега плылъ каикъ. Селимъ Тафти махнулъ платкомъ и сталъ прощаться. Я съ трепетомъ

ждала его приближенія. Онъ спокойно подошелъ, слегка коснулся руки моей и церемонно раскланялся. Вслѣдъ затѣмъ сѣлъ въ лодочку и, не оглядываясь, направился къ цитадели.

— Однако, вò-время удралъ,—расхохотался дядя, указывая на дорогу, которая вилась по откосу высокой горы,—посмотри, вотъ и богомольцы возвращаются изъ монастыря дервишей. Воображаю его смущеніе,—продолжалъ онъ, уже обращаясь ко мнѣ,—если бы старые турки увидѣли его въ обществѣ дамъ, да еще въ часы, когда правовѣрные собираются въ мечети—завтра вѣдь пятница, и сейчасъ зажгутъ огни на минаретахъ.

Я порадовалась въ душѣ, что красавецъ былъ уже далеко; но, слѣдуя за дальнѣйшимъ теченіемъ своихъ мыслей, неожиданно для самой себя, проговорила вслухъ:

„Я ненавижу его!"

„Кого это?!" — удивились родные и, улыбаясь, переглянулись между собой.

— Да его, Манфреда въ турецкомъ мундирѣ, краснѣя и заикаясь, сказала я.

Добрякъ дядя такъ и покатился отъ смѣха:

— За что, душа моя? Красавецъ-то врѣзался въ тебя по уши! не правда ли, Маrіе? ты видѣла, какими пламенными взглядами обдавалъ онъ прекрасную племянницу нашу? Я все время наблюдалъ за нимъ,—хочешь, скажу, о чемъ бей спрашивалъ меня?— Укоризненный взглядъ жены былъ отвѣтомъ на вопросъ его: она заговорила по-гречески, и по тону голоса я догадалась, что ему порядочно досталось отъ нея.

— Но, дорогая моя, что же тутъ дурного?—возразилъ по-французски сконфуженный супругъ,—почему не потѣшить дѣвочку? зато похвалится въ письмахъ на родину интересной побѣдой—только и всего!..

— Такими вещами не шутятъ,—перебила она и, обращаясь ко мнѣ, продолжала:

„Запомни разъ навсегда, Женя, что взяли мы тебя совсѣмъ не для того, чтобы ты увлекалась турками и въ концѣ концовъ попала бы въ гаремъ! Я постараюсь замѣнить тебѣ мать и не возьму такой отвѣтственности на свою совѣсть".

— Тетя!—не безъ лукавства начала я,—вы только-что сами отзывались симпатично о бракахъ магометанъ съ иностранками— почему же мнѣ нельзя?..

— Да, но только не съ русскими—по законамъ вашей страны это недопустимо, и если бы что-либо подобное случилось, то и мы вмѣстѣ съ тобой подвергаемся суровой карѣ...

— А помнишь исторію женитьбы Шаккеръ-бея въ Бейрутѣ,— отозвался вновь дядя,—вѣдь и та была русская и положеніе почти одинаковое, какъ и здѣсь... Онъ же укралъ ее и увезъ въ Македонію. Ну, пошумѣли, пошумѣли и оставили ихъ въ покоѣ.

— Ахъ, какъ интересно!—подумала я съ замираніемъ сердца— надо имѣть это въ виду на всякій случай: быть похищенной—что можетъ быть поэтичнѣй?!

Но Магіе окончательно разсердилась за неумѣстную откровенность мужа, и греческій языкъ опять былъ пущенъ въ ходъ...

Мы еще не добрались до дому, какъ спустилась ночь, черная и душная. Луны не было; но въ густой синевѣ невѣдомыхъ высотъ миріады звѣздъ уже зажгли свои золотыя лампадки и привѣтливо мигали оттуда уснувшему морю и засыпающей землѣ.

Вдругъ съ неба сорвалась звѣздочка, покатилась огненной полоской и утонула въ пучинѣ водъ.

Я шла и думала: „завтра же улучу минутку, сойду внизъ въ кабинетъ дяди — онъ не такъ строго смотритъ на вещи, какъ тетка,—и упрошу его разсказать мнѣ, о чемъ Селимъ Тафти бесѣдовалъ съ нимъ, а также хорошенько разузнаю о подробностяхъ похищенія Шаккеръ-беемъ своей невѣсты.

Меня очень озабочивалъ вопросъ: какъ все это устроилось? черезъ окно по веревочной лѣстницѣ, что было бы желательнѣй всего или еще инымъ способомъ?

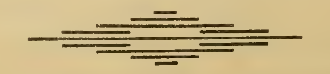
— На всякій случай надо все сообразить,—увѣряла я себя,— мало ли что можетъ случиться впослѣдствіи со мной... И тутъ же тайный голосъ помимо воли шепталъ мнѣ совсѣмъ другое: „Красивъ, безспорно; но все-таки азіатъ. Даже турки, его сородичи, утверждаютъ, что характеръ у него крайне жестокій. А гаремъ, невольницы, евнухи?.. наконецъ, кожанный мѣшокъ?.. ббрр...“ И картины изъ романа „Тайны гаремовъ“ воскресали передо мной.

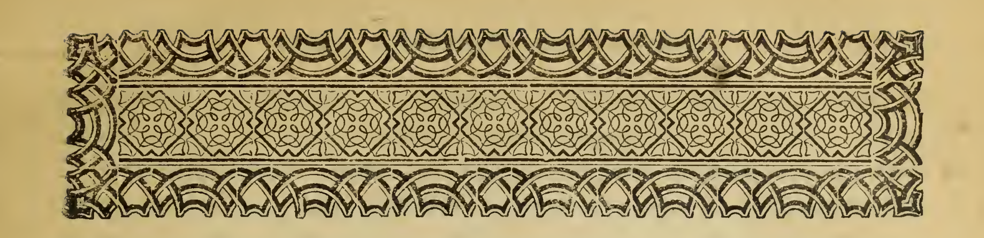
— Нѣтъ! — размышляла я дальше,—слишкомъ дорогой цѣной придется, пожалуй, расплачиваться за удовольствіе убѣжать черезъ окно! Богъ съ нимъ съ его красотой—лучше буду слѣдовать совѣтамъ Магіе и постараюсь не обращать на него вниманія.

Съ такими благими намѣреніями я вошла въ домъ, помолилась и легла спать.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ [1].

(Воспоминанія запаснаго).

День клонился къ вечеру и стрѣльба начала мало по малу затихать. Шрапнели, шимозы уже рѣже разсѣкали воздухъ; казалось, что и сами пушки уже устали горланить и извергать эти смертоносные снаряды. Ружейная перестрѣлка также затихала. Видимо и люди истратили уже весь запасъ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. На полѣ уже не было того спѣшнаго и лихорадочнаго движенія, которое замѣчалось здѣсь въ теченіе прошедшаго дня; всѣ тѣ люди, которые двигались по этому полю на подобіе суетливо ползающихъ муравьевъ, теперь куда-то попрятались и одни только мертвецы всюду валялись въ разныхъ позахъ, неподвижные и безстрашные.

Наконецъ стемнѣло. Всѣ вздохнули свободнѣе, стараясь отбросить отъ себя воспоминаніе этого тяжелаго дня 16 февраля. Впрочемъ, правду сказать: воспоминанія эти не особенно тревожили мозгъ и если и мелькали, то въ видѣ какихъ-то не ясныхъ и не опредѣленныхъ фантомовъ; это, конечно, къ счастію, иначе человѣкъ навѣрно сошелъ бы съ ума, если бы тотчасъ же послѣ боя онъ могъ бы охватить все пережитое съ полною ясностью и рельефностью. Эта ясность является уже впослѣдствіи, когда мозгъ успокоится и сдѣлается снова способнымъ отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ томъ, что было испытано. Тогда передъ человѣкомъ проходятъ съ поразительною ясностью всѣ пережитыя имъ сцены и картины, но въ данномъ случаѣ приходитъ на помощь то, что принято называть холоднымъ разсудкомъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

*

Когда уже окончательно стемнѣло, то непріятель началъ изрѣдка бросать свои шимозы куда-то далеко-далеко—въ нашъ тылъ. Онѣ пролетали надъ нашими головами какъ-то таинственно шурча, гдѣ-то высоко въ темнотѣ ночи и, падая версты за двѣ за нами, глухо взрывались. Это были послѣдніе замирающіе аккорды музыки боя. Помню еще, что черезъ каждыя пять или десять минутъ впереди насъ рвалась шрапнель; она рвалась какъ-то глупо и безцѣльно, нарушая тишину визгомъ разлетающихся пуль. Очевидно, японцы не желали дать намъ отдыха и пускали къ намъ эти снаряды, чтобы хоть чѣмъ-нибудь тревожить уставшихъ людей.

Получилась записка, въ которой было сказано, что нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, и что насъ отведутъ въ резервъ на отдыхъ. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а смѣны намъ все не дали. Впередъ шаговъ на 200 мы выслали секреты и начали ждать съ нетерпѣніемъ смѣны.

Людей нужно было накормить и дать имъ отдыхъ. Наконецъ получилась вторая записка, которая насъ немного разочаровала: въ ней было сказано, что смѣны намъ не будетъ, а вмѣсто таковой къ намъ на усиленіе придетъ другой полкъ, и ту позицію, которую мы занимали одни, предполагалось раздѣлить на два участка между двумя полками.

Непріятны эти многія „пятницы“ на одной недѣлѣ, но въ военное время избѣжать этого почти невозможно, хотя правду надо сказать, что мы и не особенно-то старались этого избѣгать, и этотъ недочетъ проходитъ красной нитью въ теченіе всего періода этой злополучной войны.

Подвезли кухни, и роты поочередно начали обѣдать. Офицерамъ также принесли поѣсть, и вскорѣ всѣ насытились, на сколько можно было насытиться, и разсчитывали хотя немного вздремнуть, если только можно было вздремнуть здѣсь на позиціи, носъ къ носу съ непріятелемъ. Часовъ въ 11 наши охотники отправились на развѣдки въ Безымянной. Они разсказывали потомъ, что, подойдя къ деревнѣ, слышали громкіе стоны раненыхъ; слышали также, какъ отъѣзжали и пріѣзжали какія-то повозки—вѣроятно, за ранеными; затѣмъ гдѣ-то въ темнотѣ позади Безымянной непріятель усиленно занимался саперными работами; въ морозномъ воздухѣ отчетливо было слышно, какъ стучало множество кирокъ объ твердую почву.

Вѣроятно, непріятель старался какъ можно скорѣе укрѣпить деревню и возвести окопы для пулеметовъ, изъ которыхъ завтра онъ могъ бы начать обстрѣливать насъ съ близкаго разстоянія. Можно было предположить, что японцы не постѣсняются построить

окопы и для артиллеріи и поставивъ въ нихъ нѣсколько орудій, начнутъ громить насъ съ близкаго разстоянія.

Пока-то нашей артиллеріи удастся нащупать эти орудія и заставить ихъ замолчать—сколько вреда они намъ могутъ принести. Японцы не придерживались по отношенію своей артиллеріи тѣхъ принциповъ, которые вкоренились у насъ: по нашему уставу—потерять орудіе — это значитъ покрыть позоромъ ту пѣхотную часть, которая прикрываетъ артиллерію. Въ силу такого установившагося взгляда, мы все время боялись выдвигать наши пушки впередъ, а всегда держали ихъ далеко позади дерущейся пѣхоты. Конечно и нѣтъ надобности слишкомъ бравировать въ этомъ отношеніи, но случаи, когда рисковать потерею орудій ради пользы дѣла, вполнѣ возможны на войнѣ и, повидимому, слѣдовало бы измѣнить намъ это рутинерство по отношенію оберeганія артиллеріи.

Подойдя къ Безымянной, охотники дали нѣсколько дружныхъ залповъ по непріятелю, главнымъ образомъ по направленію его саперныхъ работъ, и въ отвѣтъ на это посыпался въ нашу сторону градъ пуль, которыя какъ слѣпыя и безумныя начали летать по всѣмъ направленіямъ, громко шлепаясь о глиняныя стѣнки.

Солдаты недовольно ворчали. Какая теперь ночью стрѣльба, зря только людей тревожатъ, и изнервничившіеся люди вдругъ начали бранить нашихъ охотниковъ, говоря, что они только будоражатъ безъ толку людей, блуждая безъ всякой цѣли по ночамъ. „Сколько ни ходили, покеда здѣсь въ окопахъ стояли, а кой прокъ съ ихъ походовъ вышелъ; все это ни къ чему, одно озорство да баловство“. Нужно было на комъ-нибудь сорвать чувство досады, явившееся вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія и безъ того измочаленныхъ нервовъ—и вотъ теперь на комъ же было сорвать эту досаду, какъ не на молодцахъ-охотникахъ.

„Отступаемъ, отступаемъ; приказано отступать“, тихо начали говорить солдаты часовъ около 12 ночи; „куда и сами не знаютъ; сказываютъ, что на сѣверъ идемъ, а куда—неизвѣстно“. И чѣмъ больше распространялась эта вѣсть, тѣмъ сильнѣе люди начинали волноваться и нервничать. Сказываютъ, что полкъ съ зарѣчной стороны уже уходитъ, а за нимъ и мы должны отходить. Прибѣжалъ какой-то солдатъ и сообщилъ таинственно, что первый баталіонъ, который стоялъ въ резервѣ, тоже уходитъ; этотъ же солдатъ добавилъ, что всѣ тѣ войска, которыя стояли сзади насъ, уже давнымъ давно ушли, и что мы остались чуть ли не одни передъ самымъ носомъ японцевъ. Удивительно, какъ люди бываютъ въ состояніи фантазировать въ это время. Тотъ солдатъ, который это говорилъ, конечно самъ ничего подобнаго не видѣлъ, и ему все это передалъ какой-

нибудь вредный фантазеръ, но онъ сразу всему повѣрилъ и успѣлъ заразить этой вѣрой и другихъ. „Что зря пустяки-то болтаешь“, прикрикнулъ на него какой-то молодецъ унтеръ, но зерно сомнѣнія было уже брошено и заставить умолкнуть чувство, близко подходящее къ паникѣ въ сердцахъ наиболѣе робкихъ людей, было уже невозможно.

— Дай-то, Господи, благополучно уйти, слышались тяжелые вздохи.

— Ишь пальбу полуночники затѣяли, только народъ зря перебьютъ.

— Теперь коли ранютъ, такъ тутъ, значитъ, и оставайся—подыхай, потому—темно, да и не до раненыхъ тутъ; дай Богъ здоровому-то ноги унести.

И это говорили люди, которые за часъ передъ этимъ выражали твердую увѣренность въ томъ, что они и завтра отобьютъ всѣ атаки, также, какъ отбили сегодня. Тогда, когда они еще не думали объ отступленіи, они смѣло выражали увѣренность въ успѣхѣ, но какъ только разнеслось среди нихъ ненавистное слово „отступать“, они сейчасъ же упали духомъ и готовы были, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, бѣжать безъ оглядки отъ этого проклятаго мѣста,—отъ этихъ ужасовъ, крови, стоновъ и труповъ.

Тотъ, кто разсчитывалъ выиграть эту войну, постоянно отступая, былъ не глубокій психологъ, а слѣдовательно человѣкъ, совершенно лишенный военнаго полководскаго таланта; ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ всегда отступать и отступать, да еще по ночамъ и подъ вѣчнымъ напоромъ непріятеля. Здѣсь и мужественный человѣкъ въ концѣ концовъ можетъ потерять голову и поддаться невыносимому чувству паники, которая такъ быстро охватываетъ цѣлыя массы войскъ.

Начиная эту войну, мы должны были сначала отвѣтить на вопросъ:—можемъ ли мы съ наличными силами начинать военныя дѣйствія, ни на шагъ не отступая передъ непріятелемъ, и если бы пришлось отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, то выгоднѣе было бы и совсѣмъ не начинать войны, нежели, взявъ голый образецъ отступательной стратегіи кампаніи 1812 года, примѣнить его безъ всякаго обсужденія его пригодности и при данныхъ обстоятельствахъ къ этой войнѣ.

Конечно, говорить о всемъ этомъ уже послѣ совершившихся событій легче, нежели предрѣшать таковыя, но вопросъ этотъ всегда былъ и будетъ вопросомъ существеннѣйшей важности и обсудить его всесторонне было болѣе чѣмъ важно.

Въ томъ-то и дѣло, что не всякій принципъ, который кабинетнымъ стратегамъ кажется непреложной истиной, можетъ быть примѣнимъ во всѣхъ случахъ одинаково, и надо было считаться съ

тѣмъ, что во-первыхъ кампанія 12 года велась по своей же родной землѣ и что если тамъ и приходилось отступать, то отступали отъ Карповки къ Ивановкѣ, отъ Смоленска къ Вязьмѣ и т. п., а здѣсь нужно было отступать отъ Тюренчена на Фынь-Хуанъ-Ченъ,—отъ Ляояна на Мукденъ. Во-вторыхъ и того не надо забывать, что въ 12 году каждый солдатъ былъ ветераномъ, сроднившимся съ военной службой, такъ какъ на ней онъ провелъ всю свою лучшую пору жизни, и на ней у него уже посѣдѣли молодецкіе усы и бакенбарды; солдатъ этотъ при томъ же видалъ виды: вѣдь онъ и съ батюшкой Суворовымъ ломалъ его безсмертные походы; онъ слышалъ, какъ тотъ, крича пѣтухомъ, поднималъ съ биваковъ свои желѣзные полки и велъ ихъ въ бой, сокрушая съ ними упорство врага и удивляя міръ ихъ безпредѣльной отвагой и доблестью. На такого солдата можно было всегда и во всемъ положиться, потому что онъ былъ воспитанъ и закаленъ во всѣхъ отношеніяхъ. А теперь—да развѣ есть что-нибудь общее между тѣмъ, что было въ этотъ разсвѣтъ русской военной силы и доблести, и тѣмъ, что есть.

Взгляните на нашего безусаго молокососа, который называется солдатомъ; нѣтъ у него того, что именуется военнымъ закаломъ. Это просто деревенскій парень, очень часто добродушный, а иногда и плутоватый, какъ говорится: „себѣ на умѣ“, который слегка только чему-то обученъ, очень мало воспитанъ и закаленъ. Парень этотъ черезъ три-четыре года уйдетъ къ себѣ въ деревню, гдѣ онъ, конечно, очень скоро забудетъ все то, чему его учили, и въ лучшемъ случаѣ превратится въ прежняго земледѣльца, скрывъ подъ своей сѣрой сермягой и тѣ ничтожные признаки, которые могли бы отличить въ немъ бывшаго солдата, а на его мѣсто въ строй явится другой, такой же простодушный парень, который также потѣя будетъ стоять, или сидѣть на „словесности“, стараясь безъ всякаго смысла и пониманія зазубрить по-книжному разные непереваримые для его мозговъ пунктики, какъ это въ свое время продѣлывалъ его предшественникъ.

Говорятъ: воспитывайте солдатъ, и говорятъ это люди съ непоколебимымъ авторитетомъ, но эти люди совершенно не хотятъ понять того, что воспитать его должна сначала школа и воспитать, какъ сына своего отечества, которому онъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, обязанъ службою. Вотъ при этихъ условіяхъ, когда человѣкъ поступитъ на службу съ сознаніемъ долга и необходимости,—когда онъ будетъ уже на столько развитъ, что сознательно отвѣтитъ на вопросы объ отечествѣ и долгѣ,—тогда другое дѣло; тогда это школьное воспитаніе можетъ быть еще дополнено военнымъ, но

не теперь, когда на вопросъ, что такое отечество, вы получаете въ отвѣтъ безсмысленную улыбку и растерянный взглядъ, а о долгѣ лучше уже и не спрашивайте, иначе вопрошаемый можетъ подумать, что вы намекаете ему о какомъ-нибудь денежномъ долгѣ, а такъ какъ таковыхъ долговъ по отношенію васъ у него, конечно, не будетъ, то въ простотѣ душевной онъ можетъ васъ заподозрить въ желаніи взять съ него взятку.

Но, вѣдь, у насъ есть цѣлые милліоны запасныхъ, скажете вы, но объ нихъ лучше не будемъ говорить, потому что ихъ тоже нельзя винить въ томъ, что почти у каждаго изъ нихъ есть семья и весьма не рѣдко и нужда, которая представляетъ собою явленіе, весьма обыденное у насъ на Руси.

Вообще всѣ эти вопросы чрезвычайно сложны и трудны для разрѣшенія, тѣ же, которые рѣшаютъ ихъ съ плеча, обыкновенно начинаютъ винить нашихъ офицеровъ, говоря, что они слишкомъ мало работаютъ для развитія и воспитанія солдатъ. Въ общемъ нашъ офицеръ слишкомъ малъ какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ нѣкоторыхъ личностей, считающихся высоко авторитетными учителями и воспитателями военной среды. Эти господа, чрезмѣрно возвеличенные въ своей якобы геніальной дѣятельности, сплошь и рядомъ не стѣснялись изощрять свое подчасъ уже черезчуръ циничное остроуміе на безотвѣтномъ офицерѣ, который зачастую и живетъ-то, перебиваясь „съ хлѣба на квасъ“ и въ силу постоянной, давящей его нужды, принужденъ быть молчаливымъ и не отвѣчать на это циничное остроуміе. Пожалѣйте же, господа, нашего офицера. Право же онъ не сосетъ соковъ изъ народа, какъ думаютъ нѣкоторые изъ васъ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, насколько можетъ, но придите же къ нему на помощь; облагородьте и обтешите тотъ черезчуръ уже сырой матеріалъ, надъ которымъ ему приходится работать; вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать изъ куска руды, который вы ему даете,—пушку, которую бы можно было наводить и стрѣлять изъ нея; подготовьте эту руду и отдѣлите изъ нея чистое желѣзо въ горнилѣ свѣта и тепла, и тогда онъ справится съ своей задачей, а если этого пока еще не сдѣлали, то и не презирайте труженика - офицера, который на службѣ жертвуетъ и здоровьемъ и жизнью.

Въ первомъ часу ночи на 17 февраля полкъ нашъ началъ отходить съ позицій. Роты по очереди, съ соблюденіемъ тишины, покидали свои участки и уходили поспѣшно въ Чжаньтань, гдѣ было приказано собраться на площади. Пули летали по всѣмъ направленіямъ, и было человѣкъ десять раненыхъ, пока мы переходили ничтожное разстояніе отъ стѣнокъ до окраины деревни. Ночь была

темная. Звѣзды холодно горѣли въ безпредѣльной безднѣ мудраго молчанія. Люди, сильно нагруженные и утомленные физически и нравственно, нервничали и суетились. То и дѣло слышался тихій и осторожный голосъ офицера: „спокойнѣе ребята, спокойнѣе, ребята; иди въ порядкѣ, не торопись; да не стучи ножищами-то“ и т. п. Наконецъ, двинулась и послѣдняя рота. Мы пришли на площадь, гдѣ также всюду посвистывали пули и теперь казалось, что онѣ начали летать и съ правой стороны, и это обстоятельство показалось всѣмъ очень подозрительнымъ. Люди молчали, слыша, какъ все чаще и чаще повизгиваютъ пули справа, но въ этомъ-то молчаніи и былъ ужасъ, потому что каждый сознавалъ, не рѣшаясь высказаться, что разъ непріятель стрѣляетъ справа, значитъ, онъ обходитъ насъ и вѣроятно скоро и совсѣмъ обойдетъ и отрѣжетъ нашъ путь.

Тихо раздается команда: „шагомъ маршъ“, и люди начинаютъ двигаться, побрякивая котелками и стуча по мерзлой почвѣ неуклюжими, обшитыми кожей валенками. Въ темнотѣ кажется, что двигается какое-то огромное тысяченогое животное, которое медленно ползетъ, извиваясь по узкимъ улицамъ деревни. Люди безпрестанно спотыкаются и падаютъ, потому что и днемъ-то по улицамъ китайскихъ деревень трудно ходить не спотыкаясь, а ночью это совсѣмъ не возможно. Слышатся недовольные возгласы: „ишь чертъ слѣпой, распялился по землѣ“, или: „штыкъ-то подними, идолъ, глазъ проткнешь“ и т. п. Остановки почти на каждомъ шагу, потому что мѣстами встрѣчаются столь узкіе проходы, что можно идти только по два человѣка. Во время этихъ остановокъ задніе напираютъ на переднихъ. Слышится сдержанное: „чего стали, небось японецъ васъ дожидаться не будетъ“; или: „уперлись лбомъ какъ бараны къ стѣну и стоятъ, черти, чтобъ вамъ пусто было“. Вообще всѣ эти возгласы не отличаются особою нѣжностью и деликатностью, и они показываютъ, что люди нервничаютъ, и тогда-то въ голову приходитъ ужасная мысль. Представляешь себѣ, что будетъ, если вдругъ теперь какой-нибудь несчастный непріятельскій взводикъ, подобравшись въ темнотѣ, отважится дать по этой массѣ людей, близкихъ къ паникѣ, нѣсколько залповъ; развѣ можно представить себѣ такую силу, которая была бы въ состояніи удержать эту толпу. Нѣтъ, такой силы не будетъ. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы въ полку не нашлось такихъ доблестныхъ офицеровъ и солдатъ и даже очень многихъ, которые всѣ усилія свои употребили бы на то, чтобы успокоить людей, но, вѣдь, ночь, темнота, лабиринтъ закоулковъ, въ которыхъ такъ легко запутаться и затеряться, ища спасенія отъ пули. И невольно волосъ становится дыбомъ, когда подумаешь о возможности подобнаго случая.

Не желалъ бы никому быть участникомъ ночного отступленія, измотавъ свои нервы въ теченіе дня въ непрерывномъ и жестокомъ бою и имѣя позади себя непріятеля, о намѣреніяхъ котораго вы ровнымъ счетомъ ничего не знаете, и который шлетъ вамъ въ догонку свинцовый дождь.

Наконецъ, выбрались изъ лабиринтовъ Чжантани и версты двѣ прошли безъ остановокъ, но, дойдя до деревни, въ которой были сосредоточены лазареты и склады, наткнулись на картину полнаго безпорядка, отъ котораго стало еще болѣе жутко.

Здѣсь всюду стояли какія-то повозки, которыя спѣшно старались укладывать. Нѣкоторыя изъ нихъ, уже уложенныя, начинали двигаться среди сплошной толпы солдатъ, запрудившихъ единственную улицу; конюха кричали и галдѣли; слышалась всюду наикрѣпчайшая ругань, при чемъ люди, думая, что они уже далеко отошли отъ непріятеля, галдѣли такъ, какъ можетъ только галдѣть безпорядочная русская толпа. Интенданты раздавали заготовленную въ огромномъ количествѣ одежду и запасы, и солдаты толпами стремились къ бочкамъ съ соленой рыбой и, наколовъ по одной и по двѣ огромныхъ рыбины (кеты) на штыкъ, устремлялись къ складамъ сахара, хлѣба, бѣлья, консервовъ—и все это тащили неизвѣстно зачѣмъ. Иной, набравъ цѣлые вороха рубахъ и штановъ, дѣлался похожимъ на разносчика и торговца этими товарами, но, пройдя съ этимъ добромъ шаговъ сто-двѣсти и сознавъ полную непригодность этого груза въ походѣ, съ бранью бросалъ все набранное на дорогу, и сзади идущіе люди топтали все это добро ногами; иной нанизывалъ себѣ на штыкъ каравай хлѣба и огромную кету и, почувствовавъ, что эта ноша слишкомъ тяжела, тоже ругался и швырялъ все это въ сторону. Словомъ, безпорядокъ былъ страшный, и надо удивляться, что счастливый случай избавилъ всю эту массу людей отъ внезапнаго ночного натиска непріятеля.

Стрѣльбы уже не было, и все же офицеры напрягали всѣ усилія для того, чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ, прибѣгая и къ уговорамъ и къ ругани и, наконецъ, даже къ тумакамъ, но все это плохо дѣйствовало. Что же бы было, если бы въ это время сзади понажалъ бы непріятель, паника была бы неминуема.

По истинѣ невѣжествененъ русскій солдатъ; онъ грубъ и не развитъ и не привыкъ отдавать себѣ отчета во всей окружающей его обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, это происходитъ отъ нѣкоторой инертности славянской натуры и полагаю, что и путемъ саморазвитія эта основная черта русской народности едва-ли можетъ быть уничтожена безъ слѣда.

Къ чести нашего полка скажу, что во всѣхъ этихъ безобразіяхъ

онъ очень мало принималъ участія, и порядокъ движенія у насъ почти не нарушался, да и вообще-то безобразничали главнымъ образомъ не строевыя части, а солдаты разныхъ обозовъ, лазаретовъ и вообще тыловыхъ учрежденій.

Наконецъ, кое-какъ размотался этотъ ужасный клубокъ и размотался тогда, когда все уже было разнесено.

Пошли и черезъ полъ-версты снова остановились. Оказалось, что намъ пересѣкла путь какая-то безконечно длинная колонна; сначала шла пѣхота—понурая, утомленная и закутанная въ башлыки, потомъ, громыхая по колоти, потянулась медленно артиллерія: пушки, ящики, потомъ опять пушки, опять ящики—и все это безконечной вереницей ползло передъ нами утомленное и озлобленное. Казалось, что и лошади были злы; держа на своихъ спинахъ огромныхъ ѣздовыхъ, онѣ мрачно и понуривъ головы переступали съ ноги на ногу слышалось временами какъ бы недовольное ихъ пофыркиваніе, но въ общемъ вся эта безконечная вереница людей, лошадей и орудій шла въ полной тишинѣ, лишь только слегка громыхая и лязгая желѣзомъ отъ толчковъ на неровной дорогѣ. Ѣздовые покачивались на лошадяхъ, и казалось, что они спали; прислуга шла по бокамъ, или же сидѣла на орудіяхъ и на ящикахъ. Потомъ снова пошла пѣхота, пѣхота и пѣхота. Спотыкаясь и падая, проходили мимо насъ утомленные люди; никто изъ нихъ даже не отвѣчалъ на вопросы—откуда они идутъ и куда. Вѣроятно, они и сами не знали, куда ихъ теперь гонятъ. Они сознавали только, что въ теченіе цѣлаго дня они дрались съ непріятелемъ, что были голодны и утомлены, и что вотъ теперь имъ приказано уходить назадъ.

Въ старину говорили: „каждый воинъ долженъ знать свой маневръ“; это конечно истина неопровержимая, но въ эту кампанію вѣроятно нашли какую-нибудь болѣе глубокую истину, а про эту старую постарались позабыть.

Простоявъ часа два на мѣстѣ, наконецъ тронулись. Вотъ дошли до какой-то деревни; здѣсь снова цѣлый рядъ остановокъ, то короткихъ, то продолжительныхъ. За деревней поле, по которому мы идемъ какими-то перекатами, на подобіе ползущаго червя, такъ какъ впереди идущіе черезъ каждые 100—200 шаговъ останавливаются, а мы, идущіе сзади, напираемъ на нихъ; потомъ снова движеніе впередъ, снова остановка, напоръ, и т. д. Наконецъ подошли къ большой деревнѣ и здѣсь уже окончательно стали въ тупикъ, не зная, куда намъ идти.

Начальникъ дивизіи шелъ съ нами, и онъ тоже не зналъ—куда надлежатъ слѣдовать, не получая объ этомъ рѣшительно никакихъ указаній. О диспозиціяхъ и какихъ-либо инструкціяхъ нечего и говорить:

насъ этой роскошью никогда своевременно не баловали и похоже на то, что самыя-то диспозиціи писали, такъ сказать, заднимъ числомъ.

Остановились передъ деревней потому, что вся она была сплошь набита солдатами, лошадьми, пушками, ящиками и какими-то повозками, нагруженными до невозможности. Впереди какъ будто бы была переправа черезъ какую-то рѣчку, и вотъ теперь вся эта огромная масса наполнила собою всю деревню всѣ ея поры и стояла въ ожиданіи своей очереди. Большая часть людей повалилась на землю, и многіе изъ нихъ уже сладко храпѣли. Удивительно, какъ русскій человѣкъ любитъ спать. Самыя тревожныя минуты, повидимому, не могутъ помѣшать его намѣренію въ этомъ отношеніи. Казалось, какъ можно было спокойно храпѣть въ то время, когда ежеминутно можно было ожидать внезапнаго натиска непріятеля, а вотъ нашлись же такія сотни, а можетъ и тысячи людей, для которыхъ этотъ вопросъ былъ настолько не интересенъ, что они его совершенно игнорировали.

Послали у кого-то спросить—куда идти и какъ поступать, но посланный вернулся ни съ чѣмъ, доложивъ, что никто ничего не знаетъ, никакихъ приказаній и указаній получить не отъ кого.

А востокъ уже свѣтлѣлъ и, по мѣрѣ пробужденія дня, чувство все большаго и большаго безпокойства закрадывалось въ душу. Нужно было во что бы то ни стало распутать до наступленія дня эту толпу изъ повозокъ, орудій, людей и лошадей. Начальникъ штаба нашей дивизіи поѣхалъ съ цѣлью разслѣдовать мѣсто и вскорѣ вернувшись сообщилъ, что къ сѣверу отъ деревни тянется дорога и что самое лучшее слѣдовать по ней, потому что она куда-нибудь да приведетъ.

Пошли и дѣйствительно вышли на дорогу, когда уже было почти свѣтло, но, пройдя съ полъ-версты, вдругъ почему-то свернули влѣво и пошли цѣлиной по полю черезъ гаоляновыя грядки; потомъ снова повернули налѣво, потомъ направо, идя все время цѣлиной, и наконецъ вышли снова на какую-то дорогу. Впереди верстахъ въ двухъ видѣлась большая деревня, и къ ней-то видимо мы теперь и стремились, но съ какою цѣлью—про это никто не зналъ. Передніе идутъ—значитъ, и заднимъ нужно за ними тянуться,—вотъ единственное, что нами руководило въ данномъ случаѣ. Солдатъ не мало смущало то обстоятельство, что мы теперь двигались совершенно не въ томъ направленіи, куда было нужно: все время отходили на сѣверъ, а теперь почему-то пошли на западъ. Русскій простолюдинъ всегда прекрасно оріентируется и всегда даже и безъ звѣздъ можетъ опредѣлить, въ какую сторону

онъ идетъ, на это у него развито какъ бы чутье еще съ малолѣтства. Каждый понималъ, что произошла какая-то ошибка, но все же всѣмъ хотѣлось вѣрить въ то, что движеніе этихъ массъ войскъ не есть маршъ слѣпыхъ, идущихъ неизвѣстно куда, а есть осмысленная комбинація, заранѣе разсчитанная, продуманная.

Идемъ на западъ, а тѣ, которые остались въ деревнѣ, очевидно пойдутъ на сѣверъ; такъ, значитъ, и нужно, такъ и было предначерчено заранѣе высшими соображеніями, а что они не дошли до насъ своевременно, то на это конечно могутъ быть свои причины.

Такъ утѣшалъ себя каждый изъ тѣхъ, кто еще не утратилъ способности мыслить, но большинство изъ насъ были на столько утомлены, что шли, не отдавая себѣ рѣшительно ни въ чемъ отчета. Эти люди шли только потому, что машинально двигались ихъ утомленныя ноги, шли въ какомъ-то полузабытіи, какъ отравленные ядовитымъ дурманомъ, который заставилъ человѣка потерять способность къ воспринятію впечатлѣній. Часовъ въ 7 утра, мы подошли къ большой и богатой деревнѣ. Кажется, ея названіе было Сайтхоза. Здѣсь на гаоляновомъ полѣ стояли какіе-то баталіоны, которые собирались куда-то уходить. Роты были построены и сравнительно хорошо выравнены. Когда наше знамя подошло къ нимъ, то они отдали намъ воинскую честь, и это помню очень подбодрило нашихъ утомленныхъ людей. Мы входили въ деревню, а они уходили. Это тоже не могло не казаться страннымъ.

Каждому полку былъ назначенъ свой раіонъ, и люди начали расходиться по фанзамъ въ надеждѣ, что быть можетъ удастся хоть немного отдохнуть. Помню, что нашему полку пришлось преодолѣть какую-то ужасно глубокую и широкую канаву. Люди опускались на дно и подсаживали другъ друга на противоположный ея склонъ. Нѣкоторые старались забраться сами, царапаясь на крутизну съ помощью штыковъ, но большинство такихъ обрывалось и грузно скользило внизъ. Иной раза три продѣлывалъ такую операцію и все съ тѣми же результатами. Будь это въ другое, болѣе легкое время—сколько бы смѣху было надъ этими неуклюжими тяжелыми фигурами, безпомощно скользящими на карачкахъ на дно канавы, но теперь всѣ относились къ этому серіозно и не было ни смѣха, ни шутокъ. Лишь только слышалось временами: „ну ползи, каракатица кривоногая“, или: „чортъ толсто...“ произносимое тѣми, которые подсаживали неловкихъ и обезсиленныхъ товарищей.

Съ полчаса провозились мы въ этой проклятой канавѣ, и наконецъ полкъ собрался на противоположной его сторонѣ и пошелъ въ деревню.

Офицерамъ была отведена очень хорошая фанза, украшенная

причудливой рѣзьбой и красивыми художественно сдѣланными рамами въ большихъ окнахъ. На небольшомъ дворикѣ фанзы были разбиты изящные цвѣтники и клумбы, на которыхъ теперь конечно ничего не росло.

Хозяинъ фанзы оказался очень хитрымъ и нахальнымъ китайцемъ. Онъ все время заискивающе бѣгалъ отъ одного офицера къ другому и просилъ дать ему папироску, когда же ему протягивали портсигаръ, то тащилъ изъ него своей грязной лапой не одну, а цѣлую горсть.

Безпрестанно онъ напоминалъ о томъ, чтобы никто ничего не позволялъ бы себѣ трогать въ его обиталищѣ, и вообще надоѣдалъ всѣмъ своей глупой болтовней, отъ которой вѣяло слишкомъ прозрачной назойливостью. Офицеры наши изъ деликатности снисходительно молчали, а мы, находясь въ передней, только о томъ и думали, когда намъ будетъ приказано спровадить этого назойливаго и не симпатичнаго человѣка. Но приказанія объ этомъ такъ и не послѣдовало.

Въ фанзѣ было холодно, а въ животѣ голодно; солдатамъ заварили въ кухняхъ обѣдъ, но поспѣть онъ могъ еще очень не скоро.

Всѣ мы, кто гдѣ могъ, прилегли, намѣреваясь заснуть, но этого намъ не пришлось осуществить.

Вдругъ откуда-то прискакалъ ординарецъ и сообщилъ, что японцы наступаютъ и уже подходятъ къ деревнѣ, и что поэтому приказано какъ можно скорѣе уходить отсюда. Куда уходить, гдѣ непріятель и много ли его—объ этомъ посланный не имѣлъ конечно никакого представленія.

Пока будили утомленныхъ людей, пока они мѣшкотно и лѣниво одѣвались въ свою безобразную „сбрую“, пока строились—прошло добрыхъ полчаса времени, въ теченіе которыхъ непріятель не ждалъ.

Наконецъ, роты кое-какъ собрались, и полкъ пошелъ на сѣверъ отъ деревни, гдѣ, ставъ въ резервный порядокъ, началъ ждать приказанія.

Пока было тихо, хотя и замѣчалась нѣкоторая суета, которая была, пожалуй, вполнѣ естественна при данныхъ обстоятельствахъ. Видно было, какъ носились по всѣмъ направленіямъ ординарцы, развозя приказанія. Начальникъ дивизіи со своей небольшей свитой и съ казачьимъ конвоемъ спокойно объѣзжалъ полки, здороваясь съ людьми. Его спокойный видъ и тонъ голоса ободрительно дѣйствовалъ на солдатъ, и они дружно отвѣчали ему на привѣтствіе.

Видно было, какъ нѣкоторые полки нашей дивизіи уже начали двигаться на сѣверъ, и вскорѣ намъ пришло приказаніе двигаться въ хвостѣ колонны. Полкъ тогда продвинулся впередъ и сталъ вплот-

ную къ проходящимъ войскамъ, намѣреваясь занять въ колоннѣ указанное ему мѣсто.

Помню—мимо насъ проскакали какіе-то казаки; ихъ было сотни двѣ или три. На рысяхъ они двигались на востокъ какъ бы навстрѣчу ожидаемому непріятелю. Шли они сомкнутымъ строемъ и въ полномъ порядкѣ, и все это также ободрительно дѣйствовало на насъ, пѣхотинцевъ. Говорю о всемъ этомъ, желая отмѣтить о томъ, какъ на войнѣ нѣкоторыя, даже на первый взглядъ, мелочи оказываютъ огромное вліяніе на нравственный элементъ войскъ и, мнѣ кажется, военныя событія главнымъ образомъ и зависятъ отъ этого нравственнаго элемента; всѣ тактическія и даже стратегическія соображенія—не что иное, какъ только дополненія и придатки къ этой „душѣ" военнаго дѣла.

Не успѣла конница продвинуться и на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, какъ вдругъ съ востока на насъ полетѣли непріятельскія шимозы и шрапнели, засвистали пули ружей и пулеметовъ. Началось то, чего многіе ждали въ теченіе всей этой безпокойной ночи;—то ужасное, о чемъ не хотѣлось какъ-то думать. И теперь вотъ оно надвинулось на насъ, какъ мрачная туча, несущая съ собой градъ и непогоду, которую всѣ видѣли, и отъ которой всѣ открещивались.

Первые снаряды упали шагахъ въ двухстахъ къ востоку отъ колонны тянущихся по дорогѣ войскъ. Поднялись густые столбы дыма, послышался всѣмъ знакомый визгъ разлетающихся осколковъ. Солдаты засуетились и многіе, снявъ шапки, начали набожно креститься. А непріятель не зѣвалъ: снарядъ за снарядомъ летѣли къ намъ изъ его скрытой отъ нашихъ глазъ батареи; пули, посылаемыя невидимыми стрѣлками, жалобно стонали, летя въ нашу сторону. Къ счастію, японцы взяли невѣрный прицѣлъ, и снаряды ихъ давали то недолеты, то перелеты и въ двигающуюся колонну, а равно и въ стоящій на мѣстѣ нашъ полкъ ни одинъ изъ снарядовъ не попадалъ. Только лишь нѣкоторыя шрапнели, разрываясь высоко, осыпали насъ своими пулями. Артиллерія пошла на рысяхъ, торопясь уйти скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Высланные впередъ казаки быстро промчались назадъ, и ихъ скорое исчезновеніе непріятно на всѣхъ подѣйствовало.

Какой-то совершенно растерявшійся офицеръ, безусый и безбородый, суетился больше всѣхъ. Чуть не плача онъ кричалъ, обращаясь къ нашему командиру: „господинъ полковникъ, господинъ полковникъ, нужно куда-нибудь уходить, здѣсь нельзя стоять, насъ всѣхъ перебьютъ", и болѣе заглушая этимъ пронзительнымъ крикомъ обуявшій его ужасъ, онъ суетливо и безтолково бѣгалъ съ мѣста на мѣсто, не зная, что предпринять, и своею растерянностью только больше

смущалъ людей. Минута была очень мрачная и непріятная. Казалось, что вотъ, вотъ вся эта масса людей дрогнетъ и, заразившись паническимъ страхомъ, ринется безъ оглядки и побѣжитъ, не зная куда, какъ испуганное стадо барановъ.

Офицеровъ въ полку оставалось очень мало, и многими ротами командовали только-что произведенные зауръядъ прапорщики изъ нашихъ же фельдфебелей,—народъ, по правдѣ сказать, прекрасный и надежный въ боевомъ отношеніи.

Если бы прошла еще минута бездѣйствія, то конечно японцы успѣли бы къ намъ пристрѣляться, и Богъ знаетъ — чѣмъ бы все это кончилось. Но тутъ вдругъ раздался громкій голосъ, подавшій команду: „первыя три роты въ цѣпь".

Люди сразу ободрились, видя, что начальство еще не окончательно потеряло, голову, и назначенныя роты сейчасъ же отдѣлились отъ полка. Первымъ двумъ ротамъ приказано было быстро разсыпаться въ цѣпь вправо и влѣво, а третья должна была держаться въ резервѣ за серединой цѣпи. Когда все это было исполнено, то снова послышалась громкая команда, „цѣпи впередъ", и мы двинулись. Изъ офицеровъ съ этими ротами никого не было, а было только два зауръядъ-прапорщика:—доблестные и честные воины Ѳ. К., изъ коихъ первому суждено было сегодня переселиться въ лучшій міръ—и да будетъ ему вѣчная память, какъ свято и честно исполнившему свой солдатскій долгъ.

Третьей ротой командовалъ фельдфебель Н. Баталіонный командиръ вчера былъ убитъ, его же замѣститель почему-то не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ. Объ этомъ я не считаю нужнымъ много распространяться и, какъ солдатъ, не рискую критиковать поступки этого замѣстителя, изъ боязни высказать какое-нибудь лишнее и быть можетъ ошибочное сужденіе по адресу этого офицера. Помню, уже послѣ солдаты говорили много остроумнаго и ѣдкаго по этому поводу, но приводить ихъ остротъ и сужденій я не буду, хотя и склоненъ вѣрить въ то, что многое изъ этихъ сужденій было правдою.

И такъ мы пошли, а снаряды непрерывно неслись навстрѣчу: Бумъ-ву-у-у, бумъ-ву-у-у,—пѣли ехидныя шрапнели; тр-рахъ-тр-рахъ, вторили имъ шимозы; жикъ-жикъ, фр-р-р-піу-у-у—аккомпанировали имъ летящія и рикошетирующія пули, а мы шли впередъ и впередъ.

„Что-то будетъ, что-то будетъ?" помню, вертѣлась у меня назойливая мысль, а сердце такъ сильно трепетало въ груди.

Помню, что сознаніе долга и важности возложенной на насъ задачи по прикрытію отступающихъ товарищей заглушало собою всѣ прочія чувства, которыя, казалось, должны были хлынуть въ душу цѣлымъ потокомъ въ эту роковую минуту, когда вопросъ „быть или

не быть" сталъ прямо передъ умственнымъ взоромъ. Помню еще одно непріятное чувство, которое также сильно тревожило меня: это была боязнь того, чтобы намъ не очутиться отрѣзанными отъ прочихъ войскъ и не попасться въ плѣнъ къ непріятелю. Вѣдь насъ шло впередъ всего только три роты, изъ коихъ первыя двѣ понесли огромныя потери во вчерашнемъ бою въ Безымянной и въ общемъ, слѣдовательно, нашъ небольшой отрядъ представлялъ собою ничтожную горсточку.

Вотъ упалъ съ раскроеннымъ черепомъ зауряд-прапорщикъ Ѳ., упалъ и такъ и остался навсегда на этомъ чуждомъ и далекомъ отъ его родины полѣ; вотъ какъ-то грузно и съ громкимъ и жалобнымъ стономъ повалился сопровождавшій командира штабъ-горнистъ,—старикъ Б., о которомъ я уже говорилъ раньше. Какъ теперь помню его жалобный и почти изступленный вопль: „ой, ой, братцы, помогите; голубчики родные, помогите, кровью изойду". Осколкомъ снаряда ему перебило ногу, и кость вылѣзла наружу. Вотъ осколокъ хватилъ по головѣ ординарца К., молодого, красиваго и крайне симпатичнаго солдата, и онъ тоже упалъ, ткнувшись носомъ въ землю, глухо застоналъ отъ боли и тутъ же потерялъ сознаніе. Ихъ обоихъ удалось вынести, и они оба теперь, слава Богу, здоровы, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ съ перебитой ногой и поврежденнымъ черепомъ.

А мы все шли и шли.

Осколкомъ хватило по ногѣ командира; онъ посмотрѣлъ на сапогъ и, убѣдившись, что послѣдній не пробитъ, хромая пошелъ впередъ, но тутъ же порывисто схватился за правую руку. Я видѣлъ, какъ изъ рукава у него тонкой струйкой закапала кровь, но онъ продолжалъ идти, придерживая раненую руку здоровой. Помню, многіе изъ солдатъ, не будучи въ состояніи выносить этой пытки, ложились, и что называется „вростали" въ землю, стараясь спрятаться отъ огня; эти люди уже окончательно потеряли головы и едва-ли были пригодны для дѣла. Командиръ, подходя къ нимъ, говорилъ: „вставай, ребята, вставай; выручай товарищей"—и тогда они дѣйствительно вставали и устремлялись впередъ.

Такъ мы прошли приблизительно на версту впередъ и залегли за какими-то ничтожными бугорками. До японцевъ оставалось шаговъ 500—600, и мы лежали и лишь только изрѣдка перестрѣливались съ ними, но атаковать не рѣшались, потому что насъ было мало. Они тоже не шли впередъ, боясь вѣроятно попасть въ какую-нибудь ловушку, тѣмъ болѣе, что изъ рощи, расположенной шагахъ въ 500 назади и влѣво отъ насъ, также раздавались рѣдкіе выстрѣлы и, слѣдовательно, какая-то другая наша часть поддерживала насъ и

тѣмъ вводила непріятеля въ заблужденіе относительно количества нашихъ войскъ.

Молодой и храбрый вольноопредѣляющійся К. то и дѣло всматривался впередъ, не обращая вниманія на постоянно свистящія пули.

Я невольно посмотрѣлъ назадъ — на то поле, по которому мы только что шли подъ сильнымъ огнемъ. Оно было совершенно пустынно. Наши войска успѣли уже уйти, и видны были какіе-то одиночные люди, снующіе въ разныхъ направленіяхъ и какъ бы что-то отыскивающіе. Вѣроятно, это были санитары, которые подбирали раненыхъ.

Помню, меня странно поразила дальность разстоянія той деревни, отъ которой мы начали двигаться, и я никакъ не могъ повѣрить, чтобы въ то короткое время, которое прошло, какъ мнѣ показалось, отъ начала нашего наступленія, мы могли бы пройти столько: до деревни была по крайней мѣрѣ верста, а шли мы не быстро,—это я отлично помню, временами даже останавливаясь и поднимая залегшихъ и обробѣвшихъ людей. Вѣроятно, въ такія минуты человѣкъ утрачиваетъ понятіе о масштабѣ времени и, быть можетъ, часъ ему кажется за минуту, хотя приходилось нерѣдко слышать, что и минута иногда кажется часомъ, но развѣ не возможно допустить, что какъ то, такъ и другое вѣрно.

Вдругъ кто-то закричалъ: — „кавалерія, гляди, кавалерія насъ обходитъ", и множество глаза уставились въ ту сторону, куда указывалъ солдатъ, увидѣвши кавалерію.

— Да это наши, что попусту орешь,— слышались безпокойные голоса.

— Какъ же наши; держи карманъ: откуда имъ взяться нашимъ-то,—протестовали другіе.

— А казаки. Видалъ, какъ они впередъ насъ пошли.

— А не видалъ развѣ, какъ позади насъ они остались.

— Нѣтъ, не видалъ.—Ну стало и молчи, коли не видалъ.

Такъ спорили между собою люди, всѣ поглощенные вниманіемъ, наблюдая за кавалерійскою частью, которая показалась вправо отъ насъ и видимо старалась зайти намъ наперерѣзъ.

— Эхъ теперь бы орудію сюды, да по нимъ бы жарнуть;—во расползлись бы, какъ мураши по полю.

— Пулеметой однако лучше.

— Куды, пулемета не хватитъ: далеко; съ ней что изъ винтовки—все одно.

А пули и снаряды продолжали разсѣкать воздухъ.

Но ни пулеметовъ, ни пушекъ у насъ не было; конница же была

японская, и въ бинокль хорошо было видно, какъ она слегка галопировала въ сомкнутомъ строю.

Такъ какъ колонна нашихъ войскъ уже прошла, то и задача наша была окончена, а потому намъ оставалось только одно:—отступить какъ можно скорѣе и присоединиться къ полку. И вотъ началось это отступленіе подъ убійственнымъ огнемъ противника, который не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нанести намъ возможно бо́льшій уронъ. Огонь теперь достигъ до чрезвычайной силы. Люди валились, какъ снопы. То и дѣло слышались крики и стоны раненыхъ. Шрапнели, разрываясь низко надъ землею, вырывали жертву за жертвой. Вообще стало еще жарче, чѣмъ тогда, когда мы шли впередъ.

Каждый, отступая, думалъ, чтобы скорѣе дойти только до рощи, что была въ 500 шагахъ за нами и была занята нашими войсками; тамъ за этой рощей было уже безопаснѣе, потому что мы могли отходить скрытно.

Наконецъ, зашли за эту завѣтную рощу и здѣсь, встрѣтивъ небольшую часть другого полка нашей дивизіи подъ командою храбраго подполковника Б., вздохнули свободнѣе.

Послѣ этого потерь у насъ въ этотъ день больше не было, и къ вечеру мы прибыли въ деревню Мутурань, гдѣ командиру полка была сдѣлана первая перевязка какимъ-то проходящимъ врачемъ.

Н—чъ.

ПИСЬМО Е. Н. ЖУЛЕВОЙ [1]) ГР. В. Ѳ. АДЛЕРБЕРГУ.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства о доставленіи увѣдомленія, признаю ли я предъявленную на меня купцомъ Рябчиковымъ претензію правильною, имѣю честь доложить.

Въ 1852 г., еще до замужества моего, мужъ мой дѣйствительно бралъ въ лавкѣ купца Рябчикова въ кредитъ разные товары и состоялъ ему должнымъ, но долгъ этотъ (количество котораго совершенно мнѣ неизвѣстно) не былъ имъ уплаченъ, по случаю учрежденнаго надъ Рябчиковымъ, по несостоятельности его, конкурса. Впослѣдствіи же, когда Рябчиковъ объявилъ мужу, что дѣйствія этого конкурса уже прекратились, и просилъ какой-нибудь части въ уплату, то мужъ мой—не имѣвшій тогда въ наличности денегъ—несмотря, что кредитъ этотъ былъ сдѣланъ ему безусловно на неопредѣленное время, съ уплатою по мѣрѣ возможности, предложилъ ему получить сполна весь этотъ долгъ съ чиновника Телешова, на что Рябчиковъ изъявилъ полное согласіе, вслѣдствіе чего мужъ мой далъ Рябчикову къ довѣренному лицу письмо о выдачѣ ему, Рябчикову, слѣдующихъ (sic) денегъ, и затѣмъ всѣ между ними разсчеты были прекращены совершенно.

Почтительнѣйше излагая здѣсь все, что̀ только мнѣ извѣстно о претензіи купца Рябчикова, для совершеннаго оправданія себя предъ Вашимъ Сіятельствомъ, имѣю честь присовокупить, что я никакого участія въ этихъ разсчетахъ не принимала, никогда ему должною не состояла и до сего времени не могу постигнуть причинъ, какія побуждаютъ купца Рябчикова предъявлять претензію свою на меня, при чемъ обязанностію считаю доложить, что Рябчиковъ предъявлялъ свою просьбу на меня въ контору императорскихъ театровъ, но въ поданномъ мною туда отзывѣ я не сочла нужнымъ упоминать о вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, какъ относящихся исключительно до частныхъ дѣлъ моего мужа.

По правиламъ и образу жизни моей, я никогда не надѣялась навлечь на себя какія-либо жалобы, поэтому неосновательная и несправедливая просьба купца Рябчикова тѣмъ болѣе для меня обидна и прискорбна, что онъ осмѣлился оклеветать меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, единственнымъ моимъ покровителемъ и защитникомъ.

Жулева.

5 іюня 1856.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ

---

[1]) Извѣстная драматическая актриса, по мужу Небольсина, скончавшаяся въ 1905 году.

Ѳ. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка.

(Окончаніе).

V [1]).

Предыдущее изложеніе, кажется, достаточно подготовило насъ къ тому, какого отношенія къ Достоевскому мы можемъ ожидать со стороны его товарищей по каторгѣ поляковъ, и въ частности Токаржевскаго. Очевидно, это отношеніе не можетъ быть иное, какъ только отрицательное. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди стояли на двухъ совершенно противоположныхъ полюсахъ: что одинъ благословлялъ—то другіе съ скрежетомъ зубовъ проклинали; предъ чѣмъ одинъ съ умиленіемъ преклонялся—надъ тѣмъ другіе съ надменностью и презрѣніемъ издѣвались; что веселило и радовало одного—отъ того другіе демонстративно отворачивались.

„Въ январѣ 1850 года,—разсказываетъ Токаржевскій,—привели изъ Петербурга двухъ россійскихъ государственныхъ преступниковъ. Это были Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій—оба чрезвычайно слабые, нервно-разстроенные, пропитанные іодомъ и меркуріемъ, точно аптекарскія стклянки. Они были приговорены къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, а потомъ въ солдаты“. Оставляя въ сторонѣ то, что Токаржевскій говоритъ о Дуровѣ, перехожу прямо къ рѣчи о Достоевскомъ.

„Ѳ. М. Достоевскій—этотъ чрезмѣрно превознесенный беллетристъ, авторъ „Бѣдныхъ людей“, эта слава сѣверной столицы, сразу показался намъ человѣкомъ, который не доросъ до своей славы. Конечно, онъ обладалъ беллетристическомъ талантомъ, но я, не будучи литераторомъ, а простымъ смертнымъ, не хочу выска-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1910 г.

зывать своего мнѣнія о повѣстяхъ Достоевскаго, а также дѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія я вынесъ отъ чтенія его произведеній. Поэтому, не касаясь его повѣстей, перейду къ изображенію его характера. Какимъ образомъ онъ принималъ участіе въ демократическомъ движеніи, онъ, пышный изъ пышныхъ, и то пышный по той причинѣ, что онъ принадлежалъ къ привилегированной кастѣ?.. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ желать освобожденія крестьянъ, онъ, который чтилъ только одну касту и только за одною кастою—дворянствомъ признавалъ право верховенства надъ народомъ всегда и вездѣ? Дворянство, дворянинъ, дворяне, я дворянинъ, мы дворяне—повторялъ онъ постоянно, точно скворецъ, который умѣетъ и любитъ повторять только одно выраженіе.

Когда, обращаясь къ намъ, полякамъ, онъ говорилъ: мы дворяне, я всякій разъ прерывалъ его, говоря:

— Извините, я полагаю, что въ этомъ острогѣ нѣтъ дворянъ, а есть только люди, лишенные правъ состоянія, есть каторжники...

Тогда онъ приходилъ въ ярость.

— А вы, очевидно, радуетесь тому, что вы—каторжникъ, говорилъ онъ съ злостью и ироніей.

— Да, я радъ тому, что я—каторжникъ, *такой*, каковъ я есмь, отвѣчалъ я спокойно.

Итакъ, какимъ же чудомъ Достоевскій сдѣлался заговорщикомъ?.. Вѣроятно, помимо своей воли увлекся современнымъ движеніемъ, такъ же, какъ съ невольнымъ сожалѣніемъ заявлялъ, что волны заговора довели его до омской каторги".

Приведенная выписка достаточно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, насколько Токаржевскій желаетъ заявить свое умственное и нравственное превосходство предъ Достоевскимъ. По его словамъ выходитъ, что онъ, пожалуй, цѣлой головой былъ выше нашего писателя. Главный доводъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что Достоевскій часто ссылался на свое дворянство. Дѣйствительно въ „Запискахъ изъ мертваго дома" много разъ упоминается о каторжникахъ изъ „дворянъ", объ ихъ положеніи въ средѣ рядовыхъ арестантовъ, о несоразмѣрности для нихъ наказаній, однородныхъ съ тѣми, къ какимъ присуждаются преступники изъ простонародья. Какъ же такъ? Повидимому, Токаржевскій какъ будто и правъ, упрекая Достоевскаго въ важничаньи передъ арестантами, въ томъ, что онъ всегда и вездѣ старался выставить на первый планъ свое дворянское происхожденіе.

Къ сожалѣнію, если внимательнѣе прочесть то, что Достоевскій пишетъ по этому вопросу въ своихъ „Запискахъ", то окажется, что Токаржевскій или не понялъ или, лучше сказать, не хотѣлъ по-

нять того, что желалъ сказать Достоевскій, говоря о каторжникахъ изъ дворянъ. Увы, не Достоевскій кичился своимъ дворянствомъ передъ арестантами, а наоборотъ, арестанты постоянно давали ему чувствовать, что онъ—дворянинъ. Если Токаржевскій и его единоплеменники отворачивались отъ арестантовъ и даже отталкивали ихъ отъ себя, то Достоевскій, напротивъ, хотѣлъ до извѣстной степени сблизиться съ этой отверженной стихіей, заглянуть въ ея душу, проникнуть въ ея тайну и уловить движущій нервъ этой среды. Но арестанты всегда съ нескрываемымъ злорадствомъ давали ему понять, что онъ для нихъ чужой, что между ними и имъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, и это единственно потому, что онъ—дворянинъ.

Когда въ первые мѣсяцы каторги Достоевскій пошелъ на работу, и арестантамъ заданъ былъ урокъ, то всѣ дружно принялись работать. „Но относительно меня, пишетъ онъ, я замѣтилъ одну странность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь“. На него покрикивали, надъ нимъ безжалостно издѣвались. Когда послѣ этого онъ дѣйствительно сталъ въ сторонѣ, тотчасъ же закричали:

— Вотъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

„Все это, разумѣется было нарочно, потому что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и, конечно, они были рады случаю“.

Причина такого отношенія къ каторжникамъ изъ дворянъ заключалась въ томъ, что хотя крѣпостное право и доживало тогда свои послѣдніе дни, но все-таки оно существовало, и Россія по-прежнему дѣлилась на два враждебныхъ стана, которые не могли и не хотѣли понять и признать другъ друга.—„Да-съ, говоритъ Достоевскому Акимъ Акимычъ, дворянъ они не любятъ, особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ?“ Въ тонъ этой рѣчи одинъ изъ поляковъ въ первые дни каторги говорилъ Достоевскому:—„Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унизить. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя“.

По понятіямъ каторги дворянинъ, какъ утверждаетъ Достоевскій, долженъ былъ соблюдать и уважать передъ арестантами даже дворянское свое происхожденіе, т. е. нѣжиться, ломаться, брезгать ими фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. „Такъ именно, говоритъ онъ, они понимали, что такое дворянинъ. Они, разумѣется, ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ: *я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ*; но за то я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали поляки“.

Такимъ образомъ Достоевскій волей-неволей долженъ былъ считаться съ понятіями той новой среды, въ которой онъ неожиданно очутился, долженъ былъ принимать во вниманіе всю совокупность той бытовой обстановки, въ которую его бросила судьба. Говоря о дворянахъ, о дворянствѣ, Достоевскій лишь хотѣлъ показать, на сколько тяжела и невыносима была жизнь въ каторгѣ для человѣка, вышедшаго не изъ простонародья, вообще человѣка интеллигентнаго. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что слова „интеллигенція“, „интеллигентъ“, „интеллигентный“ еще не вошли тогда въ обиходъ русской литературы, и потому Достоевскій по необходимости пользовался общеупотребительнымъ, всѣмъ понятнымъ словомъ „дворянинъ“, тѣмъ болѣе, что въ то время слова „дворянинъ“ и человѣкъ „образованный“ были почти синонимы. „Ненависть, говоритъ Достоевскій, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе нѣскольких первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій болѣе подробно развиваетъ эту мысль, доказывая, что дворянину въ каторгѣ не можетъ быть одинаково тяжело, какъ и всякому мужику; при этомъ слово дворянинъ онъ варьируетъ словами человѣкъ образованный, человѣкъ изъ высшаго слоя общества, благородный, но нигдѣ не употребляетъ выраженія интеллигентный. „Дворянину, человѣку образованному, не потому тяжелѣе въ каторгѣ, что они чувствуютъ утонченнѣе, что они болѣе развиты, и не потому также, что наступаетъ перемѣна привычекъ, образа жизни, пищи и проч., хотя, конечно, все это дается имъ тяжелѣе, чѣмъ мужику, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ, по крайней мѣрѣ, сыто наѣдался. Нѣтъ, говоритъ Достоевскій, важнѣе всего этого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогъ, черезъ два часа по прибытіи, становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій

другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное—не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ, наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безсознательно. Не свой человѣкъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ".

Я привелъ обширныя, хотя далеко не полныя выписки изъ „Записокъ" Достоевскаго относительно положенія дворянъ на каторгѣ. Такъ, напр., я совсѣмъ не упомянулъ о томъ, какимъ издѣвательствамъ онъ подвергся, когда сталъ строиться вмѣстѣ съ другими арестантами заявлять „претензію". Разсказавъ объ этой „претензіи", Достоевскій въ заключеніе говоритъ: „Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно не ясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія". Сдѣлалъ я эти выписки не съ тѣмъ, чтобы защищать Достоевскаго отъ нелѣпыхъ обвиненій. Это была бы слишкомъ большая честь для моего слабаго пера. Полное собраніе сочиненій Достоевскаго служитъ достаточной для него защитой. Моя цѣль была только напомнить истинный смыслъ того, что сказалъ Достоевскій, когда говорилъ о дворянахъ во время пребыванія своего на каторгѣ. Но если бы даже онъ и сказалъ, что дворянинъ выше обыкновеннаго разбойника, то, вѣроятно, не много погрѣшилъ бы противъ истины. Право же, этотъ „міръ отверженныхъ" ничего, кромѣ ужаса, возбуждать не можетъ. Тѣмъ не менѣе Достоевскій не скрывалъ правды и относительно нѣкоторыхъ дворянъ, которые въ изображеніи его оказались хуже самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. „Образованіе, говоритъ онъ, уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзитъ и, какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій".

VI.

Обрисовавъ по-своему или, правильнѣе сказать, въ достаточной степени извративъ соціальныя воззрѣнія нашего писателя на дво-

рянство и крестьянство, Токаржевскій переходитъ къ дальнѣйшему изложенію нѣкоторыхъ подробностей политическихъ его взглядовъ.

„Достоевскій,—говоритъ онъ,—ненавидѣлъ поляковъ, потому что по чертамъ его лица и по фамиліи, увы! можно было узнать его польское происхожденіе; онъ говорилъ, что если бы зналъ, что въ его жилахъ течетъ хоть одна капля польской крови, то велѣлъ бы тотчасъ же ее выпустить. Какъ больно было слушать, когда этотъ заговорщикъ, этотъ человѣкъ, приговоренный къ казни за свободу и прогрессъ, заявлялъ, что тогда только почувствуетъ себя счастливымъ, когда всѣ народы перейдутъ подъ господство Россіи, подъ власть кнута. Онъ никогда не говорилъ, что Украйна, Волынь, Подолія, Литва, что, наконецъ, вся Польша—край „забранный“ (т. е. отнятый, завоеванный), но доказывалъ, что всѣ эти пространства являются исконною собственностью Россія, что рука Божіей справедливости отдала эти области, эти края подъ скипетръ царя, такъ какъ они не могли существовать самостоятельно и долго еще пребывали бы во тьмѣ, варварствѣ и бѣдности. Прибалтійскій край, по мнѣнію Достоевскаго,—это подлинная Русь; Сибирь и Кавказъ—тоже. Слушая эти мнѣнія, мы приходили къ убѣжденію, что Ѳ. М. Достоевскій въ извѣстныхъ пунктахъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ. Онъ же съ самодовольствомъ постоянно повторялъ эти абсурды. Онъ утверждалъ даже, что Константинополь давно долженъ принадлежать Россіи, какъ равно и вся Европейская Турція, которая въ недалекомъ будущемъ составитъ украшеніе Россійской Имперіи.

„Однажды Достоевскій продекламировалъ свое произведеніе—оду на будущее вступленіе побѣдоносной русской арміи въ Константинополь. Ода была дѣйствительна хороша, но, однако, никто изъ насъ не торопился съ похвалами, я же спросилъ:

— А на возвратный путь у васъ оды нѣтъ?

Онъ запылалъ гнѣвомъ, злился на меня, называлъ неукомъ и варваромъ, при чемъ такъ кричалъ, что по всему острогу каторжники стали говорить:

— Политическіе преступники дерутся.

Чтобы прервать эту сцену, мы всѣ вышли изъ казармы во дворъ.

По мнѣнію Достоевскаго, на свѣтѣ существуетъ только одинъ великій народъ, предназначенный къ возвышенной миссіи, это—русскіе. Французы еще немного похожи на людей, но англичане, нѣмцы, испанцы—это просто каррикатуры. Литература другихъ народовъ по сравненію съ русской литературой не больше, какъ пародія. Помню, когда я сказалъ, что у насъ въ 1844 г. объявлена была подписка на переводъ „Вѣчнаго жида“, то онъ сперва не хотѣлъ этому

вѣрить, а потомъ сказалъ, что это ложь. Но тутъ вмѣшался Дуровъ и увѣрилъ его въ справедливости моихъ словъ. Несмотря на это, онъ все еще не довѣрялъ, такъ какъ это было особенностью его натуры, чтобы каждый народъ, не говоря уже о ненавистныхъ ему полякахъ, лишить всего того, что въ немъ было великаго, прекраснаго, благороднаго; онъ желалъ все это уничтожить, стереть, сгладить, лишь бы парадоксами доказать превосходство русскихъ передъ остальными народами всего міра. Кромѣ того, Достоевскій часто дѣлался несноснымъ, прямо невозможнымъ въ спорахъ. Слишкомъ много думающій о себѣ и грубый, онъ вынудилъ насъ къ тому, что мы перестали съ нимъ спорить, а послѣ даже вовсе перестали съ нимъ разговаривать и не хотѣли его знать. Можетъ быть, эта неровность характера, эта возбудимость темперамента была у Достоевскаго признакомъ болѣзни. Онъ дѣйствительно былъ нервноразстроенный и больной. Исковерканность понятій Достоевскаго можетъ быть оправдана лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ воспитанникомъ кадетскаго корпуса.

Какимъ же образомъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, Ѳ. М. Достоевскій, попалъ въ каторгу, какъ государственный преступникъ? По его собственнымъ разсказамъ, онъ очень много читалъ. Несомнѣнно, картины великой французской революціи воспламенили его воображеніе, но это былъ соломенный огонь; несомнѣнно, въ твореніяхъ великихъ мыслителей онъ нашелъ высокія идеи, которыя проникали въ его мозгъ, нашли откликъ въ его сердцѣ. И это увлекло его на ту дорогу, съ которой онъ желалъ впослѣдствіи свернуть какъ можно скорѣе.

По выходѣ съ каторги Достоевскій былъ отданъ въ военную службу, въ батальонъ, стоявшій въ Семипалатинскѣ. Здѣсь, во время войны, онъ написалъ стихи, въ которыхъ императора Николая I поставилъ выше всѣхъ боговъ Олимпа и хотѣлъ, чтобы эти стихи были напечатаны въ газетахъ. Не знаю, были ли они дѣйствительно напечатаны. Очевидно, онъ разсчитывалъ угодничествомъ добиться уменьшенія наказанія, а можетъ быть, за диѳирамбъ получить еще щедрую награду. Приведенные факты вполнѣ оправдываютъ тотъ приговоръ, какой мы всѣ, бывшіе въ омской каторгѣ, вынесли о Достоевскомъ, именно, что онъ былъ человѣкъ слабаго характера. Что онъ ненавидѣлъ поляковъ—это можно ему извинить. Вѣдь, мы переносили и извиняли еще болѣе тяжкую ненависть, потому что „прирученный волкъ и пріятель по принужденію“ приносятъ мало пользы“.

На этомъ Токаржевскій заканчиваетъ свои воспоминанія о Достоевскомъ.

VII.

Что сказать объ этой странной, уродливой характеристикѣ? Какъ понять и чѣмъ объяснить эту злую, дикую каррикатуру на нашего великаго писателя, это безоглядное издѣвательство надъ нимъ? Съ одной стороны, человѣконенавистничество къ полякамъ и высокомѣріе передъ всѣми народами, съ другой—ода на взятіе Константинополя и угодничество передъ императоромъ Николаемъ I,—что все это значитъ? Чѣмъ объяснить такое неумолимое желаніе Токаржевскаго пригвоздить Достоевскаго къ позорному столбу?

Во всякомъ случаѣ, судя по тому, что Достоевскій пишетъ о полякахъ въ своихъ „Запискахъ", нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить, будто онъ ненавидѣлъ поляковъ. Объ этомъ необходимо упомянуть въ виду того, что хотя Токаржевскій писалъ свои воспоминанія въ Сибири, тотчасъ по выходѣ изъ каторги, т. е. одновременно съ тѣмъ, какъ и Достоевскій набрасывалъ свои „Записки", но затѣмъ, по возвращеніи въ 1883 году изъ вторичной 19-лѣтней ссылки, онъ, по его словамъ, дополнилъ ихъ подробностями, которыя первоначально опустилъ. Слѣдовательно, онъ могъ читать „Записки изъ Мертваго дома" и знать, какъ отозвался о полякахъ Достоевскій. И я имѣю основаніе полагать, что Токаржевскій читалъ ихъ и зналъ все это. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ Достоевскій изобразилъ поляковъ съ отрицательной стороны, тогда была бы понятна злоба противъ него со стороны Токаржевскаго, было бы естественно желаніе отомстить ему. Но однако въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ. Поэтому если кого и можно упрекнуть въ нетерпимости и исключительности, то отнюдь не Достоевскаго.

Оставляя въ сторонѣ легенду о польскомъ происхожденіи Достоевскаго, для сужденія о которой у меня нѣтъ матеріаловъ, обращаюсь къ тѣмъ страницамъ „Записокъ", въ которыхъ онъ говоритъ о полякахъ. Они удостоились такой чести, что онъ посвятилъ имъ хотя и не большую, но все-таки цѣлую главу. И здѣсь не только нѣтъ ни намека, ни даже тѣни какой-либо ненависти, но, напротивъ, звучатъ ноты самой глубокой грусти, самаго неистребимаго сочувствія и состраданія. При этомъ Достоевскій нисколько не скрываетъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ съ Токаржевскимъ, онъ разошелся, о чемъ тутъ же высказываетъ сожалѣніе. „Это было мнѣ очень жаль".

„Т—кій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ, однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—каго, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились

съ Б—кимъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—кимъ, кажется, разошелся впослѣдствіи за Б—каго, хотя долго крѣпился“. Подъ буквами Б—кій подразумѣвается Іосифъ Богуславскій, котораго Токаржевскій обыкновенно называетъ „Юзекъ“. Далѣе о Токаржевскомъ Достоевскій разсказываетъ такой эпизодъ.

„Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста ихъ первой ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—каго на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги (по словамъ Токаржевскаго около 700 верстъ), когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полъэтапа“. Объ этомъ эпизодѣ упоминаетъ также и самъ Токаржевскій, при чемъ добавляетъ, что арестанты считали его по этому случаю силачемъ и боялись задѣвать его. Въ предыдущей главѣ о томъ же Токаржевскомъ Достоевскій отзывается такъ: „Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то высказывалось въ каждомъ жестѣ его“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Достоевскій даетъ объ авторѣ воспоминаній самый симпатичный отзывъ, въ которомъ злѣйшій врагъ нашего писателя не можетъ усмотрѣть не то, что ненависти, а просто недобраго чувства къ полякамъ. Не менѣе симпатично говоритъ Достоевскій и о Богуславскомъ, изъ-за котораго весь сыръборъ загорѣлся, такъ что Достоевскій долженъ былъ разойтись съ нѣкоторыми изъ поляковъ. „Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда даже до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и впослѣдствіи разошелся съ Б—кимъ, но за то никогда не переставалъ любить его. Разойдясь съ Б—кимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—кимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ“. Отзывъ Достоевскаго о Богуславскомъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ основанъ не на поверхностномъ знакомствѣ его съ этимъ послѣднимъ, а на долгомъ и всестороннемъ изученіи. „Мы, говоритъ Достоевскій, года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили о нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. *Славный былъ онъ* человѣкъ; но убѣжденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣкотораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни *выстрадано*, такою *дорогою* цѣной они достались, что оторваться отъ нихъ уже

слишкомъ *больно, почти невозможно.* Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ *ѣдкостью* отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ *во многомъ,* можетъ быть, *онъ былъ правѣе и меня*—не знаю; но мы, наконецъ, разстались, и это было мнѣ очень больно; мы уже много раздѣлили вмѣстѣ".

Что, похоже все это на ненависть къ полякамъ? Не правда ли, сколько самой высокой терпимости, сколько самаго широкаго великодушія проявилъ Достоевскій въ этихъ строкахъ, въ которыхъ я нарочно подчеркнулъ болѣе выдающіяся слова. Онъ не только понимаетъ невозможность измѣнить выстраданныя, дорогой цѣной доставшіяся убѣжденія, но даже готовъ уступить въ правотѣ своихъ, тоже выстраданныхъ и не менѣе дорогой цѣной доставшихся убѣжденій. Какъ же послѣ этого назвать выходку Токаржевскаго, его упреки Достоевскому въ ненависти къ полякамъ, въ грубости и нетерпимости въ спорахъ? И развѣ можетъ быть рѣчь о грубости и нетерпимости въ отношеніи человѣка, о которомъ даже самый рѣшительный арестантъ въ каторгѣ Петровъ говорилъ, что онъ „слишкомъ доброй души человѣкъ" и „ужъ такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ".

Мы привели отзывы Достоевскаго о тѣхъ двухъ полякахъ, съ которыми онъ впослѣдствіи разошелся. Посмотримъ теперь, какъ онъ отзывается объ остальныхъ. „Съ М-кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, *уважалъ* его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недовѣрчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько іезуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывали его затаенный, глубокій скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа, страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однако же на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б-кимъ и съ другомъ его Т-кимъ".

Достоевскій былъ глубокій психологъ, умѣвшій заглянуть въ самые сокровенные тайники человѣческой души. Но замѣчаете ли вы, съ какой нѣжностью и деликатностью онъ затрогиваетъ чувствительныя ея струны. Каждый разъ въ подобномъ случаѣ онъ считаетъ нужнымъ обставлять свою рѣчь уступками и оговорками:

„можетъ быть, я не правъ", „можетъ быть, я ошибаюсь"... И вотъ послѣ этого говорятъ, что онъ былъ грубый, нетерпимый человѣкъ. Это тѣмъ болѣе обидно, что онъ не только вполнѣ понималъ тяжелое психическое состояніе поляковъ, но даже отчасти оправдывалъ тотъ тонъ, какой они усвоили по отношенію къ каторжникамъ. „Всѣ они были больные нравственно, желчные, раздражительные, недовѣрчивые. Это понятно—имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и, что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ".

Затѣмъ въ своихъ „Запискахъ" Достоевскій подробно говоритъ о Жоховскомъ, о которомъ уже было упомянуто. Онъ называетъ его человѣкомъ *честнымъ*, но нѣсколько страннымъ. Богуславскій и Токаржевскій его не любили и даже не говорили съ нимъ. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Все это очень характерно, особенно потому, что Токаржевскій изображаетъ дѣло такъ, будто поляки представляли единую, дружную семью, что называется, безъ сучка и задоринки. А на дѣлѣ, какъ оказывается, было иначе и все шло согласно поговоркѣ: гдѣ два поляка, тамъ три мнѣнія. Какъ бы то ни было, но и о Жоховскомъ Достоевскій говоритъ очень дружелюбно, настаивая въ особенности на томъ, что за свою набожность онъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей.

Наконецъ, объ остальныхъ полякахъ Достоевскій выражается такъ: „двое были еще очень молодые люди, присланные на краткіе сроки, малообразованные, *но честные, простые, прямые.* Третій, А-чуковскій (Анчиковскій), былъ уже слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б-мъ (Бемъ—по воспоминаніямъ Токаржевскаго), человѣкъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Это была грубая, мелкомѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обсчитанныя копейки. Онъ былъ безъ всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный".

Въ приведенныхъ выдержкахъ дано все болѣе существенное, что Достоевскій сказалъ о полякахъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома". Гдѣ же здѣсь ненависть къ полякамъ, или хотя бы даже тѣнь ка-

кого-либо недоброжелательства къ нимъ? Ничего подобнаго. Если бы Достоевскій дѣйствительно ненавидѣлъ поляковъ, то у такого необычайно искренняго человѣка, какъ онъ, это не могло бы не прорваться въ то время, когда онъ говоритъ о своихъ товарищахъ по каторгѣ, съ которыми прожилъ нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ даже разссорился. Между тѣмъ, что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Однихъ—тѣхъ именно, съ которыми разссорился, онъ любилъ, другихъ, хоть и не любилъ, но уважалъ, всѣхъ вообще считалъ прямыми, честными, добрыми, за исключеніемъ одного Бема, котораго изобразилъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ, но и то вовсе не потому, что онъ былъ полякъ, а просто потому, что это была мелкомѣщанская душа. Однако и у этого послѣдняго открылъ талантъ, именно—что онъ былъ прекрасный маляръ. Если такъ, то очевидно, что разглагольствованія Токаржевскаго о ненависти Достоевскаго къ полякамъ не болѣе, какъ неосновательная выдумка.

VIII.

Достоевскій, какъ извѣстно, хотя и не былъ правовѣрнымъ славянофиломъ, однако въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ этой школѣ. Въ объяснительномъ словѣ къ знаменитой Пушкинской рѣчи, напечатанной въ „Дневникѣ писателя“ за 1880 годъ, онъ говоритъ, что „представители славянофильства тутъ же, сейчасъ же вполнѣ согласились со всѣми ея выводами“ и далѣе прибавляетъ, что высказанное въ ней „новое слово“ вполнѣ соотвѣтствовало „духу и направленію партіи нашей“, разумѣя подъ „нашей партіей“ кружокъ славянофиловъ. Въ „Дневникѣ писателя“ за іюль—августъ 1877 года Достоевскій говоритъ прямо: „Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ славянофилъ“. Обрывки этого-то славянофильскаго ученія и пытается изобразить Токаржевскій, немилосердно утрируя основные его пункты.

Главный грѣхъ Достоевскаго Токаржевскій видитъ въ томъ, что онъ приписывалъ русскому народу міровую роль и тѣмъ самымъ будто бы хотѣлъ лишить остальные народы всего того великаго и прекраснаго, что они внесли въ общечеловѣческую сокровищницу культуры и цивилизаціи. На этотъ странный упрекъ прекрасный отвѣтъ далъ самъ Достоевскій. Указывая на „характернѣйшую черту художественнаго генія Пушкина—способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй“, онъ затѣмъ поясняетъ: „Но не для умаленія такой величины европейскихъ геніевъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, сказалъ я это; такой

глупенькій выводъ изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всемірность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина міровыхъ типовъ человѣка арійскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію".

Подмѣченная Достоевскимъ въ Пушкинѣ особенная черта его генія составляетъ, по мнѣнію Достоевскаго, отличительную особенность всего русскаго народа. „Народъ нашъ, пишетъ онъ, именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемірной отзывчивости и къ всепримиренію, и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего, я не могъ не выставить въ то же время, въ фактѣ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я обозначилъ то, что стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно, *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіями самаго духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль". Давая свое опредѣленіе славянофильства въ „Дневникѣ" за 1877 годъ, Достоевскій пишетъ, что „славянофильство, кромѣ объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и во истину уже въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ всемірнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, а преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдѣлу убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу, говоритъ Достоевскій, и я".

Само собою разумѣется, что предназначаемая Достоевскимъ русскому народу міровая роль вовсе не есть призывъ къ гордости. Въ этомъ именно смыслѣ былъ высказанъ ему упрекъ въ русской публицистикѣ еще послѣ Пушкинской рѣчи. Но онъ тогда же отвѣчалъ, что не къ гордости призывалъ русскій народъ, а лишь къ тому, чтобы русскій народъ „сталъ братомъ всѣхъ людей". „Неужели же, продолжаетъ онъ, свѣтлая надежда, что хоть когда-нибудь въ нашемъ страдающемъ мірѣ осуществится братство, и что и намъ, можетъ быть, *позволятъ стать братьями* всѣхъ людей, неужели

эта надежда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что къ всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено".

Въ такомъ же идеально-нравственномъ смыслѣ Достоевскій неоднократно говорилъ и о томъ, что рано-ли поздно-ли, а Константинополь долженъ быть нашъ. И это должно случиться само собою, потому что время пришло, но не для захвата и насилія, а для объединенія всѣхъ славянъ подъ крыломъ Россіи. Объединеніе же ихъ будетъ состоять не въ „уничтоженіи славянскихъ личностей предъ русскимъ колоссомъ, а для того, чтобы ихъ же возсоздать и поставить въ надлежащее отношеніе къ Европѣ и человѣчеству, дать имъ наконецъ возможность успокоиться и отдохнуть послѣ ихъ безчисленныхъ вѣковыхъ страданій; собраться съ духомъ и, ощутивъ свою новую силу, принести и свою лепту въ сокровищницу духа человѣческаго, сказать и свое слово въ цивилизаціи". На будущія политическія отношенія славянъ къ Россіи Достоевскій смотрѣлъ такъ, что Россія—„покровительница ихъ и даже, можетъ быть, предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ когда-нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили бы независимость и личность свою".

Я нисколько не удивился бы и ничего не нашелъ бы позорнаго въ томъ, если бы эти высокоидеальныя мечты Достоевскаго, которыхъ не въ состояніи былъ понять Токаржевскій, разрѣшились стихотвореніемъ на вступленіе русскихъ въ Константинополь. Столь же естественнымъ было со стороны Достоевскаго написать патріотическое стихотвореніе по поводу крымской войны. Съ началомъ военныхъ дѣйствій необычайный подъемъ патріотическаго одушевленія широкой волной прокатился по всей странѣ. Повсюду стали составляться ополченія, многіе шли на войну добровольцами, въ журналахъ и газетахъ того времени полился цѣлый дождь патріотическихъ стихотвореній. Чувствовалось, что затронута народная струна, которая такъ мощно прозвучала въ двѣнадцатомъ году. Конечно, такой искренній и отзывчивый, столь патріотически-настроенный человѣкъ, какъ Достоевскій, не могъ не откликнуться на тогдашнія событія, но подозрѣвать въ этомъ низменныя побужденія можетъ только Токаржевскій.

Весьма понятно, что Токаржевскій недоумѣвалъ, какимъ образомъ Достоевскій при его воззрѣніяхъ могъ попасть въ каторгу, но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ права говорить, что Досто-

евскій мечталъ о покореніи всѣхъ народовъ подъ власть кнута, такъ какъ по мысли Достоевскаго единеніе людей должно произойти на основахъ братства, а не въ силу завоеванія при помощи меча. При этомъ главную роль въ достиженіи этого единенія Достоевскій приписывалъ русскому народу, а это-то, надо полагать, и не нравилось Токаржевскому, который предпочелъ бы, чтобы эта роль принадлежала польскому народу. Такая постановка дѣла казалась ему тѣмъ справедливѣе, что по его понятіямъ польскій народъ является носителемъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ русскій народъ погруженъ въ глубокое варварство. Вотъ, напр., какъ Токаржевскій выражается о культурно-просвѣтительномъ значеніи поляковъ въ Сибири. „Мы, поляки-каторжники, въ Омскѣ, Тобольскѣ, Нерчинскѣ, на Уралѣ и въ иныхъ рудникахъ и крѣпостяхъ Сибири, мы, поляки, смѣло можемъ утверждать, что на этихъ сѣверныхъ окраинахъ мы были первыми сѣятелями цивилизаціи и здравыхъ нравственныхъ понятій. Мы не возбуждали тамъ никогда ненависти или мести, а напротивъ чувства любви и прощенія. Дружески протянутыя къ намъ руки, но только руки неоскверненныя и чистыя, мы искренно—по-братски готовы были пожать; къ нашей же несчастной родинѣ мы возбуждали горячее сочувствіе и удивленіе". Все это хорошо, но довольно напыщенно; съ другой стороны, тому, кто знаетъ, что̀ сдѣлали для умственнаго и нравственнаго подъема Сибири наши декабристы, работавшіе тамъ задолго до появленія въ ней ссыльныхъ поляковъ, тому—слова Токаржевскаго покажутся совершенно неумѣстными.

IX.

До сихъ поръ мы видѣли въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго отрицательныя черты: его враждебное отношеніе къ Достоевскому, презрѣніе къ товарищамъ по каторгѣ и при случаѣ самовосхваленіе. Что же положительнаго даютъ намъ эти воспоминанія и почему они достойны нашего вниманія?

„Записки изъ Мертваго дома" были привѣтствованы при своемъ появленіи, какъ произведеніе необычайно-реалистическое. Въ литературѣ и обществѣ въ то время былъ спросъ на подобныя произведенія; выше всего цѣнилась „трезвая правда". Эта репутація реализма впослѣдствіи упрочилась за произведеніемъ Достоевскаго въ русской критикѣ навсегда. Теперь, ознакомившись съ содержаніемъ воспоминаній Токаржевскаго, мы имѣемъ право сказать, что правильность сужденій русской критики о произведеніи Достоевскаго „Записки изъ Мертваго дома" можетъ быть подтверждена и доказана, такъ

сказать, документально. Дѣйствительно, въ этихъ „Запискахъ“ ни одного лица, ни одного разговора, ни одного слова нѣтъ выдуманнаго. Все это—подлинная жизнь, все это—живая реальная дѣйствительность, претворенная творческой фантазіей художника и развернутая передъ нами въ видѣ необъятной картины, полной самыхъ разнообразныхъ сценъ, типовъ, характеровъ и дѣйствій. Токаржевскій повторяетъ многое изъ того, что есть у Достоевскаго, напр., о наказаніи розгами Жоховскаго, о старикѣ-раскольникѣ, котораго всѣ каторжане, а особенно поляки, очень почитали, о евреѣ Исаіи Бумштейнѣ, о дворянинѣ Аристовѣ, котораго такъ не любилъ Достоевскій.

Мы видимъ, что реализмъ произведенія Достоевскаго простирается до того, что можно приводить подлинныя имена лицъ, имъ изображенныхъ. Нѣсколько такихъ именъ мы уже привели. Къ нимъ можемъ прибавить еще плацъ-маіора, котораго Достоевскій называетъ „восьмиглазымъ“, а Токаржевскій Васькой. Это былъ Василій Григорьевичъ Кривцовъ. Карьера его закончилась печально: онъ былъ отданъ подъ судъ и удаленъ отъ службы. Токаржевскій разсказываетъ между прочимъ такой эпизодъ по этому поводу.

Сосланный вторично на каторгу въ 1864 году, онъ проходилъ съ партіей арестантовъ черезъ Омскъ и захотѣлось ему вновь посмотрѣть тотъ острогъ, въ которомъ онъ провелъ семь лѣтъ. Повидавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, онъ возвращался на этапъ, какъ вдругъ на крѣпостномъ мосту его остановилъ какой-то нищій, слезливымъ голосомъ просившій милостыни. „Останавливаюсь, вынимаю портмоне, присматриваюсь и глазамъ своимъ не вѣрю. О, диво, этотъ нищій былъ Васька! Да, это былъ бывшій плацъ-маіоръ омской крѣпости В. Г. Кривцовъ. Въ первый моментъ я хотѣлъ отвернуться отъ этой противной гадины и уйти. Но потомъ раздумалъ, и мнѣ захотѣлось отомстить: я далъ ему рубль. Онъ поднялъ свои пьяные глаза, узналъ меня и снялъ шапку.

— Что съ вами, Василій Григорьевичъ?—спросилъ я.

— Богъ наказалъ меня за покойника Жоховскаго, за всѣхъ васъ. Простите.

Онъ хотѣлъ поцѣловать у меня руку, но я не далъ, увѣряя, что мы, поляки, давно забыли всѣ обиды и оскорбленія“. (Характерно, что даже и здѣсь Токаржевскій не преминулъ подчеркнуть благородство поляковъ).

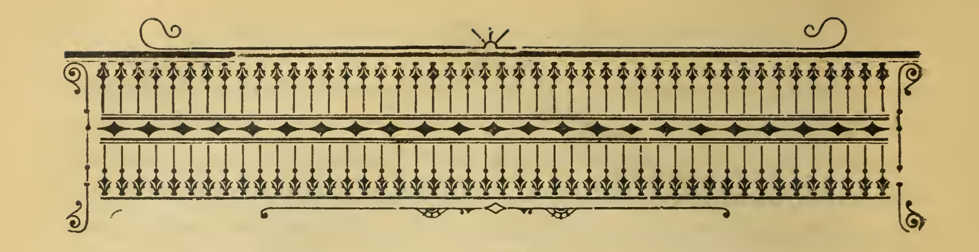
Мы уже указывали, какъ поразительно мѣтко изобразилъ Достоевскій поляковъ, бывшихъ въ каторгѣ, какъ проникъ въ ихъ душу, какими вѣрными чертами обрисовалъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. Токаржевскій какъ нельзя лучше подтверждаетъ все

это своими воспоминаніями. И это тоже положительная сторона его воспоминаній.

Наконецъ, тѣ же воспоминанія даютъ матеріалъ для освѣщенія еще одной мало изслѣдованной подробности въ писательской дѣятельности Достоевскаго. До сихъ поръ многіе, вопреки увѣреніямъ самого Достоевскаго, полагали, что каторга изломала, исковеркала его, что она гибельно повліяла на него, заставивъ кореннымъ образомъ измѣнить свои убѣжденія, что тѣ идеалы, тѣ свѣтлыя надежды и мечты, которыя онъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно же въ „Дневникѣ писателя“, были полною противоположностью идеаловъ и взглядовъ, проводимыхъ имъ на зарѣ его писательства. Воспоминанія Токаржевскаго являются въ настоящее время документомъ, вполнѣ опровергающимъ это предвзятое мнѣніе. Оказывается, что тѣ же идеи, которыя съ такимъ блескомъ, съ такою силою вполнѣ созрѣвшаго таланта Достоевскій развивалъ въ послѣдніе годы своей жизни, онъ высказывалъ еще въ каторгѣ.

В. Храневичъ.

Наброски изъ моей жизни.

Будучи среднимъ, такъ сказать, человѣкомъ, которыхъ на Руси цѣлые милліоны, я никогда не думалъ писать не только о своихъ воспоминаніяхъ, но даже какія бы то ни было замѣтки о своей жизни. Только теперь, на восьмидесятомъ году, уступая настоянію моихъ дѣтей, желающихъ, чтобы я оставилъ послѣ себя имъ на память какой-нибудь слѣдъ своей жизни, кромѣ сухого формуляра, я позволяю себѣ выступить съ настоящими набросками.

I.

Въ теченіе восьмидесятилѣтней моей жизни неизбѣжно я встрѣчалъ массу лицъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, общественныхъ и служебныхъ положеній и профессій, съ которыми приходилось сталкиваться по разнымъ причинамъ, а иногда и совмѣстно работать. Въ жизни же моей мнѣ пришлось столкнуться съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ лицъ, стоящихъ во главѣ министерствъ до политическаго убійцы Мезенцова. Въ воспоминаніяхъ этихъ моя личность будетъ фигурировать только какъ ничтожная точка, вокругъ которой случайно вращались люди, имѣющіе полное право на власть и авторитетъ и оказавшіе въ свое время большія заслуги.

Отецъ мой былъ служивый дворянинъ и занималъ мѣсто совѣтника правленія Государственнаго заемнаго банка, давно уже не существующаго. На мѣстѣ, гдѣ было это учрежденіе, нынѣ помѣщается Государственная комиссія погашенія долговъ. Какъ всѣ

дворяне того времени, онъ, чуть ли не съ самаго моего рожденія, записалъ меня кандидатомъ въ I й кадетскій корпусъ.

Я знаю, что отецъ совѣтовался со своимъ сослуживцемъ Ѳ. Ѳ. Кобеко. Такъ какъ дѣти послѣдняго воспитывались въ Лицеѣ, то онъ совѣтовалъ и отцу моему подготовить меня туда же. Хотя отецъ и имѣлъ на то право, но не имѣлъ средствъ для моей подготовки, ибо съ семьею изъ жены и троихъ сыновей существовалъ только на казенное содержаніе, не оставивъ послѣ себя никакого состоянія вдовѣ, кромѣ нищенской пенсіи того времени. Хотя впослѣдствіи, уже будучи офицеромъ, я обращался къ бывшему въ то время министромъ финансовъ Броку объ увеличеніи пенсіи вдовѣ, мужъ которой прослужилъ болѣе 50-ти лѣтъ, но кромѣ сухого отказа ничего не получилъ.

Такимъ образомъ вопросъ о Лицеѣ отпадалъ самъ собою, и отецъ записалъ меня кандидатомъ въ I-й кадетскій корпусъ, за что я благодаренъ ему и по сію пору.

Отецъ, до самаго вечера занятый службой, воспитаніе мое вполнѣ предоставилъ матери, которая, однако, когда мнѣ наступилъ 10-й годъ, рѣшительно заявила отцу, что она, вслѣдствіе крайней живости моего характера, не можетъ даже отвѣчать за мою жизнь. Тогда они вдвоемъ рѣшили меня сбыть въ какое-нибудь казенное учебное заведеніе. Не знаю, какія отношенія тогда существовали между моимъ отцомъ и нѣкіимъ инженернымъ генераломъ Рербергомъ, знаю только, что по его протекціи, я поступилъ въ Учебный морской и рабочій экипажъ. Что это было за заведеніе, я теперь ничего не могу сказать; помню только имена двухъ бывшихъ въ то время ротныхъ командировъ Гордіенко и Златковскаго, да начальника полковника Щитовскаго. Пробылъ я тутъ не долго, ибо мнѣ исполнилось 10 лѣтъ отъ роду, и отецъ какъ разъ въ это время получилъ изъ 1-го кадетскаго корпуса увѣдомленіе о пріемѣ меня въ корпусъ.

Но тутъ у него возникло сомнѣніе: такъ какъ я уже былъ пристроенъ на казенный счетъ, и мнѣ во всякомъ случаѣ предстояло быть офицеромъ, ибо въ этомъ экипажѣ были и офицерскіе классы, то вопросъ сводился къ тому, стоитъ ли перемѣнять одно заведеніе на другое. Не беря на себя рѣшать мою судьбу, отецъ предоставилъ это мнѣ, и я, неизвѣстно почему, нашелъ, что лучше остаться въ экипажѣ. Но судьба моя оказалась далеко не въ тѣхъ рукахъ, которыя имѣли право распоряжаться ею, и на жизненный путь меня направила женщина, которая меньше всѣхъ имѣла право распоряжаться мною. Это была няня, служившая въ домѣ отца болѣе десяти лѣтъ. Она присутствовала при совѣщаніи и ничего не говорила. Но когда я остался одинъ съ нею, она сказала только одну фразу:

„и охота тебѣ, Сереженька, въ матросы идти, и будутъ тебя всю жизнь называть матросъ смоленая ж-а“. Эта фраза такъ на меня подѣйствовала, что я на другой день со слезами на глазахъ заявилъ отцу, что хочу быть кадетомъ, а матросомъ быть не желаю.

И вотъ, на слѣдующій день отецъ повезъ меня въ корпусъ на Васильевскій Островъ. Часто мнѣ приходится сравнивать тогдашній пріемъ съ нынѣшнимъ, и сравненіе это далеко не въ пользу нынѣшняго. При тогдашнемъ пріемѣ у родителей не болѣло сердце за своихъ дѣтей; отвозя сыновей въ корпусъ, они знали, что сынъ ихъ во всякомъ случаѣ пристроенъ, получитъ даромъ, если не воспитаніе, то образованіе, будетъ сытъ и одѣтъ, не требуя отъ родителей ни копѣйки денегъ. Не только конкурснаго экзамена не было, но испытаніе въ познаніяхъ не могло даже назваться экзаменомъ. Родителямъ не приходилось, какъ это случается нынѣ, пріѣзжать изъ-за тысячи верстъ и возвращаться обратно ни съ чѣмъ, а только со слезами на глазахъ.

Въ пансіонѣ у какой-то мадамы на Гороховой улицѣ я выучился читать и писать по-русски, запомнилъ нѣсколько басенъ, нѣсколько разговорныхъ фразъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и четыре правила изъ ариѳметики. Но всѣ эти мои познанія, сколько помню, очень хромали во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я удостоился пріема и сталъ кадетомъ.

На слѣдующій день насъ еще въ собственныхъ платьяхъ разсадили въ классъ; былъ урокъ французскаго языка, который преподавалъ Мирандъ. Между поступившими и сидѣвшими въ классѣ новичками было много и кадетъ, оставшихся на второй годъ въ томъ же классѣ. До прихода учителя эти кадеты тотчасъ же приступили къ намъ, новичкамъ, преподавая правила поведенія. Правила эти, болѣе или менѣе, извѣстны и свойственны всѣмъ закрытымъ заведеніямъ. Запомнить ихъ не представляло большого труда: кадетскій катехизисъ былъ довольно кратокъ и простъ. Существенные принципы его состояли въ томъ, чтобы не жаловаться на побои, не выдавать товарища, не признаваться въ содѣянномъ проступкѣ и пр.

Было еще одно правило, почерпнутое, вѣроятно, изъ обыденнаго общежитія. Существуетъ, говорятъ, давній обычай, что кража собаки и книги не есть воровство. Это до такой степени бываетъ часто, что одинъ мой знакомый нѣкто Кузьминъ всегда на 25-й страницѣ купленной имъ книги писалъ: сія книга украдена у П. А. Кузьмина.

Такой принципъ былъ введенъ кадетами на счетъ съѣстного и гласилъ „воровать другъ у друга съѣстное не грѣхъ“. Это правило особенно тщательно соблюдалось, и кадеты самые честные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ практиковали этотъ узаконенный кадетскими

правилами грабежъ въ большомъ размѣрѣ. Но это практиковалось отнюдь не посредствомъ насилія, а какимъ-нибудь ловкимъ и хитрымъ способомъ. Но потомъ я убѣдился на себѣ, что многіе старые кадеты упростили этотъ способъ добыванія съѣстного; вмѣсто изобрѣтенія всякихъ хитростей, они просто приказывали кадетамъ младшаго возраста приносить себѣ изъ отпуска съѣстное. И это исполнялось точно, ибо въ противномъ случаѣ ожидалась, какъ нынѣ говорится, репрессія. Про себя я, по правдѣ не могу сказать, чтобы очень много отъ этого терпѣлъ, ибо если и приносилъ что-нибудь изъ дому, то весьма немного, да потомъ и сторожилъ свое съѣстное съ усиленной охраной. Къ тому же надо прибавить, что изъ числа отпускныхъ дней врядъ ли половина приходилась на мою долю, я думаю, что большинство изъ нихъ я просидѣлъ безъ отпуска. О причинахъ этого мнѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже, а теперь я перехожу прямо къ кадетской жизни.

Нынѣ безпрестанно слышится и отъ родителей и отъ воспитательнаго персонала о переутомленіи дѣтей и юношей. Въ наше время мы и понятія не имѣли объ этомъ словѣ, хотя были заняты почти весь день. Нашъ режимъ былъ слѣдующій: въ 5½ часовъ мы по звуку барабана должны были вставать; время до 7 часовъ полагалось на молитву, осмотръ чистоты платья, сапогъ, рукъ и завтракъ, который состоялъ изъ габеръ-супа и бѣлаго хлѣба. Въ мое время эта утренняя пища, вскорѣ послѣ моего вступленія въ корпусъ, была замѣнена сбитнемъ съ булкою. Съ 7 до 8 часовъ шли занятія въ залахъ, а съ 8 до 11 были двѣ лекціи въ классахъ, отъ 11 до часу были занятія фронтомъ, гимнастикою, танцами, фехтованіемъ, а въ старшемъ классѣ верховою ѣздою. Отъ часу до трехъ обѣдъ и занятія. Но для занятій уроками почти ничего не приходилось, ибо послѣ обѣда насъ, разставя около своихъ кроватей, учили, какъ отвѣчать начальству, если оно поздоровается, и какъ раскланиваться, если это начальство съ своей стороны удостоитъ насъ своимъ поклономъ. Все это дѣлалось на случай пріѣзда Императора Николая Павловича или В. К. Михаила Павловича, бывшаго въ то время Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ обѣда и усиленныхъ поклоновъ воображаемому начальству, въ 3 часа начинались вечерніе классы до 6 часовъ. Въ 8 ужинали, а въ 9 должны были лечь спать. И при такомъ режимѣ мы въ большинствѣ не чувствовали никакого утомленія, а были свѣжи, бодры, выдумывали всякія школьныя продѣлки надъ своими офицерами и веселились во всю.

И вотъ при такомъ режимѣ въ 1840 году, я попалъ въ неран-

жированную роту, которою командовалъ капитанъ Михаэль. Это былъ человѣкъ средняго роста съ черными волосами, небольшими усиками и весьма серьезнымъ лицомъ. На меня онъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе, и я какъ бы почувствовалъ, что отъ него мнѣ придется испытать много непріятнаго, что̀ и случилось въ дѣйствительности.

По прибытіи въ роту насъ заставили выучить наизусть такъ называемое словесное ученіе, состоящее въ заучиваніи именъ и чиновъ всего начальства. Я до сихъ поръ помню, что директоръ корпуса былъ генералъ Годеинъ, батальонный командиръ полковникъ Вишняковъ, инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, его помощникомъ А. І. Даниловскій, старшій докторъ М. Д. Сольскій.

Во время бытности моей въ корпусѣ перемѣнилось три директора, первымъ былъ, какъ я уже сказалъ, генералъ Годеинъ. О немъ я не могу сказать ничего, ибо онъ рѣдко бывалъ въ классахъ или дортуарахъ; да къ тому же онъ былъ при мнѣ не долго. Я помню только его фигуру во время посѣщенія имъ классовъ. Обыкновенно онъ проходилъ по классамъ въ ермолкѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и, хлопая себя по животу, говаривалъ: „изъ каждаго класса по два человѣка“. Къ моему величайшему изумленію и неудовольствію въ числѣ этихъ двухъ или трехъ человѣкъ, какъ-то очень часто попадался я, хотя почти никогда не могъ додуматься, какое такое ужасное преступленіе совершилъ, чтобы подвергаться столь часто тѣлесному наказанію. А тѣлесное наказаніе было тѣмъ болѣе жестоко, что оно находилось въ рукахъ ротнаго командира. Каждый изъ нихъ могъ безнаказанно тиранить дѣтей, сколько ему угодно, и мой ротный капитанъ Михаэль пользовался этимъ безгранично. О немъ нѣсколько лѣтъ назадъ говорилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нынѣ покойный Жемчужниковъ, бывшій нѣкоторое время въ корпусѣ. Каждое утро, послѣ завтрака, онъ приходилъ въ роту и, получивъ рапортъ отъ дежурнаго офицера о поведеніи кадетъ, вызывалъ виновныхъ, обыкновенно человѣка четыре, требовалъ розогъ, и начиналась при посредствѣ четырехъ служителей кровавая расправа. Надо замѣтить, что наказаніе не всегда сообразовалось со степенью вины; кадетъ, почему-либо заслужившій симпатію Михаэля, избѣгалъ слишкомъ суровой кары, а дурной, по его мнѣнію, кадетъ иногда подвергался наказанію за оторванную пуговицу, невычищенныя сапоги и т. п. Но были у него любимчики, родители которыхъ имѣли возможность платить ему за чай, которымъ онъ поилъ ихъ дѣтей два раза въ день.

Не знаю, потому ли, что я часто попадался въ шалостяхъ, а иногда, надо правду сказать, былъ иниціаторомъ разныхъ продѣлокъ,

Михаэль не взлюбилъ меня съ перваго раза, и начало дурной репутаціи, которая сопровождала меня до самаго выпуска въ офицеры, было положено имъ. Я думаю, что рекомендація Михаэля переходила изъ роты въ роту вмѣстѣ со мною, а каждый ротный командиръ принималъ эту аттестацію на вѣру и, получивъ меня, уже заранѣе предрекалъ мнѣ мою будущность. Такъ, пока я былъ у Михаэля, онъ не разъ говорилъ мнѣ: „Не думай, что ты хорошо учишься, то будешь офицеромъ, твоя дорога прямо въ кантонисты, ибо поведеніе твое изъ рукъ вонъ—плохо".

И хотя я инстинктивно чувствовалъ, что ничего безнравственнаго не дѣлалъ, ни въ чемъ позорномъ не былъ замѣченъ, и къ счастью былъ любимъ товарищами, которые никогда меня не выдавали, тѣмъ не менѣе, я надъ угрозой своего замѣчательнаго педагога иногда задумывался. Мнѣ было жалко моего старика-отца, который чуть не каждую субботу самъ приходилъ за мною и вмѣсто того, чтобы взять меня съ собою въ отпускъ, кланялся Михаэлю, выслушивалъ исторію моихъ проказъ за недѣлю и чуть не плача уговаривалъ меня остепениться. Къ стыду своему долженъ признаться, что все это дѣйствовало на меня моментально, я горько плакалъ, раскаивался, но чрезъ нѣкоторое время кипѣвшая кадетская жизнь увлекала меня въ свой омутъ, и я уже снова или стоялъ во главѣ какой-нибудь затѣи или былъ горячимъ участникомъ въ ней.

Слѣдующіе за Михаэлемъ ротные командиры, получивъ мою аттестацію, уже повысили меня въ рангѣ и вмѣсто кантонистовъ стали стращать юнкерами, говоря: „Хотя не много малъ ростомъ, но ничего—въ юнкера годишься. Вотъ твоя настоящая дорога".

И такъ мнѣ предстояла весьма плачевная участь, если бы не явился на сцену мой благодѣтельный геній, въ лицѣ директора корпуса генерала Шлиппенбаха.

Вступленіе Шлиппенбаха въ должность директора произвело на всѣхъ грозное впечатлѣніе. Обходя, однажды, классъ, онъ вызывалъ всѣхъ, у кого были дурные баллы. Набравъ такихъ десятка два, онъ приказалъ принести розги и началъ расправу. Наказаніе не было жестоко, но всѣ были пересѣчены. Этотъ день былъ нами названъ днемъ „сорока мучениковъ. Припоминаю одинъ случай, бывшій съ Дометти. Получивъ свою порцію и одѣваясь, онъ имѣлъ неосторожность сказать, что онъ не виноватъ, ибо у него нѣтъ способности.

— Нѣтъ способности, бѣдный мальчикъ, ты бы такъ мнѣ и сказалъ, ну, положите его еще; дайте ему способности.

И несчастнаго Дометти положили снова, нѣсколькими ударами придали ему способности и отпустили съ миромъ.

И этотъ Дометти, уже рѣшившійся не кончить курса и выйти въ гарнизонный баталіонъ, дошелъ до спеціальныхъ классовъ, вышелъ въ офицеры и, кажется, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ мое время въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ гарнизонный баталіонъ, называвшійся баталіономъ внутренней стражи. Командирами этихъ баталіоновъ назначались, если не исключительно, то по преимуществу гвардейскіе офицеры. Кромѣ того, при батальонѣ находились инвалидныя и этапныя команды. Офицерами въ этихъ батальонахъ и командахъ были выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.

И вотъ въ такое-то общество добрые наставники и выбрасывали часто молодежь. Я не скажу, чтобы это поощрялось начальствомъ, и чтобы выкидывалось за бортъ очень много, но смѣло скажу, что не знаю примѣра, чтобы кто-нибудь теплымъ словомъ уговорилъ кадета хоть какъ-нибудь кончить курсъ и выйти въ армію, а не въ юнкера или въ гарнизонъ. Никто не рисовалъ ему картину предстоящей жизни среди почти всегда пьяныхъ будущихъ товарищей; никто не останавливалъ его, когда онъ, ходя по залу, громко распѣвалъ:

Мы знаемъ твердо нашъ законъ
И на судьбу свою не ропщемъ.
И, чтобы выйти въ гарнизонъ,
Довольно быть въ чéтвертомъ общемъ.

Отпраздновавъ сорокъ мучениковъ, Шлиппенбахъ сдѣлалъ крутой переломъ; самъ онъ наказывалъ тѣлесно очень рѣдко и не жестоко, но ни одинъ ротный командиръ не могъ своею властью высѣчь кадета. Не знаю, было ли это распоряженіе свыше или иниціатива принадлежала самому Шлиппенбаху, могу сказать только, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, зналъ почти каждаго кадета, обращался съ нами очень ласково и даже простилъ мнѣ крайне необдуманный поступокъ.

Такъ какъ многіе не ходили въ отпускъ, потому, что не имѣли въ городѣ ни родителей, ни знакомыхъ, а между тѣмъ были на хорошемъ счету, то имъ дозволялись нѣкоторыя вольности и между прочимъ кататься верхомъ въ манежѣ съ разрѣшенія не помню чьего. Должно быть, ротнаго командира. Какъ бы то ни было, въ одно изъ воскресеній, почему-то такого разрѣшенія не дали. Между тѣмъ, многихъ разбирала охота покататься верхомъ, но они не знали, что дѣлать. Тогда на помощь имъ явился я.

— Давайте, я вамъ подпишу разрѣшеніе—сказалъ я.—Никакъ ты съ ума сошелъ; тебя за это непремѣнно выгонятъ изъ корпуса, развѣ можно подписываться подъ чужую руку.

— Зачѣмъ подъ чужую; я подпишу какъ слѣдуетъ свою фамилію.

Верховой ѣздѣ обучалъ берейторъ Бирнбаумъ; но самъ онъ рѣдко бывалъ, а обыкновенно обучалъ берейторъ унтеръ-офицеръ Слажневъ безграмотный, какъ всѣ нижніе чины того времени. Когда онъ получалъ разрѣшительную записку, то дѣлалъ видъ будто бы ее читаетъ, на самомъ же дѣлѣ онъ считалъ подчеркнутыя фамиліи и по числу этихъ фамилій приказывалъ осѣдлывать назначенное число лошадей. Мы всѣ это очень хорошо знали. И вотъ я, не долго думая, взялъ бумагу и написалъ выдать лошадей Иванову 1, Иванову 2, Иванову 3 и Иванову 4-му; всѣ фамиліи подчеркнулъ и подписалъ заслуженный кадетъ Зыковъ.

Я такъ мало думалъ объ этомъ неосторожномъ поступкѣ, что тотчасъ же и забылъ его, будучи увѣренъ, что подпись моя никогда не выйдетъ наружу, ибо никакъ не предполагалъ, чтобы берейторъ хранилъ эти записки или передавалъ ихъ кому-нибудь.

Каково же было мое удивленіе и страхъ, когда въ одинъ прекрасный день Шлиппенбахъ вошелъ въ роту, съ какою-то бумажкою въ рукѣ и произнесъ совершенно спокойно:

— А кто тутъ у васъ заслуженный кадетъ? Поди-ка сюда.
Я стоялъ и молчалъ.

— Что же, братъ, заслуженный, напакостить съумѣлъ, а отвѣчать боишься.

Я вышелъ впередъ.

— Ну, теперь выходите четыре Иванова.

Никто не выходилъ; Шлиппенбахъ, выждавъ немного, обратился ко мнѣ.

— Ну, такъ ты, заслуженный, покажи четырехъ Ивановыхъ, которые тебѣ повѣрили.

Я конечно молчалъ, а потомъ сталъ говорить, что это было такъ давно, что не помню и никого не могу назвать. Шлиппенбахъ, зная кадетскую жизнь и будучи человѣкомъ добрымъ, хорошо понималъ, что я не выдамъ товарищей, и прибѣгать къ тѣлесному наказанію не желалъ, почему, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Учишься ты хорошо, но шалишь много, а за такую шалость слѣдовало бы тебя посѣчь, ну, да ужъ Богъ съ тобой. Посадите его подъ арестъ, да не пускайте его въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ, пусть посидитъ и опомнится.

Услышавъ такую милостивую и столь неожиданную резолюцію, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, разсчитывая угодить въ юнкера. Я вдругъ почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ; мнѣ стало какъ-то совѣстно за самого себя, и въ эту минуту я искренно

раскаивался въ своемъ поступкѣ и готовъ былъ подвергнуться какому угодно наказанію.

Прошелъ мѣсяцъ, и я былъ уже у Шлиппенбаха на одномъ изъ вечеровъ, устраиваемыхъ имъ у себя дома, куда приглашались нѣкоторые кадеты, проводя время среди его семьи, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ дочерей.

Прошло мѣсяца два, и Шлиппенбахъ, придя однажды въ роту, обратился къ ротному командиру съ вопросомъ:

— А что, заслуженный кадетъ какъ ведетъ себя?

— До сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ не былъ.

— Ну, такъ вы произведите его въ ефрейторы, учится онъ хорошо, а шалить перестанетъ; ему совѣстно будетъ шалить.

Такой сюрпризъ меня ошеломилъ, ничего подобнаго я не ожидалъ и даже не понималъ.

Видя къ себѣ такое доброжелательное отношеніе, я дѣйствительно прекратилъ свои школьныя выходки и уже ни въ чемъ не попадался. Къ сожалѣнію, Шлиппенбахъ вскорѣ оставилъ корпусъ. Причиною удаленія его было то обстоятельство, что онъ съ какимъ-то другимъ компаніономъ пустилъ по Невскому проспекту омнибусы. Это не понравилось Императору Николаю Павловичу, и онъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній.

Съ удаленіемъ Шлиппенбаха директоромъ былъ назначенъ въ чинѣ полковника Лихонинъ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого сорта; мягкій по наружи, онъ былъ черстваго сердца, не заслужилъ ни въ комъ симпатіи.

Съ производствомъ моимъ въ ефрейторы, репутація моя въ глазахъ ротнаго командира измѣнилась не много. Если я ни въ чемъ не попадался, то это приписывалось моей хитрости, и многія чужія продѣлки приписывались безъ всякаго основанія моему тайному руководительству, вслѣдствіе чего я оставался ефрейторомъ безъ всякаго повышенія и только уже передъ самымъ выпускомъ въ офицеры, чтобы я не потерялъ старшинства, меня произвели въ унтеръ-офицеры.

Какъ бы то ни было, но, наконецъ, въ 1849 г. я, къ моему счастью и радости отца, вопреки предсказаніямъ моихъ добрыхъ воспитателей, попалъ не въ кантонисты или юнкера, а въ офицеры и притомъ въ артиллерію. Въ мое время гвардія была доступна только для фельдфебелей, которыхъ было по числу ротъ пять. Затѣмъ, слѣдующіе смотря по балламъ выходили по желанію въ артиллерію или въ саперы, а затѣмъ всѣ остальные въ армію или въ линейные баталіоны.

Считаю не лишнимъ сказать два, три слова о горцахъ, приво-

зимыхъ ежегодно въ кадетскіе корпуса съ Кавказа. Это были дѣти такъ называвшихся въ то время мирныхъ черкесовъ. Въ мое время въ 1-мъ корпусѣ было человѣкъ десять, изъ которыхъ я хорошо помню князя Махтіева, Туганова, Балакаши Алибекъ Араблинскаго и немирнаго сына знаменитаго Шамиля. Всѣ они ходили въ своихъ національныхъ красивыхъ костюмахъ, при чемъ парадные костюмы ихъ, обшитые серебромъ, отличались роскошью. Въ одной экспедиціи сынъ Шамиля былъ раненъ въ руку казачьей пикой и взятъ въ плѣнъ. Сначала онъ ходилъ въ національномъ костюмѣ, а потомъ въ обыкновенной кадетской курткѣ, совершенно обрусѣвъ, былъ прекраснымъ товарищемъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ продѣлкахъ.

Мнѣ необходимо сказать о Шамилѣ нѣсколько словъ, въ виду того, что о немъ создалась цѣлая романическая легенда. Еще недавно кто-то писалъ, какъ онъ влюбился въ какую-то аристократку, велъ съ нею переписку на французскомъ языкѣ и съ горестью разставался съ нею, уѣзжая на Кавказъ. Все это отъ начала до конца совершенный вздоръ.

Всѣмъ прошедшимъ чрезъ военно-учебное заведеніе очень хорошо извѣстно, что иностранные языки были въ полномъ загонѣ, и если поступавшіе въ корпусъ были знакомы съ французскимъ языкомъ, то, по вступленіи въ корпусъ, пробывъ въ немъ семь и восемь лѣтъ, совершенно его забывали. Это было даже съ нѣмцами, которые забывали свой природный языкъ, тѣмъ менѣе, конечно, могъ изучить сколько-нибудь основательно французскій языкъ Шамиль, что и было въ дѣйствительности. Никакихъ знакомствъ внѣ корпуса онъ не имѣлъ и ни къ кому въ отпускъ не ходилъ. Вообще горцы или сидѣли все время въ корпусѣ или нѣкоторые изъ нихъ иногда ходили къ своимъ знакомымъ, служившимъ въ конвоѣ, казармы которыхъ находились тамъ, гдѣ нынѣ выстроена синагога.

Я самъ не былъ свидѣтелемъ отправленія его на родину, но слышалъ, что онъ очень неохотно туда отправлялся. Оно и понятно: привыкнувъ къ жизни цивилизованной, получивъ нѣкоторое образованіе, пользуясь нѣсколько лѣтъ относительнымъ комфортомъ, ему не могло быть пріятнымъ вернуться къ аульной жизни на Кавказѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и самого отца Шамиля. Во время пребыванія его въ Петербургѣ съ него снимали портретъ въ фотографическомъ павильонѣ Главнаго Штаба, гдѣ имѣется въ огромномъ масштабѣ рельефная карта Кавказа. Я былъ свидѣтелемъ, какъ быстро оріентировался онъ при первомъ взглядѣ на карту; онъ тотчасъ же началъ что-то показывать и быстро говорить. Это онъ съ жаромъ указывалъ на ту долину Алазани, въ которой, сдѣ-

лавъ набѣгъ, взялъ въ плѣнъ княгиню Орбельяни, взамѣнъ которой получилъ своего сына.

Другой сынъ Шамиля, остававшійся при отцѣ, служилъ въ турецкихъ войскахъ, дрался противъ насъ, а по окончаніи войны поступилъ къ намъ на службу и, кажется, кончилъ жизнь въ чинѣ генерала, служа въ Казанскомъ округѣ.

Оканчивая описаніе кадетской жизни, нахожу обязаннымъ помянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ преподавателей, которымъ многіе обязаны. Въ числѣ ихъ были Плаксинъ, Добровольскій, Макинъ и Соколовскій. Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ былъ добрый и честный старикъ, любившій свое дѣло, прекрасно читавшій басни Крылова, но не терпѣвшій появившуюся въ то время такъ называемую натуральную школу. Онъ былъ искренно преданъ тѣмъ эстетическимъ началамъ, которыми проникнуты произведенія Пушкина и Лермонтова, и отъ души ненавидѣлъ Гоголя. Это очень часто возбуждало между нимъ и нами споры. Но, если мы не могли еще, по недостатку знаній, съ твердостью ему противорѣчить и представлять свои резоны, то и онъ въ свою очередь, осуждая произведенія Гоголя, приводилъ одну только фразу: „къ чему Гоголь показываетъ то, что сама природа у животныхъ прикрыла хвостомъ“. Его поклоненіе Пушкину и Лермонтову отразилось и на насъ, мы очень часто въ свободное время повторяли стихотворенія этихъ поэтовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ остались въ моей памяти до нынѣ, хотя мнѣ уже восьмидесятый годъ. Я и теперь могу безошибочно продекламировать всѣ сцены между Онѣгинымъ и Татьяною, и между Татьяною и нянею, а между тѣмъ я не развертывалъ этихъ страницъ со времени моего выпуска. Понятно, съ какимъ чувствомъ я могъ въ 60-хъ годахъ относиться къ тѣмъ критикамъ, которые, переоцѣнивая русскую литературу, увѣряли русскую интеллигенцію, что Пушкинъ не стоитъ ломаннаго гроша, а поэзія его, все равно, что сапоги въ смятку.

Другой преподаватель, оставившій по себѣ въ насъ хорошую память, былъ С. М. Добровольскій, преподававшій самый сухой предметъ—законовѣдѣніе.

Несмотря на то, что программа пестрѣла названіемъ разныхъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ Государственнаго Совѣта до Нижняго Земскаго Суда, тѣмъ не менѣе, изъ сравненій нашего законодательства съ западными у каждаго изъ насъ слагалось извѣстное убѣжденіе, которое и закрѣплялось въ нашихъ молодыхъ умахъ. Я вовсе не имѣю права сказать, чтобы преподаватель съ умысломъ подчеркивалъ дурное у насъ и хорошее за границею, но это являлось само собой, и при томъ нерѣдко преподаватель только

отвѣчалъ на наши вопросы. Надо замѣтить, что былъ уже 1848 г., время французской революціи, которая даже въ то суровое время болѣе или менѣе подробно описывалась въ русскихъ газетахъ. Читая въ газетахъ о ходѣ революціи и не понимая многаго въ ея ходѣ и развитіи, мы по неволѣ обращались къ нашимъ симпатичнымъ преподавателямъ, которые многое намъ разъясняли тѣмъ болѣе охотно, что тогда, не такъ какъ нынѣ, на очереди былъ вопросъ не соціальный, а чисто политическій и шелъ изъ-за борьбы между королемъ съ министрами и его парламентомъ.

Преподаватель исторіи г. Макинъ отличался большою скромностью и деликатностью. Онъ не ограничивался только сухимъ изложеніемъ историческихъ фактовъ, но, по возможности, характеризовалъ цѣлую эпоху, указывая рельефно на главныхъ дѣятелей, которые, такъ сказать, создавали эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на то или другое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Такимъ образомъ я, по его совѣту, пріобрѣлъ замѣчательное сочиненіе, руководство Лоренца въ пяти томахъ, сохранившееся у меня до нынѣ. И надо сказать, что съ 1844 года до нынѣ не вышло ни одного руководства равнаго ему по достоинству.

Преподаватель статистики, г. Соколовскій былъ очень рѣзокъ, но преподавалъ прекрасно и обстоятельно знакомилъ насъ не только съ дѣятелями чистой статистики, какъ пасторъ Зюсьмильхъ, но и съ крупными дѣятелями по части политической экономіи. Онъ цитировалъ намъ Адама Смита и знакомилъ насъ съ физіократами и меркантилизмомъ. Словомъ, кто хотѣлъ учиться, тотъ могъ получить, если далеко не полное знаніе политической экономіи, то по крайней мѣрѣ имѣлъ азбуку этой науки и при добромъ желаніи могъ читать и продолжать далѣе. По крайней мѣрѣ, я не безъ интереса прочитывалъ нѣкоторыя статьи и въ томъ числѣ помню статью профессора Петербургскаго университета Милютина „Пролетаріи и пауперизмъ во Франціи и Англіи“, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго, если не ошибаюсь, въ 1848 или въ 1849 году.

Прекрасно преподавая, Соколовскій отличался рѣзкостью своего характера. Какъ теперь помню, что многимъ не давалось понятіе о разницѣ между цѣною и цѣнностью, при чемъ бывшая въ литографированныхъ запискахъ фраза „выраженіе полезности въ сферѣ потребности“ многихъ приводила въ смущеніе. Тогда Соколовскій не понимавшимъ этой фразы говорилъ: „вѣдь не кочанъ же капусты на вашихъ плечахъ!“.

Вообще надо сказать, что если мы получили какія-нибудь научныя свѣдѣнія, то только отъ этихъ трехъ преподавателей.

Необходимо прибавить, что развитію нашему много способствовало чтеніе. Мой двоюродный братъ П. А. Фроловъ былъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и получалъ этотъ журналъ, которымъ пользовался я. Кто-то другой привозилъ „Современникъ“; наконецъ третій привозилъ „Библіотеку для чтенія“ Сенковскаго. Правда, что мы не могли въ то время по достоинству оцѣнить редакторское зубоскальство Сенковскаго и съ удовольствіемъ читали его комично-критическія статьи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы имѣли возможность читать нѣкоторыя книги, недоступныя для публики. Этому способствовали два брата Дубельтъ, бывшіе племянниками грознаго, въ свое время начальника III отдѣленія. Дубельты ходили къ нему въ отпускъ и отъ него привозили запрещенные плоды. Къ сожалѣнію, я помню только одну книгу, подъ заглавіемъ „Продѣлки на Кавказѣ“, подписанную, вѣроятно псевдонимомъ, Хамеръ Дебанова.

Что касается дежурныхъ офицеровъ, которые въ то время играли роль воспитателей, то я лучше умолчу,—немногихъ изъ нихъ можно помянуть добрымъ словомъ. Лучшіе изъ нихъ были гвардейскіе и артиллерійскіе офицеры. Многіе даже изъ преподавателей относились къ намъ довольно отрицательно; такъ подполковникъ Германъ весьма часто при шумѣ обращался къ намъ со слѣдующей фразою: „если вы, господа, не прекратите шумъ, то я обращусь къ полиціи“. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ дежурнаго офицера.

Въ заключеніе надо сказать о двухъ великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Каждый разъ передъ лагернымъ сборомъ на ученье, на корпусномъ плацу, они подъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта Философова и свитскаго генерала Корфа присылались въ строй, становясь въ кадетскіе ряды. Также точно дѣлалось и въ лагерное время. Здѣсь они держали себя совершенно просто, а во время лагерей на ночныхъ маневрахъ отличались большою рѣзвостью и вмѣстѣ съ кадетами устраивали разныя продѣлки надъ спящими. Въ особенности своею живостью, любезностью и безпритязательностью отличался всѣми любимый Николай Николаевичъ, сохранившій до конца своей жизни благородство характера, природную доброту и безпритязательную любезность, какъ съ равными, такъ и съ подчиненными.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года окончилась моя кадетская жизнь, и я былъ произведенъ въ 2-ю полевую артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ въ резервную батарею.

Будучи произведенъ въ прапорщики 2-й полевой артиллерійской бригады, мнѣ вовсе не пришлось въ ней побывать. Въ то время пе-

реводъ изъ артиллеріи въ другіе ряды войскъ не допускался вовсе, а артиллеристовъ для уравненія офицеровъ весьма часто переводили изъ одной бригады въ другую. Къ тому же въ 1849 году шла венгерская кампанія, и для пополненія комплекта къ артиллерійскимъ частямъ прикомандировывали офицеровъ изъ гарнизонной артиллеріи, производимыхъ изъ фейерверкеровъ и фельдфебелей.

Таковъ былъ составъ резервной и запасной артиллерійской бригады, въ которой мнѣ приходилось начинать службу. Въ батареѣ только одинъ былъ, также какъ и я, изъ кадетъ Дворянскаго полка, нѣкто Шавровъ.

Съ трудомъ отыскалъ я свое новое мѣсто служенія, расположенное среди лѣсовъ Минской губерніи въ довольно большой деревнѣ Автютевичи. Такъ какъ Шавровъ уже тутъ устроился, то онъ пригласилъ меня на совмѣстное жительство въ своемъ помѣщеніи, а помѣщеніе это состояло изъ курной избы съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, съ волоковымъ окномъ, чернымъ отъ большихъ тараковъ потолкомъ и землянымъ поломъ.

Не скажу, чтобы я съ ужасомъ и отвращеніемъ избалованнаго мальчика посмотрѣлъ на свое новое жилище, но все-таки меня немного покоробило. Сознавая, впрочемъ, что если постоянный жилецъ выноситъ эти прелести тогдашней военной стоянки, то чѣмъ же я лучше его. Поблагодаривъ его за гостепріимство, я сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ.

Резервныя и запасныя батареи формировались на время войны, а такъ какъ венгерская кампанія оканчивалась, то новыхъ формированій не было, и наша батарея, не имѣвшая ни лошадей, ни орудій, не дѣлала ровно ничего. Въ теченіе цѣлой зимы мы не выходили изъ избы, а весною насъ перевели въ мѣстечки Хойники и Брагино, гдѣ мы тоже ничего не дѣлали.

Живя въ деревнѣ и ничего не дѣлая, можно было сойти съ ума, если бы не одно случайное обстоятельство. Послѣ Шлиппенбаха кадетскимъ лагеремъ командовалъ начальникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ генералъ Сутгофъ. Юнкера прозвали его Капфигомъ; это названіе перешло и во всѣ другія заведенія, а на наши вопросы, почему его такъ называли, намъ объясняли, что онъ надоѣлъ всѣмъ, безпрестанно говоря: „читайте, господа, Капфига“. Когда я узналъ, что Капфигъ авторъ книгъ, содержащихъ въ себѣ историческіе очерки Франціи, то купилъ нѣсколько книжекъ и увезъ съ собою, вмѣстѣ съ лексикономъ. Вотъ эти-то книги и служили мнѣ развлеченіемъ.

Прошло два года, какъ я былъ артиллеристомъ, не имѣя ни ма-

лѣйшаго понятія о настоящей артиллерійской службѣ. Въ корпусѣ была довольно обширная программа по артиллеріи; мы хорошо знали номенклатуру всѣхъ употреблявшихся орудій: полевыхъ, крѣпостныхъ, горныхъ и осадныхъ; знали вѣсъ снарядовъ и зарядовъ, свойство пороха, теорію повозокъ, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о службѣ, почему, когда въ 1851 г. я былъ переведенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду и очутился въ строю, то былъ почти цѣлый годъ въ самомъ ужасномъ положеніи. При всякомъ перестроеніи не только на рысяхъ, но даже на шагѣ, несмотря на то, что я ѣздилъ порядочно, я ежеминутно рисковалъ быть раздавленнымъ при эволюціяхъ, не зная артиллерійскаго устава. Опытные фейерверкеры подсказывали намъ, что нужно дѣлать и что командовать, но сами мы были совершенно безпомощны по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лагерныхъ сборовъ.

Здѣсь въ Варшавѣ я впервые увидѣлъ будущаго военнаго министра Н. О. Сухозанета и при томъ въ довольно комичномъ видѣ. Онъ производилъ ученье нашей бригадѣ, въ которой состоялъ мой товарищъ по корпусу, человѣкъ очень способный и даже талантливый, но вовсе не способный для военной службы. И вотъ во время ученья на рысяхъ, когда всѣ четыре батареи несутся въ одномъ направленіи, взводъ, то есть два орудія, бывшія подъ командою этого офицера, скачутъ въ противоположную сторону.

Какъ всегда, на полѣ собралась масса народа, по преимуществу еврейскаго, глазѣть на интересное ученье.

Какъ только Сухозанетъ увидѣлъ ошибку взводнаго командира, онъ обращается въ сторону толпы и громко кричитъ:

— Народъ, удались; не будь свидѣтелемъ измѣны и позора офицера русской арміи. Онъ бѣжитъ къ непріятелю.

Въ то же время онъ обращается къ батарейному командиру и говоритъ:

— Стрѣляйте въ измѣнника.

Такова была шутовская картина смотра.

На слѣдующій годъ, я отправился въ двадцативосьми-дневный отпускъ въ Петербургъ. Проѣзжая чрезъ Варшаву, я обязанъ былъ явиться начальнику артиллеріи, то есть тому же Сухозанету. Прождавъ, сколько слѣдовало, Сухозанетъ вышелъ въ какомъ-то загадочномъ фланелевомъ костюмѣ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, Мордвинова, бывшаго потомъ при Д. А. Милютинѣ директоромъ канцеляріи военннаго министерства.

Осмотрѣвъ меня презрительно величаво съ ногъ до головы, онъ приступилъ къ допросу.

— Ты былъ въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— А что ты тамъ дѣлалъ?

Не зная, что отвѣчать на подобный вопросъ. я молчалъ.

— Сколько же времени ты тамъ пробылъ?

— Двадцать восемь дней.

— Ну что же тамъ новаго?

Я молчалъ, приведенный въ полное смущеніе. Не разсказывать же мнѣ, что я провелъ очень пріятно время у тогдашняго петербургскаго волшебника И. И. Излера, устраивавшаго въ то время волшебныя, по словамъ Булгарина, гулянья съ цыганскими хорами и хоромъ пѣсельниковъ Молчанова.

Выждавъ нѣсколько, Сухозанетъ спросилъ опять:

— Что же новаго въ Петербургѣ?

Этотъ вторичный вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку и, вѣроятно, желая избавиться отъ этой пытки, я смѣло отвѣтилъ:

— Ничего, Ваше Превосходительство.

Каково же было мое удивленіе и ужасъ, когда Сухозанетъ, обращаясь къ Мордвинову, произнесъ:

— Мордвиновъ, запиши этого нерадиваго офицера. Двадцать восемь дней онъ пробылъ въ Петербургѣ и не знаетъ, что вышелъ новый артиллерійскій уставъ.

Мордвиновъ поклонился и началъ что-то писать на клочкѣ бумаги.

Но я долженъ сказать, что для меня отъ этой записки никакой бѣды не послѣдовало.

Затѣмъ я видѣлъ Сухозанета уже въ качествѣ военнаго министра, когда онъ на пріемахъ, полуслѣпой останавливаясь передъ своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ, спрашивалъ, что вамъ угодно, и писалъ свои знаменитыя и безграмотныя резолюціи.

Во время службы моей въ 5-й артиллерійской бригадѣ я познакомился съ бывшими въ то время порядками въ артиллеріи, которая тогда комплектовалась, главнымъ образомъ, бывшими кадетами.

Существовавшее въ то время, одно на всю артиллерію артиллерійское училище не могло пополнять комплекта всей артиллеріи, почему лучшіе по успѣхамъ кадеты выпускались въ артиллерію вмѣстѣ съ тѣми изъ артиллерійскаго училища, которые не прошли черезъ офицерскіе классы, тѣ же юнкера, которые окончили курсъ офицерскихъ классовъ, поступали въ гвардейскую артиллерію, въ военно-техническія заведенія или шли преподавателями въ военно-учебное заведеніе.

Преимущество артиллеріи состояло въ томъ, что она не имѣла существовавшаго въ арміи маіорскаго чина и артиллерійскіе капи-

таны производились, также какъ и саперы, не въ маіоры, а въ подполковники.

Понятно, что офицерскій составъ здѣсь былъ много лучше, общество держалось дружнѣе и иногда, хотя довольно рѣдко, батарейный командиръ долженъ былъ считаться съ единодушнымъ голосомъ общества офицеровъ. Обращеніе съ офицерами было приличнѣе.

У большей части командировъ былъ столъ для офицеровъ; лошади содержались на батарейномъ довольствіи, и командиръ заботился только о справочныхъ цѣнахъ и объ экономическихъ выгодахъ своего собственнаго кармана. На ученьяхъ онъ появлялся очень рѣдко; о строевомъ обученіи забота лежала на старшемъ офицерѣ. Когда же ученье производилъ самъ батарейный командиръ, то вся разница состояла въ томъ, что чаще слышалась команда: „Стой, ѣздовые слѣзай“, вслѣдъ за которою слышались частые глухіе удары нагаекъ о солдатскія спины. Извѣстно, до какихъ тонкостей доходило въ то время муштрованіе, и какое значеніе этой муштровкѣ придавали командиры частей. Я самъ слышалъ, что батарейный командиръ, наказывая ѣздового за то, что онъ дурно равнялся, говорилъ, что строй это церковь, а не равняться въ строю это значитъ обокрасть церковь. Такова была логика нѣмца З—ра.

Въ заключеніе моей артиллерійской службы, не лишнимъ будетъ сказать о ежегодныхъ экзаменахъ въ артиллеріи. Экзамены эти обязаны были держать всѣ офицеры до штабсъ-капитанскаго чина. Каждый офицеръ долженъ былъ представить письменный отвѣтъ изъ фортификаціи, артиллеріи, механики, аналитической геометріи, геометріи и алгебры. Самый же экзаменъ производился различно. Иногда весь трудъ составленія задачъ и отвѣтовъ на нихъ возлагался на вновь прибывшаго въ батарею офицера, который, какъ должно было полагать по теоріи, не могъ еще забыть ту премудрость, которую впиталъ въ себя въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ вопросы эти съ составленными на нихъ отвѣтами разбирались офицерами, переписывались начисто, подписывались и отправлялись въ бригадный штабъ. Понятно, что офицеръ, одинъ разъ выдержавшій подобный экзаменъ, уже не робѣлъ и могъ съ удовольствіемъ подвергаться такому экзамену хотя бы до генеральскаго чина и притомъ еженедѣльно.

Такая унизительная для обѣихъ сторонъ комедія продолжалась до 1858 года, когда генералъ-маіоръ Константиновъ возсталъ противъ экзаменовъ, назвавъ поступки обѣихъ сторонъ ихъ собственными именами. Онъ громко высказалъ, что экзамены вмѣсто поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ даютъ имъ лишь поводъ

ухищряться въ подлостяхъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ распоряженіемъ, наносятъ этимъ ущербъ службѣ и самой нравственности офицеровъ, унижая ихъ личное достоинство и затрудняя начальство.

Только послѣ такого откровеннаго мнѣнія генерала Константинова, экзамены были отмѣнены въ 1858 году.

Въ 1851 году мой однокашникъ и сослуживецъ по батареѣ Жуковъ и другой однокашникъ Лаврентьевъ выбыли въ Академію, о чемъ началъ подумывать и я. На счетъ Академіи, между прочимъ, началась переписка, которая совершенно охладила меня въ моемъ рвеніи поступить туда. Про Академію они писали ужасныя вещи; въ письмахъ говорилось о невозможномъ режимѣ, о директерѣ ея, Сухозанетѣ, обращающемся съ офицерами необыкновенно грубо и просто унизительно. Словомъ, оба они совѣтовали подождать, ибо уже носились слухи, что вскорѣ онъ долженъ уйти.

Однако желаніе выбиться изъ той колеи, въ которую я попалъ, было слишкомъ велико, и я хотѣлъ во что бы то ни стало испробовать свои силы на болѣе разнообразномъ пути. Не скажу, что я хотѣлъ бѣжать изъ того общества, среди котораго жилъ; отнюдь нѣтъ; я въ высшей степени былъ доволенъ этимъ обществомъ, радушно встрѣтившимъ меня при переводѣ въ батарею и съ ласкою проводившимъ изъ него. Я съ удовольствіемъ вспоминаю фамиліи Дрентельна, Тышкевича, Дадурова, Заблоцкаго, Черновскаго, Кричинскаго, Лангенса и друг. Всѣ они были люди честные, добрые, и, насколько можно было, облегчали, при тогдашнемъ суровомъ режимѣ, горькое положеніе солдата. Во всякомъ другомъ случаѣ я не покинулъ бы такого общества, если бы не забота о своемъ личномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, я рѣшилъ, чтобы ближе ознакомиться съ дѣломъ, основаться въ Петербургѣ. Но какъ туда попасть? Надо замѣтить, что въ мое время переводы были куда легче нынѣшнихъ.

Не угодно ли нынче попасть въ гвардію. Для этого, кромѣ ценза, нужно еще согласіе общества офицеровъ. А это не такъ легко. А въ то время мой родственникъ, изъ Кронштадтскаго линейнаго баталіона, инспекторскимъ департаментомъ, безъ всякаго запроса командира полка, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало основаться въ Петербургѣ, я изъ Варшавы написалъ отцу, чтобы онъ постарался какъ-нибудь устроить меня въ Петербургѣ, и сталъ терпѣливо ожидать своей участи. Наконецъ, въ 1858 году я прочелъ, что прикомандировываюсь къ учебной артиллерійской бригадѣ, которая была расположена на Выборгской сторонѣ въ одномъ зданіи съ артиллерійскимъ училищемъ.

Впослѣдствіи мнѣ разсказали, какимъ путемъ состоялся мой переводъ. Чиновникъ инспекторскаго департамента, переведшій своего сына изъ линейнаго баталіона въ гвардію, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ чиновникомъ артиллерійскаго вѣдомства, состоявшимъ при дежурномъ штабъ-офицерѣ Якимахѣ. И вотъ этотъ-то чиновникъ, кажется Григорьевъ, изъ солидарности взаимныхъ другъ другу услугъ и устроилъ это дѣло. Вѣроятно, это что-нибудь стоило моему отцу, который, однако, никогда мнѣ этого не открылъ.

Какъ бы то ни было, но одна изъ цѣлей моихъ была достигнута.

Учебная артиллерійская бригада состояла изъ трехъ батарей; одна, которою командовалъ Полубояриновъ, имѣла лошадей, а другія двѣ не имѣли; всѣми тремя батареями командовалъ полковникъ Ведемейеръ. Здѣсь моими сослуживцами были Языковъ, обучавшій насъ въ корпусѣ пріемамъ при орудіяхъ, Бѣлянинъ и Петрушевскій, авторъ біографіи Суворова.

Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ преподаватель Закона Божія о. Нилъ, рѣшилъ важный религіозно-философскій вопросъ о Св. Троицѣ. Стоящій передъ нимъ солдатъ изображалъ на своемъ лицѣ полное недоумѣніе.

— Вотъ никакъ не могу втолковать о единствѣ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Такъ какъ я въ этомъ случаѣ не могъ ему ничѣмъ помочь, то промолчалъ.

О. Нилъ, подумавъ немного, вновь обратился къ солдату:

— Подай сюда твою шапку.

— Вотъ это что? спросилъ онъ, указывая на верхъ тульи.

— Это верхъ, отвѣчалъ солдатъ.

— А это? продолжалъ онъ, указывая на околышъ.

— Околышекъ.

— А это?

— Это козырекъ, былъ отвѣтъ.

— А все вмѣстѣ?

— Шапка.

— Ну вотъ видишь, какъ это просто: тулья, околышъ и козырекъ три вещи, а все вмѣстѣ одна вещь-шапка. Ну теперь понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ солдатъ.

Здѣсь же въ Петербургѣ отъ бывшихъ въ это время въ Академіи, Жукова и Лаврентьева я наслышался довольно много о Сухозанетѣ. Изъ множества разсказовъ я приведу только одинъ случай, бывшій съ Лаврентьевымъ.

Сухозанетъ жилъ въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ, въ

домѣ, если не ошибаюсь, принадлежащемъ нынѣ Купеческой управѣ. Ежедневно отъ Академіи назначался дежурный, который, кажется, въ пять часовъ обязанъ былъ прибыть въ его квартиру. Здѣсь въ первой комнатѣ стоялъ круглый столъ, на которомъ были разбросаны книги и записки по предметамъ академическаго курса. Пришедшій дежурный ждалъ его выхода въ англійскій клубъ, который онъ посѣщалъ ежедневно. Очень рѣдко, выходя, онъ скоро отпускалъ дежурнаго, чаще приходилось ожидать его довольно долго до возвращенія изъ клуба. И вотъ что однажды пришлось вынести Лаврентьеву. Едва онъ вошелъ, какъ камердинеръ объявилъ ему, что сегодня генералъ приказалъ дежурнаго посадить въ его большой залъ и тамъ дожидаться генерала. Понятно, что Лаврентьевъ усѣлся на стулъ въ залѣ еле освѣщенной и сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Наконецъ, въ 11 часовъ камердинеръ позвалъ его къ генералу.

— Гдѣ ты сидѣлъ? спросилъ Сухозанетъ Лаврентьева.

— Въ большомъ залѣ, Ваше Высокопревосходительство.

— Все время тамъ?

— Такъ точно.

— Ну, а холодно тамъ?

— Да довольно прохладно, Ваше Высокопревосходительство.

— Не знаю топить или нѣтъ? завтра у меня балъ, сказалъ Сухозанетъ.

— Ну, можешь идти домой.

Можно понять, съ какимъ почтительнымъ чувствомъ уходилъ Лаврентьевъ отъ такого милаго начальника.

Надо замѣтить, что обращеніе съ офицерами въ то время было грубое, но обращеніе Сухозанета съ офицерами было возмутительное. Говорятъ, что такъ какъ бывшіе при Александрѣ I свитскіе офицеры, что соотвѣтствовало Генеральному Штабу, были въ большомъ числѣ между декабристами, то Николай Павловичъ назначилъ Сухозанета съ цѣлью искоренить свободный духъ въ Академіи.

Но если Сухозанетъ говорилъ офицерамъ ты, то онъ мало церемонился и съ профессорами. Тотъ же Лаврентьевъ передавалъ мнѣ, что Сухозанетъ однажды явился въ аудиторію въ то время, когда профессоръ военной исторіи полковникъ Богдановичъ читалъ лекцію о сраженіи 1813 года, въ которомъ участвовалъ Сухозанетъ. Остановивъ профессора, онъ сказалъ:

„Хотя я никогда не промышлялъ преподаваніемъ, но на этотъ разъ могу вамъ разсказать, какъ было дѣло“; и вслѣдъ затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ о сраженіи, въ которомъ онъ участвовалъ.

Между тѣмъ, объ академическомъ режимѣ и о директорѣ ея хорошо было извѣстно и въ арміи, откуда число желающихъ поступить въ Академію становилось съ каждымъ годомъ все менѣе,

дойдя наконецъ до того, что въ старшемъ курсѣ, гдѣ были Лаврентьевъ, Беренесъ, Аничковъ, Махотинъ и др., оставалось семь человѣкъ, почему ихъ и прозвали семью новѣйшими мудрецами.

Вотъ тогда-то наконецъ спохватились и стали придумывать, какъ бы и чѣмъ заманить офицеровъ въ Генеральный Штабъ. Не знаю, правда или нѣтъ, но на этотъ счетъ ходили очень занимательные слухи; то одни предлагали Генеральному Штабу бѣлую подкладку, то другіе совѣтовали дать кавалерійскія рейтузы и сабли, наконецъ, нѣкоторые предлагали увеличить содержаніе и проч. Но лучше всѣхъ понялъ въ чемъ дѣло Императоръ Николай Павловичъ, который сообразилъ, что Сухозанетъ, изгоняя вольный духъ изъ Академіи, дѣйствовалъ не по разуму, разогнавъ единственное заведеніе, подготовлявшее офицеровъ для спеціальной службы.

Надо замѣтить, что хотя Сухозанетъ по своей службѣ и военнымъ заслугамъ двумъ Императорамъ и занималъ видное мѣсто, однако, по нѣкоторымъ причинамъ его не особенно долюбливалъ Императоръ Николай Павловичъ. Доказательствомъ служитъ то, что, увольняя его послѣ двадцатилѣтняго директорства въ Академіи, назначилъ его членомъ Военнаго Совѣта, а не Государственнаго, въ которомъ въ тѣ времена между талантами находилось много самыхъ заурядныхъ посредственностей.

Въ 1854 году какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ въ Академію Сухозанетъ былъ уволенъ, а Академія была присоединена къ военно-учебнымъ заведеніямъ подъ начальство Ростовцева. Въ этотъ годъ держало экзаменъ нѣсколько десятковъ. Въ моемъ курсѣ уже было тридцать человѣкъ.

Оканчивая сказаніе о Сухозанетѣ, нельзя промолчать объ услужливомъ авторѣ статьи въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ. Нѣкто Р. Ш., оканчивая біографію Сухозанета, говоритъ, что въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго директорства Сухозанета Академія заняла надлежащее ей мѣсто во главѣ русскихъ военно-учебныхъ заведеній. Не одно только требованіе строгой дисциплины внесъ Сухозанетъ въ Академію: одаренный навыкомъ намѣчать людей, подходящихъ къ дѣлу, онъ весьма скоро подобралъ себѣ способныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Плоды дѣятельности Сухозанета созрѣли въ новомъ поколѣніи генеральнаго штаба и съ того времени послѣдній уже не нуждался въ случайномъ пополненіи. Жаль, что авторъ статьи не приводитъ никакихъ подтвержденій относительно заслугъ Сухозанета въ этомъ отношеніи.

Изъ профессоровъ, читавшихъ въ мое время лекціи, можно указать на Д. А. Милютина, А. П. Карцева, М. И. Богдановича и П. С. Лебедева. Въ мое время Д. А. Милютинъ, создавшій тогда

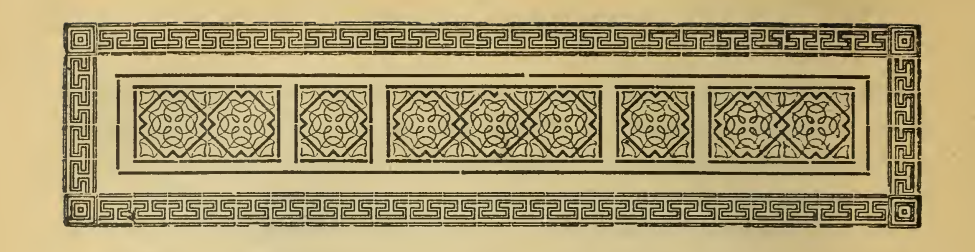
предметъ военной статистики, читалъ въ старшемъ курсѣ послѣдній годъ. О немъ я говорить не буду, ибо кто не знаетъ его талантовъ и заслугъ на всѣхъ поприщахъ; я же о лекціяхъ его говорить не имѣю права, ибо самъ былъ въ это время на младшемъ курсѣ.

А. П. Карцевъ, полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба, былъ человѣкъ суроваго вида, рѣзокъ въ манерахъ и рѣчахъ, а недовольный отвѣтомъ, грубо возражалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Но зато онъ читалъ превосходно; описывалъ ли онъ простое походное движеніе въ мирное время или бой какого-нибудь сраженія, онъ говорилъ это съ такимъ авторитетомъ, точно самъ участвовалъ въ дѣлѣ. Иногда, приводя въ примѣръ какое-нибудь сраженіе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ очерчивалъ предварительный ходъ кампаніи, и мы гораздо лучше понимали, нежели о томъ же самомъ говорилось въ лекціи по военной исторіи.

М. И. Богдановичъ, читавшій военную исторію и стратегію, былъ довольно скучнымъ профессоромъ. Онъ, въ противоположность Карцеву, читалъ вяло, водя палочкой по картѣ вслѣдъ за тѣми линіями, которыя были обозначены на картѣ и въ концѣ концовъ, глядя на записочку, перечислялъ всегда очень исправно, сколько было въ сраженіи взято въ плѣнъ, сколько обѣими сторонами было потеряно людей, орудій, лошадей и зарядныхъ ящиковъ.

Совершенную противоположность Богдановичу составлялъ профессоръ П. С. Лебедевъ. Насколько фигура скромнаго Богдановича была противоположна фигурѣ Лебедева, настолько же противоположны и ихъ темпераменты. Первый изображалъ изъ себя скромную, худощавую фигуру, а другой полнаго краснощекаго и цвѣтущаго здоровьемъ человѣка. Богдановичъ читалъ лекцію медленно, монотонно, у Лебедева слова текли подобно быстрой рѣкѣ; Богдановичъ не гнался за краснорѣчіемъ и даже не былъ рѣчистъ, тогда какъ у Лебедева такъ и сыпались кстати и не кстати громкія фразы, неожиданныя сравненія и безпрестанные скачки въ сторону. Словомъ, это былъ трескучій фейерверкъ, послѣ сгоранія котораго ничего не остается. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ читалъ три совершенно различныхъ предмета: древнюю и среднюю военную исторію, военную администрацію и русскій языкъ. По этому на одной и той же лекціи приходилось слушать о военномъ писателѣ Carrion Nizas'ѣ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ, о подвижныхъ магазинахъ, о дислокаціи и о чемъ угодно другомъ. Злые языки увѣряли, что однажды трое держали между собою пари о томъ, какой предметъ изъ трехъ читался на лекціи Лебедева, и никто не могъ рѣшить.

С. П. Зыковъ.

Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территоріальныя пріобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.

---

18 марта 1910 года исполняется 25 лѣтъ со дня боя на рѣкѣ Кушкѣ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Александра Виссаріоновича Комарова съ авганскими войсками, боя, закрѣпившаго пріобрѣтенія минувшаго царствованія.

Приближающееся двадцатипятилѣтіе названнаго событія вызываетъ потребность напомнить обществу и дать ему возможно правдивое повѣствованіе объ этихъ страницахъ исторіи царствованія Императора Александра III.

Единственныя территоріальныя пріобрѣтенія прошлаго царствованія были сдѣланы въ Закаспійской области.

Эта послѣдняя была образована, вскорѣ по окончаніи Ахалъ-Текинской экспедиціи, изъ бывшаго Закаспійскаго отдѣла и нынѣшняго Ахалъ-Текинскаго уѣзда. Границы области съ Персіей и Авганистаномъ не были еще точно опредѣлены, и пограничное населеніе находилось въ неопредѣленномъ положеніи: считаясь фактически русско-подданнымъ, оно, перекочевывая изъ одного мѣста въ другое, считалось попеременно то русско, то персидско-подданнымъ. Такое положеніе требовало выясненія, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ къ такому населенію предъявлялись требованія объ уплатѣ податей. Персидское правительство не разъ заявляло претензіи на полученіе таковыхъ.

Обширность и пустынность неопредѣленной полосы давала возможность населенію легкой перекочевкой избѣгать исполненія требованій властей. Кромѣ того частые грабежи (аламаны) воинствен-

ныхъ туркменъ не могли быть прекращены, вслѣдствіе чего населеніе не могло гдѣ-либо прочно обосноваться и заняться своимъ хозяйствомъ. Прежнія цвѣтущія страны оставались совершенно разграбленными и опустошенными.

Мервскіе туркмены, оправившись отъ смущенія вызваннаго штурмомъ Геокъ-Тепе въ 1881 г., снова занялись грабежами и въ концѣ 1882 года сдѣлали нападеніе даже на партію топографа Гладышева, производившаго съемку въ Атекѣ. Въ области было настолько неспокойно, что приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. По распоряженію начальника области, генералълейтенанта Рерберга, съ цѣлью предохраненія укрѣпленій области и населенія отъ нападеній разбойничьихъ шаекъ, было приказано выставлять на ночь передовые посты. Для этого въ одномъ только Асхабадѣ наряжалось ежедневно 3 офицера, 8 унтеръ-офицеровъ и 120 рядовыхъ и казаковъ. Въ остальныхъ укрѣпленіяхъ области наряды были еще тяжелѣе.

Отношенія пограничныхъ властей и прилежащихъ государствъ требовали немедленнаго улучшенія. Авганцы, руководимые англичанами, видѣвшими въ каждомъ шагѣ русскаго правительства стремленіе къ Индіи, доставляли немало хлопотъ. Оттуда шла организація и поддержка всякихъ противодѣйствій по пути русскаго правительства, стремившагося къ возсозданію мирнаго процвѣтанія и развитія области.

Кромѣ того англійское правительство опасалось русскаго вліянія на Авганистанъ, такъ какъ англійское не было обезпечено: пользуясь сомнительнымъ расположеніемъ эмира Авганскаго, англичане не встрѣчали себѣ сочувствія въ населеніи, тѣмъ болѣе, что обаяніе англійской силы въ Авганистанѣ было подорвано послѣ нѣсколькихъ пораженій англичанъ въ 1878 г.

Что же касается Персіи, то эта послѣдняя стремилась подчинить своей власти, или по крайней мѣрѣ, вліянію, туркменъ. Съ этою цѣлью персидское правительство строило крѣпости, какъ напримѣръ Рукнъ-Абадъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда влiять на такіе центры, какъ Мервъ. Пограничные представители персидской власти, какъ-то: Ильхани-Кочанскій и Буджнурскій запрещали совершенно доставку въ Асхабадъ какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ и продуктовъ и поощряли аламаны подвластныхъ имъ курдовъ въ наши предѣлы.

Внутреннее состояніе области было далеко ниже средняго. Населеніе не могло еще оправиться отъ Геокъ-Тепинскаго погрома, а частые аламаны, разграблявшіе и угонявшіе скотъ у населенія, обратили эту издревле замѣчательную, по своему плодородію и бо-

гатству, страну въ какую-то пустыню. Этому во многомъ способствовало полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія. Такъ напримѣръ, на проѣздъ какихъ-нибудь 217 верстъ отъ Кизилъ-Арвата до Асхабада приходилось тратить до недѣли времени.

При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ управленіе областью Именнымъ Высочайшимъ приказомъ отъ 28 марта 1883 года было вручено А. В. Комарову.

Генералъ-лейтенантъ Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи. Родился въ 1830 году. По окончаніи курса Павловскаго кадетскаго корпуса, въ маѣ 1849 года, вступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Прослуживъ около четырехъ лѣтъ, А. В. поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба (тогда Императорская Военная Академія) и по успѣшномъ окончаніи ея курса въ 1855 году былъ назначенъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ.

Съ іюня 1856 года дальнѣйшая служба Комарова протекаетъ на Кавказѣ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися знаніями горцевъ, энергіею, рѣшительностью и осторожностью.

Послѣдовательно Комаровъ занималъ должности оберъ-квартирмейстера 18 пѣхотной дивизіи, ту же должность штаба войскъ Лезгинской кордонной линіи, затѣмъ штаба войскъ Дагестанской области, Начальника штаба этой же области.

Въ 1868 г. по производствѣ въ генералъ-маіоры былъ назначенъ Военнымъ Начальникомъ южнаго Дагестана и Дербентскимъ градоначальникомъ. Въ 1878 году Александръ Виссаріоновичъ получаетъ весьма важное назначеніе на постъ Начальника Кавказскаго-горскаго, а затѣмъ Кавказскаго военно-народнаго управленія.

Во время своей 27-лѣтней службы на Кавказѣ, Комаровъ принималъ близкое участіе въ цѣломъ рядѣ почти непрерывныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ теченіе только 1858 и 1859 годовъ онъ былъ въ двухъ экспедиціяхъ, участвуя за это время въ тридцати боевыхъ столкновеніяхъ, дѣлахъ, штурмахъ и нападеніяхъ. Въ 1859 году Комаровъ участвовалъ въ покореніи Дагестана, при взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля. Далѣе въ 1863 году съ отрядомъ генералъ-лейтенанта князя Меликова имъ былъ совершенъ походъ черезъ снѣговыя горы въ Закаталы, гдѣ въ продолженіе почти трехъ лѣтъ онъ несъ тяжелую, полную всевозможныхъ лишеній боевую службу по усмиренію возставшихъ горцевъ.

Во время Русско-Турецкой войны А. В. Комаровъ руководилъ

Кайтаго - Табасаранскимъ отрядомъ, назначеннымъ на подавленіе вспыхнувшаго въ Дагестанѣ возстанія. Между прочимъ имъ было освобождено блокированное мятежниками укрѣпленіе Ахты.

Несмотря на то, что почти вся долголѣтняя служба Комарова на Кавказѣ протекла въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ, онъ съумѣлъ найти время для детальнаго изученія Кавказа со стороны этнографической и археологической.

Имъ была собрана обширная палеонтологическая коллекція, находящаяся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ, большая коллекція древнихъ монетъ (до 10.000 номеровъ), часть которой хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ этого Комаровымъ была собрана обширная археологическая коллекція, относящаяся къ желѣзному вѣку. Часть этой коллекціи описана въ извѣстномъ изданіи Э. Шантра: „Recherches antropologiques dans le Caucase“ (Парижъ, 1885 г.).

Изъ трудовъ Комарова особенною извѣстностью пользуются: „Народонаселеніе Дагестанской области“ (премировано серебряною медалью Географическаго Общества), „Адаты (обычное право) дагестанскихъ горцевъ и судопроизводство по нимъ“, „Исторія Кюринскихъ и Казикумухскихъ хановъ“ и мн. др.

Кромѣ того въ бумагахъ Комарова, нынѣ находящихся въ различныхъ музеяхъ (Кавказскій, Императорская Академія Наукъ, Щукина въ Москвѣ и др.) имѣется масса самаго разнообразнаго матеріала по исторіи и этнографіи Кавказа, и понынѣ еще ожидающаго разработки.

Изъ настоящаго краткаго очерка уже достаточно выясняется энергичная, закалившаяся въ походахъ фигура Комарова.

Его же обширныя познанія въ области права и быта Кавказскихъ горцевъ и вообще нашихъ южныхъ народностей оказали Императорскому правительству неоцѣнимыя услуги и ему, какъ наиболѣе знающему и вполнѣ уравновѣшенному человѣку, поручались отвѣтственныя должности и порученія, требовавшія большой осмотрительности и такта. Человѣкъ необыкновенно простой и доступный, твердой воли и яснаго ума, генералъ Комаровъ представлялъ типъ стараго Кавказской школы офицера. Погоня за внѣшностью, тщеславіе, желаніе затемнить другихъ совершенно чужды были этому государственному русскому человѣку.

Заслуги Александра Виссаріоновича Комарова не разъ оцѣнивались съ высоты Престола, и когда политическое и внутреннее положеніе нашихъ Закаспійскихъ владѣній потребовало назначенія туда опытнаго лица, способнаго отстоять русскіе интересы безъ особенныхъ осложненій и поддержать достоинство Россіи на соот-

вѣтствующей Великой Державѣ высотѣ, выборъ Государя остановился на Александрѣ Виссаріоновичѣ.

Съ прибытіемъ Комарова въ Закаспійскую область положеніе ея сразу начинаетъ измѣняться къ лучшему. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ Комаровъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительныя наши отношенія съ пограничными персидскими властями. Установленію дружественныхъ отношеній много способствовало назначеніе Комарова, по Высочайшему повелѣнію, представителемъ русскаго правительства при слѣдованіи, вблизи нашей границы, шаха персидскаго, предпринявшаго поѣздку съ цѣлью осмотра сѣвернаго Хорасана.

Въ сопровожденіи конвоя и хора музыки генералъ Комаровъ прибылъ въ Буджнурдъ, гдѣ былъ принятъ Его Величествомъ шахомъ и возвратился въ Асхабадъ въ концѣ іюля.

Это путешествіе дало возможность Комарову ознакомиться съ сѣверной пограничной съ нами частью Персіи и изучить главные горные пути въ Мешхедъ и др. города.

Милостивый пріемъ шаха персидскаго и личное знакомство съ ильханіями Кочанскимъ и Буджнурскимъ и валіемъ Хоросанскимъ быстро отразились на взаимныхъ отношеніяхъ пограничныхъ властей обоихъ государствъ и выразились въ оживленіи торговыхъ сношеній, уменьшеніи воровства скота и посылки курдами грабительскихъ шаекъ въ наши предѣлы.

Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ новаго начальника края удалось возстановить дружественныя сношенія съ персидскими властями, которыя не измѣнились и понынѣ.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Комаровъ обратилъ вниманіе на остававшихся еще самостоятельными, послѣ Ахалъ-Текинской экспедиціи, туркменъ, занимавшихъ Мервъ, и сарыковъ, обитавшихъ въ Іолотанѣ и Пендэ. Особое значеніе для русскихъ имѣлъ Мервъ, какъ весьма важный, по своему положенію, стратегическій пунктъ.

Еще до назначенія Комарова, Мервъ привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ властей, и уже въ 1881 году начальникъ Закаспійской области вошелъ въ переговоры съ нѣкоторыми вліятельными мервцами, съ цѣлью добиться, если и не присоединенія Мерва, то хотя огражденія новаго края отъ грабежей аламанщиковъ.

Результатъ этихъ переговоровъ выразился въ подписаніи 16 ноября 1881 года нѣкоторыми мервскими почетными туркменами и начальникомъ области договора, согласно которому туркмены обязались не поднимать противъ Россіи оружія, прекратить грабежи, разбои, торговлю невольниками и пропускать караваны.

Въ маѣ мѣсяцѣ мервцы для управленія приняли Бабаджанъ-Бека, посланнаго по указанію Туркестанскаго генералъ-губернатора Черняева, хивинскимъ ханомъ.

Дѣятельность Бабаджанъ-Бека не принесла никакихъ видныхъ результатовъ, за исключеніемъ того, что имъ была начата организація небольшой партіи сторонниковъ присоединенія къ Россіи.

Два новыхъ крупныхъ аламана въ августѣ и сентябрѣ 1883 года и цѣлый рядъ мелкихъ грабежей, а также появленіе въ Мервскихъ земляхъ англійскихъ агентовъ, Сіяхъ-Пуша и др., возбуждавшихъ мервцевъ къ оказанію вооруженнаго сопротивленія Россіи, обратили на себя вниманіе Комарова, и имъ было рѣшено покончить въ первую же очередь съ вопросомъ о присоединеніи Мерва.

Проповѣди авганца Сіяхъ-Пуша [1]) вызвали въ средѣ мервцевъ расколъ. Вокругъ Гуль-Джамалъ, вдовы Нуръ Верды хана, пользовавшейся крупнымъ вліяніемъ въ средѣ своихъ многочисленныхъ родственниковъ Текинскаго рода, образовалась довольно сильная партія, считавшая враждебныя дѣйствія противъ Россіи безполезными.

Сношенія Комарова съ этою партіею указали ему, что присоединеніе Мерва есть вопросъ ближайшаго будущаго.

Для подготовленія туркменъ къ предстоящему занятію Мерва русскими войсками, Комаровъ командировалъ штабсъ-ротмистра Алиханова, которому далъ вполнѣ точно опредѣленныя инструкціи, какъ и съ кѣмъ вести переговоры въ Мервѣ.

Выборъ Комарова оказался вполнѣ удачнымъ.

Дѣйствуя согласно инструкціямъ, Алихановъ по прибытіи въ Мервъ принялся за увѣщеваніе хановъ. Для подкрѣпленія миссіи Алиханова генералъ Комаровъ выслалъ въ Карры-Бентъ отрядъ въ составѣ 4 ротъ стрѣлковъ, 4 горныхъ орудій, 2 сотенъ казаковъ и команды Туркменской конной милиціи, который и прибылъ на мѣсто своего назначенія 18 декабря 1883 года.

Результаты дѣятельности Алиханова обнаружились довольно быстро. Въ началѣ января 1884 г. мервцы прислали депутацію съ слѣдующимъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи:

„Прославленному Великому Царю, Высочайшему Повелителю русскихъ и иныхъ народовъ. Да продлится его благоденствіе и могущество, да не изсякнетъ его милость и благоволеніе, да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха.

Мы, ханы, старшины и уполномоченные всѣхъ родовъ и колѣнъ Мервскаго народа, собравшись сегодня [2]) на генгешъ и выслушавъ

---

[1]) Сіяхъ-Пушъ—чернорясникъ.

[2]) 1 января 1884 года.

присланнаго къ намъ штабсъ-ротмистра Алиханова, единогласно постановили добровольно принять русское подданство. Отдавая себя, свой народъ и свою страну подъ мощную Твою руку, Великій Царь, повергаемъ предъ Твоимъ трономъ просьбу уравнять насъ со всѣми подвластными тебѣ народами, назначить надъ нами правителей и водворить между нами порядокъ, для чего по Твоему велѣнію, мы готовы выставить нужное число вооруженныхъ конниковъ.

Для поднесенія сего постановленія народныхъ представителей нами уполномочены 4 хана и 24 старшины, каждый отъ двухъ тысячъ кибитокъ“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Комаровъ потребовалъ для доказательства искренности хановъ присылки въ Асхабадъ плѣнныхъ персіянъ.

Требованіе Комарова было исполнено, и депутація въ лицѣ хановъ Текинскаго рода и почетныхъ Мервскихъ старшинъ, по соотвѣтствующему разрѣшенію, прибыла въ Асхабадъ, гдѣ, согласно Высочайшаго соизволенія, присягнула на безусловное подданство Его Императорскому Величеству Государю Императору.

По принесеніи старѣйшинами Мерва присяги, Комаровъ въ цѣляхъ фактическаго присоединенія его къ Имперіи, въ сопровожденіи Карры Бентскаго отряда двинулся въ концѣ февраля въ Мервъ.

Между тѣмъ, тамъ за время отсутствія хановъ сорганизовалась довольно сильная партія приверженцевъ Англіи съ Каджаръ-Ханомъ во главѣ. Эта партія, побуждаемая англійскими агентами, рѣшила оказать вооруженное сопротивленіе вышедшему изъ Карры-Бента отряду Комарова.

Съ этою цѣлью Каджаръ-Ханъ произвелъ три небольшихъ нападенія на отрядъ, которыя каждый разъ были отбиваемы и послѣ которыхъ отрядъ неуклонно продолжалъ наступленіе.

4 марта 1884 года Комаровымъ было занято главное укрѣпленіе Мерва—Коушутъ-Ханъ-Кала.

На слѣдующій же день мервцами былъ арестованъ Каджаръ-Ханъ со своими сообщниками и Сіяхъ-Пушемъ.

Съ этого дня Мервъ фактически присоединился къ Имперіи.

За заслуги по присоединенію Мерва Алихановъ былъ вознагражденъ, по представленію Комарова, возвращеніемъ ему чиновъ и орденовъ, которыхъ онъ былъ ранѣе лишенъ за дуэль.

По присоединеніи Мерва, Іолатанскіе сарыки тоже изъявили покорность и присягнули на подданство Россіи.

Временемъ же окончательнаго присоединенія Іолатана нужно считать весну 1884 года, когда было организовано Іолатанское при-

ставство. Присоединеніе Мервскихъ земель и учрежденіе управленія ими не исчерпывало стоящихъ на очереди задачъ. Неотлагательнаго рѣшенія требовалъ весьма важный вопросъ о разграниченіи съ сосѣдними государствами, ибо, какъ было уже говорено выше, отсутствіе точной границы давало возможность аламанщикамъ продолжать грабежи, заходить довольно далеко и безнаказанно исчезать. Такая область, какъ старый Серахсъ, нѣкогда славившаяся своимъ необычайнымъ плодородіемъ, была окончательно разграблена и опустошена набѣгами Мервскихъ туркменъ. Туркмены Салоры, составлявшіе населеніе этой области, принуждены были частью перейти въ Авганистанъ, частью въ Хорасанъ, а большая ихъ часть перекочевала на лѣвый берегъ Теджена, близъ Зурабада, гдѣ бѣдствовала отъ недостатка земель и непосильныхъ поборовъ персидскихъ властей.

Вблизи Серахса находилась хорошо устроенная персидская крѣпость Рукнъ-Абадъ, занятая небольшимъ гарнизономъ, подъ командой офицера. Это была одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя были построены, какъ говорилось выше, персидскимъ правительствомъ съ цѣлью вліять на туркменъ. Освѣдомивши офицера, командовавшаго гарнизономъ Рукнъ-Абада, что въ виду перехода туркменъ подъ власть Россіи, земли ихъ по правому берегу Теджена присоединились къ Имперіи, А. В. Комаровъ потребовалъ немедленнаго очищенія крѣпости и удаленія ея гарнизона въ Новый Серахсъ. Требованіе это было исполнено. По приказанію Комарова въ маѣ 1884 года старый Серахсъ былъ занятъ сотнею отъ Кавказскаго 1 коннаго полка. Присоединеніе Серахскаго оазиса, какъ и предыдущія присоединенія Комарова, не потребовали отъ казны никакихъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій.

Въ цѣляхъ огражденія новыхъ своихъ подданныхъ отъ разграбленія, а также созданія условій, въ которыхъ эти подданные могли бы безъ помѣхи заниматься развитіемъ своей культуры и для поддержанія на подобающей высотѣ престижа русской власти, необходимо было озаботиться выясненіемъ точной границы, главнымъ образомъ съ Авганистаномъ—ареной дѣятельности англичанъ, такъ какъ оттуда шла пропаганда противъ русской власти, вслѣдствіе развившейся до болѣзненности тревоги за Индію, тѣмъ болѣе, что внутреннее политическое положеніе послѣдней внушало серьезныя опасенія. Вѣрить же въ то, что русское правительство стремится лишь только къ мирному развитію своихъ Закаспійскихъ владѣній, англичане, несмотря на всѣ увѣренія, не вѣрили и, создавая тѣ или иныя препятствія по пути осуществленія въ краѣ рус-

скихъ задачъ, требовали съ своей стороны установленія точной границы, для выясненія положенія. Рядъ послѣдовавшихъ вслѣдствіе этого сношеній съ англійскимъ кабинетомъ привелъ къ рѣшенію выслать съ обѣихъ сторонъ въ Закаспійскую область разграничительныя комиссіи.

Возможно быстрое прибытіе ихъ на мѣста было крайне желательно для Лондона, имѣвшаго тенденцію добиться предоставленія этимъ комиссіямъ права самостоятельнаго опредѣленія требуемой границы, не опредѣляя предварительно зоны изслѣдованій.

Однако эти плохо скрытые расчеты были разгаданы въ Россіи, и главнокомандующій войсками на Кавказѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, по соглашенію съ Комаровымъ, задержалъ русскую разграничительную комиссію въ Тифлисѣ. Министерство же иностранныхъ дѣлъ тѣмъ временемъ возбудило вопросъ объ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Между тѣмъ англійская разграничительная комиссія въ октябрѣ 1884 года подъ начальствомъ генерала сэра Питера Лемсдена и подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ Бенгальскихъ улановъ и 2 ротъ Пенджабской пѣхоты прибыла въ Гератскую провинцію.

По прибытіи этой комиссіи на мѣсто, авганское правительство, по подстрекательству членовъ ея, выслало свои разъѣзды въ нейтральную полосу съ тѣмъ, чтобы фактически захватить наиболѣе важные пункты будущей границы.

Эти плоды англійской дѣятельности заставили А. В. Комарова, въ свою очередь, занять старый Серахсъ двумя ротами стрѣлковъ, а бывшую тамъ сотню казаковъ выслать на 80 верстъ къ югу и занять Пулъ-и-Хатумъ. Далѣе по приказанію Комарова, съ согласія съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, небольшими командами отъ Туркменской конной милиціи были заняты посты: Зюльфагаръ, Кунгрюэли и Акъ-Рабатъ. По Мургабу же казачьи посты были выдвинуты до Имамъ-Баба.

Занятіемъ названныхъ пунктовъ вся желательная для Россіи граница оказалась въ нашихъ рукахъ.

Эти рѣшительныя дѣйствія Комарова послужили причиной оживленныхъ сношеній между Лондонскимъ и Петербургскимъ кабинетами.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петербургъ князя Дондукова (въ началѣ 1885 года), было собрано особое совѣщаніе изъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ и ихъ товарищей, въ которомъ участвовали прибывшій главнокомандующій на Кавказѣ, помощникъ его Шепелевъ и Лессаръ, для обсужденія полученнаго отвѣта изъ Лондона по вопросу о предварительномъ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Министерство Гладстона признавало, что эта послѣдняя должна находиться къ сѣверу отъ черты Доулетъ-Абадъ-Имамъ-Баба, считая, что все пространство къ югу отъ этой линіи принадлежитъ Авганистану и потому не можетъ подлежать изслѣдованіямъ для опредѣленія будущей границы.

Въ виду такого отвѣта, равносильнаго совершенному отказу Лондонскаго кабинета по вопросу о зонѣ изслѣдованій, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ было предложено считать переговоры въ этомъ смыслѣ прекращенными и прямо опредѣлить нашу границу до Зюльфагара или пункта южнѣе по границѣ Бархутскихъ горъ, теченію рѣки Кушки и оазиса Пендэ.

Какъ крайнюю уступку отъ занятаго нами исходнаго пункта на Герри-Рудѣ, которую можно было бы сдѣлать, князь Дондуковъ предложилъ протянуть линію къ рѣкѣ Егры-Чекъ, черезъ Кушкъ на Меручанъ, включивъ въ наши предѣлы мѣсторожденіе соли Еръ-Ойланъ и оазисъ Пендэ; пространство же между этою линіею и Бархутскими горами, столь тревожащее англичанъ опасеніями близкаго нашего сосѣдства съ Гератомъ, оставить внѣ нашей границы съ обязательствомъ, какъ для насъ, такъ и для авганцевъ не занимать этой территоріи ни селеніями, ни постами, а предоставить его въ исключительное пользованіе пограничному племени джемшидовъ, какъ исключительно пастбищное пространство для ихъ скотоводства.

Опредѣляя такимъ образомъ нашу будущую топографическую и этнографическую границу, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ имѣлось въ виду то, что полупокорное эмиру Абдурахману племя джемшидовъ будетъ такимъ образомъ въ полной нашей зависимости.

Послѣ долгихъ преній совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ князя Дондукова, и въ этомъ смыслѣ рѣшено было отвѣчать англійскому кабинету, упомянувъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что русское правительство приметъ мѣры къ обезпеченію за нимъ этой границы.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, совѣщаніе обсудило тѣ мѣры, которыя необходимо было принять для усиленія Комарова, на случай открытія авганцами враждебныхъ дѣйствій.

О результатахъ этого совѣщанія была составлена меморія, за общею подписью, на которую послѣдовала Высочайшая резолюція объ утвержденіи всѣхъ предположеній, съ тѣмъ однако, чтобы никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ Англіи въ данномъ вопросѣ не дѣлать.

Объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи былъ немедленно увѣдомленъ А. В. Комаровъ.

Вслѣдствіе энергичной и вполнѣ соотвѣтствующей достоинству Великой Державы резолюціи Императора Александра III, вопросъ

о разграниченіи вступилъ въ новую фазу—исполненія предначертанной програмы безъ всякихъ колебаній и уступчивости, чему вполнѣ и соотвѣтствовали энергичныя дѣйствія Комарова.

„Самъ Государь неоднократно выражалъ мнѣ,—писалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ А. В. Комарову,—полное одобреніе Вашихъ распоряженій и такта, обнаруженнаго въ Вашихъ дѣйствіяхъ“.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ князя изъ Петербурга было получено увѣдомленіе нашего посла въ Лондонѣ и отвѣтъ Британскаго кабинета на категорическія заявленія русскаго правительства. Послѣ надменныхъ заявленій лорда Гранвилля о принадлежности Авганистану занятыхъ нами территорій, послѣ рѣзкаго на это опроверженія нашего посла, англичане выступили съ предложеніемъ ограничиться пунктами, занятыми русскими войсками, съ тѣмъ, что и Авганистану будетъ внушено не переходить за черту занятыхъ ими линій—на что получили отъ посла категорическій отказъ, не отвергавшій однако, возможности продолженія переговоровъ.

На докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, Государь по этому вопросу изволилъ начертать, что это ни въ чемъ не измѣняетъ принятое Имъ рѣшеніе по первой представленной Ему меморіи и ни въ чемъ не допускаетъ дальнѣйшихъ уступокъ.

Такимъ образомъ, въ силу воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы конечнымъ пунктомъ русской границы съ Авганистаномъ считать мостъ Ташъ-Кепри, Комарову предстояло укрѣпиться у этого пункта.

Между тѣмъ въ оазисѣ Пендэ, занятомъ частью туркменскаго племени сарыковъ, авганцы собрали значительный отрядъ изъ регулярной пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи, а также временной милиціи, набранной изъ джемшидовъ и другихъ племенъ, живущихъ на сѣверныхъ склонахъ Парапамиза. Сборъ столь значительнаго отряда вблизи предполагаемой русской границы произвелъ крайне не выгодное для Россіи впечатлѣніе на недавно присоединенныхъ туркменъ и сарыковъ.

Для поддержанія нашихъ передовыхъ постовъ и парализованія авганскаго вліянія были въ концѣ января сформированы, а въ серединѣ февраля высланы два отряда.—Одинъ изъ баталіона стрѣлковъ, 2-хъ орудій и сотни казаковъ въ старый Серахсъ, а другой изъ двухъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій, трехъ сотенъ казаковъ, двухъ сотенъ туркменской временной конной милиціи направленъ по долинѣ Мургаба, для прочнаго занятія самаго Мургаба и моста Ташъ-Кепри, куда впередъ была выслана сотня туркменской конной милиціи, расположившаяся на Кизилъ-ле-Тепе вблизи моста, въ виду авганскаго лагеря.

Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ.

Между тѣмъ бряцаніе англійскаго оружія становилось все сильнѣе, и въ русской и заграничной прессѣ появлялись статьи самаго воинственнаго настроенія.

26 февраля 1885 года военный министръ телеграфировалъ Комарову:

„Занятіе Пендэ вашими войсками можетъ повести къ разрыву съ Англіей, поэтому согласно данной инструкціи вамъ слѣдуетъ ограничиться занятіемъ Зюльфагара и Ташъ-Кепри и упрочить за собою это положеніе. Если же Пендэ и пункты южнѣе Зюльфагара вами заняты, то дѣйствуйте съ осмотрительностью и согласно достоинству Россіи.

Генералъ-Адъютантъ Ванновскій“.

Въ свою очередь князь Дондуковъ-Корсаковъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ дѣла, освободить Комарова отъ излишнихъ съ нимъ сношеній:

„Вы знаете, настолько я далекъ отъ боязни централизаціи и стѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, а также отъ порока канцелярской бюрократіи, мертвящей всякое живое дѣло въ Россіи во всемъ полезномъ, добромъ, честномъ. Вы знаете также, что всегда найдете полную во мнѣ поддержку и готовность принять многое на мою отвѣтственность, лишь бы честь и достоинство правительства и успѣхъ дѣла оправдывали бы мѣропріятія, требующія безотлагательнаго рѣшенія, а не безплодной переписки“.

Такимъ образомъ въ это тяжелое время генералъ Комаровъ былъ предоставленъ своей собственной находчивости, энергіи, рѣшительности и такту. Это было весьма кстати, такъ какъ со стороны англійской разграничительной комиссіи возможно было ожидать самыхъ непредвидѣнныхъ дѣйствій въ виду того фіаско, которое она потерпѣла въ своей политической миссіи, вслѣдствіе неприбытія русской комиссіи, занятія Комаровымъ Серахса и Пулъ-и-Хатума и, наконецъ, въ виду своихъ безплодныхъ попытокъ и затратъ для возбужденія противъ насъ сарыковъ и тяготѣнія къ намъ джемшидовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Комаровъ счелъ своимъ долгомъ присоединиться къ отряду, двинуться вмѣстѣ съ нимъ на Мургабъ, такъ какъ тамъ оборотъ дѣлъ принималъ наиболѣе острый характеръ, и уже на мѣстѣ опредѣлить свои дѣйствія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, Комаровъ, несмотря на отчаянную погоду, на непролазную, буквально, грязь, прибылъ въ Имамъ-Баба и присоединился къ своему отряду.

6-го марта по сборѣ войскъ Мургабскаго отряда въ Имамъ-Баба, генералъ-лейтенантъ Комаровъ принялъ на себя непосредственно

Поле сраженія при Кушкѣ.

командованіе имъ. Около этого же числа подошло подкрѣпленіе изъ Самарканда изъ третьяго линейнаго туркестанскаго баталіона, подъ командою полковника Казанцева.

Прибывшія войска были радушно встрѣчены составомъ мургабскаго отряда. Сразу же установились самыя задушевныя, теплыя отношенія со вновь прибывшимъ баталіономъ.

Съ прибытіемъ этого подкрѣпленія мургабскій отрядъ представлялся въ слѣдующемъ составѣ: Сводный Закаспійскій стрѣлковый баталіонъ, составленный изъ двухъ ротъ 3-го и двухъ ротъ 6-го баталіоновъ, подъ командою полковника Семеновича Никшича, 3-й линейный туркестанскій баталіонъ, полубатарея 6-й горной батареи 21 артиллерійской бригады, 3 сотни кавказскаго казачьяго полка и сотня мервской милиціи, недавно сформированная и вооруженная однѣми шашками. Эта сотня находилась подъ командой Баба-Хана, сына извѣстнаго Коушутъ-Хана.

Въ составъ свиты Комарова входили представители почти всѣхъ Мервскихъ племенъ: изъ нихъ назовемъ Махтумъ-Кули-Хана, Сары-Батырь-Хана, Майли-Хана, Сары-Хана Іолотанскаго, Сеидъ-Назаръ-Хана Аліалинскаго и Юсуфъ-Хана.

7 и 8 марта весь отрядъ былъ передвинутъ въ Аймакъ-Джары, куда перевезены были всѣ продовольственные запасы, и устроено тамъ хлѣбопеченіе. Въ Имамъ-Баба осталась команда всего лишь въ 25 человѣкъ.

9-го марта Комаровъ послалъ изъ Аймакъ-Джара двухъ офицеровъ генеральнаго штаба (Закржевскаго и Прасолова) на рекогносцировку расположенія Авганскихъ войскъ. Офицеры эти въ сопровожденіи четырехъ казаковъ поѣхали на нашъ милиціонерскій постъ въ Кизилъ-ле-Тепе, верстахъ въ двухъ отъ Авганскаго лагеря, и, обозрѣвъ расположеніе послѣдняго, доложили обо всемъ видѣнномъ.

Докладъ этихъ офицеровъ подтверждалъ прежде полученныя свѣдѣнія отъ начальника поста и развѣдчиковъ, высланныхъ Комаровымъ еще во время стоянія отряда въ Имамъ-Баба.

Офицеры генеральнаго штаба утверждали, что войскъ въ Авганскомъ лагерѣ должно быть болѣе 2.500—3.000 человѣкъ [1]), затѣмъ сообщили, что позиція, занятая авганцами, очень сильна, но лѣвый флангъ ея нѣсколько слабъ.

На лѣвомъ берегу Кушка, у моста Ташъ-Кепри 10-го марта бы-

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что авганцевъ было до 4.000 человѣкъ, не считая начальствующихъ лицъ, ихъ свиты и прислуги.

ли замѣчены только сторожевые посты изъ нѣсколькихъ всадниковъ и съ полсотни пѣшихъ на бугрѣ, рывшихъ траншеи.

12-го марта отрядъ выступилъ изъ Аймакъ-Джара, ночевалъ въ Урушъ-Душанѣ, а на другой день подъ вечеръ расположился бивуакомъ на равнинѣ, на берегу Мургаба, верстахъ въ двухъ отъ нашего поста въ Кизиль-ле-Тепе, то есть верстахъ въ четырехъ или пяти отъ авганцевъ.

Мѣсто это было выбрано Комаровымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не возбуждать въ авганцахъ ложной тревоги и въ надеждѣ привести въ исполненіе данныя ему инструкціи о занятіи Ташъ-Кепри мирнымъ путемъ, оставивъ Авганскія войска сидѣть спокойно въ ихъ лагерѣ на правомъ берегу р. Кушка.

По прибытіи отряда на мѣсто, Комаровымъ была выслана сотня милиціонеровъ подъ командою ротмистра Алиханова, для опредѣленія расположенія Авганскихъ аванпостовъ.

При приближеніи отряда сторожевые посты авганцевъ не высказали никакихъ враждебныхъ намѣреній, но даже вступили въ мирные разговоры со всадниками милиціи. Изъ этихъ разговоровъ выяснилось, что Авганскія войска имѣли приказаніе воспрепятствовать переходу русскихъ на другой берегъ Кушка.

Никакихъ, особенно новыхъ свѣдѣній, этотъ отрядъ по возвращеніи не привезъ. Однако, Комаровъ счелъ необходимымъ тогда же принять необходимыя мѣры къ охраненію нашего бивуака, для чего ежедневно стали наряжаться по полуротѣ пѣхоты и по взводу казаковъ на наши передовые посты, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не выдвигался впередъ отъ пункта, занятаго милиціонерами еще съ пятаго февраля, т. е. Кизиль-ле-тепе.

Черезъ Мургабъ, для того чтобы выставить передовой постъ на другомъ его берегу, была, по приказанію Комарова, устроена переправа изъ парома на пустыхъ баклагахъ.

14-го марта утромъ отъ капитана Іэта, назначеннаго генераломъ Лемсденомъ для наблюденія въ Пендэ, было получено слѣдующее письмо:

„Г. Командующему русскими войсками. Пендже, 14-го (26-го) марта 1885 года

Г. Полковникъ.

Наибъ-Саларъ, командующій войсками, увѣдомилъ меня, что Вы выражали желаніе повидаться со мною. Я съ своей стороны очень желалъ бы имѣть съ Вами свиданіе, которое могло бы послужить къ выясненію нашего взаимнаго положенія. Поэтому я буду къ Вашимъ услугамъ, въ ожиданіи, что Вы соблаговолите назначить

мнѣ удобный для Васъ часъ. Имѣю честь просить Васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, дипломатическій
агентъ Ея Великобританскаго Величества".

На это письмо, по приказанію Комарова, хотя никто никакихъ свиданій не просилъ, полковникомъ Закржевскимъ было отвѣчено:

„Г. Капитанъ.

Имѣю честь сообщить Вамъ, что хотя никто изъ командующихъ русскими отрядами не спрашивалъ свиданія, тѣмъ не менѣе я прибуду къ 5 часамъ къ мосту Ташъ-Кепри, и мнѣ будетъ весьма лестно познакомиться съ Вами.

Имѣю честь просить Васъ, г. капитанъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи

Н. Закржевскій, генеральнаго штаба
подполковникъ".

Въ назначенное время свиданіе состоялось на полянѣ между русскими и авганскими постами. Кромѣ капитана Іэта на это свиданіе прибыли капитанъ Лассе и докторъ Оуэнъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ Авганскихъ всадниковъ и двухъ человѣкъ изъ англо-индійскихъ войскъ.

Подполковникъ Закржевскій послѣ взаимныхъ представленій предложилъ англичанамъ холодную закуску. Разговоръ, имѣвшій частный характеръ, велся на французскомъ языкѣ, и капитанъ Лассе служилъ переводчикомъ для капитана Іэта, не знавшаго этого языка. Подполковникъ Закржевскій повторилъ, что никто изъ русскихъ военноначальниковъ не просилъ ни о какомъ свиданіи, и что они вѣроятно ошиблись по какому-нибудь недоразумѣнію. На это англичане поспѣшили отвѣтить, что если и произошла ошибка, то они ей очень рады, такъ какъ благодаря ей они пріобрѣли пріятное знакомство.

Затѣмъ англичане, упомянувъ, что между Россійскимъ и Британскимъ правительствами состоялось соглашеніе, и что въ виду этого соглашенія они рѣшаются откровенно высказать, что находятся въ очень затруднительномъ положеніи, что имъ поставлена трудная задача поддерживать status quo въ Сарыкскомъ населеніи Пендэ, и что задача эта съ минуты на минуту становится труднѣе, въ виду возможности столкновенія русскихъ войскъ съ авганскими. Особенно настойчиво добивались англичане свѣдѣній по поводу послѣдняго обстоятельства, т. е. о намѣреніяхъ русскихъ войскъ.

На это подполковникъ Закржевскій отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій отъ своего начальства и о намѣреніяхъ генерала Комарова ничего не знаетъ, но съ готовностью, если имъ угодно, выскажетъ по интересующимъ ихъ вопросамъ свое личное мнѣніе и прибавилъ, что сама очевидность событій и обстановка данной минуты можетъ служить для нихъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что русскія войска не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать авганцевъ, ибо если бы такое намѣреніе существовало, то ничто не мѣшало русскимъ уничтожить авганцевъ въ первую же четверть часа по прибытіи своемъ на долину, на которой они устроили свой бивуакъ, но что нельзя обойти молчаніемъ, что авганцы безъ всякаго повода начали выдвигать впередъ и на фланги свои посты и рыть укрѣпленія. Англичане отвѣтили, что въ исходѣ могущаго произойти столкновенія они нисколько не сомнѣваются, только повторяютъ, что ихъ положеніе очень затруднительно, и они были бы весьма обязаны, если бы ихъ предупредили о могущихъ возникнуть осложненіяхъ.

На это Закржевскій отвѣтилъ полною своею готовностью быть къ ихъ услугамъ и не оставлять ихъ сообщеніями, насколько это позволитъ положеніе русскаго офицера.

На другой день послѣ этого капитанъ Іэтъ прислалъ на имя Закржевскаго новое письмо:

„Г. Полковникъ.

Вчера я имѣлъ удовольствіе объяснить Вамъ положеніе, въ которомъ мы здѣсь находимся, равно какъ и наши инструкціи, предписывающія намъ охранять, насколько отъ насъ зависитъ, спокойствіе и status quo и тѣмъ самымъ содѣйствовать облегченію щекотливыхъ переговоровъ между обоими Правительствами. Извѣстія, которыя мы получили изъ Лондона и которыя сообщены мною Вамъ, указываютъ, что Ваше Правительство раздѣляетъ мнѣніе Британскаго Правительства, желая и съ своей стороны облегчить переговоры сохраненіемъ status quo. Извѣстіе о такомъ согласіи дало мнѣ смѣлость откровенно сказать Вамъ, въ чемъ состоятъ наши затрудненія, и просить Васъ о любезномъ содѣйствіи нашимъ усиліямъ на пользу того, что представляется общимъ интересомъ обоихъ Правительствъ.

Такъ какъ Вы упомянули о томъ, что расположеніе нѣкоторыхъ авганскихъ постовъ слишкомъ выдвинуто впередъ, то я совѣтовалъ Наибъ-Салару отозвать всѣ посты, расположенные по ту сторону черты, которая была занята до время прибытія нашихъ всадниковъ въ Кизилъ-Іафель.

Требованіе мое онъ принялъ хорошо и надѣется, что авганцы не причинятъ намъ никакихъ непріятностей. Теперь считаю своимъ долгомъ увѣдомить Васъ, что авганцы получили отъ Эмира приказаніе—какъ только сдѣлана была бы попытка заставить ихъ очистить занимаемую ими нынѣ позицію—открыть огонь, хотя бы только для того, чтобы обозначить начатіе активныхъ враждебныхъ дѣйствій.

Я вполнѣ понимаю, что, съ военной точки зрѣнія, къ этому обстоятельству Вы отнесетесь довольно равнодушно; но съ политической точки зрѣнія дѣло имѣетъ совсѣмъ иное значеніе; столкновеніе, какъ бы оно ни было незначительно, не замедлитъ прискорбнымъ образомъ помѣшать переговорамъ, успѣшнаго окончанія которыхъ мы такъ желаемъ. Я не совсѣмъ понялъ, получили ли Вы уже то извѣстіе, о которомъ я упомянулъ вчера, а потому спѣшу послать Вамъ переводъ полученной телеграммы.

Телеграмма отъ лорда Гранвилля на имя генерала Лемсдена, подана 5-го (17-го) марта 1885 года.

„Русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомилъ нашего посла, что Русскія войска не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не выдвинутся впередъ и не атакуютъ, и если равнымъ образомъ не возникнетъ какого-нибудь чрезвычайнаго событія, вродѣ безпорядковъ въ Пендждѣ. Русскій Министръ прибавляетъ, что посланы точныя приказанія не вызывать столкновенія, но избѣгать его всѣми возможными средствами. Приказанія эти будутъ еще повторены“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Лассе, капитанъ, политическій агентъ.

Докторъ Оуэнъ, котораго я имѣлъ честь представить Вамъ вчера, проситъ меня сказать Вамъ, что онъ предоставляетъ себя въ полное Ваше распоряженіе, на случай, если бы Вамъ понадобились его услуги. Онъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ медиковъ и одинъ изъ первыхъ окулистовъ своего времени. Если бы въ Вашемъ лагерѣ не оказалось специіалиста, то онъ могъ бы быть Вамъ полезенъ.

Имѣю честь просить Васъ, г. Полковникъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, политическій агентъ
Ея Великобританскаго Величества“.

На это письмо англичанъ, А. В. Комаровъ приказалъ подполковнику Закржевскому отвѣтить слѣдующее:

16-го (28-го) марта 1885 года.

„Г. Капитанъ.

Спѣшу поблагодарить Васъ за любезное сообщеніе извѣстій и копіи съ депеши лорда Гранвилля. Прошу Васъ передать мою искреннюю благодарность г. доктору Оуэну за его предупредительность, но въ настоящую минуту мы, благодаря Бога, не видимъ надобности обращаться къ его таланту. Я буду счастливъ пожать его руку при первомъ свиданіи.

Я представилъ Командующему Закаспійскимъ отрядомъ русскихъ войскъ, генералу Комарову, подробный докладъ о нашемъ послѣднемъ свиданіи, равно какъ и о письмахъ, которыя Вамъ угодно было адресовать ко мнѣ.

Его Превосходительство приказалъ мнѣ увѣдомить Васъ, г. капитанъ, что онъ отнюдь не имѣетъ намѣренія начинать враждебныя дѣйствія противъ авганцевъ, если не вынудятъ его къ тому, перейдя въ наступленіе; но онъ считаетъ безусловно необходимымъ пригласить авганцевъ, чтобы они отодвинули свои посты, которые продолжаютъ выдвигаться впередъ, чѣмъ ставятъ его въ необходимость принять серьезныя мѣры, чтобы заставить ихъ отодвинуться и тѣмъ самымъ уменьшить вѣроятность столкновенія.

Если авганцы пожелаютъ убрать свои аванпосты съ лѣваго берега Кушка, равно какъ и съ праваго берега Мургаба, то онъ можетъ положительно отвѣчать за ихъ безопасность, такъ какъ ни одному русскому солдату не будетъ позволено перейти черезъ Кушкъ.

Позволяю себѣ присовокупить нѣсколько словъ, чтобы сообщить Вамъ, Милостивый Государь, мою личную точку зрѣнія на послѣднія событія. Авганцы, постоянно измѣняя линію своихъ аванпостовъ, отнимаютъ у насъ всякую возможность сохранить status quo, въ поддержаніи котораго мы были бы счастливы помочь Вамъ при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ депешѣ лорда Гранвилля сказано, что русскія войска не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не подвинутся впередъ и т. д..., что вполнѣ согласно съ полученными нами приказаніями. Я нахожу, что образъ дѣйствій авганцевъ, нарушающій помянутое условіе, является довольно оригинальнымъ средствомъ къ тому, чтобы избѣгнуть столкновенія.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

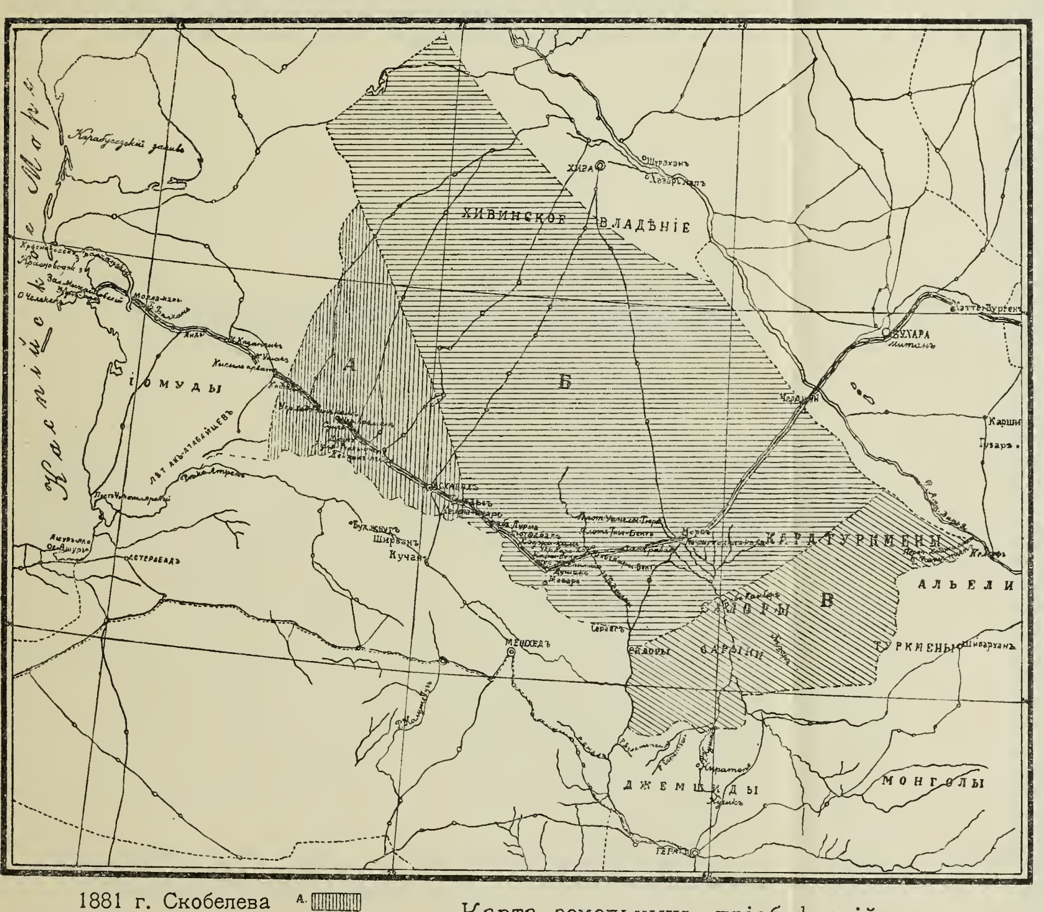
Н. Закржевскій, подполковникъ“.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: авганцы, съ самаго дня прибытія Мургабскаго отряда въ Кизилъ-ле-Тепе, начали выдвигать свои посты впередъ и на фланги русскаго бивуака на лѣвый берегъ рѣки Кушки, на цѣлые дни высылать массы кавалеріи и усиленно занялись постройкою укрѣпленій, особенно па лѣвомъ берегу р. Кушки.

Такой образъ дѣйствій авганцевъ заставилъ Комарова въ свою очередь выслать на рекогносцировки: 14-го марта на правый берегъ рѣки Мургаба капитана Генеральнаго Штаба Прасолова съ пятью джигитами, а 15-го числа, его же, для производства съемки, съ ротою стрѣлковъ, въ качествѣ прикрытія. Въ тотъ же день на рекогносцировку къ лѣвому берегу Кушка, была выслана по направленію на Кала-и-Моръ сотня туркменъ Мервской милиціи, подъ командою подполковника Алиханова.

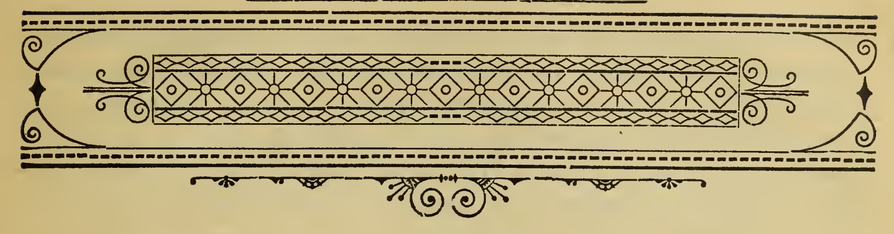
(Окончаніе слѣдуетъ).

1881 г. Скобелева А.
1884 г. Комарова Б.
1885 г. Комарова В.

Карта земельныхъ пріобрѣтеній въ Закаспійской Области.

Таинственная старица.

(Изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка).

Въ одномъ изъ уголковъ уютнаго кладбища Пензенскаго Троицкаго женскаго монастыря пріютилась скромная могилка съ скромною же надписью на плитѣ: „*Старица Анна. Скончалась въ 1861 г.*“.

Могилка эта, хранящая останки нѣкоей старицы Анны, въ настоящее время почти забыта—ее знаютъ только сестры обители и немногіе изъ горожанъ и сельскихъ жителей. Но въ свое время она возбуждала особое вниманіе пензяковъ. Много было толковъ, разговоровъ и споровъ о старицѣ, таинственно привезенной въ Пензу весною 1861 года, въ сопровожденіи послушницы и жандарма, одѣтой, хотя и по-монашески, но во все *бѣлое*, съ наперснымъ крестомъ на груди... Секретныя бесѣды съ нею мѣстныхъ преосвященнаго и губернатора, скорая смерть, немедленная отсылка куда-то всѣхъ ея вещей и бумагъ, строгое архіерейское внушеніе игуменіи монастыря за устроенные ею „якобы“ пышные похороны умершей — все это невольно заставляло пензенскихъ обывателей задаваться вопросомъ: кто эта старица? Дѣлалось много предположеній о ея личности. Особенно упорно говорили, что старица Анна первая жена великаго князя Константина Павловича... Считали ее и за Е. Ф. Татаринову, извѣстную хлыстовку [1]) и под. Но истины никто добиться не могъ. Таинственная старица и осталась для всѣхъ таинственною. Такова же она и до настоящаго времени.

---

[1]) „Русская Старина“ за 1889 г., т. LXIII, стр. 193.

И мы, предлагая нѣсколько новыхъ, документальныхъ, данныхъ о старицѣ Аннѣ, вовсе не имѣемъ въ виду отвѣтить на вопросъ: кто она? Нѣтъ. Своимъ очеркомъ намъ хотѣлось бы только дать будущему историку „монастырскихъ тюрьмъ и ихъ насельниковъ“ хотя бы какія-нибудь нити къ распутыванію этого историческаго клубка недавняго прошлаго времени...

* * *

Исторія „*Таинственной старицы*“ въ дѣлѣ [1]), по которому мы предлагаемъ свой разсказъ о ней, начинается отношеніемъ генералъ-адъютанта графа Орлова къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову отъ 4 апрѣля 1852 года. Въ своемъ отношеніи графъ Орловъ, между прочимъ, пишетъ, что „вдова кол. асессора Анна Степанова, выдающая себя въ публикѣ ложно за монахиню, утруждала Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ объ освобожденіи ея отъ полицейскаго надзора, которому она подвергнута будто-бы безвинно, и о дозволеніи ей свободно проживать во всѣхъ городахъ Россіи. Въ слѣдствіе сего, продолжаетъ графъ, сдѣлано было сношеніе съ Петербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, и изъ его отзыва усмотрѣно, что эта та самая Степанова, которая странными поступками своими обратила на себя вниманіе преосвящ. Никанора, митрополита С.-Петербургскаго, и по поводу отношенія Вашего Сіятельства къ нему, генералу Шульгину..., произведеннымъ о ней полицейскимъ разысканіемъ, отдана по Высочайшему повелѣнію подъ надзоръ полиціи, но такъ какъ она, несмотря на воспрещеніе ей, продолжаетъ выдавать себя за монахиню, безъ всякаго основанія, ведетъ ту же странную жизнь и утруждаетъ правительство неосновательными жалобами и домогательствами, то онъ, Военный Губернаторъ, полагалъ отправить ее навсегда въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ женскихъ монастырей, для пресѣченія ей способовъ къ неприличнымъ поступкамъ и разнымъ обманамъ и предсказаніямъ, коими она привлекаетъ народъ. Признавъ со своей стороны таковое мнѣніе совершенно справедливымъ, я всеподданнѣйше предлагалъ о томъ на благоусмотрѣніе Государя Императора и Его Величество Высочайше соизволилъ повелѣть привесть оное въ исполненіе“...

Святѣйшій Синодъ, на третій день по полученіи приведеннаго отношенія, постановилъ отправить Степанову въ отдаленный, глу-

---

[1]) Дѣло Синод. Архива № 3550 за 1852 г. срав. Указы Пензенской Дух. Консисторіи, хранящіеся въ архивѣ Троицкаго ж. монастыря за №№ 18, 19, 22 и др. 1861 г.

хой Екатеринбургскій первоклассный монастырь Пермской епархіи. При этомъ мѣстному епархіальному архіерею было рѣшено предписать, чтобы, по доставленіи Степановой въ монастырь, подвергнута она была строгому надзору настоятельницы и надлежащему увѣщанію, и чтобы объ успѣхѣ въ томъ, равно какъ и объ образѣ жизни и поведеніи ея доносимо было Синоду по-полугодно.

Прошло почти полтора мѣсяца со дня рѣшенія Синода, а въ исполненіе оно все не было еще приведено. Въ Степановой приняла участіе Петербургская аристократія... И вотъ предсѣдательница С.-Петербургскаго Дамскаго Тюремнаго Комитета генеральша Потемкина[1]) обращается къ гр. Протасову съ просьбою, ради болѣзненнаго состоянія и престарѣлыхъ лѣтъ Степановой, жившей въ то время уже въ пересыльной тюрьмѣ, назначить ей другой ближайшій монастырь. Изъ приложеннаго къ просьбѣ Потемкиной свидѣтельства врача видно, что Степановой уже 77 лѣтъ; страдаетъ она періодическимъ стѣсненіемъ въ груди и судорогами въ рукахъ и ногахъ, при постоянномъ отекѣ послѣднихъ.

Протасовъ передалъ просьбу Потемкиной Синоду, и послѣдній уважилъ ее, постановивши отправить Степанову въ Усманскій Софійскій монастырь, Тамбовской губерніи подъ тотъ же надзоръ, какой назначенъ былъ ей въ первый разъ. 2-го іюля, какъ видно изъ донесенія преосвящ. Тамбовскаго Николая (Доброхотова), Анна Степанова „доставлена“ была въ Тамбовъ „съ нарочно командированнымъ отъ С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора квартальнымъ... Голощаповымъ“ и въ тотъ же день отправлена въ назначенный ей монастырь, куда прибыла 4-го іюля, устроившись, какъ писала игуменія Евпраксія, въ „приличныхъ званію ея келліяхъ“...

О жизни Анны Степановой въ Успенскомъ монастырѣ оффиціальное дѣло говоритъ очень немного. И это немногое даютъ намъ тѣ рапорты полугодичные, которые, по предписанію Синода, представлялъ туда преосвященный Николай. Во всѣхъ ихъ (нами прочитано ихъ 7) до января 1856 года преосвящ. Николай, на основаніи, конечно, отзыва игуменіи, характеризуетъ невольную отшельницу съ самой хорошей стороны. По его словамъ „она ведетъ себя хорошо, ни въ какихъ предосудительныхъ и безчестныхъ поступкахъ настоятельницею не замѣчена... три раза (въ полугодіе) самоизвольно говѣла, была на исповѣди и сообщалась св. Таинъ, являла

---

[1]) Татьяна Борисовна, урожд. кн. Голицына. Извѣстна своею благотворительностью. Сконч. 1 іюля 1869 г. Была близка къ Царской Фамиліи и высшему духовенству—напр. къ митроп. Филарету (Дроздову).

*

неослабную ревность во всѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, всегда оказывала знаки покорности, хранила уединеніе и, при всякомъ случайномъ общеніи, соблюдала примѣрную тихость...,—къ трудамъ охоту и постоянную заботливость о загробной жизни"... Подробно преосвящ. Николай говоритъ въ своихъ рапортахъ и о внѣшнемъ положеніи ея въ обители. „По силѣ ея прежняго цѣножизненнаго навыка, замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній архипастырь, и настоящаго разстроеннаго здоровья, она открыла настоятельницѣ, что обыкновенная трапезная пища, приготовляемая сообразно уставамъ церкви, и соразмѣрно монастырскихъ доходовъ, не только не можетъ (поддерживать) ея уже разстроенныхъ силъ и здоровья, но и неудобопріятна для теперешняго ея вкуса, а приготовленіе, хотя въ самыхъ малѣйшихъ порціяхъ, для нея всегда необходимыхъ кушаній съ приправами поварскими стоитъ для монастыря большихъ издержекъ; пріобрѣтеніе таковыхъ съѣстныхъ припасовъ и приправъ, за неимѣніемъ въ монастырѣ, стоитъ, кромѣ издержекъ, большихъ трудовъ. Привозныхъ рыбъ засольныхъ и свѣжихъ, какія достаются въ ближайшей къ городу и монастырю рѣкѣ Усманкѣ, и какія продаются, большею частью, на ближайшихъ базарахъ, она, Степанова, испытавъ отъ нихъ большой вредъ, употреблять ихъ также не можетъ; а другихъ лучшихъ свѣжихъ донскихъ рыбъ, которыя бы съ пользою могли быть употребляемы ею въ пищу, монастырь не имѣетъ способовъ для нея таковыя пріобрѣтать; вслѣдствіе этого она, не употребляя иногда пищи, истаеваетъ отъ голода, а иногда по крайней нуждѣ и въ поддержку собственной жизни, пріемля и самую лучшую пищу, очевидно, тѣмъ усиливаетъ только припадки своихъ болѣзней. При томъ воды, находящіяся близъ монастыря, по болотистому ихъ свойству, а равно и самая сырость монастырскихъ келлій, не менѣе вредное имѣетъ вліяніе на ея здоровье и силы къ развитію ея тяжкихъ болѣзней, такъ что судорожные припадки, часъ отъ часу болѣе являющіе свои дѣйствія во всемъ ея тѣлѣ, поставляютъ ее въ безотрадномъ положеніи и дѣлаютъ жизнь болѣе и болѣе жалкою для каждаго сострадательнаго человѣка"...

Такъ, въ продолженіе пяти почти лѣтъ, изъ полугодія въ полугодіе, доносилъ преосвящ. Николай Синоду объ Усманской узницѣ. Можно было бы, читая рапорты тамбовскаго іерарха, подумать, что Анна Степанова и на самомъ дѣлѣ смирилась предъ своею судьбою и не для себя уже жила, не о своемъ немощномъ тѣлѣ думала, а предуготовляла себя „благочестивыми упражненіями" къ загробной жизни. Но... увы! Такова она была только на-показъ, предъ своимъ ближайшимъ начальствомъ — игуменіею и архіереемъ. На самомъ же дѣлѣ въ этой бодрой духомъ старушкѣ кипѣла жизнь. Не о

смертномъ часѣ думала она, не благочестивыя упражненія занимали ее... Нѣтъ. Ея мечта была какъ-нибудь бы, а избавиться отъ невольной ссылки, уѣхать изъ Тамбовской глуши... И первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана еще въ январѣ 1855 года...

Нѣкая Аграѳена Денисова, прислуживавшая Аннѣ Степановой въ Усманскомъ монастырѣ, а въ январѣ мѣсяцѣ 1855 г. какимъ-то образомъ очутившаяся „на Фонтанкѣ“ въ С.-Петербургѣ, отправила 14-го числа письмо на имя Великой Княгини Александры Іосифовны. Вотъ это письмо: „Ваше Императорское Высочество, Богомъ спасаемая и возлюбленная Матушка, Александра Іосифовна. 80-яя старица мать Анфисса отъ духовныхъ подвиговъ и глубокой старости въ совершенномъ изнеможеніи силъ, кромѣ того монастырь окруженъ болотами, лишенъ здоровой воды и такъ бѣденъ, что келліи всегда сыры и нездоровы. Будучи ея послушницею, осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Высочество за мою благодѣтельницу въ дѣлѣ спасенія, о переводѣ ея въ Кіевъ или снятіи съ нея запрещенія“...

Письму этому данъ былъ ходъ. Оно было передано чрезъ Оберъ-Прокурора Святѣйшему Синоду. Послѣднимъ было постановлено отъ 17 марта и 25 ноября 1855 г. истребовать отъ преосвящ. Тамбовскаго Николая свѣдѣнія—есть ли въ Усманскомъ женскомъ монастырѣ старица Анфиса, и не одно ли она и то же съ Анною Степановой?

Въ отвѣтъ на запросъ Синода преосвященный Николай, на основаніи рапорта Усманскаго благочиннаго протоіерея Ласточкина, сообщалъ: 1) что, заключенная въ монастырь, Анна Степанова дѣйствительно имѣетъ въ услуженіи (а не послушницу) С.-Петербургскую мѣщанку дѣвицу Денисову, которая созналась, что письмо Великой Княгинѣ писала она; 2) имя Анфисы Аннѣ Степановой не принадлежитъ ни по какимъ документамъ, другой же высланной подъ монастырскій надзоръ нѣтъ. Денисова же называла ее матушкою Анфисою потому, что, по ея словамъ, она „всегда симъ именемъ называла и называетъ ее, другого же имени, которое бы принадлежало старицѣ Анфисѣ, она никакого не знаетъ“. Что касается письма, то оно отправлено было по просьбѣ самой матери Анфисы, которая умоляла ее, при отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, постараться „всемѣрно о ея положеніи, хотя бы словесно объяснить кому-либо изъ царской фамиліи; а какъ она исполнить сего не могла, то и рѣшилась подать прошеніе, но кто оное ей писалъ, она не знаетъ, а равно приложена ли къ оному за нее рука, ей также неизвѣстно, потому что прикладывать за себя руку она никого не просила; поступила же она въ Усманскій Софійскій монастырь съ озна-

ченною матушкою Анфисою 1852 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ прямо изъ С.-Петербургскаго тюремнаго замка, но принадлежитъ ли ей Анфисѣ названіе—вдова к. а. Анна Степанова, она свѣдѣній объ томъ никакихъ не имѣетъ"...

Синодъ, получивши отзывъ преосвященнаго Николая, постановилъ 19-го марта 1856 г. оставить просьбу Денисовой объ Анфисѣ старицѣ безъ удовлетворенія, такъ какъ заключена она въ монастырь по Высочайшему повелѣнію „за неприличные поступки, разные обманы, пререканія и неосновательныя правительству жалобы и домогательства".

Въ 1856 г. уже отъ самой Анны Степановой поступило на Высочайшее Имя прошеніе о перемѣщеніи ея въ другой монастырь. Самаго прошенія въ дѣлѣ Синода нѣтъ. Изъ отзыва же, по поводу его, преосвященнаго Тамбовскаго Николая отъ 24 января 1857 г. видно, что Степанова опредѣленно указывала на свое желаніе перейти не въ какой-нибудь монастырь, а въ С.-Петербургъ, на что мѣстная духовная (Тамбовская) власть вполнѣ была согласна. „Отъ юности ея, писалъ Тамбовскій архипастырь, она воспитана и большую часть жизни своей провела въ С.-Петербургѣ, тамъ имѣютъ главное мѣстопребываніе всѣ ея родственники, и погребены родители ея, а потому она, по освобожденіи отъ настоящаго надзора, опять желаетъ возвратиться въ эту столицу и въ кругу кровныхъ окончить краткій и болѣзненный остатокъ дней ея".

Такъ какъ первое прошеніе (1856 г.) Анны Степановой на Высочайшее Имя, очевидно, успѣха никакого не имѣло, и она продолжала все томиться подъ надзоромъ, то 22 февраля 1857 года она снова пишетъ Государю. Приводимъ, въ виду особаго интереса, письмо ея Государю и другое какому-то Петру Ивановичу—буквально.

„Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Пять лѣтъ я нахожусь въ Усманскомъ Успенскомъ монастырѣ Тамбовской губерніи, куда заключена подъ монастырскій присмотръ, по Высочайшей волѣ въ Бозѣ почившаго Монарха; не желая отыскивать причины моего заключенія и углублять (ся) въ мудрыя распоряженія Отца своихъ дѣтей я старалась, сколько позволяли мои силы, свято исполнять уставы православной церкви и предписанія начальства.

Пятилѣтнее заключеніе,—сырой климатъ,—недостатокъ хорошей воды и другія лишенія, при совершенно бѣдномъ состояніи этого монастыря, истощили послѣднія мои силы въ 80-й моей старости.

Всемилостивѣйшій Государь! милости, излитыя отъ щедрости

Твоего сердца, при священнѣйшемъ Твоемъ помазаніи на престолъ предковъ, отразились въ сердцахъ подданныхъ и Монаршая Твоя сердцелюбивая блительность взыскала заблудшихъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Твоего государства. Таковыя щедроты, изливаемыя на подданныхъ Твоихъ, подали и мнѣ смѣлость пасть къ стопамъ Твоимъ и умиленно просить удостоить и меня сопричислиться къ милліонамъ взысканныхъ Твоими милостями: освобожденіемъ меня изъ подъ монастырскаго надзора. Дабы въ свободномъ состояніи, укрѣпивъ нѣсколько угасающія мои силы и постоянно возсылая молитвы къ Всевышнему о благоденствіи В. И. Величества и всего Августѣйшаго Дома, я могла бы съ невозмутимымъ духомъ встрѣтить наступающій конецъ моей жизни"...

Далѣе идетъ собственноручное письмо, съ большими ошибками, безъ знаковъ препинанія, на имя Петра Ивановича. „Исторія скорбной моей жизни, пишетъ Анна Степановна, отъ части вамъ извѣстна то не стану повторять ее чтобы не затруднять васъ безполезно но прошу имянемъ Бога всеусерднейше примите участіе въ моемъ положеніи. Я страдаю подъ надзоромъ монастырской полиціи неведомо за что да и конца не вижу моему страданію. Но какъ теперь Милостивѣйшій и Благочестивѣйшій нашъ Монархъ создавъ миръ мирови и усугубилъ его милостивымъ манифестомъ при святомъ своемъ короновании, чрезъ который милліоны людей получатъ величайшія отрады, то и для меня блеснулъ лучъ надежды на помилованіе. Будьте столь добры и внимательны ко мнѣ взгляните на 18 статью [1]) милостиваго манифеста она такъ близка къ моему дѣлу что будто бы для меня писана; ежели и вы тоже въ ней признаете то умоляю васъ помогите мнѣ воспользоваться этою царскою милостью. Вы на такомъ счастливомъ мѣстѣ, что премного можете дѣлать добра не лишите и меня того жъ. Нельзя ли обо мнѣ доложить Его Высочеству или по крайней мѣрѣ указать на оную статью въ Св. Синодѣ гдѣ обо мнѣ было дѣло и отъ котораго я завишу. Синодъ меня знаетъ подъ именемъ к. а. Анны Степановой—я желаю и прошу одной милости чтобы освободили меня отъ ареста или отъ надзора и тѣмъ доставили бы мнѣ великую милость привесть мои собственныя дѣла въ порядокъ, которыя по причинѣ моего ареста остаются безъ дѣй-

---

[1]) «Отданныхъ подъ особый надзоръ полиціи, говорится въ ней, съ обязанностью имѣть жительство въ указанныхъ имъ мѣстахъ, если они подверглись сему не вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ за доказанныя преступленія, или по оставленіи ихъ судомъ въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ сего надзора, дозволивъ имъ также жительствовать, гдѣ они пожелаютъ». См. Полное Собраніе Законовъ. Т. 31. Отд. 1. Стр. 792. СПБ. 1857.

ствія да согласно статьи дозволили бы мнѣ избрать жительство по моему желанію. А здесь я задыхаюсь отъ гнилости кельи отъ холода и угара и пища здѣшняя для меня не токмо неполезна но.... (слово одно не разобрано).... убійственна и въ особенности вонючая вода Еще умоляю васъ не отринете усердной просьбы убитой старостію старицы но преданной къ вамъ къ услугамъ Анны Степановой а нынѣ схимонахини Анны"...

Когда прошеніе Степановой было передано Синоду, то онъ, не считая возможнымъ возвратить ее въ С.-Петербургъ, „чтобы опять не предалась прежнимъ страннымъ поступкамъ", счелъ, все-таки, возможнымъ освободить ее изъ-подъ надзора и предоставить ей право выбрать болѣе удобный по климату монастырь во внутреннихъ губерніяхъ. Но постановленіе Синода, доложенное Государю кн. Долгоруковымъ, управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, утверждено Имъ не было.

Новое прошеніе Степановой на имя Государыни Императрицы, поданное ею въ январѣ 1858 г., въ виду прежняго рѣшенія (см. в.), не было даже разсмотрѣно Синодомъ и возвращено просительницѣ обратно [1])...

Постоянныя ли неудачи, какія постигали подаваемыя Степановой прошенія, тяжелыя ли для нея условія монастырской жизни—неизвѣстно что, но только въ настроеніи и поступкахъ нашей Усманской узницы съ 1858 года замѣтна очень большая перемѣна. Прежде, въ продолженіе почти шести лѣтъ, она характеризовалась, по крайней мѣрѣ на оффиціальномъ языкѣ рапортовъ, какъ старица благочестивая, трудолюбивая, любящая уединеніе, всегда выказывающая особую „заботливость о загробной жизни". Теперь же новый Тамбовскій архипастырь Макарій (Булгаковъ) пишетъ о ней Синоду, что она ведетъ себя по-прежнему „странно", принимаетъ къ себѣ всякихъ людей, строптивымъ своимъ характеромъ огорчаетъ игуменію и подчиненныхъ. Изъ произведеннаго въ скоромъ времени формальнаго дознанія „странныхъ поступковъ" Анны Степановой уже ясно обнаружилась та перемѣна въ ея настроеніи, о которой замѣтили мы выше.

Ближайшимъ поводомъ къ назначенію дознанія надъ дѣйствіями Степановой послужило слѣдующее письмо на имя преосвящ. Макарія какого-то поручика Владислава Майнова, принимавшаго съ этихъ поръ и до самой кончины старицы весьма большое въ ней участіе.

---

[1]) Самого прошенія въ «дѣлѣ» нѣтъ. О подачѣ его видно изъ предложенія Синоду Об.-Прокурора Толстого отъ 7 января 1858 г. за № 70. См. Д. Син. Арх. Ц. в. Л. 52.

Въ письмѣ своемъ Майновъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ трехъ верстахъ отъ города Усмани, въ Софійскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по неисповѣдимому промыслу Божію, жительствуетъ достойнѣйшая 80-я старица А. И. Степанова, полная любви къ Спасителю міра, всегда покорная начальству и законамъ, она безропотно несетъ крестъ свой. Полагая, по твердому ея христіанскому убѣжденію и по своему немощному разумѣнію, что скорбное посылаемое отъ Господа, должно переносить съ благодареніемъ, онъ молчалъ въ числѣ прочихъ и, услаждаемый бесѣдою мудрой прозорливости и безпристрастія, старался не обращать вниманія на горькія дѣйствія ближнихъ по наущенію врага. Но къ пользѣ же ближнихъ онъ представляетъ событія въ самомъ точномъ видѣ. Покойная игуменія Евпраксія, получивши въ 1852 г., по пріѣздѣ Анны Степановой, отъ нея капиталъ 8.000 рублей серебромъ, доставляла ей, по возможности, все нужное, но по кончинѣ Евпраксіи, около двухъ лѣтъ тому послѣдовавшей, при совершенной неопытности игуменіи Серафимы, при вмѣшательствѣ въ дѣло управленія монастыремъ свящ. Бѣльскаго, не только жизненные припасы перестали выдаваться матушкѣ въ необходимомъ количествѣ, но монастырская прислуга покинула старину, причиняя ей всякаго рода непріятности, чтобы угодить всезнающему духовнику своему и неопытной начальницѣ Серафимѣ. Скудная помощь отъ него (М—а) даетъ возможность матушкѣ не нуждаться лишь въ самомъ необходимомъ, да и крѣпостныя его дѣвки-крестьянки у нея въ услуженіи, тогда какъ старые годы матушки, кромѣ ея великихъ скорбей, даютъ ей полное право на вниманіе окружающихъ и должны бы отдалять дерзости монастырской челяди.

14 ноября 1857 г. въ день заговѣнья онѣ въ числѣ трехъ дамъ Г. Селиховой, Ю. Савельевой и дѣвицы Каземировой посѣтили уважаемую ими, какъ родную мать, старицу, среди тихой бесѣды ихъ, поощренный игуменьею и челядью врывается съ крикомъ въ келлію матушки, обвѣшанный образами и крестами незнакомецъ и только съ помощью позванной ихъ прислуги, они могли освободить матушку отъ самаго стѣснительнаго положенія. Мѣстный священникъ Іоаннъ и игуменія приняли незнакомца подъ защиту свою и скрывъ его въ домѣ у г. Е. Савельевой у монастыря, въ ту же ночь отправили его съ мірскимъ служителемъ неизвѣстно куда, боясь законнаго преслѣдованія. Бродяга этотъ, какъ мнѣ извѣстно, прожилъ въ монастырѣ около 3-хъ недѣль и не разъ денно и нощно тревожилъ дряхлую, больную, молящуюся Анну *Иванову* (к. н.) Одно это обстоятельство заставило меня употребить все зависящее для отвращенія святотатства въ стѣнахъ священной обители“...

Началось слѣдствіе. Послѣднее открыло много страннаго и непригляднаго въ поступкахъ Степановой. Приводимъ кое-что, наиболѣе интересное, изъ показаній послушницъ и монахинь Усманскаго монастыря. Послушница Быкова, напр., показывала, что сначала Степанова вела себя „кротко и не зазорно“, но потомъ стала высказывать „неудовольствіе“ на игуменію, хотя ей и оказывалось со стороны игуменіи особое вниманіе. Такъ, напр., пищу самую даже лучшую отсылала назадъ; „хлѣбъ бѣлый, самаго лучшаго даже печенья и доброты, сминала въ комокъ, или иногда расщипавъ его на мелкіе кусочки, какъ бы въ посмѣяніе игуменіи, возвращала ей обратно съ приказаніемъ сказать, что она такой хлѣбъ ѣсть не будетъ, а потомъ и пищу монастырскую употреблять не стала“... Въ услуженіи у ней сначала были послушницы, теперь же служатъ двѣ крестьянки Майнова;—монастырской же прислуги нѣтъ по той причинѣ, что „по жестокому обращенію С—й съ послушницами, которыхъ она наказываетъ безчеловѣчно палкою или другимъ чѣмъ-либо по плечамъ, головѣ, рукамъ, или кулакомъ по щекамъ, никто жить болѣе не соглашается“... Бродяги въ монастырѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не было.

Объ отношеніяхъ Степановой къ Майнову она, Быкова, ничего не показывала кромѣ того, что послѣдній бывалъ у нея каждый день по нѣсколько разъ—или одинъ или съ помѣщиками Ладыженскимъ и Сычевымъ, просиживали они до глубокой ночи. Иногда гостямъ этимъ напоминали, что по монастырскому уставу ворота нужно запирать „по-рану“, но напоминанія успѣха не имѣли никакого—гости сидѣли столько времени, сколько хотѣли.

Сама же Степанова на замѣчаніе игуменіи однажды „съ окрикомъ произнесла: „Ты мнѣ не смѣешь никогда объ этомъ говорить. Ты что за игуменья! Ты стерва-мужичка!“... и другими поносительными словами всячески поносила, о сущности которыхъ благопристойность воспрещаетъ выразить“. Въ другой разъ къ Степановой пришли крестьяне и просили ее быть судьею относительно порубки лѣса. Степанова согласилась. Игуменія, узнавъ объ этомъ, пошла къ ней и просила не вступаться въ мірскія дѣла;—въ отвѣтъ Степанова всячески поносила и ругала ее. Вообще посѣтителей у Степановой бываетъ много, и она принимаетъ ихъ радушно. Служащіе же Майнова являются почти ежедневно за приказаніями, привозятъ ей хлѣбъ, пригоняютъ скотъ, „приводятъ жениховъ и невѣстъ для осмотра“... и всѣхъ ихъ она называетъ „своими крестьянами“...

Послушница Каратаева, подтвердивши показанія Быковой, добавляла, что въ 4 года, какъ она жила у Степановой, столько была наказана, что исчислить не можетъ—иногда разъ по пяти въ день,

а два раза едва осталась жива. Однажды Степанова колотила ее мѣднымъ тазомъ по головѣ, что тазъ весь изломала, а ее, Каратаеву, довела до безпамятства. Разъ Каратаева принесла прямо съ плиты шипящую уху. Степанова, хлебнувъ одну ложку, вдругъ „съ гнѣвомъ закричала: зачѣмъ она ей подала недосоленную уху и схвативъ оную вылила ей за шею“. Боясь жаловаться и „принявъ терпѣніе, что она обварена ухою, поклонилась къ ногамъ ея, прося прощенія въ своемъ неискусствѣ приготовлять пищу по вкусу ея, питая надежду, что таковымъ повиновеніемъ смягчитъ гнѣвъ ея и тѣмъ избавитъ себя отъ еще большаго наказанія и побоевъ; но Степанова очень удобно не упустила изъ вида и этотъ случай, ибо въ сію же минуту сѣла на нее, наклоненную, верхомъ, одною рукою захватила горло, чтобы она не могла кричать, а другою рукою взявши ее за заплетенную косу и завила оную за руку и начала ее бить лбомъ объ полъ и до того избила, что она едва дошла до игуменьи, которая, увидѣвши ее въ таковомъ несчастномъ и отчаянномъ положеніи, сопряженномъ даже съ помѣшательствомъ разсудка, изъ опасности, въ случаѣ смерти ея, дабы не подлежать отвѣтственности, пригласила для освидѣтельствованія ея побоевъ старшихъ сестеръ“...

Монахиня Архелая указала, между прочимъ, на то, что характеръ Степановой измѣнился особенно со времени знакомства съ Майновымъ. Капитала въ 8.000 рублей отъ нея не поступало... Крестьянамъ даетъ „разрѣшеніе“ на браки. Такъ недавно, по словамъ свидѣтельницы, она отказала одному жениху, возвративши его въ имѣніе, а невѣсту оставила у себя. Вообще имѣніемъ Майнова распоряжается безконтрольно. Въ мясоѣдъ 1857 года привозили къ ней неразрубленныя свиныя туши, таскали ихъ по ея покоямъ; приносили также дворовую птицу, но неизвѣстно, для какой надобности и „она на всѣ эти предметы дѣлала свои распоряженія“... Къ игуменіи Степанова относилась непочтительно.

Однажды въ храмѣ, во время литургіи, при всѣхъ кричала: „какая она начальница? она не начальница, а мачальница, прибавивъ къ тому, что вы и всѣ здѣсь дураки, мужички, однодворки“. Называла иногда игуменію и разбойницею и под. именами. „Сверхъ того Степанова приписываетъ себѣ даръ предвѣдѣнія, прозорливости, еще какое-то таинственное величіе, также называетъ себя схимонахинею“...

Объ озорствѣ въ церкви показывала и послушница Болтонова. Какъ-то Степанова пришла раньше всѣхъ въ церковь—отворила всѣ двери и окна, затворять не позволяла, а ставши посрединѣ церкви кричала: „я надаю всѣмъ плюхъ сейчасъ же“ съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ.

Подобное же показывали и другія монахини и послушницы монастыря.

Изъ постороннихъ какой-то капитанъ Саварскій показывалъ, что Анна Степанова человѣкъ „достойный всякаго сожалѣнія, по причинѣ разстроеннаго ея разсудка, который при спокойствіи ея духа бываетъ чистъ и ясенъ, но въ противномъ случаѣ доходитъ до нетерпимости, и тогда ей всѣ предметы кажутся наоборотъ, тогда самая чистая правда воображается ей самымъ ухищреннымъ зломъ, противъ нея направленнымъ, и воображая дѣлать истину, дѣлаетъ напротивъ, не замѣчая и сама того; возобновленіе этихъ припадковъ къ худшему или лучшему зависитъ отъ окружающихъ ея собесѣдниковъ, которымъ она имѣетъ болѣе или менѣе довѣріе (разумѣется, отъ наклонности сихъ послѣднихъ). Изъ всѣхъ этихъ пріемовъ или уловокъ видно, что она была человѣкъ высшей сферы противу теперешняго ея быту и, по утратѣ прежняго, она теперь въ безпрестанной скорби и отъ того терзается“...

Настоятельница Серафима къ показанію капитана Саварскаго добавила, что „присвоеніемъ себѣ особенной набожности, дара предвѣдѣнія или прозорливости, какого-то таинственнаго величія, случайности, монашества, схимонашества, игуменства и др. придуманныхъ преимуществъ начала привлекать къ себѣ легкомысленныхъ чтителей, искателей ея предсказаній и помощи. Поручикъ Майновъ и живущая съ нимъ помѣщица Селихова первые явились жертвою ея обмановъ, и чрезъ нихъ она вскорѣ распространила и теперь распространяетъ свой привлекательный обманъ на многихъ; вслѣдствіе чего монастырь сдѣлался центромъ ежедневныхъ сборищъ людей изъ всѣхъ классовъ и она, игуменія, видя это, по долгу своему, старалась пресѣчь сіи вредныя, какъ для нихъ самихъ, такъ и для обители общенія ихъ. А какъ большая часть изъ нихъ были завлечены въ общеніе съ нею разными со стороны ея обѣщаніями, лестными для здѣшней жизни, а нѣкоторые очевиднымъ интересомъ: то ея препятствія ихъ всегдашнимъ денноночнымъ внутри и внѣ монастыря общеніямъ были для таковыхъ непріятны“.

„Что же касается до религіозныхъ правилъ ея жизни, то эти правила, говорила та же игуменія Серафима, имѣютъ характеръ примѣнительный къ цѣлямъ болѣе земнымъ—низкимъ и вообще, какъ видно, религія не имѣетъ на ея нравственность благодѣтельнаго вліянія, это усматривается изъ того, что когда Степанова бываетъ у исповѣди и св. Причастія, то по принятіи сихъ Божественныхъ даровъ, уста и руки ея тотчасъ готовы распространяться на дѣла предосудительныя, къ какимъ болѣе настроена жизнь ея“... При прежнемъ общемъ монастырскомъ духовникѣ „она казалась

болѣе уважительною къ правиламъ вѣры, усерднѣе къ церкви, кротчѣе, покорнѣе и внимательнѣе къ ея долгу и политическому положенію, но съ перемѣною духовника, она время отъ времени становится страннѣе во всѣхъ отношеніяхъ ея жизни".

Слѣдствіе окончилось... Любопытную черту недавняго прошлаго можно отмѣтить въ немъ—это полное безправіе самой обвиняемой: ее даже не спросили—какъ понимаетъ сама она свою вину? Кто знаетъ? Можетъ быть изъ ея показаній слѣдователи вывели бы многое въ ея оправданіе? И для историка они не были бы безполезны, раскрывая многія стороны въ этой загадочной жизни, теперь для него совершенно темныя...

Послѣ всего установленнаго слѣдствіемъ Аннѣ Степановой, конечно, неудобно было оставаться въ Усманскомъ монастырѣ, а потому она и была переведена сначала въ Кирсановскій женскій монастырь (^{23}/VII 1858 г.), а потомъ въ Тамбовскій Вознесенскій монастырь (ук. Синода отъ ^{4}/IX 1859 г. № 3). Во время жизни въ этихъ монастыряхъ она вела себя сравнительно очень не плохо (см. донесенія: еп. Макарія отъ ^{27}/IV 1859 г., Ѳеофана еп. отъ ^{3}/V 1860 г. и др.). Характерно только ея постоянное надоѣданіе за это время начальству о переводѣ то въ С.-Петербургъ, то въ Липецкъ, то въ Воронежъ. Писала она объ этомъ и Тамбовскимъ іерархамъ и самому Государю. Послѣднее, такъ сказать, предсмертное прошеніе на имя Государя Анна Степанова подала въ августѣ 1860 года и оно, хотя и не вполнѣ, но было уважено — единственное изъ почти десятка поданныхъ ею на Высочайшее Имя.

Въ этомъ, послѣднемъ прошеніи Степанова проситъ Государя перевести ее въ Воронежъ и освободить изъ-подъ надзора „подъ которымъ я не будучи виновна ни предъ закономъ Божіимъ ни человѣческимъ, не знаю за что нахожусь, есть ли причиною этому одно только мое постриженіе въ монашество въ 1834 г. въ Іерусалимѣ при гробѣ Господнемъ, то повелѣть законнымъ порядкомъ снять съ меня это званіе и дозволить хоть послѣдніе минуты моей жизни провести спокойно и отдать душу мою Богу тамъ, гдѣ я пожелаю"...

Вскорѣ послѣ прошенія, состоялось опредѣленіе Синода (отъ ^{12}/IX 1860 г. и ^{15}/II 1861 г.) о переводѣ ея въ Троицкій женскій монастырь „какъ удаленный и удобный для оказанія Степановой медицинской помощи".

Въ Пензу старица Анна доставлена была 22 апрѣля 1861 года. Пріѣздъ ея, по воспоминаніямъ современниковъ, взволновалъ весь городъ. Много толковали о ея монашеской, но совершенно бѣлой одеждѣ, наперсномъ крестѣ съ таинственною надписью на оборотѣ,

ея властномъ характерѣ, обнаружившемся особенно при выборѣ ею для себя келіи и подоб. Много предположеній строилось, но..... тайна такъ и осталась тайною...

Въ Троицкомъ Пензенскомъ монастырѣ Степанова прожила только нѣсколько дней: 22 апрѣля она была доставлена, а съ 26 на 27 скончалась—25-го совершено надъ нею было таинство елеосвященія и она причастилась. Погребена она была въ простомъ дубовомъ гробѣ, но обитомъ, согласно ея завѣщанію игуменіи Надеждѣ, внутри бѣлымъ атласомъ... на монастырскомъ кладбищѣ.

Послѣ ея смерти вещи и документы ея немедленно были собраны губернаторомъ и мѣстнымъ архіепископомъ Варлаамомъ (Успенскимъ) и куда-то отправлены. Составлена была и опись вещамъ покойной, за внесеніе въ которую подъ № 8 креста съ особою надписью сдѣлано составлявшимъ опись отъ преосвящ. Варлаама архипастырское строгое внушеніе... Что же это за крестъ? По описанію—„крестъ сребропозлащенный на подобіе наперснаго съ таковою же изъ мелкихъ колецъ цѣпочкою, вѣсу въ немъ и цѣпочкѣ 23½ золотника; на оборотной сторонѣ вдоль поперечника креста вырѣзаны курсивомъ слова: „*Церевна* [1]) *Анна*“; въ верху оныхъ словъ прописная литера „*П*“.

Среди бумагъ сохранились частныя письма Степановой съ адресами: „матушкѣ Анфисѣ“, „матушкѣ“ и одно „отъ рабы Божіей Анны къ П. А. Кашкарову“. Есть прошенія о полученіи Кашкаровымъ, чиновникомъ С.-Петербургской Казенной Палаты, пенсіи изъ Петербургскаго Казначейства. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе „картонный билетъ зеленаго цвѣта, шириною 3½, длиною 2½ в., на лицевой сторонѣ надпись слѣдующаго содержанія: „№ 782. Билетъ для прохода по временному помосту, чрезъ р. Неву устроенному весною 1850 г.“; на оборотной сторонѣ онаго „Билетъ этотъ служитъ для одной только особы и предъявляется часовому, у помоста находящемуся, оставаясь въ распоряженіи того лица, которому данъ“.

* * *

Старица Анна унесла тайну своей жизни въ могилу и для насъ, пользовавшихся оффиціальнымъ дѣломъ о ней, личность ея остается такою же темною, какъ и ранѣе. Но мы вѣримъ, все-таки, что недалеко то время, когда раскроются архивные листы дѣлъ знаменитаго III-го Отдѣленія, которые и повѣдаютъ намъ: кто и за что

---

[1]) По „*Описи*“ архива Тр. ж. мон. г. Пензы—„Царевна“.

страдала въ далекихъ и глухихъ монастыряхъ подъ именемъ Анны Степановой?.....

Съ своей стороны мы только отмѣтимъ, заключая свой очеркъ, что мнѣнія, господствовавшія среди пензенскихъ обывателей 60—70 гг., что старица Анна вдова кн. Константина Павловича или Татаринова—не имѣютъ исторической достовѣрности: княгиня Анна скончалась за предѣлами Россіи въ 1860 г., а Татаринова, хотя и въ Россіи, но въ 1856 г. Скорѣе всего подъ именемъ Анны Степановой была сослана „навсегда“ въ далекій монастырь какая-нибудь очень знатная сектантка Николаевскаго времени. Можетъ быть, это была и хлыстовка (мнѣніе Кирѣева—„Р. Старина“), пристрастіе Степановой къ бѣлому цвѣту подтверждаетъ это предположеніе, а усердіе ея въ исполненіи обрядовъ Православной церкви не говоритъ противъ такого предположенія потому, что изъ всѣхъ сектантовъ хлысты особенно „по внѣшности“ преданы православію, хотя въ душѣ православные для нихъ—„народъ невѣрный, злые люди, хищники; духовныя лица это черные враны, кровожадные звѣри, волки злые, безбожные іудеи“... и проч., о чемъ „не лѣть“ есть и „глаголати“.

С. Артоболевскій.

Памяти П. Я. Дашкова.

Русская историческая наука понесла невознаградимую потерю: 6 февраля внезапно скончался Павелъ Яковлевичъ Дашковъ. Угасла рѣдкая, свѣтлая личность. Нива нашей общественной жизни, на которой такъ много пашни и такъ мало дѣлателей, лишилась одного изъ самыхъ бодрыхъ, трудолюбивыхъ работниковъ. Къ чести нашего общества нужно сказать, что кончина Дашкова не прошла незамѣченной. Его свѣжую могилу почтили не сухими полуоффиціальными некрологами-формулярами, а теплыми, искренними словами любви и скорби. Знать Дашкова и не любить его было невозможно, и знавшіе его поспѣшили разсказать широкимъ читательскимъ кругамъ объ этомъ человѣкѣ, дѣятельность котораго проходила въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ жизни, не могла быть оцѣнена всякимъ и каждымъ, но была всецѣло посвящена благородной службѣ родной культурѣ.

Дашковъ былъ собиратель. Обычно съ этимъ словомъ связывается не совсѣмъ привлекательное представленіе объ угрюмомъ книжномъ паукѣ, усердномъ копунѣ, гоняющемся за рѣдкостями, глухомъ и слѣпомъ ко всему, что не входитъ въ узкія рамки интересовъ собирателя. Къ такому типу Дашковъ нисколько не подходилъ. Въ его дѣятельности была идея, были научныя цѣли. Это была благородная, изящная натура. Дашковъ сѣялъ добро и знаніе, и его имя должно быть вспоминаемо съ уваженіемъ и благодарностью.

„Имя это“ — говоритъ въ глубоко прочувствованной статьѣ Е. Шумигорскій („Нов. Время“, № 12181)—„принадлежало человѣку, всю свою жизнь и всѣ немалыя средства отдавшему на собираніе и сохраненіе сокровищъ по русской исторіи и иконографіи и всей

душой помогавшему всѣмъ работавшимъ въ этой области не только созданной имъ единственной въ мірѣ коллекціей, но и совѣтами, цѣнность которыхъ, при рѣдкомъ его образованіи и литературной опытности, не уступала академическимъ отзывамъ. И въ дѣйствительности домъ Павла Яковлевича, съ утра и до вечера открытый для лицъ, изучавшихъ русскую старину во всѣхъ ея отрасляхъ, былъ единственнымъ въ Петербургѣ центромъ, куда стекались всѣ новости по излюбленному имъ дѣлу, гдѣ находили себѣ мѣсто выдающіеся, большіе и малые, ученые труды по русской исторіи, и гдѣ вопросы русской исторической науки дебатировались въ горячихъ и страстныхъ бесѣдахъ между хозяиномъ дома и его гостями, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ научнымъ и общественнымъ толкамъ. Бесѣды эти стоили академическихъ курсовъ, въ особенности для начинавшихъ свою ученую карьеру, и даже превосходили ихъ, когда хозяинъ раскрывалъ предъ слушателями содержаніе многихъ хранившихся у него рукописей, которыя по разнымъ причинамъ не могли еще сдѣлаться достояніемъ печати.

Въ области новой и новѣйшей русской исторіи хранилище П. Я. Дашкова, по богатству и рѣдкости заключающихся въ немъ матеріаловъ, можно сопоставить съ важнѣйшими государственными архивами, но въ то же время заключаетъ въ себѣ историческіе документы, которые, конечно, по исключительной своей важности ни въ одномъ изъ такихъ архивовъ находиться не могутъ. Достаточно сказать для характеристики коллекціи Дашкова, что въ нее попали въ значительной части частные архивы и семейныя бумаги многихъ литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей новой Россіи.

Получивъ первоначальное воспитаніе за границей, Павелъ Яковлевичъ былъ до мозга костей русскимъ человѣкомъ, страстно любившимъ свою родину и вѣрившимъ въ ея мощь и величіе. Намъ положительно извѣстно, что самая мысль создать коллекцію рукописей и рисунковъ по русской исторіи появилась у него именно подъ вліяніемъ этого чувства въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, къ которому Дашковъ принадлежалъ по рожденію, культивировалось „чужеземство родной страны“, и послѣ краха помѣщичьей Россіи и развала дѣдовскихъ усадебъ стали выбрасываться на улицу семейныя бумаги. Еще юношей Дашковъ тратилъ всѣ свои деньги на покупку русскихъ бумагъ и гравюръ въ важнѣйшихъ антикварныхъ центрахъ Европы, куда онѣ сбывались нашими беззаботными соотечественниками. Ту же склонность свою широко проявилъ онъ и въ Россіи, гдѣ заканчивалъ свое образованіе въ Александровскомъ лицеѣ, и сталъ затѣмъ числиться на службѣ по государственной

канцеляріи; сердце его сжималось отъ боли, когда онъ видѣлъ уничтоженіе и гибель русскихъ историческихъ бумагъ, и онъ спасалъ многія изъ нихъ, какъ только являлась къ тому возможность, иногда при участіи другихъ знатоковъ родной старины, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Дашковымъ; въ числѣ ихъ былъ и покойный князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, многими чертами ума и характера напоминавшій П. Я. Дашкова. Одна исторія созданія дашковской коллекціи могла бы составить любопытнѣйшую страницу новѣйшей бытовой русской исторіи, и нѣкоторые ея отрывки съ неподражаемымъ юморомъ разсказывалъ самъ Павелъ Яковлевичъ, говоря о происхожденіи тѣхъ или другихъ находившихся у него бумагъ.

Человѣкъ добрѣйшей души и въ то же время тонкій знатокъ людей, Павелъ Яковлевичъ соединялъ въ себѣ культурность европейски воспитаннаго человѣка съ самобытностью широкой даровитой русской натуры. Онъ шелъ навстрѣчу нуждѣ, горю всѣхъ, искавшихъ его помощи; многіе изслѣдователи только его просвѣщенной поддержкѣ обязаны были появленіемъ своихъ трудовъ. Утренніе его часы часто сплошь заняты были обученіемъ являвшейся къ нему ученой молодежи даже весьма зрѣлаго возраста. Цѣлыми днями трудился онъ для совершенно незнакомыхъ ему лицъ, пріѣзжавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, пересматривая свои сокровища и добывая нужные для нихъ матеріалы. „Я не могу быть спокоенъ, пока не отпущу его домой,—говорилъ Дашковъ,—не могу видѣть его лица равнодушно, зная, что онъ долженъ жить въ Петербургѣ, пока я буду откладывать его дѣло“. Безкорыстно служа русской исторіи и искусству, Дашковъ немало содѣйствовалъ академіямъ наукъ и художествъ въ успѣхѣ многихъ ихъ трудовъ и изданій, тщательно уклоняясь по своей скромности отъ всякаго оффиціальнаго признанія своихъ заслугъ“.

Значеніе Дашкова въ нашей исторической наукѣ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ было велико. „Это былъ“,—говоритъ Н. Лернеръ („Рѣчь“, № 41)—„не простой собиратель, а отличный знатокъ книгъ и рукописей, страстный охотникъ, на котораго рѣдкостные звѣри такъ и бѣжали. Услужливый, любезный, онъ никогда ни одному работнику не отказалъ въ помощи, и многіе усердно черпали и изъ его богатаго архива рукописей, и изъ не менѣе удивительнаго архива его памяти; къ тому же онъ былъ словоохотливъ и общителенъ. Въ рѣдкомъ историческомъ или историко-литературномъ серьезномъ трудѣ изъ множества вышедшихъ въ послѣдніе годы вы не встрѣтите выраженій благодарности Дашкову за оказанную помощь, за совѣты и указанія, и ссылокъ на его собраніе ру-

кописей и гравюръ. Къ Дашкову обращались не менѣе часто, чѣмъ въ Публичную библіотеку, или Румянцовскій музей, или библіотеку академіи наукъ, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могли даже позавидовать собранію, составленному этимъ „любителемъ“. Самъ Дашковъ ничего не писалъ, и это тоже было хорошо; будь онъ цеховой ученый или профессіональный писатель, онъ не былъ бы такъ щедръ на совѣты и не знакомилъ бы такъ охотно со своими рукописными богатствами, приберегая многое для себя самого: себѣ, дескать, дороже стоитъ. Зато онъ не только помогъ цѣлому ряду ученыхъ, но, что гораздо важнѣе, повліялъ на самый характеръ историческихъ изслѣдованій, на ихъ технику,—пріучилъ изслѣдователей къ работѣ по первоисточникамъ, внушилъ имъ стремленіе къ точности и достовѣрности“.

Такимъ образомъ Павелъ Яковлевичъ пріобрѣлъ ту особую репутацію, которая отличала его отъ другихъ собирателей, и это весьма помогало росту его собранія. „Сначала“,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ Дашкова литераторовъ („С.-Петерб. Вѣд.“, № 32)— —„въ теченіе долгихъ лѣтъ, Дашковъ тратилъ большія средства на пріобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ и рукописей для своего собранія, а впослѣдствіи, среди людей сколько-нибудь заинтересованныхъ въ сохраненіи рѣдкихъ и цѣнныхъ документовъ нашей исторіи, создалось особое убѣжденіе, вѣрнѣе обаяніе личности, и на вопросъ: что дѣлать съ имѣющимся въ рукахъ рѣдкимъ экземпляромъ рукописи, картины, фотографіи? — самъ собою являлся отвѣтъ: передать П. Я. Дашкову. И не въ Публичную библіотеку, не въ Академію, не въ какое-либо оффиціальное учрежденіе, гдѣ холодомъ вѣяло и отъ стѣнъ, и отъ людей, несли знатоки-любители свои сокровища, а именно „къ Павлу Яковлевичу“, къ тому человѣку, который сбережетъ ихъ съ любовью, съ сознаніемъ принятаго на себя долга хранить и беречь дорогую родную старину... Такъ составилось это поистинѣ колоссальное собраніе, извѣстное не только у насъ, въ Россіи, но и иностранному міру. Чтобы судить о богатствѣ, о полнотѣ собранія П. Я. Дашкова, достаточно сказать, что видѣвшій его лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ хранителей Британскаго музея оцѣнилъ одну только коллекцію гравюръ (не считая рукописей) въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. А, вѣдь, за послѣднія 10 л. собраніе неизмѣнно пополнялось! За время „собиранія“ покойнымъ своихъ коллекцій, т. е. въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, въ русской жизни произошло немало выдающихся событій, и несомнѣнно, что нигдѣ не найдется болѣе полнаго ихъ отраженія, съ бытовой и политической точки зрѣнія, чѣмъ въ собраніи П. Я. Дашкова. Естественно, что въ теченіе послѣдняго времени ни одно сколько-нибудь

серьезное изданіе художественнаго или историческаго характера, ни одна юбилейная исторія нашихъ правительственныхъ учрежденій, а также значительная часть нашихъ полковыхъ исторій и хроникъ не обошлись безъ „собранія П. Я. Дашкова“. Нуженъ „хорошій“ портретъ какого-нибудь историческаго лица, художника, министра, полководца или просто замѣчательнаго русскаго человѣка, нуженъ видъ дворца, стараго зданія, виды стараго Петербурга, старой Москвы, необходимъ автографъ мало извѣстнаго, но интереснаго дѣятеля, снимокъ съ рѣдкой грамоты,—и, конечно, если этого не найдешь и въ Публичной библіотекѣ, то у Павла Яковлевича только и можно найти, и надо къ нему идти съ челобитной. И къ нему шли всѣ: одни—съ рекомендаціями, другіе—просто въ надеждѣ, что онъ имъ не откажетъ во имя серьезности ихъ труда; пріѣзжали важные сановники и скромные провинціалы изъ дальнихъ мѣстъ,—и всѣхъ встрѣчалъ онъ съ привѣтливостью истаго русскаго барина, съ неизмѣнной готовностью придти на помощь дѣлу, съ живымъ интересомъ къ предпринятому труду, нерѣдко увлекаясь имъ не менѣе самого автора. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ ранняго утра до 6—7 часовъ вечера, Павелъ Яковлевичъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ въ своемъ домѣ на Михайловской площади, отдавая себя въ полное распоряженіе случайныхъ посѣтителей и добрыхъ знакомыхъ. Къ нему приходили ученые, литераторы, художники, актеры, монахи, военные, путешественники, министры, иностранцы, юноши и старцы—для всѣхъ онъ былъ неизмѣнно дома, всѣхъ выслушивалъ со вниманіемъ, давая драгоцѣнные указанія и совѣты“.

„Нужно было удивляться“—говоритъ авторъ другихъ воспоминаній о Павлѣ Яковлевичѣ, В. Жерве („Рус. Инвалидъ“ № 31)—„его поразительной энергіи, памяти и терпѣнію, благодаря которымъ онъ имѣлъ возможность удовлетворить каждаго приходившаго къ нему. А сдѣлать это было не легко, для обыкновеннаго человѣка—почти невозможно.

Еще бы. Одинъ проситъ матеріаловъ и указаній для исторіи полка, другой—для исторіи театра, третій—для біографіи какого-нибудь духовнаго лица, четвертый—для исторіи флота, пятый—для полнаго собранія сочиненій извѣстнаго русскаго писателя, шестой—для своей родословной, седьмой, восьмой, десятый, двадцатый и т. д., и т. д.,—каждый проситъ что-нибудь свое, особенное... И такихъ „чающихъ“ цѣлыя вереницы въ прямомъ и переносномъ смыслѣ.

Шкафы, ящики, тюки, папки, полки съ рукописями, гравюрами, литографіями, книгами—вотъ тотъ неизсякаемый источникъ, изъ котораго онъ черпалъ щедрою рукою. Вся прошлая русская жизнь въ этихъ памятникахъ старины окружала его. И онъ зналъ эту жизнь до

тонкостей, до мелочей, удивительно разбирался въ своихъ безчисленныхъ богатствахъ, собранныхъ въ такой системѣ и порядкѣ, которые были доступны и понятны только ему. Не жалѣя силъ въ свои уже не молодые годы (П. Я. умеръ 61 г. отъ роду), онъ рылся, лазилъ, копался и доставалъ каждому, что было нужно.

Мало того. Человѣкъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ, прекрасно знавшій технику издательскаго дѣла, Павелъ Яковлевичъ давалъ при этомъ и свои указанія, что и какъ лучше воспроизвести, чему отдать предпочтеніе и почему, стоитъ ли печатать, гдѣ уже былъ воспроизведенъ тотъ или иной рисунокъ. Всякое приносимое ему для экспертизы художественное произведеніе онъ умѣлъ оцѣнить по достоинству и произносилъ свое сужденіе, которое даже среди спеціалистовъ всегда считалось глубоко авторитетнымъ, почти непогрѣшимымъ.

Это тонкое знаніе печатныхъ произведеній русской живописи а также иностранной въ той области, которая касалась русской жизни, вмѣстѣ съ богатѣйшимъ собраніемъ старинныхъ рукописей, въ особенности 18 и 19 вѣковъ,—сдѣлало его коллекцію единственною въ своемъ родѣ, извѣстною не только всей образованной Россіи, но и за границею.

Павелъ Яковлевичъ оставилъ глубокій и свѣтлый слѣдъ въ исторіи культурной жизни Россіи послѣдняго времени. Сколько художественныхъ, историческихъ и научно-литературныхъ изданій украсились рисунками изъ его рѣдчайшей коллекціи, сколько цѣннаго матеріала включено въ нихъ изъ той же сокровищницы!..

Русская книга, въ смыслѣ изданія, сдѣлала большой успѣхъ на нашихъ глазахъ. Шагнули впередъ и исторіи войсковыхъ частей. Многія изъ нихъ вышли въ свѣтъ художественными, даже роскошными изданіями, и лучшія изъ нихъ на страницахъ предисловія говорятъ объ особой признательности авторовъ и составителей къ П. Я. Дашкову за широкое содѣйствіе, оказанное имъ въ ихъ трудахъ. Просматривая листы этихъ изданій, читаемъ неизмѣнныя слова „Изъ собранія П. Я. Дашкова“, такъ много говорящія сердцу истиннаго любителя и цѣнителя русской старины.

Въ военной иконографіи Павелъ Яковлевичъ былъ тѣмъ же тонкимъ знатокомъ, какъ и въ прочихъ областяхъ родного искусства. Онъ удивительно умѣлъ подбирать необходимый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ военной иллюстраціи: сюжеты батальные, бытовые, портреты дѣятелей, виды мѣстностей, каррикатуры, русскій и заграничный матеріалъ—все это было знакомо ему до мелочей и охотно отдавалось въ распоряженіе тѣхъ, кто обращался къ нему“.

И къ Дашкову шли. „Кажется, нѣтъ ученаго“—писалъ В. Боцяновскій („Нов. Русь“, № 38),—„нѣтъ историка, который бы не пользовался рукописями этого собранія.

Это вошло уже въ обычай: прежде чѣмъ предпринимать какую-нибудь работу—идти къ П. Я. Дашкову и спросить, нѣтъ ли у него какого-нибудь матеріала. Вотъ посмотрите вышедшее сейчасъ подъ редакціей А. І. Лященка собраніе сочиненій Кольцова. Сколько здѣсь ссылокъ на тетрадки, принадлежащія П. Я. Дашкову! Да и не одно это. Дашковъ всегда не только охотно, а съ большимъ удовольствіемъ и радостью, давалъ всякую рукопись, если только кому-нибудь въ ней встрѣчалась надобность. У него не было этой, такъ присущей всѣмъ коллекціонерамъ, чисто плюшкинской страсти. Это былъ не скупой рыцарь, только для себя берегшій сокровища, только самъ ими любовавшійся... И въ этомъ выдающееся значеніе Дашкова.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что Дашковъ былъ интересенъ, какъ коллекціонеръ, что интересна была его коллекція, а самъ онъ никого не могъ интересовать.

Я иногда его представлялъ себѣ въ видѣ Нестора нашего времени, лѣтописца. Правда, онъ ничего не писалъ. Я даже не знаю, есть ли у него хоть одна статья, имъ самимъ написанная.

Но онъ могъ бы ихъ написать безсчетное количество. Онъ самъ былъ воплощенная живая лѣтопись.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ собиралъ документы, бумаги, рисунки... Тутъ были и мемуары, и переписка, часто интимная, такая, которой появиться въ печати, быть можетъ, даже и не суждено. Онъ вчитывался, вдумывался, вглядывался... въ бумагу, въ почеркъ, въ цѣлый рядъ штриховъ и деталей, ускользающихъ отъ человѣка, знакомящагося съ документами бѣгло... Дашковъ какъ-бы возсоздавалъ прошлое, творилъ легенду для себя до такой степени осязательно, что, въ его передачѣ словесной, эта легенда пріобрѣтала плоть и кровь.

Я, помню, засталъ его однажды за чтеніемъ коротенькихъ, лаконичныхъ, писанныхъ большими буквами, приказовъ екатерининскаго временщика Мамонова.

И Дашковъ, разсказывая объ этомъ Мамоновѣ, какъ бы пріоткрывалъ картину стараго, стараго уклада, пріоткрывалъ ее гораздо живѣе, чѣмъ это дѣлаютъ наши современные стилизаторы. У Дашкова было, въ этомъ отношеніи, какое-то чутье, проникновенность. Даже больше того. Чувствовалась его связь съ тѣмъ прошлымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ, и интересы котораго ему были не только понятны, но даже какъ бы близки.

Иногда у Дашкова все утро проходило въ разборѣ купленныхъ бумагъ и пріобрѣтеніи новыхъ.

— Н-нат-талья,—слышался голосъ П. Я.,—тамъ звонятъ.

Открывалась дверь, и входилъ человѣкъ, предлагавшій рукописи. П. Я. Дашковъ интересовался всякими рукописями. Онъ не собиралъ чего-либо спеціально.

Принесли дарственную грамоту, писанную уставомъ XVI вѣка, какую-нибудь челобитную царю Алексѣю Михайловичу, письмо Меншикова, приказы временщика Мамонова, письмо И. С. Тургенева или тетрадку стихотвореній Кольцова—все равно. Онъ съ любовью бралъ, прочитывалъ, укладывалъ въ бумагу и надписывалъ заглавіе.

Съ продающими у него выработана была особая система. Онъ не торговался.

— Обыкновенно, — разсказывалъ онъ, — запрашиваютъ цѣны невозможныя. И я всегда говорю такъ. Вотъ что, государь мой, предложите вашу рукопись Публичной библіотекѣ или въ другой какой-нибудь архивъ. Я вамъ дамъ больше на 10, на 100 р. (смотря по рукописи) противъ цѣны, которую вамъ тамъ предложатъ.

И рукопись непремѣнно поступала къ Дашкову"....

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести великолѣпный портретъ незабвеннаго Павла Яковлевича, набросанный на столбцахъ „Рѣчи" (№ 42) Александромъ Бенуа, большимъ мастеромъ не только кисти, но и пера. Чуткій художникъ умѣлъ, какъ никто другой, понять Дашкова и возсоздалъ его безконечно привлекательный образъ проникновенно, любовно и благоговѣйно.

...„Дашковъ принадлежалъ къ тѣмъ историкамъ, которые знаютъ цѣну анекдоту и не презираютъ эту главную приправу человѣческой лѣтописи. И у него были широкіе взгляды и „широкія чувствованія". Иногда я бывалъ пораженъ его ясновидѣніемъ какъ въ событіяхъ прошлаго, такъ и въ сумятицѣ настоящаго. Но изъ-за „большихъ линій", изъ-за „рисунка" онъ не презиралъ „колорита", и, наоборотъ, его настоящей областью и была именно „краска". Относительно всѣхъ эпохъ и всѣхъ царствованій русской исторіи онъ зналъ тысячи и тысячи фактовъ (или легендъ), такихъ красочныхъ, яркихъ, странныхъ, страшныхъ и смѣшныхъ, что, слушая его, я точно глядѣлъ въ магическое зеркало, въ которомъ покойники являлись живыми, со всѣми своими страстями и причудами, со всей присущей имъ романтикой, въ ихъ подлинныхъ одеждахъ и уборахъ, съ ихъ подлинными осанками и словами.

Мертвыя схемы историковъ, глядящихъ на человѣчество съ птичьяго полета и старающихся посредствомъ подтасованныхъ груп-

пировокъ и произвольныхъ освѣщеній раскрыть тайну народныхъ или общекультурныхъ судебъ, схемы эти были абсолютно чужды Дашкову. Онъ въ глубинѣ души не вѣрилъ имъ, хотя и относился съ видимымъ уваженіемъ ко всякому серьезному подходу къ любимому предмету. Зато мемуары, дневники и histoire anécdotique были Дашкову хлѣбъ и гостинцы. Фигурное плетеніе человѣческихъ существованій, вспышки коллизій, насмѣшливая коварность рока, вся живописная, яркая vanitas vanitatum, отражающая (кому даны глаза), иной разъ, наиболѣе цѣнныя тайны человѣчества,—вотъ это услаждало Дашкова и наполняло его жизнь.

Наполняло въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ самаго утра и до вечера Павелъ Яковлевичъ „сидѣлъ по уши“ въ исторіи, то читалъ книги, то слушалъ, то самъ разсказывалъ, и въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно исполнялся какого-то восторга, очевидно, переживая всѣмъ существомъ перипетіи своихъ мимолетныхъ героевъ. Быть можетъ, меньше всего приходилось ему читать. Столъ его былъ заваленъ журналами, книгами, газетами, брошюрами, прокламаціями, всякимъ печатнымъ словомъ. Но въ эти груды онъ почти не заглядывалъ, да и не было нужды, ибо съ утра начинался въ его кабинетѣ дефилэ историковъ и людей, всячески прикосновенныхъ къ исторіи, и эти посѣтители сообщали Дашкову о всѣхъ открытіяхъ, новостяхъ, слухахъ, пророчествахъ и воспоминаніяхъ.

Дашковъ „умѣлъ узнавать“. Онъ умѣлъ спросить, выслушать, запомнить и занести мельчайшіе факты на какую-нибудь полку того колоссальнаго архива, который умѣщался въ его головѣ. И кого-кого только нельзя было встрѣтить въ кабинетѣ Павла Яковлевича! Отъ высшихъ сановниковъ до начинающихъ офицериковъ и до простыхъ любителей краснобайства, отъ „городничаго до Бобчинскаго“ — всѣ, всѣ шли къ нему, кто за справкой, кто на поклонъ, кто же просто чтобы посидѣть, и всѣ несли въ эту вольную историческую академію чѣмъ были богаты.

Послѣдніе годы Павелъ Яковлевичъ болѣлъ, и это отозвалось на количествѣ его посѣтителей, но еще 5 лѣтъ тому назадъ хлѣбосольство его, духовное и тѣлесное, было прямо сказочно щедрымъ. Каждый день къ завтраку столовая его наполнялась гостями, и зачастую самъ хозяинъ въ точности не зналъ, кого онъ принимаетъ. Всегда изысканно-вѣжливый, онъ знакомилъ вновь пришедшихъ съ прибывшими раньше, но часто вмѣсто фамиліи онъ просто мычалъ что-то непонятное, а затѣмъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ, улучивъ минуту, онъ намъ, „habitués“, безшумнымъ смѣхомъ и пожиманіемъ плечъ выражалъ свое недоумѣніе.

Вотъ еще одна колоритная черта Дашкова. Я не люблю пьяницъ и еще менѣе переношу людей, пристающихъ съ выпивкой. Но у Дашкова это выходило иначе и какъ-то очаровательно. Самъ онъ такъ простодушно наслаждался охмѣленіемъ своихъ гостей, самое это охмѣленіе было такимъ яснымъ и здоровымъ, что этотъ культъ Бахуса не имѣлъ въ себѣ ничего отталкивающаго и позорнаго. Павелъ Яковлевичъ хохоталъ исподтишка надъ новичками и радовался самымъ сердечнымъ образомъ, когда ему удавалось усладить ихъ до полнаго дурмана. Но въ немъ это было не порочной чертой или пошлостью, а какой-то ребячески-благодушной „malice“. И какіе же, дѣйствительно, выходили курьезы изъ-за этого переугощенія! Какъ попадались купчики-коллекціонеры, пріѣзжавшіе изъ Первопрестольной похвастать передъ Дашковымъ своей несуразной персоной, какъ попадались молоденькіе фронтовики, пришедшіе къ Павлу Яковлевичу по нуждамъ какой-либо „исторіи полка“, какими смѣшными казались опьянѣвшіе маститые генералы и тайные совѣтники, начинавшіе нести развязнѣйшую небылицу, изъ которой любопытный и всегда остававшійся трезвымъ хозяинъ умѣло выбиралъ всю случайную быль, которую осторожные люди обыкновенно прячутъ.

Intérieur Павла Яковлевича не былъ изящнымъ и даже не былъ стариннымъ. Общій видъ всей обстановки былъ такой, точно „господа собираются уѣзжать на всегда за границу“, или точно только что наслѣдники пришли въ домъ, стоявшій 30 лѣтъ заколоченнымъ. Милая старушка Наталія тщательно вытирала пыль тамъ, гдѣ это ей позволяли, но видъ запустѣнія и развала отъ этого не уменьшался, ибо на полу продолжали лежать грудами книги, ко всѣмъ стульямъ прислонены были папки, среди комнатъ зіяли вскрытые ящики.

И вотъ, несмотря на все это, и на то, что все это было скорѣе уродливо,—я нигдѣ (съ самаго дѣтства) не испытывалъ такого чувства уютности, какъ именно въ квартирѣ Павла Яковлевича. Уютность эта исходила отъ него, отъ всей его ласки, отъ всего его простодушія и веселья. Когда въ сумерки вмѣстѣ съ „кофе“ подавались фантастическія по прелести настойки и наливки, самъ Павелъ Яковлевичъ усаживался за столъ, рядомъ съ нимъ — весельчакъ и „подпѣвало“ М., или симпатичный старичекъ-фехтовальный учитель, когда въ эту пору въ тиши начинались разсказы за разсказами, подливались рюмки за рюмками „малины“ и „морошки“, то получалось впечатлѣніе, точно уѣзжаешь куда-то въ глубины русской древности, что это ужъ не Михайловскій скверъ глядитъ въ окна, не конки позванивают, не электричество мигаетъ, что

это сидятъ не люди XX вѣка, а что это все какое-то видѣніе давно минувшей и милой старины, пришедшее навѣстить живыхъ и улыбнуться имъ. Настроеніе, которое такъ удалось передать „художественникамъ“ въ „Царствѣ прошлаго“ изъ „Синей птицы“.

Есть почитатели Павла Яковлевича, которые мечтаютъ о созданіи музея его имени. Боюсь, что изъ этого не выйдетъ ничего „вкуснаго“. Быть можетъ, лучше бы попасть безподобнымъ коллекціямъ покойнаго въ одно изъ существующихъ хранилищъ. Но и меня плѣнила бы мысль сохранить квартиру Павла Яковлевича, какъ нѣкую часовню. Чтобы стояли на вѣчныя времена эти цвѣты по стеклянному коридору, чтобы висѣли по некрасивымъ обоямъ столовой тарелки и блюда китайскаго сервиза (companie des Indes), чтобы тиктакали часы, чтобы играли ихъ куранты (тождественные съ курантами „Вестминстерскаго Аббатства“), чтобы Наталія отворяла дверь и вводила посѣтителей въ кабинетъ, а оттуда въ столовую, наконецъ, чтобы подавались классическіе завтраки и сказочные напитки. Все бы оставить на мѣстѣ! Но, увы, это невозможно, да и говорило бы это лишь для тѣхъ, кто, какъ мы, знали хозяина, придававшаго всему этому особый колоритъ и экспрессію. Для постороннихъ же, для „новыхъ“—эти вещи не значили бы ничего, и справедлива судьба, которая смететъ ихъ и разсѣетъ,—дастъ увять цвѣтамъ, разбрестись китайщинѣ и „гамбсамъ“. Эта обстановка сама по себѣ ничего не означаетъ, но въ моей памяти она будетъ существовать, какъ милая гармонія, какъ рамка незабвенному и дорогому образу Павла Яковлевича.

Помню я нѣкую ночную бесѣду съ Павломъ Яковлевичемъ. Готовились серьезныя непріятности человѣку, которому мы оба сочувствовали всѣмъ сердцемъ, и вотъ послѣ одного значительнаго засѣданія я отправился къ Дашкову и всю ночь просидѣлъ съ нимъ въ этомъ „военномъ совѣтѣ“. Памятна мнѣ эта ночь потому, что тутъ только узналъ я о мѣрѣ сокровищъ сердца Павла Яковлевича, объ его подлинномъ благородствѣ и тутъ еще я узналъ многія характерныя подробности о моемъ собесѣдникѣ.

Вспоминаю о патріотизмѣ Павла Яковлевича . . . Нахожу эту черту особенно характерной для него и прямо самой основной для этого безусловно чуждаго политикѣ, нигдѣ не служившаго, ни отъ кого не зависѣвшаго человѣка. Любовь къ Россіи у Дашкова была любовью хрустальной чистоты и крѣпости, безъ тѣни лукавства и притворства, безъ тѣни лести и самообмана. Онъ ли не зналъ всѣхъ ея слабыхъ сторонъ, онъ ли не помнилъ всѣ ея преступленія и обиды?

Онъ все это зналъ, но даже и „прощать“ ему не было нужды, ибо Дашковъ не умѣлъ ни винить, ни учить, ни презирать. Безъ славянофильской закваски, онъ воспиталъ въ себѣ какую-то религію величія и красоты своей родины и, не будучи въ рядахъ какой-либо партіи, не ожидая мгновенныхъ метаморфозъ, онъ твердо уповалъ на движеніе Россіи впередъ, къ болѣе свѣтлымъ горизонтамъ“.

Кончина Павла Яковлевича выдвинула вопросъ о судьбѣ его собранія. Не мало было высказано въ свое время сожалѣній о судьбѣ знаменитой библіотеки покойнаго П. А. Ефремова. Небольшая, и при томъ вовсе не самая цѣнная въ научномъ отношеніи, часть ея была пріобрѣтена академіей наукъ, а все остальное разсыпалось по лавкамъ букинистовъ и разбрелось и разбредается по множеству рукъ, и великолѣпная библіотека, собранная съ такимъ стараніемъ, съ богатыми знаніями, съ большими затратами, уже никогда не будетъ возстановлена. Такихъ печальныхъ примѣровъ было у насъ довольно много.

Что касается до собранія Дашкова, то можно надѣяться, что оно уцѣлѣетъ и сохранится въ полномъ объемѣ. Завѣщанія, говорятъ, онъ не оставилъ, а родные Павла Яковлевича, къ которымъ переходитъ его состояніе, конечно, не выбросятъ на рынокъ библіотеку покойнаго. Но этого мало. Нужно, чтобы собраніе Дашкова продолжало служеніе наукѣ, нужно, чтобы оно по-прежнему приносило пользу, было доступно ученымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣковѣчивало память своего создателя, которая не должна быть забыта.

„У всякаго, кому приходилось пользоваться для своихъ научно-литературныхъ работъ обильными архивными сокровищами и коллекціями иллюстрацій П. Я. Дашкова“,—пишетъ въ „Нов. Времени“ (№ 12185) г. Б. Г.—„невольно возникаетъ вопросъ, какова же будетъ судьба послѣднихъ, и поскольку возможно будетъ имѣть къ нимъ дальнѣйшій доступъ? Рѣшительно можно сказать, что съ прекращеніемъ этого доступа многимъ задуманнымъ и намѣченнымъ предпріятіямъ не суждено будетъ осуществиться. Вѣдь еще не такъ давно, по случаю Кольцовскаго юбилея, не кто иной, какъ именно Дашковъ, далъ возможность Академіи Наукъ выпустить полное собраніе стихотвореній нашего народнаго поэта...

Затруднительное положеніе многихъ нашихъ работниковъ на нивѣ отечественнаго знанія внѣ сомнѣнія. Въ особенности эта затрудненность выпадетъ сейчасъ на долю тѣхъ „полковыхъ историковъ“, которые такъ широко пользовались содѣйствіемъ и указаніями Дашкова. Вѣдь только благодаря ему многія „исторіи пол-

ковъ" увидѣли свѣтъ, и нужно было лично видѣть ту уйму труда и напряженія силъ, которыя покойный меценатъ-коллекціонеръ тратилъ, чтобы понять, что *безъ него* многія подобнаго рода историко-литературныя начинанія не увидѣли бы свѣта. Такое положеніе дѣлъ несомнѣнно пойдетъ въ ущербъ отечественному просвѣщенію и разрушитъ то, на что Дашковымъ положено было столько матеріальныхъ средствъ. Можно указать не мало случаевъ, когда нѣкоторыя пріобрѣтенія обходились ему съ затратою значительныхъ средствъ, какъ напримѣръ пріобрѣтеніе архива покойнаго министра Валуева. По соглашенію съ единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго П. Я. сталъ обладателемъ его богатѣйшаго архива, но и тутъ онъ проявилъ очень широко свое барство и доказалъ безупречность своего джентльменства. Часть пріобрѣтеннаго архива по соображеніямъ государственнаго порядка онъ вынужденъ былъ передать въ Зимній дворецъ, и когда онъ былъ запрошенъ о величинѣ понесеннаго имъ ущерба, и насколько онъ за это долженъ быть вознагражденъ, онъ отъ таковаго вознагражденія уклонился, заявивъ, что въ немъ не нуждается, но что если новые собственники части отчужденнаго архива желаютъ быть великодушны, то пусть они вознаградятъ то близкое наслѣднику Валуева лицо, которое понесло расходы по его леченію и похоронамъ. Желаніе Дашкова было выполнено, и въ вѣнокъ его имени вплелся новый цвѣтокъ красиваго барскаго великодушія и рыцарскаго безсребрія.

Въ обладаніи П. Я. были богатыя сокровища русскаго духа, искусства и мысли. Но и тутъ онъ занялъ совершенно своеобразную позицію. Онъ не уподобился тѣмъ коллекціонерамъ, которые счастливы тѣмъ, что они единственные обладатели извѣстныхъ сокровищъ и одни наслаждаются въ тиши своими богатствами, болѣзненно оберегая ихъ отъ взоровъ и прикосновеній толпы. Нѣтъ, Дашковъ именно считалъ *свое — всеобщимъ* и вполнѣ сознательно тратилъ силы и матеріальныя средства именно ради всеобщаго пользованія и общаго достоянія. Отсюда, несмотря на то, что лично онъ ничего не написалъ и ничего не издалъ за своею подписью,— его имя самымъ тѣснымъ образомъ связано съ русской наукой и искусствомъ, коихъ онъ и былъ всю жизнь неустаннымъ работникомъ и покровителемъ. Многія и многія изданія воскресаютъ въ нашей памяти и всѣ они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ именемъ Павла Яковлевича. Покойный Н. К. Шильдеръ, этотъ единственный у насъ сейчасъ исторіографъ эпохи Павла I, Александра I, Николая I, не могъ осуществить своихъ иллюстрированныхъ изданій безъ содѣйствія П. Я. И одинъ ли Шильдеръ! Тутъ развертывается вереница личныхъ именъ и редакцій всякихъ тол-

ковъ и направленій. Отсюда мы видимъ, что Дашковъ въ дѣлѣ издательства, въ работѣ на пользу русскаго просвѣщенія стоялъ внѣ партій, имѣя въ виду исключительно пользу науки и ея служителей.

Вотъ почему желательно, чтобы наслѣдіе Дашкова, какъ опредѣленное накопленное духовное богатство, какъ идея служенія пользѣ русскаго просвѣщенія, продолжало ту свою служебную роль, на созданіе которой было потрачено столько лѣтъ жизни. Сокровища Дашкова должны быть самымъ тщательнымъ образомъ обережены и обращены въ національное достояніе. Какъ это сдѣлать, въ виду наслѣдственныхъ правъ его родни, трудно сейчасъ подсказать. Пусть тѣ общества, гдѣ П. Я. состоялъ членомъ, какъ напр. „Императорское Историческое“, „Военно-Историческое“, „Лицейское“ и др. подумаютъ объ этомъ и сдѣлаютъ это предметомъ своихъ собраній и сужденій. Мы не сомнѣваемся, что наслѣдники П. Я. охотно пойдутъ навстрѣчу разумнымъ желаніямъ по сему предмету и сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы имя представителя ихъ рода никогда не изгладилось изъ памяти поколѣній. Когда самого Дашкова близкіе запрашивали о будущности его архивныхъ богатствъ, онъ скромно заявлялъ, что онъ свое жизненное дѣло сдѣлалъ, а будущее—во власти его наслѣдниковъ. За ними теперь эта власть и слово, а за всѣми тѣми, кто любилъ Павла Яковлевича, кому дорога его славная память, кому онъ при жизни былъ помощью и поддержкою, остается тѣсно сомкнуться хотя бы въ кружокъ или „общество имени Павла Яковлевича Дашкова“, чтобы облегчить родственникамъ покойнаго мецената-коллекціонера наиболѣе цѣлесообразное использованіе его богатаго наслѣдія“.

Такую же надежду высказалъ въ цитированной замѣткѣ (въ „Рѣчи“) Н. Лернеръ, тоже предложившій сохранить для общаго пользованія „Музей П. Я. Дашкова“: „нельзя сомнѣваться, что близкіе и наслѣдники Павла Яковлевича не откажутся почтить достойнымъ образомъ память покойнаго и помогутъ увѣковѣченію его имени. Собранная имъ обильная сокровищница не будетъ глохнуть безполезно гдѣ-нибудь подъ спудомъ, и русское общество и русская наука будутъ благодарно чтить память П. Я. Дашкова.

„Среди лукавыхъ, малодушныхъ“, которыми полонъ нашъ однообразный общественный бытъ, Дашковъ выдѣлялся какъ своеобразная и свѣтлая личность. Онъ обладалъ тѣмъ, въ чемъ тысячамъ людей отказала судьба,—умѣніемъ любить, страстью. Онъ дѣятельной, живой любовью любилъ красоту, любилъ старину, любилъ науку,—а такое постоянное устремленіе души къ прекрасному и высокому развѣ не тотъ же талантъ? И этотъ талантъ не былъ ли-

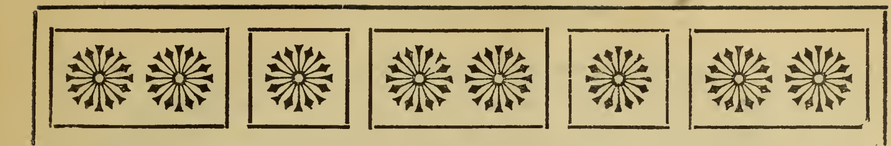
шенъ творчества. Дашковъ самъ построилъ себѣ рукотворный, но прочный, величавый памятникъ.

Онъ не зарылъ въ землю данный Богомъ даръ.

„Бояринъ доблій, честной русской старины хранитель, собиратель и оберегатель", какъ назвали его однажды друзья и почитатели въ полушуточной „челобитной", онъ жилъ не для себя, а для людей. Пусть же не забудутъ его люди. Пусть легкимъ пухомъ ляжетъ надъ нимъ родная земля, на которой онъ подвизался подвигомъ добрымъ!

Миръ и честь его праху...

Изъ давно прошедшаго.
(1876—1879).

Въ Бессарабіи.

Ноябрь (1876 г.)—Апрѣль (1877 г.).

Со времени объявленія мобилизаціи, я съ моимъ товарищемъ X* провели почти пять мѣсяцевъ въ одной изъ деревень Бессарабіи. Въ батареѣ мы застали весьма натянутыя отношенія между офицерами и командиромъ.

Интересный типъ представлялъ изъ себя старый полковникъ В*. Высокій, худой съ длинными сѣдыми бакенбардами, прекрасный строевикъ, замѣчательный ѣздокъ—онъ не скрывалъ своей вражды ко всему, что соприкасалось съ „наукой".

Отъ солдатъ онъ требовалъ лихого вида; видъ солдата съ нахлобученной безкозыркой выводилъ его изъ себя:

— Шапки на бекрень!—кричитъ, бывало, передъ строемъ.

Самыми сильными ругательствами считалъ „физику" и „математику".

— Ахъ ты—„физика", „математика проклятая",—кричалъ, бывало, на солдата, сидѣвшаго вахлакомъ.

Разгорячившись разъ, истощивъ запасъ всѣхъ обычныхъ бранныхъ словъ, вдругъ онъ закричалъ:

— Ахъ, ты Ак-а-демія!! Тутъ же, повернувшись къ офицерамъ, изъ коихъ двое собирались въ академію, прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Г-да офицеры, прошу на свой счетъ не принимать!

Кто самъ служилъ въ строю, въ глуши, тотъ отлично знаетъ,

на сколько личность командира вліяетъ на складъ жизни офицеровъ, особенно если общество холостое и немногочисленное [1]).

Были еще нѣкоторыя особенныя обстоятельства (cherсhеr la femme), которыя еще болѣе обостряли и безъ того уже дурныя отношенія.

Все это дѣлало еще болѣе тяжелой и безъ того уже тяжелую непривычную жизнь въ хатахъ, безъ всякаго общества, въ вѣчно тоскливомъ ожиданіи чего-нибудь опредѣленнаго за долгіе мѣсяцы дипломатическихъ переговоровъ. Вспоминая это время, не нахожу ни одного живого радостнаго человѣческаго впечатлѣнія, которое прорѣзало бы лучемъ свѣта сумерки нашего существованія.

Единственнымъ спасеніемъ отъ скуки было чтеніе; читалъ безъ разбора все, что только попадалось, зачитывался до того, что иногда не совсѣмъ ясное представлялъ себѣ настоящее; изъ „серьезныхъ“ книгъ прочиталъ за это время только Дж. Ст. Милля—Политическую экономію и о подчиненности женщины.

Собирался было вести дневникъ, но дальше желанія не пошелъ. У меня сохранилось только нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ этомъ времени.

Ноябрь 1876 г.

— Господа, пойдемте къ Г*.

— А вы знаете квартиру?

— Какъ-нибудь найдемъ!

Мы вышли изъ хаты, прошли дворикъ и, выйдя за ворота, очутились на площади; снѣгу не было—уже растаялъ, глубокую грязь прихватилъ морозъ, и вся земля покрылась образовавшейся колотью. Мы съ трудомъ шли по ней и смѣялись, когда кто-нибудь изъ насъ терялъ равновѣсіе.

— Эй, солдатъ—не знаешь ли квартиры Г*?

— От-тутъ, кажись, направо.

Пошли направо, налѣво, направо—пришли.

На дворѣ насъ встрѣтила презлая собака.

---

[1]) При пріѣздѣ въ батарею мы застали всего четыре офицера. Одинъ изъ нихъ прекрасный товарищъ, человѣкъ мужественнаго, открытаго характера, Г*, въ Румыніи на берегу Дуная, послѣ непріятной исторіи съ командиромъ собралъ свой взводъ, простился съ нимъ и здѣсь же пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ того самаго „бульдога“, который я купилъ для него въ Кишиневѣ. Послѣ этой исторіи В* былъ отставленъ отъ командованія батареей. Симпатичный, скромный какъ дѣвушка, С*-а застрѣлился при обратномъ возвращеніи въ Россію. „Вѣчный прапорщикъ“ С* кончилъ такъ, какъ кончаютъ многіе русскіе люди... Уцѣлѣлъ одинъ только К*, отличный офицеръ и товарищъ, любимый всѣми, кто его зналъ.

— А, ну, ты!—кричитъ на нее вышедшій съ самоваромъ въ рукахъ денщикъ.

Изъ сѣней одна дверь вела къ хозяевамъ-молдаванамъ, другая направо къ квартировавшимъ здѣсь офицерамъ.

Отворили дверь и по одному вдвинулись въ хату; пока раздѣвался, успѣлъ оглядѣть помѣщеніе: темная, грязная комната, низкій потолокъ, по стѣнамъ лавки; около одной изъ нихъ столъ, за столомъ сидѣлъ въ полушубкѣ К* съ съѣхавшей на затылокъ шапкой.

— А, г-да молодежь, здорово, милости просимъ!—раздался голосъ изъ глубины угла: въ одномъ бѣльѣ валялся Г* на постели.

На полу стояли развернутые чемоданы, на лавкахъ валялись сабли, лядунки—видно было, что тутъ еще не устроились.

— Что же, наконецъ, скоро ты дашь намъ ѣсть?

— Поворачивайся живѣе! посыпалось на денщика; черезъ четверть часа денщикъ внесъ горшокъ съ картофелемъ — больше ничего нельзя было достать; принялись за ѣду.

— Хорошо еще, что тутъ недолго [1]) придется жить—скоро походъ!

— Да, скорѣй бы походъ!

— Неизмѣримо лучше всякій походъ, чѣмъ въ грязной молдаванской хатѣ.

Разговоръ не вязался—говорить никому не хотѣлось, ѣли молча, изрѣдка только дѣлали замѣчанія по поводу картофеля и ожидаемаго самовара; о предстоящей же жизни никто не говорилъ. Одинъ только докторъ, здѣсь присутствовавшій, молодой человѣкъ лѣтъ 27, и ѣлъ за двоихъ и находилъ время говорить за всѣхъ.

Я и Х* собирались впослѣдствіи выйти въ отставку и поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому мы со вниманіемъ присматривались къ нашему доктору, очень недавно окончившему Х* университетъ.

— Это старое мнѣніе насчетъ бо̀льшей питательности яицъ въ смятку сравнительно съ яйцами въ крутую, говорилъ докторъ и, разбирая разныя основанія для того и другого мнѣнія, убѣждалъ въ бо̀льшей питательности яицъ въ крутую.

— А, вѣдь, намъ, г-да, остается только одно, заговорилъ Х*— питаться съ солдатскаго котла!

Всѣ согласились, что это наилучшій выходъ; завязался разговоръ о независимости.

„Независимость“, „правда выше всего“, „борьба“—такъ и сыпалось у доктора.

---

[1]) Никто не могъ и подумать, что тутъ въ этихъ условіяхъ придется „простоять“ почти 5 мѣсяцевъ.

Вся комната была въ клубахъ табачнаго дыма—нечѣмъ было дышать.

Заходили опять на ту же квартиру; безпорядокъ тотъ же; собралось человѣкъ 6, всѣ сидѣли вокругъ стола, кто на лавкѣ, кто на боченкѣ; жгли пуншъ. Разговоръ вертѣлся около вопроса—будетъ ли война, или нѣтъ? Оставятъ ли насъ въ этой деревнѣ или переведутъ въ другое мѣсто?

Нерѣдко у насъ говорили о небрежности доктора къ больнымъ. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія, думалъ я, и при первомъ же удобномъ случаѣ завелъ съ нимъ разговоръ на общую тему.

Оказывается, что онъ „жертва борьбы", что „прежде" онъ „боролся противъ неправды", видя ее въ лицѣ В*, но потомъ, увидавъ, что „онъ одинъ въ полѣ воинъ", „усталъ бороться" и—„попиваю ерофеичъ у В*, ѣзжу съ нимъ въ Кишиневъ, и что же—прекрасно! Вчера ѣздили въ Унгени, выпили тамъ, В* давалъ шампанское. А завтра ѣдемъ въ Кишеневъ, денька черезъ два вернусь!"

— А ваши больные?

Онъ завелъ рѣчь о недостаткѣ средствъ, инструментовъ и т. д.

Незамѣтно разговоръ перешелъ на „войну".

— А вотъ если война будетъ—увидите, сколько мы будемъ „получать",—здѣсь онъ подробно началъ высчитывать суточныя, столовыя и пр.

Что за невыразимая тоска жить въ хатѣ, безъ всякаго дѣла, кругомъ однѣ и тѣ же хаты, все тѣ же апатичные молдаване и ни одного посторонняго человѣка, съ кѣмъ интересно было бы поговорить. Къ тому же вѣчное томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ двинемся, но когда и куда—назадъ или впередъ?

Но куда бы ни двинуться—только бы не оставаться здѣсь. Читаешь, читаешь—ну, и ничего! а потомъ, вдругъ, послѣ недѣльнаго запоя и повѣсишь голову, отгоняешь мысли о жизни свободной, разумной.

Какая радость! позволяютъ ѣхать въ Кишиневъ. Не думая о томъ—что тамъ будетъ—что встрѣчу—живо, скорѣй, денщикъ! Готовъ! Трясешься въ фурѣ по колоти 7 верстъ до станціи; силы нѣтъ болѣе сидѣть—ложишься въ средину повозки: все менѣе трясетъ. Вотъ уже и Страшены—скоро Кишиневъ.

Поѣздъ проходитъ поздно, часовъ въ 11 вечера. Въ городѣ невылазная грязь, неприглядны дурно освѣщенныя, длинныя, пустыя

улицы; угрюмо смотрятъ дома со своими большей частью неосвѣщенными окнами; они какъ бы сторонятся отъ этого чужого нахлынувшаго люда. Одни трактиры, рестораны, гостиницы постоянно освѣщены и полны народу.

Въ началѣ апрѣля 1877 г. я и X* были переведены въ батарею, стоявшую въ небольшой деревушкѣ въ Бессарабіи.

Здѣсь мы застали сравнительно большое общество: кромѣ командира, барона М*, было, считая съ нами, 8 офицеровъ (Р—нъ, Л—овъ, Ж—ко, бар. И., М—овъ, Г—нъ, я и X* докторъ[1]), ветеринарный врачъ и два вольноопредѣляющихся Ж—скій и С—овъ. Во время кампаніи пріѣхалъ Ш. и послѣ войны З—скій. Все молодежь: мнѣ не было еще и 19 лѣтъ, старшему офицеру не болѣе 30 лѣтъ. Почти всѣ были изъ Мих. арт. у-ща, гдѣ послѣ военной гимназіи проходили серьезную математическую школу въ теченіе 3 лѣтъ[2]).

Все офицерское общество собиралось обѣдать у командира, который по старому конно-артиллерійскому обычаю держалъ столъ для своихъ офицеровъ. Выписывались газеты („Русскій Инвалидъ" и „Голосъ") и нѣсколько журналовъ („Вѣстникъ Европы", „Отечественныя Записки" и „Дѣло").

По вечерамъ, за чаемъ и легкимъ ужиномъ, сходились у кого-либо изъ офицеровъ, и за веселымъ разговоромъ время проходило незамѣтно.

Съ этой батареей я сдѣлалъ всю кампанію и сохранилъ обо всѣхъ моихъ товарищахъ наилучшія самыя сердечныя воспоминанія.

Въ Турціи.

Въ день объявленія войны (12 апрѣля 1877 г.) выступили въ походъ и 16 апрѣля перешли границу. Во время похода и войны велъ дневникъ, который былъ потомъ напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ"[3]).

---

[1]) Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда д-ръ П—овъ получилъ другое назначеніе. Отличный хирургъ, серьезно относился къ дѣлу. Слабость его—походить на офицера. Про него можно было бы сказать, что онъ былъ „plus officier que l'officier lui même". Смѣнилъ его д-ръ К—цій изъ Дерптскаго университета, высокообразованный, серьезный, гуманный человѣкъ, все время читавшій классиковъ.

[2]) Во время кампаніи М—овъ перевелся въ гусары. Оба наши вольноопредѣляющіеся послѣ первыхъ же сраженій были произведены въ офицеры и переведены одинъ въ уланскій (Ж—скій), другой въ драгунскій полкъ (С—овъ).

[3]) В. Сб. за 1903 г. №№ 9—12.

*

Время съ іюня по январь провели на бивуакахъ, сначала въ палаткахъ, а затѣмъ въ землянкахъ.

На бивуакахъ была масса свободнаго времени; много занимался математикой, воспользовавшись великолѣпными французскими учебниками, пріобрѣтенными въ Бухарестѣ (Bertrand, Bos, Sturm). Тамъ же купилъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій, которыя потомъ „штудировалъ" въ землянкѣ: Бюхнера (Force et Matière) во французскомъ переводѣ; Дарвина (L'origine des Espèces), Лебокка (Les origines de la civilisation и l'homme préhistorique), Бокля (по-нѣмецки); купилъ также Gesellschaftswissenschaft соч. „одного д-ра медицины", гдѣ онъ рекомендуется атеистомъ, дарвинистомъ и мальтузіанистомъ. Я такъ много слышалъ раньше о Бюхнерѣ и такъ мнѣ хотѣлось его пріобрѣсти, что послѣ чтенія остался разочарованнымъ. Дарвина читать мнѣ было очень трудно и для лучшаго усвоенія я дѣлалъ конспекты. Леббокъ же (особенно „начала цивилизаціи") привелъ меня прямо въ восторгъ: здѣсь впервые предо мною развертывались идеи эволюціи въ мірѣ нравственныхъ понятій и общественныхъ формъ.

Военныя дѣйствія въ нашемъ отрядѣ прекратились 30 ноября, но мы продолжали стоять въ полѣ подлѣ Тростеника.

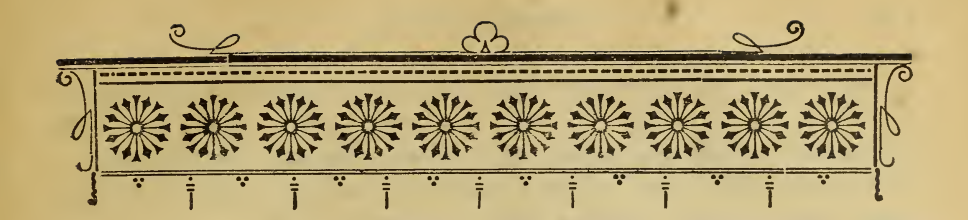
6 декабря выпалъ такой снѣгъ, какой рѣдко можно видѣть даже въ Россіи—и засыпалъ всѣ наши землянки. Однѣ только бѣдныя лошади, ничѣмъ не защищенныя, стояли молча, понуривъ головы, длинными рядами. Только когда два раза въ день раздавался крикъ вахмистра „навѣшивай торбы!"—вдругъ по всему бивуаку поднималось лошадиное ржаніе, но это было уже не то бодрое, веселое ржаніе, что раньше; теперь въ этомъ ржаніи слышна была дикая радость голодающаго при видѣ пищи. Съ фуражемъ очень плохо: уже съ сентября лошади получали не болѣе 2 гарнцевъ въ день, а когда бури на Дунаѣ разстроили переправу и прекратили сообщеніе съ Батиномъ, откуда въ послѣднее время изъ складовъ брали сѣно, лошади получали или по одному гарнцу или на однѣхъ галетахъ...

Говорили, что скоро кавалерію и конную артиллерію разведутъ по деревнямъ; на позиціяхъ же оставятъ пѣхоту и пѣшую артиллерію.

Л. Богаевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Киньчжоускій бой[1]).

Въ ночь съ 12-го на 13-е я находился на ст. Нангалинъ, куда ночью прибылъ изъ Артура 15-й полкъ. Вскорѣ послѣ полученія донесенія о началѣ бомбардировки, было получено другое донесеніе, что въ водахъ Нангалина противъ дер. Сигіякуза появились японскія суда. Опасаясь высадки здѣсь десанта, я отправился туда, чтобъ дать надлежащія указанія командиру 15-го полка.—Здѣсь я считаю нужнымъ познакомить читающаго со слѣдующими документами.

1) Телеграмма адмирала Витгевта къ Намѣстнику, отъ 10 февраля 1904 г. Рождественскій телеграфируетъ: по англійскимъ источникамъ, японцы намѣрены поддерживать десанты огнемъ канонерскихъ лодокъ при высадкахъ на мелководьи, подобно намѣченной у Киньчжоу.

2) Телеграмма адмирала Алексѣева генералу Стесселю отъ 23 апрѣля. Считаю необходимымъ указать генералу Фоку, что главной задачей ему ставится не удержаніе позиціи во что бы то ни стало, а своевременный отходъ съ ввѣренными ему войсками на усиленіе гарнизона Артура.

3) Шифрованная телеграмма генерала Фока къ генералу Стесселю отъ 6-го мая. Тафашинъ не оставляю. Лично выбралъ мѣста для батарей съ баталіонными и батарейными командирами. Въ Нангалинѣ держу 13-й полкъ, опасаюсь высадки на шаландахъ южнѣе Киньчжоу. Отказываюсь отъ 15-го полка и 7 артиллерійскаго дивизіона; боюсь рисковать ихъ потерять.

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1909 г.

При такой задачѣ поневолѣ откажешься отъ полка, а тѣмъ болѣе, отъ батарей; отходить 60 вер. по одной горной дорогѣ съ двумя перевалами, когда перешеекъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 20 верстъ:—выбросить десантъ можно въ любомъ мѣстѣ и для захвата дороги десанту пройти всего 10 верстъ.

4) Телеграмма генерала Куропаткина генералу Стесселю отъ 4 мая, полученная наканунѣ боя утромъ 12 мая. По моему мнѣнію, самое главное—это своевременно отвести войска генерала Фока въ составъ гарнизона Артура. Мнѣ представляется весьма желательнымъ во̀-время снять и увезти съ Цзинжоусской позиціи орудія.

Вотъ эти двѣ директивы командующихъ арміями, а равно возможность ожидать въ тылу позиціи, во всякое время и въ любомъ мѣстѣ, десантъ, какой угодно силы; а такъ же и то, что мною заранѣе были указаны мѣста батарей и окоповъ и что начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ подъ Киньчжоу, былъ назначенъ генералъ Надѣинъ: обязывало меня не ѣхать по первому раздавшемуся выстрѣлу подъ Киньчжоу, а предварительно хорошенько оріентироваться. Это мною и было сдѣлано,—и это дало возможность нѣкоторымъ обвинять меня въ трусости.—Такъ, генералъ Ирманъ въ показаніяхъ своихъ говоритъ, что я пріѣхалъ въ три часа и далѣе ст. Тафашинъ не ходилъ, между тѣмъ какъ я при немъ пошелъ на гору Наншань на батарею № 10-й, куда онъ за мной не послѣдовалъ.

Убей меня на батареѣ № 10, которая была всего въ 400 ш. отъ стрѣлковыхъ окоповъ, и всѣ говорили бы: къ чему полѣзъ, имѣя такія директивы, позавидовалъ что-ли лаврамъ Скобелева?—Да и Скобелевъ такихъ штукъ не выкидывалъ, когда оставался самостоятельнымъ начальникомъ, какъ, хоть-бы, подъ Шейновымъ, гдѣ ближе двухъ верстъ и не подъѣзжалъ.

И такъ я рѣшилъ оріентироваться. Во время осмотра мѣстности мною было получено составленное въ нѣсколько тревожномъ тонѣ донесеніе отъ начальника штаба дивизіи о томъ, что бой возобновился,—это меня заставило тотчасъ же ѣхать къ мѣсту боя. — Дорогою я встрѣтилъ обозъ 5-го полка съ патронными двуколками, шедшій въ Артуръ. Я приказалъ капитану генеральнаго штаба Романовскому вернуть обозъ. Въ началѣ 12 часа прибылъ на ст. Тафашинъ, гдѣ меня встрѣтилъ генералъ Надѣинъ и доложилъ о ходѣ боя и о томъ, что онъ не ожидалъ, что бой такъ скоро возобновится. На вопросъ: а какъ резервы? Онъ отвѣтилъ: полковникъ Третьяковъ захватилъ двѣ роты, бывшія на работѣ, и три охотничьихъ команды.—Баталіонъ 14-го полка и всѣ пограничники, числомъ 600—800 чел., занимаютъ окопы вдоль залива

Хунуэзъ, а два баталіона 13-го полка отправлены на лѣвый флангъ позиціи.

Меня очень взволновало такое щедрое расходованіе резервовъ, и я пожалѣлъ, что не пріѣхалъ раньше. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ Надѣинъ забылъ, что эти два баталіона 13-го полка, которые были на лѣвомъ флангѣ на высотѣ 28-й, онъ отправилъ въ десять часовъ утра въ тылъ позиціи къ деревнѣ Тунселафанъ, гдѣ, по донесеніямъ, японцы производили десантъ.—Тамъ эти баталіоны простояли до двухъ часовъ, пока я ихъ не вернулъ. Вотъ эти-то два баталіона дали возможность обвинять меня въ томъ, что я вернулъ какіе-то два баталіона, посланные генераломъ Надѣинымъ въ самый критическій моментъ боя, то есть, въ седьмомъ часу вечера, между тѣмъ какъ баталіоны эти были посланы имъ въ десять часовъ утра. И только судъ, провѣривъ по документамъ, которые были въ слѣдственной комиссіи, и прослѣдивъ по нимъ, по часамъ, положеніе каждой роты и баталіона, пришелъ къ заключенію, что я никакихъ баталіоновъ ни ротъ не возвращалъ, а напротивъ самъ посылалъ роты на позицію.

Выслушавъ докладъ, я направился, чтобъ осмотрѣть расположеніе японцевъ.

Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ и узналъ отъ нихъ, что они отпущены полковникомъ Третьяковымъ въ Артуръ. Я имъ замѣтилъ, что не слѣдовало имъ пользоваться такою любезностью полковника Третьякова, и просилъ ихъ вернуться назадъ.—Вслѣдъ затѣмъ, во время осмотра мною японскихъ расположеній, подходитъ ко мнѣ инженерный рядчикъ Яновъ и отъ имени полковника Третьякова начинаетъ разсказывать всякіе ужасы на счетъ положенія гарнизона и затѣмъ сталъ настойчиво требовать подкрѣпленій.—Я, по его показаніямъ на слѣдствіи и судѣ, прогналъ его и нелестно отозвался о полковникѣ Третьяковѣ.

Этотъ докладъ Янова заставилъ меня вернуться на станцію, гдѣ я встрѣтилъ капитана-инженера фонъ-Шварца, который доложилъ мнѣ, что полковникъ Третьяковъ нашелъ, что ему на позиціи нечего дѣлать, а потому разрѣшилъ ѣхать въ Артуръ.

Такая изъ ряда выходящая распорядительность меня поразила и въ то же время навела на мысль, не думаетъ ли полковникъ Третьяковъ, что на основаніи полученной наканунѣ телеграммы отъ генерала Куропаткина, послѣдуетъ распоряженіе объ очищеніи позиціи, а потому онъ заранѣе приступилъ къ демобилизаціи обороны. Это предположеніе заставило меня послать ему слѣдующую записку:

13 мая 11 час. 50 м. утра.

„Предлагаю стоять на позиціи до моего приказанія объ отступленіи; объ отступленіи не думать, обороняться до послѣдняго человѣка".

Когда записка была уже мною послана, мнѣ пришло въ голову, что такая редакція можетъ дать надежду полковнику Третьякову на отступленіе, а потому минутъ пять спустя я послалъ слѣдующую записку.

13 мая 11 час. 55 мин.

„Предлагаю стоять до послѣдняго человѣка; объ отступленіи не думать, патроны вышлю.—Встрѣтилъ двуколки съ патронами, идущими въ Нангалинъ, ихъ вернулъ".

Затѣмъ пошелъ продолжать осматривать расположеніе японцевъ.

Расположеніе цѣпей было ясно видно,—орудія, кинутыя прислугою, я разглядѣлъ ужъ послѣ того, какъ мнѣ ихъ указали.—Такъ дошелъ до Киньчжоускаго залива.—Кучи труповъ указывали наступленіе японцевъ.—Послѣдняя линія, до которой они дошли, представляла изъ себя какъ бы плотину изъ труповъ. Канонерскія лодки не стрѣляли, онѣ сидѣли на мели. Полевыя японскія батареи ясно были видны, онѣ стояли открыто въ 1000 и ближе саженяхъ и вели противъ окоповъ оживленный огонь. Японское начальство, группами, совершенно открыто, стояло по холмамъ и наблюдало за боемъ,—вѣрнѣе сказать за экзекуціей позиціи.

Только небольшая часть непріятельскаго расположенія, скрываемая горою Наншаномъ, не была видна.

Изъ обхода я вынесъ благопріятное впечатлѣніе для насъ: что врядъ-ли японцы поведутъ энергично наступленіе раньше ночи.

Во время этого обхода я получилъ нѣсколько тревожныхъ донесеній отъ полковника Третьякова съ просьбою о помощи. Въ то же время мы обмѣнялись слѣдующими записками.

Въ 12 ч. 35 м. я писалъ генералу Третьякову: „За правый флангъ не бойтесь, стоятъ два полка. Смотрите на лѣвый флангъ, гдѣ можетъ рѣшиться дѣло".

Такъ вѣдь и случилось. О лѣвомъ флангѣ я ему говорилъ и писалъ съ перваго дня работъ. Во 2-мъ часу полковникъ Третьяковъ доноситъ мнѣ:

„У меня нѣтъ подъ рукою никакой части, которой я могъ бы возстановить бой. Всѣ на своихъ мѣстахъ и одна надежда на удаль солдатъ и мужество офицеровъ".

Что можетъ быть трогательнѣе такого донесенія.

Но и оно меня не тронуло, такъ какъ расположеніе японцевъ мнѣ было извѣстно не хуже, чѣмъ ему, а о нашемъ положеніи на позиціи мнѣ особенно безпокоиться не приходилось, потому что пол-

ковникъ Третьяковъ доносилъ: „всѣ на своихъ мѣстахъ“. Такого рода донесенія меня только раздражали, что видно изъ слѣдующаго моего отвѣта:—„Благодарю за удаль, силъ у васъ достаточно. На лѣвый флангъ, въ резервъ, посылаю еще двѣ роты къ батареѣ № 15“.

Обращаю вниманіе, что я хотя пишу ему, что силъ у васъ достаточно, но все-таки посылаю двѣ роты.

Это потому, что служба научила меня, что бываютъ обстоятельства, когда приходится считаться съ мнѣніемъ, а еще того болѣе съ нравственнымъ состояніемъ подчиненнаго.

Въ то же время посылаю генералу Надѣину слѣдующую записку:

13 мая въ 1 ч. дня.

„Прислать немедленно въ лощину с.-з. отъ Тафашинъ 2 роты къ бат. № 15“.

Но, несмотря на посланныя мною роты и просьбу не безпокоиться о правомъ флангѣ, Третьяковъ по-прежнему продолжалъ бомбардировать тревожными донесеніями. Наконецъ, я получаю отъ него донесеніе, въ которомъ онъ ко всѣмъ словеснымъ ужасамъ прибавляетъ, что у людей нѣтъ патроновъ и что патронный складъ взорванъ.—Вотъ это донесеніе, въ которомъ кромѣ ужасовъ онъ знакомитъ меня съ дѣйствительностью, т. е. что у него нѣтъ патроновъ, а также соображенія еще болѣе важнаго свойства заставили меня идти на позицію къ Третьякову, чтобъ лично удостовѣриться въ чемъ дѣло.—Я попросилъ къ себѣ командира 14-го полка и сказалъ ему: полковникъ Третьяковъ доноситъ, что патронный складъ взорванъ, потому пошлите къ нему 8 двуколокъ и назначьте двѣ роты въ его личное распоряженіе. Я самъ ѣду на гору, ротамъ слѣдовать поотдаль отъ меня.

Когда роты вытянулись, я поѣхалъ. Я ужъ началъ подыматься въ гору, какъ меня нагоняетъ полковникъ Савицкій и докладываетъ: „двухъ лошадей изъ подъ двуколокъ убили“.

— Ну, что жъ изъ того, прикажите везти ихъ на людяхъ.

— Да всѣхъ лошадей перебьютъ.

— Ну, пусть и всѣ двуколки везутъ люди.

— Да Третьяковъ вретъ, складъ не взорванъ, онъ цѣлъ. При этомъ проситъ меня удостовѣриться въ томъ лично.

Я прошелъ нѣсколько назадъ, но, увидѣвъ складъ и около него людей, остановился и спросилъ: что вамъ надо отъ меня?

— Да, позвольте двуколки отправить назадъ.

— Ну, отправляйте.

Полковникъ Третьяковъ на стр. 80 пишетъ: загорѣлся складъ патроновъ, что былъ у батар. № 10, и что полковникъ Савицкій видѣлъ складъ продуктовъ, а не патроновъ. Я полагаю, что если пол-

ковникъ Третьяковъ утверждаетъ это, то только потому, что онъ никогда не видѣлъ, какъ горятъ склады. Патроны въ гильзахъ не взрываются такъ, какъ прежніе патроны; они горятъ слоями, при чемъ каждый патронъ взлетаетъ, лопается. Горящій складъ представляетъ изъ себя фейерверочный буракъ, его не скроешь.

Наконецъ, складомъ патроновъ около бат. № 10 нельзя было пользоваться, а охотники 13 и 14 полковъ получали все время патроны. Да есть еще въ живыхъ офицеры, которые выдавали патроны изъ указаннаго Савицкимъ склада.

Поднявшись и выйдя на шоссе, я шелъ медленно, съ оглядкою, разсматривая батареи, нами покинутыя, и разыскивая расположеніе батарей и цѣпей противника. Такъ дошелъ я до батар. № 10, далѣе идти не рѣшился. Далѣе дорога шла по совершенно открытой мѣстности, ближайшіе окопы были отъ меня шагахъ въ 400. Я присѣлъ на уступчикъ скалы.

Тутъ могъ убѣдиться, что противникъ ведетъ разумно огонь.

Онъ не обсыпаетъ огнемъ всю гору, какъ казалось издали, а подавивъ артиллерію, онъ направилъ весь огонь на окопы и отчасти на овраги. Какъ я ни старался разсмотрѣть нижніе окопы, но этого мнѣ не удалось,—ихъ видѣть нельзя было. Вся площадь, занимаемая нашими окопами, была подъ ужаснымъ огнемъ, ничего подобнаго я себѣ и представить не могъ и подъ такимъ впечатлѣніемъ послалъ къ генералу Стесселю слѣдующую телеграмму:

(Записная книжка штаба 4-й дивизіи отъ 13 мая 3 ч. дня). „Сейчасъ нахожусь на позиціи; осматривалъ оставленныя батареи, онѣ буквально засыпаны снарядами, артиллерія исполнила свой долгъ. Непріятель направилъ свой артиллерійскій и ружейный огонь на сѣверный фронтъ; какъ стрѣлки держатся, не могу себѣ и представить, но держатся молодцами“.

Изъ этихъ строкъ можно видѣть, что я больше довѣрялъ донесеніямъ Третьякова, чѣмъ собственнымъ глазамъ. Могъ ли я допустить, что полковникъ Третьяковъ, который доносилъ о самомъ пустомъ передвиженіи противника, могъ умолчать, что 6-я рота наша оставила передовые окопы, о чемъ ротный ему донесъ; что и 5-я рота оставила окопы, о чемъ онъ узналъ отъ стрѣлковъ этой роты и т. д.

Далѣе пишу: „всѣ орудія молчатъ, почему еще день на этой позиціи 5-й полкъ держаться не можетъ; остается одно—вывести весь отрядъ и атаковать въ рукопашную, такъ какъ наша артиллерія въ настоящее время не можетъ оказывать содѣйствія фронту сѣверному, или воспользоваться ночью и отступить“.

Выраженіе: „почему еще день держаться не можетъ“,—свидѣтельствуетъ, что я считалъ возможнымъ держаться не только этотъ день, но и захватить слѣдующій.

Нѣкоторые находятъ, что это донесеніе пессимистическое, я нахожу, что нѣтъ, а скорѣе оптимистическое, такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что окопы нами оставлены.

Но если бы и всѣ окопы были нами заняты, то все-таки я не имѣлъ бы права думать, а тѣмъ болѣе доносить, что мы на сѣверномъ фронтѣ можемъ держаться годы. Фронтъ этотъ былъ совершенно изолированъ, сплошной траншеи не было и которая при томъ была бы соединена съ траншеею центра позиціи, откуда подходили бы къ ней подкрѣпленія: людьми—снарядами, пищею; сѣти были не сплошныя, мины не были заложены, онѣ просто, открыто валялись; мѣстность впереди фронта была въ высшей степени пересѣченная.

Когда я находился у бат. № 10, полковникъ Третьяковъ ко мнѣ не явился. Причину этого онъ объясняетъ различно. Такъ въ показаніяхъ въ комиссіи ген. Роппа онъ говоритъ, что онъ въ это время гулялъ со штабными по батар. № 13, но когда ему показали, что изъ его же письма къ начальнику штаба видно, что въ это время былъ такой огонь, что гулять по батареѣ не приходилось, онъ въ своей статьѣ, 5-й полкъ, на стр. 79 В. Сб. говоритъ, что онъ меня видѣлъ, когда я шелъ съ адъютант. къ бат. № 10, и что онъ въ это время былъ у нижней траншеи, куда спустился къ артиллеристамъ. Часы не сходятся: Третьяковъ могъ быть съ артиллеристами часовъ въ 11 утра, когда я еще не прибылъ на ст. Тафашинъ, а когда я туда прибылъ, то засталъ уже тамъ артиллеристовъ. Я же былъ у бат. № 10 въ три часа дня. Въ обоихъ случаяхъ онъ говоритъ, что хотѣлъ подойти ко мнѣ, но я куда-то скрылся.

Скрыться отъ пол. Третьякова мнѣ было невозможно, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ былъ у нижней траншеи. Пол. Третьяковъ говоритъ, что я шелъ съ адъютантомъ. Я шелъ съ тремя или четырьмя офицерами и со всѣми охотниками, за мной шли двѣ роты съ двуколками. Будь онъ тутъ, пол. Савицкій его нашелъ бы и не выпустилъ бы. Полк. Савицкій захотѣлъ меня найти и нашелъ, хотя былъ на Тафашинскихъ высотахъ.

Но положимъ полк. Третьяковъ былъ на бат. № 13, и то скрыться мнѣ отъ него было трудно. Чтобъ попасть къ бат. № 10-й, мнѣ надо было выйти на шоссе невдалекѣ отъ бат. № 13, гдѣ былъ п. Третьяковъ, и затѣмъ идти 400 с. къ противнику, то какъ же онъ не могъ перехватить меня хоть на обратномъ пути. На позиціи я пробылъ 40 минутъ, значитъ, болѣе чѣмъ полчаса. Грѣшный

человѣкъ, думаю, что пол. Третьяковъ не явился потому, что боялся проговориться объ истинномъ положеніи дѣла, полагая, что японецъ просмотритъ, а на худой конецъ тайна потонетъ въ крови.

Въ которомъ часу я оставилъ гору Наншанъ, не знаю, но помню, что начался приливъ и канонерки начали покачиваться; въ 4½ ч. я возвратился на ст. Тафашинъ, а въ 5 ч. 15 м. послалъ ген. Стесселю слѣдующую телеграмму:

„На позиціи всѣ орудія подбиты, при нихъ нѣтъ ни одного артиллериста, всѣ ложементы въ нашихъ рукахъ; японцы продолжаютъ ихъ обстрѣливать; жду отвѣта на мою телеграмму".

Я и въ этой телеграммѣ со словъ пол. Третьякова пишу,— окопы въ нашихъ рукахъ. Въ 5 ч. 30 м. получаю отъ Третьякова донесеніе.

Позиція окружена сплошнымъ кольцомъ орудій. . . . подходятъ горныя батареи; резервы передвинулись ближе. . . . *Наши стоятъ на мѣстахъ.*

Это донесеніе дословно телеграфировалъ ген. Стесселю.

Телегр. кап. Одинцова ген. Стесселю отъ 5 ч. веч. 13 мая. „На Известковой горѣ и вездѣ орудія подбиты".

Имѣя въ виду произвести ночью, во время отлива, нападеніе съ охотниками 14-го и 15-го полковъ на лѣвый флангъ японцевъ, которое могло быть поддержано 15-мъ полкомъ, я попросилъ къ себѣ полк. Савицкаго и сказалъ: „ваши охотники во время отлива перейдутъ заливъ и атакуютъ японцевъ, охотники 15 полка пойдутъ за ними, а тамъ можетъ-быть и весь 15-й полкъ. Прикажите собраться начальникамъ охотничьихъ командъ". Затѣмъ пошелъ къ охотникамъ 15-го полка и передалъ имъ, что они ночью атакуютъ японцевъ, и спросилъ: „обѣдали ли они"? Нѣтъ, отвѣчали мнѣ. Приказалъ вести ихъ накормить.

Вернувшись на станцію, я въ ожиданіи сбора начальниковъ охотничьихъ командъ ходилъ по платформѣ. Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ поручикъ 5-го полка Глѣбъ-Кошанскій и со слезами на глазахъ говоритъ:—„Рота кап. Фофанова оставила окопы, японцы вошли на позицію и полкъ отступаетъ",—указывая рукою на гору. Тутъ только я и всѣ окружающіе замѣтили, что весь скатъ, обращенный къ намъ, покрытъ отступающими. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ записку, но я ее не взялъ, а просилъ передать ординарцу. И при этомъ сказалъ ему: „поѣзжайте къ ком. полка и скажите, чтобъ велъ полкъ прямо въ Артуръ, не задерживаясь".

Я со времени турецкой войны знаю, какъ вредно имѣть въ

отрядѣ потрясенную часть. Ген. Стессель распорядился не пускать полкъ въ городъ [1]).

Какъ только увидали, что 5-й полкъ отступаетъ, то тотчасъ отъ всѣхъ частей присланы были ко мнѣ ординарцы, которымъ я отдавалъ лично, на словахъ, приказанія о порядкѣ отступленія.

Несмотря на то, что приказанія отдавались, такъ сказать, на вѣтру, никакихъ недоразумѣній не было, никто и ничего не переспрашивалъ, полки, раскинутые по всему громадному полю, находили сами свое мѣсто въ колоннѣ. Даже каждая батарея нашла свой полкъ, хотя батареи были во время боя далеко отъ пѣхоты. Отступленіе было не простое, а перекатное и ночью. Диспозиція объ отступленіи была написана, ради порядка, нѣсколько дней спустя,— на что ген. Ирманъ жаловался въ комиссіи ген. Роппа.

Въ своемъ показаніи пол. Третьяковъ на стр, 86 пишетъ: . . . . поручикъ Музалевскій самъ видѣлъ и слышалъ, какъ ген. Фокъ отдалъ приказаніе отступать присланному ординарцу, поручику Глѣбу-Кошанскому, который съ охотникомъ на вороной лошади полетѣлъ назадъ исполнять приказаніе генерала.

Стр. 87-я В. Сб. № 2. „Пор. Глѣбъ-Кошанскій поскакалъ съ донесеніемъ къ ген. Фоку въ то время, когда я спустился съ бат. № 13-и и сѣлъ на лошадь. Поэтому охотникъ на вороной лошади дѣйствительно могъ доскакать на позицію и передать приказаніе прежде, чѣмъ я остановилъ отступающихъ охотниковъ“.

Чтобъ понять, что этимъ хочетъ сказать ген. Третьяковъ, надо знать, что онъ тотчасъ послѣ боя, какъ только узналъ, что я хочу предать суду командира 5-й роты, распустилъ слухъ, при содѣйствіи капит. Одинцова, что первыми начали отступать охотники 13 и 14 полковъ, а весь полкъ началъ отступать по приказанію ген. Фокъ, который послалъ это приказаніе съ офицеромъ своего штаба, съ коимъ былъ охотникъ на вороной лошади; этотъ офицеръ передалъ это приказаніе, минуя полковника Третьякова, прямо нижнимъ чинамъ.

Всѣ ему повѣрили и своими показаніями ввели въ заблужденіе слѣдственную комиссію. Только на судѣ выяснилось, что я приказанія объ отступленіи не отдавалъ, а только примирился съ отступленіемъ, когда получилъ о томъ донесеніе пол. Третьякова, переданное

---

[1]) Въ сочиненіи Шварца и Романовскаго на стр. 246 помѣщено содержаніе означеннаго выше донесенія Третьякова, привезеннаго Глѣбомъ-Кошанскимъ. „Непріятель сбилъ нашъ лѣвый флангъ, который почти побѣжалъ; я бросился его перехватывать и теперь устраиваю на позиціи“. Время не отмѣчено. Получено около 6 ч. 40 м.

чрезъ поручика Глѣба-Кошанскаго, съ которымъ былъ охотникъ на ворономъ конѣ. Полк. Третьякову пришлось сознаться, но не столько потому, что выяснилось, что ни одного изъ штабныхъ офицеровъ я не посылалъ и что ни одного охотника у меня не было убито, а главное потому, что въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи находится его донесеніе, присланное съ Глѣбъ-Кошанскимъ.

Теперь онъ все-таки продолжаетъ утверждать, что отступленіе началось по моему же приказанію, когда онъ еще не успѣлъ остановить охотниковъ, но только переданное мною не чрезъ моего штабнаго офицера, а чрезъ присланнаго имъ ко мнѣ поруч. Глѣба-Кошанскаго. Это не оправданіе. Ген. Третьяковъ, посылая съ такимъ важнымъ донесеніемъ, долженъ былъ сказать, куда тотъ долженъ былъ привезти отвѣтъ. По словамъ ген. Третьякова, онъ послалъ Глѣба-Кошанскаго, когда былъ внизу у бараковъ при резервѣ, и затѣмъ только, отправивши его, сѣлъ на лошадь и погнался за охотниками.

Глѣбъ-Кошанскій вернулся на то мѣсто, откуда былъ посланъ, но, не найдя тамъ пол. Третьякова, передалъ мое приказаніе, вести полкъ прямо въ Артуръ, находившимся тутъ офицерамъ, а охотника можетъ быть и послалъ на гору. Слѣдовательно, если бы пол. Третьяковъ не оставилъ бы свой постъ, редутъ № 13, или, по крайней мѣрѣ, остался бы въ чертѣ позиціи, хоть бы и внизу у своего барака, гдѣ стоялъ резервъ, то этого бы не случилось. Мнѣ не приходилось отдавать приказаніе объ отступленіи уже по тому одному, что самъ полк. Третьяковъ доноситъ мнѣ, что лѣвый флангъ почти бѣжитъ, и посланный, вручая мнѣ донесеніе, въ то же время указалъ рукою на гору, покрытую отходившими стрѣлками, слѣдовательно, я могъ только санкціонировать отступленіе, что я и сдѣлалъ.

Посмотримъ теперь, что происходило на позиціи послѣ того, какъ я ее оставилъ въ четвертомъ часу.

Я пришелъ во время отлива, но уже при мнѣ начался приливъ и канонерки начали покачиваться. Какъ только онѣ поднялись, онѣ открыли огонь, а за ними и сухопутныя батареи непріятеля усилили огонь. Резервы ихъ подтянулись къ цѣпи, а противъ сѣвернаго фронта цѣпь подошла на 400 ш.

Отъ подполковника Бѣлозера пришла просьба о подкрѣпленіи. Полковникъ Третьяковъ послалъ ему $^1/_2$ роты 7-й роты 14-го полка. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ самъ полковникъ Третьяковъ на стр. 83-й В.-С. № 2.—Хотя я теперь не видѣлъ наступленія на его участокъ, но въ виду настоятельности этой просьбы и чтобы быть совершенно спокойнымъ за правый флангъ (дер. Медетенъ), я рѣшилъ послать $^1/_2$ роты 14-го полка.

Полковникъ Третьяковъ, какъ видно, расходуетъ послѣдній резервъ, который я не приказалъ сажать въ окопы, а употребить только для возстановленія боя. При этомъ онъ, какъ-бы оправдывая себя, говоритъ: „чтобъ быть спокойнымъ за правый флангъ".— Онъ опасается именно за тотъ флангъ, который блестяще отбилъ атаку и передъ которымъ валялось 18 орудій, брошенныхъ прислугою; наконецъ за тотъ флангъ, о которомъ я просилъ его не безпокоиться.

Записка полковнику Третьякову отъ генерала Фока отъ 2 ч. 35 м. дня. „За правый флангъ не бойтесь (стоятъ два полка). Смотрите за лѣвымъ флангомъ, гдѣ можетъ рѣшиться все дѣло".

Наконецъ, что общаго между д. Медетенъ и люнетомъ № 3, куда была послана полурота. —Но что совсѣмъ непростительно,—расходуя резервы не для той цѣли, которая ему указана, онъ не доноситъ мнѣ объ томъ. Если это допустить, то этимъ самымъ начальникъ будетъ лишенъ возможности руководить боемъ.—Полковникъ Третьяковъ видно этого не сознаетъ еще и теперь, иначе молчалъ бы.

Посмотримъ, что дѣлали японцы противъ сѣвернаго фронта.— Мы видѣли, что японцы неоднократно ходили въ атаку на нашъ центръ (люнеты 3 и 4) и крайній лѣвый флангъ (окопы охот. ком. 13-го, 14-го п.), но безуспѣшно. Но окопы, расположенные на сѣверномъ скатѣ Наншана (5-я рота, правѣе ея между оврагами сборныя части 9 и 10 и охот.), они оставляли въ покоѣ, хотя послѣ того, какъ наша артиллерія замолчала, имъ здѣсь было вольготно, такъ какъ гора Наншанъ укрывала ихъ отъ огня Тафашинскихъ батарей; а наши окопы были относительно высоки, а потому огонь ихъ при учебной обстановкѣ былъ не важный, а при боевой сводился къ нулю. Такую скромность я объясняю тѣмъ, что передъ этимъ фронтомъ валялись незарытыя мины. Японцы могли объяснить это тѣмъ, что былъ избытокъ минъ и что не было мѣста, гдѣ ихъ зарывать, что̀ давало имъ право быть осторожными.—Когда же цѣпь ихъ подошла на 400 м., они могли разглядѣть, что мины совершенно безвредны, а такъ какъ, при этомъ, и проволочное загражденіе оказалось не сплошное, то имъ легко было забраться въ овраги, по которымъ они могли распространиться по всей позиціи, а затѣмъ, по приказанію, одновременно броситься оттуда:—тѣ, которые были въ лѣвомъ оврагѣ, должны были, выйдя въ тылъ редута № 8, броситься на него, а затѣмъ на Бѣлозера, а тѣ, которые въ правомъ оврагѣ, раздѣлиться, однимъ броситься на пустой окопъ 5-й роты, а другой части на бат. № 10 [1]).

---

[1]) Такая оплошность съ минами вышла отъ недоразумѣній, происхо-

Подполковникъ Бѣлозеръ ничего не подозрѣвалъ. Онъ зналъ, что его оберегаетъ съ тыла редутъ № 8, а полковникъ Третьяковъ ни словомъ не обмолвился, что у него въ тылу не все благополучно, и велъ съ нимъ посторонніе разговоры; такъ, еще за нѣсколько минутъ до рокового часа онъ послалъ ему поздравленіе генерала Кондратенко съ отбитіями атакъ и приказалъ по этому случаю кричать „ура!“. Подполковникъ Бѣлозеръ, убаюканный полковникомъ Третьяковымъ, отдалъ приказаніе приготовиться пить чай, для чего принести въ траншею кубы. Въ это самое время японцы бросились изъ оврага, захватили редутъ № 8 и оттуда стали разстрѣливать находившихся въ нижней траншеѣ. Того только и ждала японская цѣпь, что была противъ траншеи.—Наши, принятые съ двухъ сторонъ, были всѣ перебиты. Въ плѣнъ было взято нѣсколько человѣкъ раненыхъ и только тѣхъ раненыхъ, которые очнулись на другой день, когда уже собирались хоронить ихъ.

А. В. Фокъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

дившихъ между полковникомъ Третьяковымъ и подполковникомъ Жеребцовымъ, командиромъ саперной роты: одни винятъ одного, другіе другого.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Приложенія:

Факсимиле рукописи Ѳ. Г. Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши (при 1-й книгѣ).

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ (при 3-й книгѣ),
б) Поле сраженія при Кушкѣ (тамъ же)
в) Карта земельныхъ пріобрѣтеній въ Закаспійской области (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 3-й, 1909 г. (на обертке январьской книги).

2. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909.—В. Я. (тамъ же).

3. А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. Біографическій очеркъ. Вильна, 1909 (тамъ же).

4. Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г. (тамъ же).

5. Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909 г. (на обертке февральской книги).

6. Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909 (тамъ же).

7. М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910 (тамъ же).

8. Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ А. А. Корниловъ. Спб. 1909 (тамъ же).

9. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлипа. Московское книгоиздательство „Образованіе". Выпускъ I—III. М. 1909—1910 г. (тамъ же).

10. Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909 (тамъ же).

11. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на обертке мартовской книги).

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415337